Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Университет прокуратуры Российской Федерации»

На правах рукописи

БОКОВ Дмитрий Константинович

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ИНФРАСТРУКТУРУ ТЕРРОРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации
Мацкевич Игорь Михайлович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ……. 4

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИНФРАСТРУКТУРУ ТЕРРОРИЗМА …….. 30

Глава 1. Понятие, сущность и элементы инфраструктуры терроризма …… 30

1.1. Инфраструктура терроризма: понятие и сущность …….. 30

1.2. Основные элементы инфраструктуры современного терроризма ….. 55

Глава 2. Стратегия и теоретические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма ……... 92

2.1. «Превентивный поворот» в стратегии уголовно-правового противодействия терроризму …….. 92

2.2. Теоретические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма 111

Глава 3. Инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма 137

3.1. Институт соучастия в преступлении и нормы об ответственности за соучастие sui generis как инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма 137

3.2. Институт неоконченного преступления и самостоятельные нормы об ответственности за приготовительную деятельность как инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма 180

РАЗДЕЛ 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИНФРАСТРУКТУРУ ТЕРРОРИЗМА … 208

Глава 1. Уголовно-правовое воздействие на кадровую и идеологическую инфраструктуру терроризма ……. 208

1.1. Уголовно-правовое противодействие деяниям, побуждающим к совершению преступлений террористического характера 208

1.2. Уголовная ответственность за публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма …….. 244

1.3. Террористическая агитация в сети «Интернет»: проблемы уголовно-правовой оценки …….. 270

1.4. Уголовная ответственность за подготовку лица и прохождение обучения в целях совершения террористических преступлений ……. 282

Глава 2. Уголовно-правовое воздействие на организационно-управленческую инфраструктуру терроризма …….. 305

2.1. Законодательная дифференциация преступных групп, нацеленных на совершение преступлений террористического характера: критический анализ …….. 305

2.2. Уголовная ответственность за создание террористического объединения и руководство им …….. 335

2.3. Уголовная ответственность за участие в террористическом объединении …… 364

Глава 3. Уголовно-правовое воздействие на материально-техническую и информационную инфраструктуру терроризма …… 383

3.1. Уголовная ответственность за вооружение лица в целях совершения преступлений террористического характера …… 383

3.2. Уголовная ответственность за финансирование и материально-техническое обеспечение терроризма …… 394

3.3. Уголовная ответственность за программное и аппаратное обеспечение терроризма в условиях цифровизации …… 413

Заключение …… 423

Список литературы …… 438

Приложение ……..... 491

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется социальной потребностью в разработке новых и повышении эффективности имеющихся уголовно-правовых инструментов противодействия терроризму.

Современная контртеррористическая стратегия, реализуемая на международном и национальных уровнях, имеет выраженную превентивную направленность – она нацелена на разрушение кадровой, идеологической, организационно-управленческой, материально-технической и информационной инфраструктуры терроризма, в том числе за счет использования уголовной репрессии в отношении лиц, умышленно создающих условия и возможности для осуществления террористических нападений (вербовщиков, поставщиков вооружения, инструкторов, спонсоров, пропагандистов и т.п.).

Превентивная стратегия уголовно-правового противодействия терроризму потребовала перенастройки механизма уголовно-правового воздействия: вектор уголовно-правовой репрессии сместился в сторону ненасильственных деяний, детерминирующих террористические атаки (террористическая агитация, финансирование терроризма, вербовка, вооружение, подготовка, прохождение обучения в террористических целях и т.п.); уголовно-правовое воздействие переориентировано на ранние и сверхранние стадии террористической деятельности, следствием чего стала криминализация так называемых «пред-преступлений»; сконструированы новые нормативные основания уголовной ответственности для лиц, причастных к террористическим преступлениям (предписания об ответственности за соучастие sui generis, специализированные нормы об ответственности за приготовительную деятельность); расширен перечень уголовно наказуемых проявлений прикосновенности к преступлению (в частности, за счет криминализации публичного оправдания терроризма).

Однако, судя по всему, превентивная перенастройка механизма уголовно-правового воздействия для целей борьбы с терроризмом и его инфраструктурой не может считаться в полной мере завершенной. Его эффективность пока далека от оптимальных параметров, о чем сигнализируют: технико-юридические дефекты (несогласованность уголовно-правовых инструментов воздействия на инфраструктуру терроризма, их неоправданное дублирование и др.); противоречивость правоприменительных подходов к уголовно-правовой оценке деяний, образующих инфраструктуру терроризма; отступления от принципов уголовного права при конструировании и применении ст. 205^{1}–205^{5}, 208 УК РФ (мультипликация ответственности за одно и то же преступное деяние, возврат к теории «опасного состояния» при квалификации участия в террористических объединениях и др.); грубые нарушения канонов дифференциации уголовной ответственности (сверхпенализация приготовительных террористических деяний, уравнивание пределов ответственности за содействие террористическим преступлениям разных категорий тяжести и др.). Причем все эти проблемы, как представляется, связаны с тем, что превентивный уголовно-правовой инструментарий, предназначенный для воздействия на инфраструктуру терроризма (кадровую, идеологическую, материально-техническую и др.), разрабатывался и внедрялся без должного теоретического обоснования, в отсутствие четкого представления о его функциональном назначении, без учета внутриотраслевых связей с базовыми институтами уголовного права.

На этом фоне становится очевидной необходимость разработки научной концепции, способной служить теоретической основой для оптимизации существующих и разработки новых инструментов уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма с учетом потребностей контртеррористической деятельности и позволяющей органично имплементировать специализированные антитеррористические нормы в существующее нормативно-правовое поле, согласовать их содержание и практику применения с принципами и традиционными институтами уголовного права.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования нельзя признать достаточной. Отечественная юридическая библиография насчитывает немало научных работ, посвященных вопросам уголовной ответственности за деяния, образующие инфраструктуру терроризма, и проблемам их предупреждения. Так, например, содействие террористической деятельности (ст. 205^1 УК РФ) и отдельные его проявления становились предметом уголовно-правовых и криминологических монографических исследований свыше десяти раз (диссертации А.О. Андриановой, С.Ю. Богомолова, П.А. Глущенко, И.Е. Елизарова, О.И. Кошевого, В.В. Кустовой, Д.Д. Магомедова, В.В. Палий, А.В. Серебрякова, В.В. Ульяновой, А.М. Факова; монографии П.В. Агапова, А.А. Докуева и др.); уголовно-правовому анализу проявлений террористической агитации (ст. 205^2 УК РФ) посвящены три диссертации (А.А. Балашова, О.В. Костылевой, З.А. Шибзухова), при этом количество научных статей по этой проблематике перевалило за сотню; детально изучены проблемы ответственности за создание террористических объединений, предусмотренных ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ, и участие в них (диссертации Б.Ш. Бейбулатова, Т.А. Бекботовой, А.В. Дмитренко, А.В. Павлинова, Р.В. Поличного, М.В. Сипки, И.О. Смирнова, Ф.А. Узбекова; монографии П.В. Агапова, А.Н. Мондохонова, А.Г. Хлебушкина и др.). Нельзя не упомянуть и работы обобщающего характера, в которых представлены результаты комплексного анализа деяний, образующих инфраструктуру терроризма (диссертации С.М. Ивлиева, И.В. Шевченко, А.С. Шуйского; монография С.М. Кочои).

При этом большинство имеющихся к настоящему моменту научных исследований выполнено преимущественно в аналитическом ключе с акцентом на технико-юридическом совершенствовании уголовного закона, разрешении проблем правоприменительной практики и профилактической деятельности. Признавая безусловную ценность этих работ, обогативших уголовно-правовую и криминологическую доктрину, нельзя не отметить дефицит исследований, нацеленных на системное познание закономерностей и противоречий уго-

ловно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма, их интегративное осмысление. В результате в отечественной уголовно-правовой науке не получили должного рассмотрения теоретико-методологические и стратегические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма, социально-правовые и криминологические предпосылки конструирования специализированных антитеррористических норм в Особенной части УК РФ, их функциональное назначение и соотношение с предписаниями институтов соучастия в преступлении и неоконченного преступления. Более того, не разработан адекватный терминологический аппарат, позволяющий разграничить насильственные террористические нападения (террористические акты) и ненасильственные террористические деяния, продуцирующие террористические атаки.

Отмеченные пробелы в научном знании служат препятствием для разработки концепции уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма, а потому требуют восполнения, что дополнительно подтверждает потребность в проведении нашего диссертационного исследования.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является разработка теоретической концепции уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма.

Обозначенная цель предопределила постановку следующих **исследовательских задач**:

– обосновать целесообразность использования концепта «инфраструктура» в рамках уголовно-правовых и криминологических исследований терроризма, установить сущность инфраструктуры терроризма и сформулировать ее понятие;

– с позиции структурно-функционального подхода определить основные элементы инфраструктуры современного терроризма, установить закономерности ее развития;

– показать предпосылки «превентивного поворота» в стратегии уголовно-правового противодействия терроризму, определить его основные векторы, уголовно-политические и уголовно-правовые последствия;

– оценить влияние зарубежных и отечественных уголовно-правовых теорий, концепций и идей на превентивную стратегию уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма;

– проанализировать инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма (институт соучастия в преступлении и нормы об ответственности за соучастие sui generis, институт неоконченного преступления и самостоятельные нормы об ответственности за приготовительную деятельность), оценить их достоинства и недостатки;

– изучить основные направления уголовно-правового воздействия на кадровую и идеологическую инфраструктуру терроризма, сформулировать предложения по оптимизации в этих целях релевантного уголовно-правового инструментария;

– выявить актуальные проблемы уголовно-правового воздействия на организационно-управленческую инфраструктуру терроризма и обосновать возможные варианты их разрешения;

– определить направления оптимизации уголовно-правового воздействия на материально-техническую и информационную инфраструктуру терроризма;

– в порядке de lege ferenda спроектировать нормативную модель специализированных уголовно-правовых предписаний, предназначенных для противодействия инфраструктуре терроризма.

Объектом диссертационного исследования выступили общественные отношения, возникающие в рамках уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма.

Предметом диссертационного исследования стали: инфраструктура терроризма, ее сущность, функции, структурное строение; стратегия, теоретические основы, инструменты и основные направления уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма.

Нормативную базу диссертационного исследования составили Конституция Российской Федерации, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, УК РФ, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и принятые на его основе подзаконные нормативные правовые акты, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В работе исследованы международные стандарты противодействия терроризму, зафиксированные в универсальных и региональных международных договорах, резолюциях Совета Безопасности ООН.

В рамках сравнительно-правового анализа предмета исследования изучено уголовное законодательство ряда зарубежных стран (в частности, Беларуси, Великобритании, Испании, Италии, Казахстана, КНР, Нидерландов, США, Франции, ФРГ).

В основу диссертационного исследования положена обширная **эмпирическая база**:

– справочно-аналитические и рекомендательные материалы по вопросам противодействия терроризму, подготовленные международными контртеррористическими структурами (11 документов);

– сведения, отраженные в докладах Генерального секретаря ООН по контртеррористической тематике (4 доклада);

– данные, полученные автором на основании изучения обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за период с 1997 по 2025 г.;

– результаты проведенного соискателем в 2023–2026 гг. обобщения судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205, 205^{1}–205^{5}, 208, 209 УК РФ (изучено свыше 500 итоговых судебных решений);

– данные проведенного в 2025–2026 гг. анкетирования по вопросам уголовно-правового противодействия терроризму, в рамках которого опрошено 56 научно-педагогических работников и 135 практикующих юристов, в том числе: 78 судей и 45 прокуроров (19 респондентов имеют ученую степень доктора юридических наук, 37 – ученую степень кандидата юридических наук);

– результаты анализа массива статистических данных о зарегистрированных преступлениях, предусмотренных ст. 205, 205^{1}–205^{5}, 208, 209 УК РФ, и лицах, осужденных за их совершение, за период с 1997 по 2025 г.;

– выводы, сделанные диссертантом на основании эмпирических исследований, проведенных международными исследовательскими группами, зарубежными и отечественными учеными по контртеррористической тематике, а также по проблемам психологии вербального воздействия.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили:

– научные положения и концепции, образующие теоретико-методологическую платформу уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма (теории раннего предупреждения преступности и ситуационного предупреждения преступлений, учение об уголовно-правовых нормах с двойной превенцией, экономический подход к предупреждению преступности и др.), разработанные и развитые в публикациях отечественных (М.М. Бабаев, О.Н. Бибик, А.Э. Жалинский, И.М. Мацкевич, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкин, Г.М. Миньковский, Э.Ю. Чуклина) и зарубежных (Э.А. Саркисова, G. Becker, A. Cornford, R. Clarke и др.) ученых;

– основные достижения отечественной уголовно-правовой доктрины в части учения о преступлении, теории дифференциации уголовной ответственности, теории квалификации преступлений, представленные в работах А.В. Иванчина, И.Э. Звечаровского, М.И. Ковалева, В.Н. Кудрявцева, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумова, К.В. Ображиева, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, А.И. Чучаева, П.С. Яни и др.;

– результаты уголовно-правовых и криминологических исследований преступлений террористического характера, изложенные в научных произведениях П.В. Агапова, А.А. Докуева, О.В. Костылевой, В.В. Красинского, Р.С. Кочои, С.М. Кочои, В.В. Кустовой, В.В. Меркурьева, В.И. Михайлова, А.Н. Мондохонова, А.В. Павлинова, В.В. Палий, А.В. Серебрякова, О.Н. Тисен, В.В. Ульяновой, А.М. Факова, А.Г. Хлебушкина, З.А. Шибзухова, А.С. Шуйского и др.;

– научные труды в сфере сравнительного правоведения, подготовленные А.Л. Гуринской, Г.А. Есаковым, И.Д. Козочкиным, Н.Е. Крыловой, Н.И. Пикуровым, А.В. Серебренниковой и др.;

– научные разработки в области методологии научных исследований, истории государства и права, теории, философии и методологии права, конституционного права, социологии, психологии, лингвистики, относящиеся к объекту и предмету исследования.

Методологическую основу диссертации образуют: общенаучные (универсальные) методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация, описание, моделирование, методология системного подхода) и частнонаучные методы, характерные для юридических исследований (историко-правовой, сравнительно-правовой, социологический, методы грамматического, системного, телеологического толкования нормативных предписаний).

Совокупность избранных методов исследования позволила реализовать требования объективности, всесторонности, системности научного познания инфраструктуры терроризма и закономерностей уголовно-правового воздействия на нее.

Научная новизна диссертации заключается в разработке концепции уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма, которая включает: социально-правовое обоснование концепта «инфраструктура терроризма», его гносеологического значения и объяснительного потенциала; поло-

жения и выводы, отражающие функциональную связь терроризма и его инфраструктуры, а также результаты структурно-функционального анализа элементов террористической инфраструктуры; теоретические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма; научно обоснованные предложения по оптимизации его инструментария; уточненную уголовно-правовую характеристику деяний, образующих инфраструктуру терроризма, а также теоретические рекомендации по их квалификации; обоснование перспективных направлений совершенствования уголовного законодательства в части противодействия терроризму и его инфраструктуре.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Терроризм как сложный системный объект имеет развитую инфраструктуру, под которой предложено понимать умышленные общественно опасные деяния, направленные на формирование и развитие идеологической основы, кадрового резерва, организационно-управленческих структур, материально-технической и информационной базы терроризма.

Концепция инфраструктуры, базирующаяся на постулатах системного подхода, обладает значительным гносеологическим потенциалом и может быть продуктивно использована в рамках исследования феноменологии терроризма. В частности, она позволяет: подчеркнуть, что терроризм как сложный системный объект не может существовать в отрыве от его идеологической, кадровой, информационной, материально-технической, организационно-управленческой инфраструктуры; показать тесную функциональную связь терроризма и его инфраструктуры; продемонстрировать объективно существующее различие между ненасильственными общественно опасными деяниями, формирующими идеологическую, кадровую, информационную, ресурсную основу терроризма, и собственно терроризмом, сущность которого заключается в насилии; углубить существующие представления о причинном комплексе терроризма, разграничить внутри него политические и социально-экономические факторы, способствующие радикализации и распространению

терроризма, и целенаправленные деяния, которые детерминируют террористическую активность и выступают тем самым в качестве инфраструктуры терроризма; создать основу для классификации и систематизации преступлений террористической направленности.

2. Выполняя обеспечительные функции по отношению к терроризму (основной системе), его инфраструктура сама по себе представляет системное образование (подсистему). Ее основными элементами выступают: а) действия, направленные на воспроизводство кадров для террористических преступлений, их подготовку, террористическую агитацию (кадровая и идеологическая инфраструктура); б) деяния, обеспечивающие финансирование, вооружение и иное материально-техническое снабжение субъектов террористической деятельности (материально-техническая инфраструктура); в) действия, направленные на создание преступных объединений террористического характера, руководство ими, участие в их деятельности (организационно-управленческая инфраструктура); г) деяния, направленные на создание и развитие технологий и построенных на их основе цифровых продуктов, обеспечивающих вычислительные, телекоммуникационные и сетевые мощности для осуществления террористической деятельности (цифровая инфраструктура).

Элементы террористской инфраструктуры имеют двойной функционал: во-первых, они детерминируют совершение насильственных террористических преступлений, обслуживая тем самым основную систему (терроризм); во-вторых, каждый из них выполняет внутренние функции – способствует эффективной работе других элементов, обеспечивая мобилизацию инфраструктуры терроризма как подсистемы. С учетом высокой степени интеграции элементов инфраструктуры терроризма, концентрация контртеррористических усилий лишь на одном из них малопродуктивна. Здесь нужен иной – комплексный – подход, предполагающий системное воздействие на все составные элементы террористической инфраструктуры.

3. На рубеже XX и XXI вв. в уголовно-правовом противодействии терроризму произошел стратегический сдвиг: признав неэффективной стратегию

«реактивного правоприменения», базирующуюся на стандартных основаниях уголовной ответственности (исполнение террористического преступления, покушение на него, соучастие в нем), национальные государства и международное сообщество в целом сместили вектор уголовно-правового воздействия в направлении деяний, образующих инфраструктуру терроризма.

В сфере уголовного законотворчества наиболее заметным результатом превентивного сдвига стали новые нормативные основания уголовной ответственности за финансирование и иное материально-техническое обеспечение терроризма, вербовку членов террористических групп, пропаганду терроризма и другие деяния, создающие возможности и условия для совершения террористических нападений. В результате уголовно-правовое воздействие стало восприниматься не только и не столько в качестве инструмента реагирования на уже совершенный террористический акт, сколько в качестве ведущей меры предупреждения терроризма.

Проактивный подход к уголовно-правовому противодействию терроризму реализуется в законодательстве подавляющего большинства государств мира, вне зависимости от формы правления, территориального устройства и политического режима, что служит весомым доказательством его эффективности.

4. В качестве теоретической платформы проактивной стратегии уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма выступают научные положения и концепты, синтезирующие основные достижения:

– теории раннего предупреждения преступности, постулаты которой реализуются посредством «превентивной криминализации» ненасильственных деяний, создающих условия и возможности для совершения террористических актов (ст. 205^{1}–205^{5}, 208 УК РФ), а также путем переноса момента юридического окончания этих деяний на начальный этап преступной деятельности;

– концепции ситуационного предупреждения преступлений, с учетом которой вектор уголовной репрессии смещается на инфраструктуру терроризма, т.е. на факторы внешней среды (ситуационные факторы);

– учения об уголовно-правовых нормах с двойной превенцией, практическая реализация которого предполагает криминализацию деяний, выступающих в качестве криминогенных факторов («пред-преступлений»);

– экономического подхода к предупреждению преступности, положения которого реализуются в практике пенализации инфраструктурных террористических деяний, а также при конструировании и применении отдельных уголовно-правовых норм, обеспечивающих «упрощенную квалификацию» (например, ст. 205^5 УК РФ).

5. Концептуальная идея, предопределяющая потребность в антитеррористических нормах о соучастии sui generis (ст. 205^1, 205^2, ч. 1 ст. 208 УК РФ в части ответственности за финансирование незаконного вооруженного формирования), состоит в том, чтобы дополнить потенциал института соучастия в преступлении, создать нормативные основания для уголовно-правового реагирования на деяния, которые не охватываются общими положениями о соучастии. Однако идея о субсидиарном назначении предписаний о соучастии особого рода оказалась искажена до неузнаваемости: на практике нормы о соучастии sui generis стали основным, ведущим инструментом уголовно-правового реагирования на совместную террористическую деятельность, тогда как институт классического соучастия применяется по остаточному принципу.

Столь резкий крен в сторону норм о соучастии sui generis не вполне оправдан. Классический институт соучастия в преступлении, при всех его известных недостатках и пробелах, имеет неоспоримое преимущество в плане полноты, всесторонности и точности уголовно-правовой оценки: он позволяет увязать ответственность организатора, подстрекателя, пособника с общественной опасностью преступления, в котором они соучаствовали, с их ролью в совершении этого преступления, что создает возможности для индивидуализированного уголовно-правового воздействия. Нормы о соучастии особого рода (по крайней мере в существующем виде) к «тонкой настройке» уголовно-правовой репрессии не приспособлены. Они стирают различия в характеристиках

террористического преступления, в котором соучаствовал виновный, уравнивают деяния, обладающие несовпадающей общественной опасностью (в частности, результативное и неудавшееся соучастие; соучастие в террористических преступлениях разных категорий тяжести).

С учетом вышеизложенного уголовно-политическая и правоприменительная концентрация на нормах о «специальном» соучастии представляется ошибочной. Приоритетом в правоприменении должны обладать нормы классического института соучастия в преступлении, а нормы о соучастии sui generis – вступать в действие лишь при невозможности применения положений Общей УК РФ части о соучастии. Это позволит воспользоваться преимуществами классического института соучастия, компенсируя при необходимости его пробелы и недостатки за счет норм о соучастии особого рода, что создаст нормативные основания для беспробельного уголовно-правового противодействия различным формам содействия терроризму.

6. В действующем законодательстве наблюдается неоправданное «дробление» составов соучастия sui generis: для каждого специального соучастника предусмотрен отдельный состав, а ответственность за специальное пособничество предусмотрена посредством конструирования пяти (!) самостоятельных составов преступления. В результате выполнение различных по функционалу соучастных действий и даже монофункциональное соучастие (например, пособничество путем предоставления вооружения, финансирования или-информации) расценивается в правоприменительной практике как совокупность преступлений, несмотря на то что лицо фактически участвовало в совершении одного и того же преступления.

Такая квалификация несовместима с канонами справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ). Нормативные конструкции соучастия sui generis предназначены для того, чтобы создать основания ответственности за деяния, которые не охватываются рамками классического соучастия, но не для мультипликации (удвоения, утроения) ответственности. А потому содействие в совершении одного и

того же террористического преступления, проявившееся в функционально несовпадающих действиях (например, финансирование и вооружение, организация и вербовка), необходимо расценивать в качестве единичного преступления. Исключить совокупную квалификацию разных проявлений содействия в совершении одного преступления можно за счет конструирования состава с альтернативными деяниями, в рамках которого будут нормативно описаны все криминальные функции, характерные для соучастия особого рода.

7. При дифференциации уголовной ответственности за соучастие особого рода в ст. 205^1 УК РФ не учтены значимые различия в общественной опасности террористических преступлений, которым содействовало лицо путем вербовки, вооружения, подготовки, финансирования. Чтобы обеспечить учет категории тяжести «основных» террористических преступлений при дифференциации уголовной ответственности за инфраструктурные террористические деяния, необходима кардинальная перестройка «нормативного каркаса» ст. 205^1 УК РФ. Содействие террористическим преступлениям разных категорий тяжести должно находиться на разных его «этажах»: в ч. 1 ст. 205^1 УК РФ – содействие преступлениям небольшой и средней тяжести; в ч. 2 ст. 205^1 УК РФ – содействие тяжким преступлениям; в ч. 3 ст. 205^1 УК РФ – содействие особо тяжким преступлениям.

8. Отечественная модель уголовной ответственности за подготовку террористических преступлений имеет дуалистический характер: во-первых, УК РФ содержит общие предписания об ответственности за приготовление к преступлению (ч. 1 ст. 30), что нехарактерно для большинства зарубежных стран; во-вторых, в УК РФ включены уголовно-правовые предписания об ответственности за отдельные проявления приготовления к террористическим преступлениям (ст. 205^3, 205^4, 205^5, 208). Это позволяет выстроить систему уголовно-правовых средств противодействия приготовительной террористической деятельности по принципу «эшелонированной обороны»: в качестве «первого эшелона» выступает универсальная норма о приготовлении к пре-

ступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ); на «втором рубеже» задействуются самостоятельные нормы о приготовлении особого рода (ст. 205^3, 205^4, 205^5, 208 УК РФ); при этом общая норма о приготовлении при необходимости подключается к нормам «второго эшелона» для уголовно-правового реагирования на сверхранние стадии террористической деятельности (приготовление к приготовлению sui generis, приготовление к соучастию особого рода).

Вместе с тем в правоприменительной практике нормы о приготовлении особого рода применяются одновременно с общими нормами о приготовлении к преступлению, вследствие чего одни и те же приготовительные действия нередко получают двойную, а иногда даже тройную уголовно-правовую оценку. Баланс между интересами обеспечения общественной безопасности и недопустимостью двойной ответственности за одни и те же приготовительные действия должен быть обеспечен посредством разграничения сфер действия между общими предписаниями уголовного закона о наказуемости приготовления и специальными нормами об ответственности за приготовление особого рода, а также за счет устранения необоснованного дублирования этих специальных норм.

9. Вовлечение в совершение преступления террористического характера (ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ), в отличие от классического подстрекательства, может быть направлено как на «годных», так и на «негодных» субъектов. Следовательно, предусмотренное ст. 205^1 УК РФ вовлечение может проявлять себя не только в форме подстрекательства sui generis, но и в форме посредственного исполнения преступления, при котором в качестве фактического причинителя вреда выступает лицо, не обладающее признаками субъекта преступления либо действующее невиновно под влиянием заблуждения. При этом совершение террористического преступления руками невиновно действующего или иного «негодного» субъекта образует идеальную совокупность преступлений – посредственного исполнения террористического деяния и вовлечения другого лица в его совершение.

10. Существенные различия в криминогенном потенциале (и, как следствие, – в общественной опасности) вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ) и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ) связаны в первую очередь с уровнем конкретики соответствующих высказываний, со степенью их детализации. Психолого-лингвистические исследования эмпирически подтверждают, что призывы к конкретным действиям, постановка конкретных, инструментальных задач, которые легко представить и спланировать, обладают гораздо большим побудительным эффектом, чем побудительные высказывания общего характера. Эти закономерности работают и в сфере криминального рекрутинга: склонение к совершению конкретного террористического преступления с описанием его деталей (вид преступления, последовательность преступных действий, время, место и т.п.) обладает несравненно большим побудительным воздействием, чем общие призывы к террористической деятельности, не имеющие конкретики.

Конкретика специального подстрекательства, предусмотренного ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ, заключается в том, что вербовщик склоняет другое лицо к террористическому преступлению (видовая конкретизация), детализируя при этом существенные индивидуальные признаки будущего преступления (фактическая конкретизация), что отличает его от публичных призывов к террористической деятельности, для которых характерна гораздо меньшая степень конкретизации побудительных высказываний.

11. Предписания ст. 205^2 УК РФ об ответственности за публичное оправдание терроризма необходимо рассматривать сквозь призму теоретического учения о прикосновенности к преступлению. В этом ракурсе рельефно высвечивается тесная связь публичного оправдания с предикатным террористическим деянием, которая значима для решения целого ряда квалификационных проблем:

– предметом публичного оправдания терроризма могут выступать не только совершенные или совершаемые террористические преступления,

но и террористическая деятельность как таковая, вне привязки ее к какому-то конкретному совершенному преступлению. А потому процессуальное решение об отсутствии признаков состава террористического преступления в деянии «негодного» (малолетнего или невменяемого) субъекта не может служить препятствием для применения ст. 205^2 УК РФ к лицу, выступившему с публичным оправданием фактически совершенного общественно опасного деяния, имеющего террористическую окраску;

– квалификационная зависимость между предикатным террористическим деянием и его публичным оправданием приобретает обязательное значение лишь в тех случаях, когда предметом публичного оправдания становится конкретное деяние, соответствующее признакам состава преступления. Для применения ст. 205^2 УК РФ необходимо, чтобы предикатное деяние было квалифицировано именно как террористическое;

– если предметом публичного оправдания стало фактически совершенное преступление (а не абстрактная террористическая деятельность), то для применения ст. 205^2 УК РФ необходимо установить, что умыслом лица охватывался террористический характер этого деяния. Добросовестное заблуждение лица относительно характера предикатного преступления, ставшего предметом оправдания (такое заблуждение, в частности, может возникнуть на основе информации из официальных источников), исключает ответственность по ст. 205^2 УК РФ.

12. Предписания ст. 205^2 УК РФ об ответственности за пропаганду терроризма выполняют резервную функцию – они активируются в случае, если «не сработали» предписания об ответственности за иные деяния, альтернативно перечисленные в ст. 205^2 УК РФ, или за вовлечение в совершение преступлений террористического характера (ч. 1 и 1^1 ст. 205^1 УК РФ). Если для применения ч. 1 или 1^1 ст. 205^1 УК РФ недостаточно конкретики побуждающих высказываний, а для констатации состава публичных призывов к террористической деятельности недостает количества адресатов, то вменяется про-

паганда терроризма по признаку направленности информации на формирование представлений «о допустимости осуществления террористической деятельности». В результате выстраивается понятная (по крайней мере на уровне теоретических обобщений) система критериев разграничения террористических деяний, включающих элементы побуждения (склонения):

– если побудительные высказывания (обращения) содержат видовую и фактическую конкретизацию преступления, к которому побуждается лицо (группа лиц), содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или 1^1 ст. 205^1 УК РФ как вовлечение в совершение деяния террористического характера;

– если высказывания (обращения) конкретизируют лишь вид преступления, то при наличии нескольких адресатов следует констатировать признаки публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ);

– если же высказывания и обращения, убеждающие в допустимости осуществления террористической деятельности, не конкретизируют вид преступления, то они могут расцениваться как пропаганда терроризма (ст. 205^2 УК РФ).

13. Квалифицирующее обстоятельство, введенное в ч. 2 ст. 205^2 УК РФ Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ (использование информационно-телекоммуникационных сетей), является избыточным и не соответствует требованиям, предъявляемым к квалифицирующим признакам: во-первых, использование информационно-телекоммуникационных сетей нельзя считать обстоятельством, однозначно и безусловно повышающим степень общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 205^2 УК РФ; во-вторых, сфера применения квалифицированного состава преступления намного шире сферы применения основного состава (в 9 из 10 случаев террористическая агитация квалифицируется по ч. 2 ст. 205^2 УК РФ). Это дает основания для отказа от дифференциации уголовной ответственности за предусмотренное ст. 205^2 УК РФ преступление в зависимости от способа (офлайн или онлайн) распространения террористической агитации.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма, пропаганда терроризма, размещенные в интернет-пространстве, имеют длящийся характер, что обосновывается постулатами теоретического учения о длящихся преступлениях, правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

14. Подготовку лица в целях совершения террористических преступлений (ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ) и прохождение обучения в тех же целях (ст. 205^3 УК РФ) следует рассматривать как необходимое соучастие (одно без другого невозможно, но при этом каждое из взаимосвязанных преступлений имеет самостоятельный характер). При таком подходе:

– исключается возможность квалификации по ст. 205^3 УК РФ так называемой «самоподготовки», осуществляемой без непосредственного или дистанционного контакта с лицом, которое передает соответствующие знания, умения и навыки;

– лицо, которое осуществляло подготовку обучающихся в террористических целях, не может признаваться организатором преступления, предусмотренного ст. 205^3 УК РФ, равно как и обучающийся не может считаться подстрекателем к корреспондирующему преступлению, предусмотренному ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ.

15. Реализованный в УК РФ блоковый подход, предполагающий обособление статей об ответственности за первичное создание террористического сообщества (ст. 205^4 УК РФ) и вторичную организацию деятельности запрещенной террористической организации (ст. 205^5 УК РФ), порождает нарушения фундаментального принципа non bis in idem. Указанный в ст. 205^5 УК РФ признак запрещенности не позволяет четко разграничить террористическую организацию от иных видов террористических объединений, поскольку участники запрещенной террористической организации, как правило, вооружены (т.е. соответствуют признакам незаконного вооруженного формирования) и наце-

лены на совершение преступлений террористического характера (т.е. соответствуют признакам террористического сообщества). В этих условиях судебная практика констатирует идеальную совокупность преступлений – одни и те же лица признаются виновными в создании сразу нескольких преступных групп и (или) участии в них, хотя по факту они являлись членами одной криминальной ассоциации.

Обозначенная проблема может быть решена посредством объединения предусмотренных в ст. 205^4 и 205^5 УК РФ деяний в рамках одного состава с альтернативными признаками. Что же касается ст. 208 УК РФ, то ее целесообразно переориентировать на уголовно-правовое противодействие тем нелегальным военизированным подразделениям, которые дублируют функции армейских и правоохранительных милитаризованных структур (частные военные компании, вооруженные народные дружины и т.п.), но не преследуют при этом криминальных целей.

16. Уголовно-правовая оценка организационно-управленческой террористической деятельности требует учета следующих частных правил:

– создание террористического объединения, предусмотренного ст. 205^4 или 208 УК РФ, нельзя считать юридически оконченным, пока группа не приобрела устойчивость;

– взаимодействие организатора, создавшего террористическое объединение, с первоначальными его участниками, без которых группа возникнуть не может, следует рассматривать как «необходимое соучастие», но не как соисполнение создания террористического объединения;

– руководство преступным объединением нельзя считать не длящимся, а продолжаемым преступлением;

– при квалификации руководства террористической группой, сопряженного с финансированием терроризма, необходимо учитывать целевое предназначение средств: если они предназначены для формирования террористической группы и обеспечения ее деятельности, то дополнительная квалификация по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ является излишней; если же ресурсы направляются для

финансирования конкретных террористических преступлений, то требуется дополнительная квалификация по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ;

– дифференцированного подхода требует и уголовно-правовая оценка действий создателя террористического объединения, направленных на вербовку участников: вовлечение первоначальных участников полностью охватывается ч. 1 ст. 205^4, ч. 1 ст. 208 УК РФ, тогда как привлечение новых членов в ряды уже созданной группы требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 205^1 УК РФ;

– преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 205^1 УК РФ, не охватывается понятием «руководство террористическим объединением» и требует самостоятельной уголовно-правовой оценки.

17. С позиции деятельностного подхода участие в террористическом объединении нельзя считать юридически оконченным преступлением до тех пор, пока лицо, желающее войти в состав соответствующего преступного объединения, не совершит конкретные действия, направленные на обеспечение функционирования группы или выполнение ее задач. Принятие присяги на верность руководителю террористической группы к таким действиям не относится – оно лишь создает условия для участия в соответствующей группе, т.е. образует приготовление к участию в преступном объединении.

Доктринальная и правоприменительная интерпретация участия в преступной группе как длящегося преступления, основанная на концепции преступного состояния, идет вразрез с аксиоматичными положениями уголовного права, согласно которым преступление может воплощаться лишь в общественно опасном деянии, но не в состоянии или статусе. Участие в террористическом объединении можно позиционировать в качестве длящегося преступления лишь в тех случаях, когда оно выражается в совершении длящегося деяния в интересах группы, например в незаконном хранении арсенала вооружения, в длящейся террористической агитации. В иных ситуациях участие в преступной группе, если оно не прекращено сразу после его юридического

окончания, как правило, соответствует признакам продолжаемого преступления.

18. Трактовка вооружения как формы содействия террористической деятельности неразрывно связана не только с особыми свойствами предметов преступления, но и с целью их предоставления, которая позволяет обеспечить релятивизм уголовно-правовой оценки снабжения предметами двойного назначения.

Передача субъекту террористической деятельности огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств требует совокупной квалификации по ст. 205^1 и ст. 222, 222^1 УК РФ, что позволяет должным образом учесть различия между собственно оружием и предметами двойного назначения, обеспечить адекватную дифференциацию уголовной ответственности за вооружение лица в террористических целях.

19. Функциональное предназначение уголовно-правового запрета на финансирование терроризма заключается в криминализации поддержки терроризма путем предоставления финансовой помощи, стоимостные (размерные) характеристики которой не имеют квалифицирующего значения. Вместе с тем не признаются предметом финансирования терроризма средства, которые вообще не могут быть оценены с экономической точки зрения (не обладают стоимостью), такие как вредоносные компьютерные программы.

Уголовная ответственность за финансирование терроризма должна иметь свои пределы. Не могут расцениваться как финансирование терроризма: оказание материальной помощи близкому родственнику, участвующему в террористической деятельности, сугубо из родственных соображений, в обстановке, с очевидностью предполагающей легальное использование переданных средств (например, для погашения задолженности по коммунальным платежам); оказание материальной помощи семье или иным близким лицам террориста; предоставление участнику террористической организации денежных средств для прохождения лечения (за исключением случаев, когда заболевание (ранение) связано с террористической деятельностью); осуществление

обязательных или жизненно необходимых платежей за товары или услуги (оплата за проезд, приобретение топлива либо продуктов питания и т.п.) лицами, которые помимо воли оказались на территории, подконтрольной террористическим формированиям.

20. Арсенал существующих уголовно-правовых средств воздействия на цифровую инфраструктуру терроризма (ч. 5 ст. 33, п. «р» ч. 1 ст. 63, ч. 1^1, 3 ст. 205^1, гл. 28 УК РФ) не может считаться достаточным: информационная поддержка террористической деятельности посредством оказания услуг администрирования компьютерной системы, предоставления услуг центра обработки данных явно выходит за рамки финансирования терроризма и, как правило, не охватывается положениями об ответственности за пособничество (ч. 5 ст. 33 УК РФ). Учитывая тенденцию цифровизации террористической инфраструктуры, предлагается установить в ст. 205^1 УК РФ уголовную ответственность за информационную поддержку террористической деятельности, конкретизировав при этом, что к ней относятся разработка и (или) предоставление технических компьютерных средств и компьютерного программного обеспечения, деятельность по передаче и обработке данных, предоставление услуг по размещению информации, в том числе посредством создания и (или) обеспечения функционирования информационного ресурса (сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), администрирование компьютерной системы.

Практика уголовного преследования лиц, оказывающих IT-услуги субъектам террористической деятельности, должна приобрести статус международного стандарта (путем внесения дополнений в соответствующие международные документы, в частности в Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г).

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в разработке целостной концепции, которая может быть положена в основу оптимизации существующих и разработки новых инструментов уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма с учетом потребностей

контртеррористической деятельности. Результаты диссертационного исследования вносят вклад в развитие разделов уголовно-правового учения о соучастии в преступлении, о неоконченном преступлении, о преступлениях против общественной безопасности, а также теории квалификации преступлений, развивают и углубляют научные познания об уголовно-правовом противодействии терроризму. В работе представлено научно обоснованное решение теоретико-прикладных проблем, связанных с установлением, дифференциацией и реализацией уголовной ответственности за преступления, образующие инфраструктуру терроризма.

Прикладное значение диссертационного исследования выражается в том, что его результаты создают надежный теоретический фундамент для практической контртеррористической деятельности.

В частности, результаты исследования могут быть использованы: в нормотворческой практике при оптимизации уголовно-правовых инструментов воздействия на инфраструктуру терроризма; в праворазъяснительной деятельности (в первую очередь для уточнения правовых позиций, сформулированных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1); в правоприменительной практике при уголовно-правовой оценке деяний, образующих инфраструктуру терроризма; в образовательной деятельности учреждений высшего образования в рамках изучения дисциплин уголовно-правового профиля.

О практической значимости диссертационного исследования свидетельствует **апробация его результатов** посредством:

– их внедрения в деятельность Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации (акт внедрения от 10.04.2026);

– их использования в образовательной деятельности Университета прокуратуры Российской Федерации (акты внедрения от 31.03.2026 и от 03.04.2026);

– публикации основных положений диссертационного исследования в 27 научных работах (из них 24 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, 1 – в зарубежном издании);

– обсуждения выводов диссертационного исследования на 16 научно-практических форумах, среди которых: Международная научно-практическая конференция «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023, 2025 гг.); I Ежегодная научно-практическая конференция по вопросам развития правосудия и юстиции «Яковлевские чтения» (РАНХиГС, 2023 г.); IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения)» (Университет прокуратуры Российской Федерации, 2024 г.); Международная научно-практическая конференция «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра» (Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024 г.); III Ярославский юридический форум (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2024 г.); X Всероссийская научно-практическая конференция «Конституционные основы прокурорской деятельности (Сухаревские чтения)» (Университет прокуратуры Российской Федерации, 2024 г.); круглый стол «Концепция эффективности наказания в трудах Почетного доктора СПбГУ, проф. И.М. Рагимова (исторические, религиозные, правовые и философские аспекты): к 45-летию научной деятельности» (Санкт-Петербургский государственный университет, 2024 г.); «Кузнецовские чтения» в рамках XV Московской юридической недели и совместной международной научно-практической конференции «Сила права и право силы: современный контекст» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 2024 г.); V Всероссийская научно-практическая конференция «Борьба с посягательствами против мира и безопасности человечества, исторической памяти о Победе в Великой Отечественной войне (Долговские чтения)» (Университет прокуратуры Российской Федерации, 2025 г.); XXVIII Международная научно-практическая конферен-

ция «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики» (Сибирский юридический институт МВД России, 2025 г.); Третья международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы противодействия экстремизму и терроризму» («Сундиевские чтения») (ВНИИ МВД России, 2025 г.); Международная научно-практическая конференция «V Сибирский юридический форум» (Барнаульский юридический институт МВД России, 2025 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Развитие учения о преступлении и ответственности в уголовном праве XXI века (к 95-летию со дня рождения В.С. Прохорова)» (Санкт-Петербургский государственный университет, 2025 г.); XI Всероссийская научно-практическая конференция «Прокуратура в системе публичной власти (Сухаревские чтения)» (Университет прокуратуры Российской Федерации, 2025 г.); круглый стол «Участие в преступной группе террористической направленности: проблемы квалификации» (Клуб уголовного права “De lege lata”, 2026 г.).

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена: надежным методологическим аппаратом, на котором базируется исследование; последовательным соблюдением требований всесторонности и объективности исследования; репрезентативной эмпирической базой, положенной в основу исследования; возможностью перепроверки теоретических и эмпирических данных, на которых основана диссертация, что обеспечивает верификацию ее положений и выводов.

Структура диссертации предопределена специфическими особенностями предмета исследования, его целью и задачами. Работа включает введение, основную часть (два раздела, объединяющих шесть глав и шестнадцать параграфов), заключение, список литературы и приложение.

РАЗДЕЛ 1.
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИНФРАСТРУКТУРУ ТЕРРОРИЗМА

Глава 1.
Понятие, сущность и элементы инфраструктуры терроризма

1.1. Инфраструктура терроризма: понятие и сущность

Терроризм достаточно давно признан мировым сообществом в качестве одной из основных угроз международному миру и безопасности, мирному сосуществованию и сотрудничеству государств, сохранению их территориальной целостности, а также основным правам и свободам человека[1]. Однако, несмотря на серьезность и непреходящую актуальность этой угрозы, ее контуры и проявления до настоящего времени четко не определены, ведь, как известно, в международном праве пока не удалось сформулировать и нормативно зафиксировать общепринятую дефиницию терроризма.

Анализ универсальных антитеррористических конвенций свидетельствует о том, что конвенционное регулирование международно-правовой борьбы с терроризмом не может считаться системным, внутренне логичным и полным, поскольку в международных актах представлены несовпадающие подходы к пониманию терроризма[2].

В справочном документе Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, подготовленном в 2009 г., отмечено,

---

[1] См.: Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (одобрена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1994) // СПС «КонсультантПлюс»; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06.2001) // СПС «КонсультантПлюс»; Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Екатеринбург, 16.06.2009) // СПС «КонсультантПлюс» и др.

[2] См.: Чернядьева Н.А. Современное состояние и тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 16.

что «до сих пор не заключено всеобъемлющего договора Организации Объединенных Наций по терроризму, равно как нет и официального определения термина “терроризм”. Тем не менее государства – члены Организации Объединенных Наций в настоящее время работают над проектом всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, в котором наконец-то будет дано всеохватывающее международное определение преступления в форме “терроризма” и которая дополнит существующую правовую базу международных инструментов по борьбе с терроризмом»[3]. К сожалению, решить эту амбициозную задачу до настоящего времени так и не удалось, что объясняется причинами объективного и субъективного характера.

Прежде всего, ее решение затрудняют политические факторы. Как отмечается в другом справочном документе Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, опубликованном в 2013 г., «международное сообщество до сих пор не пришло к соглашению об обязательном в международном масштабе определении термина “терроризм”, главным образом из-за сложности выработки общеприемлемой правовой классификации актов насилия, совершаемых государствами, вооруженными группами, такими как движения за освобождение или самоопределение, или отдельными лицами». Отмеченные «трудности в достижении консенсуса в отношении единого, признаваемого во всем мире определения того, что следует считать терроризмом, привели к тому, что некоторого прогресса удалось добиться в рамках уже существующих универсальных правовых документов, разработка которых велась по отраслевым направлениям. В этих документах акцент делается на криминализации конкретных “террористических актов”, но не дается определения более широкого понятия терроризма»[4].

---

[3] Часто задаваемые вопросы о международно-правовых аспектах борьбы с терроризмом. Вена: Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2009. С. 25. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/FAQ/Russian.pdf

[4] Использование Интернета в террористических целях. Вена: Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2013. С. 18. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf

Помимо этого, нельзя не учитывать, что «терроризм – это сложное и постоянно меняющееся явление. Его мотивация, механизмы финансирования и поддержки, методы нападений и выбор целей постоянно изменяются»[5], что затрудняет формулирование общего, универсального определения терроризма, которое признавалось бы всем международным сообществом и было бы пригодным для юридической фиксации. Если в середине 80-х гг. XX в. ведущие европейские эксперты по терроризму А. Шмид и А. Йонгман насчитали «109 официальных и научных определений терроризма»[6], то «в начале XXI в. это число по крайне мере удвоилось, если не утроилось»[7]. В отечественной монографии, опубликованной в 2008 г., отмечается, что «в настоящее время в научных работах и национальных законодательствах имеется около 400 определений понятий терроризма»[8], причем они отличаются не только в редакционном плане, но и по своему содержанию.

Проблема смысловой неопределенности понятия «терроризм» усугубляется появлением новых видов и форм террористических угроз (причем по мере технологического развития человечества их количество будет только увеличиваться), многие из которых выпадают из поля действия «предметных» международных конвенций[9].

---

[5] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. Вена: Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2009. С. 5. URL: https://www.ref-world.org.ru/pdfid/54b528564.pdf

[6] См.: Schmid A., Jongman A., Stohl M. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. 2nd ed. Amsterdam, N.Y., Oxford, 1988. P. 5–6.

[7] Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 23.

[8] Природа этнорелигиозного терроризма / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект-Пресс, 2008. С. 336.

[9] См.: Максина С.В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2003. С. 6. На этом фоне некоторые исследователи вообще ставят под сомнение возможность выработки определения терроризма. В частности, Уолтер Лэйкер полагает, что «общее определение никогда не будет найдено по той простой причине, что существует не одна, а множество форм терроризма, которые значительно отличаются друг от друга в зависимости от времени и пространства, а также по мотивации, проявлениям и целям» (Laqueur W. Terrorism: a Brief History // eJournal USA. 2007. № 5. P. 20). Аналогичное мнение высказывается в отечественной социологической науке, отдельные представители которой считают, что терроризм не является единым феноменом с множеством форм его проявления, а формы проявления терроризма есть не что иное, как различные по сущности и содержанию явления, образующие самостоятельные феномены разного порядка – «терроризмы» (например, религиозный терроризм, медийный терроризм и пр.) (см.: Катрич Л.В. Плюрализация форм терроризма в современном мире: социологические подходы: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2009. С. 12–14).

В конечном итоге унифицированного, всеобъемлющего понятия терроризма мировое сообщество до сих пор не выработало[10], в результате чего сталкивается с системными проблемами в сфере уголовного преследования, экстрадиции и процессуального обеспечения дел по преступлениям, связанным с международным терроризмом.

Впрочем, официальные структуры ООН не видят в этом особых препятствий для антитеррористической деятельности, подчеркивая, что «отсутствие широкого определения терроризма не является правовой проблемой для специалистов-практиков. С 1963 года международное сообщество разработало целый ряд универсальных правовых документов о предупреждении террористических актов. В их число входит более десяти конвенций и протоколов, охватывающих практически все возможные виды террористических деяний. Эти правовые документы… а также ряд резолюций Совета Безопасности, касающихся терроризма (в первую очередь резолюции 1267 (1999), 1373 (2001) и 1540 (2004), в совокупности составляют то, что принято называть универсальным правовым режимом борьбы с терроризмом»[11]. В результате в международно-правовом поле утвердился «перечневый» подход к пониманию терроризма, согласно которому терроризмом признаются деяния, указанные в секторальных антитеррористических конвенциях и резолюциях Совета Безопасности ООН.

Надо признать, что для целей международного сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом такой подход является вполне приемлемым, но при этом нельзя не отметить, что он размывает понятие терроризма[12]. Дело в том, что антитеррористические конвенции ООН (за период с 1963 г. международное

---

[10] См.: Saul B. Terrorism. Oxford: Hart Publishing, 2012. P. lxxi.

[11] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 10. URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/54b528564.pdf

[12] Как отмечается в уголовно-правовой литературе, «определения терроризма, содержащиеся в отмеченных действующих международно-правовых актах, также имеют слабые стороны. В них включены перечисления конкретных преступлений террористического характера, в отношении которых заключены соответствующие международные конвенции. И в случае принятия очередной конвенции она должна быть включена в соответствующий перечень, содержащийся в других международных конвенциях. Это очень непродуктивный, практически бесконечный путь определения общественно опасного деяния в качестве преступления» (см.: Тарбагаев А.Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 105–106).

сообщество разработало 19 универсальных конвенций, направленных на борьбу с терроризмом) и обязательные для всех государств резолюции Совета Безопасности ООН, принятые на основании гл. VII Устава ООН, обязывают все страны установить уголовную ответственность не только за совершение террористических актов (нападений), но и за деяния, которые продуцируют терроризм, способствуют деятельности террористических объединений (в частности, за вербовку членов террористических групп, финансирование терроризма, оказание другой помощи террористам). И если руководствоваться стандартным «перечневым» подходом, в силу которого понятие терроризма содержательно наполняется деяниями, ответственность за которые предусмотрена антитеррористическими источниками международного права, то неизбежно происходит смешение собственно терроризма и сопутствующих ему преступлений. Показательным в этом отношении можно считать тот факт, что в справочниках антитеррористической тематики и руководствах для законодательных органов по реализации соответствующих международных актов (так называемых источниках «мягкого права») все эти деяния объединяются единым понятием «террористический акт», «акт терроризма» или «проявления терроризма». В частности, в Справочнике по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму, подготовленном Управлением ООН по наркотикам и преступности в 2009 г., к числу террористических актов отнесено финансирование терроризма[13], хотя очевидно, что это деяние лишь способствует совершению террористических актов.

К сожалению, проблема неопределенности понятия терроризма проявляет себя и на национальном уровне, на что неоднократно обращалось внимание в специальных исследованиях[14]. В российском правовом пространстве для

---

[13] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 11. URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/54b528564.pdf

[14] См., например: Кочои С.М. Общеевропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ // Lex russica. 2014. № 9. С. 1061–1069; Игнатов А.Н. Понятие террористической деятельности и его уголовно-правовое закрепление // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 2 (43). С. 80–87; Абисова К.С. Детерминация и предупреждение террористической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 20.

обозначения террористических угроз используются термины «терроризм», «террористическая деятельность», «террористический акт», «преступления террористической направленности», «преступления террористического характера». Причем этот понятийно-терминологический аппарат не отражает должным образом сущность феноменологии терроризма и не соответствует требованиям определенности, системности и непротиворечивости.

Российское законодательство определяет терроризм как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[15]). Таким образом, в национальной правовой системе используется крайне широкая трактовка терроризма, которая включает в объем этого понятия не только террористические деяния, но и террористическую идеологию.

Практика террористического воздействия на принятие решения публично-правовыми образованиями (второй составной элемент терроризма в его законодательной интерпретации) воплощается в совершении конкретных преступлений. Базовый Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» содержит определение лишь одного такого преступления – террористического акта, под которым понимается «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же

[15] СПС «КонсультантПлюс».

целях» (п. 3 ст. 3)[16]. При этом вполне очевидно, что практика террористического воздействия на принятие решения публично-правовыми образованиями (второй составной элемент терроризма) не ограничивается лишь совершением террористического акта. Диапазон террористических преступлений намного шире, однако в профильном Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» о других таких преступлениях не говорится, что оставляет значительный простор для несовпадающих интерпретаций терроризма.

Наряду с определением терроризма и террористического акта Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» содержит дефиницию «террористической деятельности» (п. 2 ст. 3), к которой отнесена «деятельность, включающая в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности».

Получается, что понятие «террористическая деятельность» в его законодательной трактовке не равнозначно второму элементу понятия «терроризм», т.е. «практике воздействия на принятие решения органами государственной

[16] Аналогичным образом террористический акт определяется и в ч. 1 ст. 205 УК РФ.

власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанной с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий». В п. 2 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ в основном (за исключением подп. «а») перечислены *ненасильственные* деяния, которые общим понятием терроризма (п. 1 ст. 3) не охватываются. Большинство из этих деяний нацелены на продуцирование терроризма, формирование его кадрового резерва, содействие терроризму, создание организационно-управленческих структур (преступных групп) для совершения террористических преступлений. Иными словами, по отношению к терроризму они имеют обеспечительный, вспомогательный характер.

Неопределенность терминологического аппарата, характеризующего террористические угрозы, дополнительно умножают коллизии профильного закона «О противодействии терроризму» и уголовного законодательства, а также противоречия внутри самого УК РФ. На некоторые из них уже обращали внимание представители юридической доктрины[17], поэтому ограничимся максимально сжатым их перечислением:

1) в перечень преступлений, которые выступают проявлениями терроризма с точки зрения УК РФ (общее определение терроризма в нем не представлено), включены такие преступные деяния, которые не соответствуют нормативной дефиниции терроризма. В частности, под финансированием терроризма в п. 1 примечаний к ст. 205[1] УК РФ понимается «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения

[17] См.: Кочои С.М. Общеевропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ. С. 1061–1069; Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 81–89; Павлинов А.В. Уголовная политика в сфере антитеррора на постсоветском пространстве (в странах ЕАЭС и ОДКБ) // Новые вызовы терроризма и экстремизма: формы и методы противодействия: материалы II международной научно-практической конференции, Владимир, 16 марта 2017 г. Владимир: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2017. С. 78–89.

хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205^1, 205^2, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360» УК РФ. Получается, что с точки зрения УК РФ объем понятия «терроризм» образует указанный перечень преступлений. Вместе с тем нельзя не заметить, что среди этих преступлений фигурируют ненасильственные преступные деяния (в частности, предусмотренные ст. 205^1, 205^2, 205^3, 205^4, 205^5 УК РФ), которые не подпадают под дефиницию терроризма, изложенную в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»;

2) уголовно-правовая трактовка террористической деятельности намного шире той, что изложена в п. 2 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», причем в разных статьях УК РФ это понятие наделяется несовпадающим значением:

– согласно п. 2 примечаний к ст. 205^2 УК РФ «под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361» УК РФ;

– в диспозиции ст. 205^3 УК РФ содержится формулировка «…террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных статьями 205^1, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361» УК РФ, которая дает основание для вывода о том, что перечисленные преступления не входят в террористическую деятельность (аналогичное противопоставление террористической деятельности и перечисленных террористических преступлений наблюдается в диспозиции ч. 1 ст. 205^4 УК РФ).

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»[18] для обозначения проявлений терроризма используется собирательное понятие «преступления

[18] СПС «КонсультантПлюс».

террористической направленности». К ним в преамбуле указанного постановления Пленума отнесены преступления, предусмотренные ст. 205, 205^1, 205^2, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, т.е. не только те деяния, которые соответствуют признакам терроризма, но и деяния, входящие в объем понятия «террористическая деятельность» в той интерпретации, что дана в ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Еще больше усложняют трактовку исследуемых понятий ведомственные подходы к статистическому учету проявлений терроризма. Для целей формирования статистической отчетности применяется понятие «преступления террористического характера», не используемое ни в базовом законе «О противодействии терроризму», ни в УК РФ. При этом в Перечень № 22 преступлений террористического характера входят: «преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий» (ст. 205, 205^1, 205^2, 205^3, 205^4, 205^5, 205^6, 208, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 360, 361 УК РФ); «преступления, отнесение которых к перечню зависит от времени (даты) совершения преступления при наличии в статистической карточке отметки о связи совершенных преступлений с террористической деятельностью или финансированием терроризма» (ст. 207, 211, 220, 221, 278, 279, 282^1, 282^2 УК РФ); «преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о связи совершенных преступлений с террористической деятельностью» (ст. 163, 206, 209, 210, 210^1, 222, 222^1, 223, 223^1, 226, 281, 281^1, 281^2, 281^3, 295, 317, 318, 355 УК РФ)[19]. Таким образом, в объем понятия «преступления террористического характера», помимо прочего, включаются «общеуголовные» деяния (например, предусмотренные ст. 209, 222, 222^1 УК РФ).

С учетом вышеизложенного можно с полным основанием констатировать, что нормативная терминология, призванная отразить террористические

[19] Указание Генеральной прокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».

угрозы, находится в хаотичном состоянии. Причем по мере возрастания объема антитеррористического законодательства количество терминологических противоречий, к сожалению, лишь возрастает, что размывает смысловые границы терроризма и связанных с ним понятий.

Очевидно, что сложившаяся ситуация является неприемлемой. Практика противодействия терроризму требует четкого понимания характера, видов и объема террористических угроз, а также их адекватного терминологического отражения. Не претендуя на однозначное и окончательное решение этого объективно непростого вопроса, позволим себе высказать некоторые соображения относительно методологических подходов к пониманию терроризма и связанных с ним явлений, которые могут послужить основой для исследования террористических практик и оптимизации терминологического аппарата, обозначающего террористические проявления.

Во-первых, следует отметить, что при всем многообразии ракурсов, с которых рассматривается терроризм (политический, социологический, криминологический, международно-правовой, уголовно-правовой и др.), исследователи этого феномена, как правило, сходятся в том, что таковой проявляется в устрашающих население *насильственных деяниях*[20], нацеленных на дестабилизацию деятельности органов власти и оказание воздействия на принятие решений публично-правовыми образованиями (так называемая «политическая цель»). Таким образом, терроризм необходимо рассматривать с точки зрения *деятельностного подхода* как проявление осознанной и целенаправленной человеческой деятельности[21].

---

[20] Следует оговорить, что насилие как атрибутивный признак терроризма присутствует и в тех случаях, когда террористическое преступление выражается в разрушении транспортных коммуникаций, производственных объектов и не связано с непосредственным физическим воздействием на человека. Подобные террористические преступления всегда сопровождаются психическим насилием, что позволяет говорить об их насильственном характере.

[21] Деятельность представляет собой активность человека, систему поведенческих актов, направленную на удовлетворение различных потребностей, в том числе определяемых изменениями в окружающей среде и самом субъекте деятельности, а также на преобразование окружающего мира. Осознанное существование человека в обществе представлено в форме разнообразных видов деятельности. На наиболее общем уровне обобщения деятельность можно рассматривать как эволюционирующую систему отношений социальных субъектов к объектам и между собой. Включенность конкретного индивида в социальное взаимодействие осуществляется не только путем непосредственной коммуникации с иными индивидами, но и через различ-

Указанный подход получил отражение во всех антитеррористических международных актах, образующих универсальный режим борьбы с терроризмом. Исходя из этого, методологически неверной следует признать попытку определения терроризма как идеологии насилия (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»). Терроризм, вне всякого сомнения, представляет собой идеологически окрашенную насильственную деятельность. Тесная взаимосвязь между идеологией терроризма и практикой ее реализации выражается в том, что эта идеология детерминирует терроризм, выступает в качестве его мировоззренческой платформы, определяет террористический «репертуар»[22]. Но от этого соответствующая идеология не становится составной частью терроризма как такового. Точно так же и причины преступности (ее детерминанты, факторы) продуцируют преступность, но остаются за рамками понятия «преступность».

Во-вторых, нужно учитывать, что террористические проявления и угрозы представляют собой сложную криминальную систему, состоящую из целого ряда взаимосвязанных элементов и взаимодействующую с факторами внешней среды. А следовательно, *феноменология терроризма должна рассматриваться с методологических позиций системного подхода.* Не углубляясь в подробное изложение принципов и требований системного подхода[23], отметим в общих чертах, что он ориентирован прежде всего на изучение целостных, интегративных свойств, которые присущи системному объекту, его структурного строения (элементов и связей между ними), а также на исследование системы во взаимосвязи и взаимодействии с другими объек-

---

ные предметно опосредованные взаимодействия с социумом (см.: Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб: Изд-во РХГИ, 1997. С. 155–156; Кемеров В.Е. Предметная деятельность – принцип развития общественных отношений // Сб. научных матер.: Философия. Люди. Жизнь. Екатеринбург, 1997. С. 34).

[22] Schoon E.W., Beck C.J. Repertoires of Terror: News Media Classification of Militant Groups, 1970 to 2013 // Socius: Sociological Research for a Dynamic World. 2021. Vol. 7. P. 1–13; Fox W.P, Ormond B., Williams A. Ranking terrorist targets using a hybrid AHP-TOPSIS methodology // The Journal of Defense Modeling and Simulation. 2016. No. 13 (1). P. 77–93.

[23] См.: Садовский В.Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974; Анохин П.К. Избранные труды: философские аспекты теории систем. М.: Наука, 1978; Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002; Горохов А.В. Основы системного анализа: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2019.

тами и внешними факторами ее функционирования. Как отмечается в доктрине, «системный подход рассматривает систему не как таковую, не саму по себе, а в связи с окружающей средой, на фоне которой и во взаимодействии с которой функционирует система, что позволяет определить границы системы, познать ее целостность, понять, почему рассматриваемая система имеет именно такую структуру, объяснить и прогнозировать трансформации системы»[24].

Системный анализ, который давно вошел в арсенал методов исследования терроризма[25], приводит к выводу, что терроризм представляет собой сложноорганизованную насильственную криминальную деятельность, совершаемую с политическими целями (дестабилизация управленческой деятельности, оказание воздействия на принятие решений публично-правовыми образованиями), *которая детерминируется факторами внешней среды и осуществляется под их непосредственным влиянием*.

При этом специфика терроризма заключается в том, что эти факторы имеют преимущественно «рукотворный» и целенаправленный характер, ведь, как показывает практика, совершение террористических преступлений практически невозможно без предшествующей деятельности, направленной на вербовку исполнителей, их идеологическую «обработку», вооружение, обучение, финансирование. «Причем эта деятельность вносит существенный, а иногда определяющий вклад в совершение террористического акта, выступает в качестве его необходимого условия, так как без вовлечения исполни-

---

[24] Ображиев К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 1. Т. 2. Философия. С. 89–96.

[25] См.: Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы / А.С. Васнецова, Г.О. Вилинский, Е.П. Горшечникова [и др.]. М.: Проспект, 2024; Агаев Х.Ф. Терроризм как идеологическая система насилия // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3. С. 12; Коваленко Н.А. О системном подходе к терроризму // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 3 (55). С. 120–125; Мишин Ю.Д., Кочнев Е.А. Актуальность использования сочетания системного и диалектического подходов в понимании терроризма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-3 (60). С. 118; Юсупова Г.И., Мустафаев Ф.М. Использование системного подхода в изучении проблем безопасности и терроризма // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2011. № 41. С. 77–84.

теля, его подготовки, вооружения и финансирования многие террористические акты не были бы совершены»[26].

Это подтверждается данными специальных исследований:

– изучение уголовных дел о террористических актах (ст. 205 УК РФ), проведенное А.С. Шуйским, показывает, что вовлечение осужденного (осужденных) в совершение террористического акта прослеживается в 67,5% уголовных дел; его (их) вооружение в целях совершения террористического акта – в 78,8%; прохождение осужденным (осужденными) специальной подготовки к террористической деятельности – в 33,8%; финансирование терроризма – в 86,3% уголовных дел[27];

– сотрудники правоприменительных органов, опрошенные А.А. Докуевым, указали, что необходимыми условиями совершения террористических актов и иных преступлений террористического характера являются: финансирование терроризма (91,2%); вербовка исполнителей (86,4%); их вооружение (97,0%) и подготовка в целях совершения указанных преступлений (59,5%)[28];

– проведенное интернациональным коллективом (Центр религиоведческих исследований Кыргызско-Российского Славянского университета, Общественный совет при Государственной службе исполнения наказаний Кыргызстана совместно с Ноттингемским университетом (Великобритания) при поддержке Международного центра передового опыта по борьбе с насильственным экстремизмом «Хедайя») интервьюирование иностранных боевиков-террористов (далее – ИБТ), которые отправились воевать в Сирию (в составе международных террористических организаций «Джебхат ан-Нусра»[29], ИГИЛ[30] и других террористических групп), а также членов их семей приводит к выводам

---

[26] Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 17.

[27] См.: Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 138–139.

[28] См.: Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 17.

[29] Признана террористической и запрещена решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С.

[30] Признана террористической и запрещена решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С.

о том, что: почти все ИБТ подверглись радикализации и последующей мобилизации в результате контактов с другими людьми, т.е. в результате вербовки (не последнюю роль в данном процессе сыграли социальные сети); при этом свидетельств саморадикализации практически нет[31];

– с этим выводом солидарны европейские исследователи, которые приходят к однозначному выводу: самостоятельной радикализации подвержены единицы, в подавляющем большинстве случаев террористическая радикализация происходит под целенаправленным влиянием других лиц (так называемых «радикализирующих агентов»)[32]. Сходные данные о целенаправленном идеологическом воздействии со стороны третьих лиц, под влиянием которого формируются экстремистские и террористические установки, получены американскими специалистами[33].

Это обстоятельство особо отмечается в Руководстве по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом, подготовленном структурами ООН: «Совершение террористических актов требует мобилизации средств для поддержания подпольных сетей, подготовки групп, организации сложных операций, приобретения оружия или подкупа сообщников»[34]. А в образовательных материалах Управления по наркотикам и преступности ООН констатируется, что «финансовая подготовка… предшествует практически каждой террористической атаке»[35].

---

[31] См.: Ашраф А., Асланова И. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов. Бишкек, 2021. URL: https://prevention.kg/wp-content/uploads/2021/06/RCRS_Report_V1-5_Hedayah_RU.pdf

[32] Hamid N., Ariza C. Offline Versus Online Radicalisation: Which is the Bigger Threat? Tracing Outcomes of 439 Jihadist Terrorists Between 2014–2021 in 8 Western Countries. London, 2022. URL: https://gnet-research.org/wp-content/uploads/2022/02/GNET-Report-Offline-Versus-Online-Radicalization.pdf; Reinares F., García-Calvo C., Vicente Á. Differential Association Explaining Jihadi Radicalization in Spain: A Quantitative Study // CTC Sentinel. 2017. June. URL: https://www.researchgate.net/publication/319493051_Differential_Association_Explaining_Jihadi_Radicalization_in_Spain_A_Quantitative_Study

[33] Hafez M., Mullins C. The Radicalization Puzzle: A Theoretical Synthesis of Empirical Approaches to Homegrown Extremism // Studies in Conflict & Terrorism. 2015. Vol. 38. Iss. 11. P. 966–967.

[34] Руководство по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом. Вена: Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2006. С. 16. URL: https://www.unodc.org/pdf/terrorism/TATs/ru/2LIGru.pdf

[35] Серия учебных модулей Управления по наркотикам и преступности ООН: Борьба с терроризмом. Модуль 4: Меры системы уголовного правосудия по борьбе с терроризмом. С. 18. URL: https://www.unodc.org/e4j/ru/terrorism/module-4/key-issues/intro.html

Однако при этом в секторальных антитеррористических конвенциях и резолюциях Совета Безопасности ООН указанные деяния (вербовка членов террористических групп, пропаганда и финансирование терроризма, вооружение и подготовка в террористических целях, оказание иной помощи) рассматриваются в качестве проявлений терроризма, признаются разновидностью террористических актов. А в национальном российском законодательстве они расцениваются в качестве террористической деятельности наряду с террористическим актом, захватом заложников, что размывает понятие терроризма, выхолащивает его содержание[36].

Так, например, вполне очевидно, что перечисление денежных средств участнику террористической организации[37], предоставление реквизитов банковских карт для сбора средств, которые впоследствии направлены участникам террористической группы[38], передача материальных ценностей для поддержки джихада несопоставимы по своей сущности и общественной опасности с террористическим актом (в том понимании, которое зафиксировано в ст. 205 УК РФ и п. 3 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ), захватом заложников (ст. 206 УК РФ), угоном воздушного судна (ст. 211 УК РФ), посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), актом международного терроризма (ст. 361 УК РФ). Финансирование, вне всякого сомнения, выступает в качестве мощнейшей детерминанты терроризма (что подтверждается криминологическими исследовани-

[36] Аналогичные тенденции прослеживаются и в юридической доктрине. Например, В.Ф. Антипенко отмечает, что «сложные формы современного терроризма, помимо террористических актов как таковых, включают действия, создающие причины и условия для террористического конфликта, а также всю инфраструктуру сил, средств и методов, на которых базируется террористическая деятельность» (см.: Антипенко В.Ф. Механизм международно-правового регулирования борьбы с терроризмом: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 38).

[37] См.: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2024 № 222-УД23-67-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 09.03.2023 № 222-УД23-7-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2023 № 223-УД22-26-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2021 № 224-УД21-33 // СПС «КонсультантПлюс».

[38] См.: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12.09.2023 № 222-УД23-50-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

ями), но в системно-структурном отношении это деяние нельзя считать терроризмом как таковым. С точки зрения системного подхода финансирование следует рассматривать как внешнее по отношению к терроризму явление, как фактор внешней среды, под воздействием которого совершаются собственно террористические преступления. Причем это в полной мере относится и к вербовке членов террористических групп, публичным призывам к терроризму и его пропаганде, вооружению и подготовке террористов, прохождению обучения в террористических целях.

Судя по результатам проведенного нами опроса, ученые и практики вслед за законодателем придают термину «терроризм» широкое значение, полагая, что он охватывает не только насильственные террористические преступления (террористические нападения), но и преступления, создающие условия для совершения террористических актов: финансирование терроризма, публичные призывы к террористической деятельности, вербовку и обучение лица в террористических целях (это смысловое значение терроризма назвали 82,2% респондентов). Но при этом большинство респондентов (80,6%) отметили целесообразность разработки терминологического аппарата, позволяющего разграничить насильственные террористические преступления (террористический акт, захват заложника и т.п.) и ненасильственные преступления, нацеленные на террористическую агитацию и содействие террористической деятельности (вербовка, обучение, вооружение, финансирование и т.п.) (см. приложение).

Полагаем, что в рамках системного подхода сущность преступлений, нацеленных на формирование условий для совершения террористических нападений, можно отразить посредством концепта **«инфраструктура терроризма»**. В общем смысле инфраструктура (от лат. *infra* – «ниже, под» + лат. *structura* – «строение», «расположение») определяется как комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур или объектов, составляющих и обеспечивающих основу функционирования системы; комплекс взаимосвязанных обслуживающих структур, составляющих и (или) обеспечивающих основу

(базу) для решения проблемы (задачи)[39]. Иными словами, инфраструктура представляет собой подчиненную систему (подсистему), предназначенную для обеспечения функционирования основной системы.

Изначально термин «инфраструктура» пришел в широкий оборот из военной науки, где он использовался для обозначения системы стационарных объектов и отдельных сооружений, являющихся основой для развертывания вооруженных сил, ведения военных действий и обеспечения боевой и оперативной подготовки войск[40]. Впоследствии концепция инфраструктуры получила свое развитие в экономической науке, где она используется, как правило, для характеристики того или иного набора активов (совокупности предприятий, учреждений, систем управления, связи и т.п.), институтов и видов деятельности, обеспечивающих жизнедеятельность общества или какой-либо ее сферы[41]. В настоящее время это понятие приобрело универсальный характер – в рамках системного подхода оно применяется для описания системы, обеспечивающей функционирование другой (основной) системы, т.е. имеющей служебный, подчиненный характер по отношению к основной системе. Таким образом, отличительной характеристикой любой инфраструктуры является ее функциональная направленность на обеспечение существования и работоспособности основной (главной) системы.

Следовательно, в приложении к предмету нашего диссертационного исследования инфраструктурой терроризма можно считать систему, которая выполняет обеспечительные, служебные, подчиненные функции по отношению к основной системе, в качестве которой выступает сам терроризм.

---

[39] Инфраструктура: основные понятия и термины. URL: https://www.finam.ru/publications/item/infrastruktura-20230628-2033/?ysclid=lr0l1tx8uw301096078

[40] Манько В.Л. Инфраструктура военная // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2016358; Инфраструктура военная. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/search.htm

[41] См.: Jochimsen R. (ed.) Theory of infrastructure: Fundamentals of market economy development. Tubingen: Mohr (Siebeck), 1966. Vol. VII; Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. С. 397.

В современной научной литературе и управленческой практике выделяются различные виды инфраструктуры – экономическая, социальная, рыночная, транспортная, дорожная, инженерная, туристическая, военная, информационная, инновационная и др. При этом к инфраструктуре, как правило, относят материальные активы, которые задействуются для функционирования другой системы (материальный компонент), информационно-телекоммуникационные технологии, цифровые решения и продукты, обеспечивающие работу основной системы («цифровой», информационный компонент), а также деятельность, нацеленную на выполнение задач главной системы (деятельностный компонент)[42].

Применительно к проблематике уголовно-правового противодействия инфраструктуре терроризма особого внимания заслуживает именно последний – *деятельностный* – аспект инфраструктуры. Забегая вперед, отметим, что для подготовки и совершения террористических преступлений (актов терроризма) задействуется обширный арсенал материально-технических средств и технологий, в том числе самых современных. Причем большинство из них относится к средствам и технологиям двойного назначения либо имеет общедоступный характер (деньги, криптовалюта, транспортные средства, компьютерная техника, средства связи, информационно-телекоммуникационные сети, программное обеспечение, цифровые технологии, беспилотные летательные аппараты и др.). Поэтому их нельзя считать элементами материально-технической и информационной инфраструктуры терроризма. В качестве таковой следует рассматривать не материальные активы, технологии и цифровые

[42] См., напр.: Азин И.Н. Социальная инфраструктура общества в условиях рыночной экономики: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Казань, 2011. С. 10–11; Кокурин Д.И., Назин К.Н. Формирование и реализация инфраструктурного потенциала экономики России. М.: Транслит, 2011. С. 58–59; Мищенко И.Г. Оценка развития и устойчивости функционирования региональной инновационной инфраструктуры: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Белгород, 2023. С. 9; World development report 1994: infrastructure for development. Washington, D.C.: The Worldbank, 1994; Prud'homme R. Infrastructure and development. Washington, D.C.: The Worldbank, 2004.

продукты, а *деятельность, направленную на их создание, приспособление, приобретение, предоставление и использование в целях совершения террористических преступлений.*

Аналогичным образом, т.е. на основе деятельностного подхода, целесообразно рассматривать и иные составные элементы инфраструктуры терроризма. В частности, в качестве идеологической инфраструктуры терроризма следует понимать не саму идеологию терроризма, а ее формирование и распространение посредством пропаганды и публичного оправдания терроризма; в качестве кадровой инфраструктуры терроризма – не сам кадровый резерв террористических объединений, а действия, направленные на его формирование (вовлечение в совершение террористических преступлений, публичные призывы к их совершению).

С учетом вышеизложенного под ***инфраструктурой терроризма*** в рамках настоящего диссертационного исследования предлагается понимать *умышленные общественно опасные деяния, направленные на формирование и развитие идеологической основы, кадрового резерва, организационно-управленческих структур, материально-технической и информационной базы терроризма*.

Полагаем, что концепция инфраструктуры, базирующаяся на постулатах системного подхода, обладает значительным гносеологическим потенциалом и может быть продуктивно использована в рамках исследования феноменологии терроризма. В частности, эта концепция позволяет:

– подчеркнуть, что терроризм как сложный системный объект не может существовать в отрыве от его идеологической, кадровой, информационной, материально-технической и организационно-управленческой инфраструктуры;

– показать тесную функциональную связь терроризма и его инфраструктуры, значение инфраструктурных террористических деяний в механизме самодетерминации терроризма;

– продемонстрировать объективно существующее различие между *ненасильственными* общественно опасными деяниями, формирующими идеологическую, кадровую, информационную, ресурсную основу терроризма, и собственно терроризмом, *сущность которого заключается в насилии*, применяемом с целью устрашения населения, дестабилизации государственной власти, оказания воздействия на принятие решений публично-правовыми образованиями (международными организациями, государством, муниципальными образованиями);

– углубить существующие представления о причинном комплексе терроризма, разграничить внутри него политические и социально-экономические факторы, способствующие радикализации и распространению терроризма[43], и целенаправленные деяния, которые детерминируют террористическую активность и выступают тем самым в качестве инфраструктуры терроризма;

– создать основу для классификации и систематизации преступлений террористической направленности.

В развитие последнего тезиса нужно отметить, что термин «инфраструктура терроризма» сам по себе вряд ли пригоден для юридической фиксации. Ценность предложенной концепции состоит в другом – она позволяет разграничить насильственные террористические преступления, в которых воплощается сущность терроризма (неизбирательное насилие в отношении гражданских лиц и объектов в целях воздействия на управленческую деятельность государства и иных публично-правовых образований)[44], и ненасильственные

[43] К ним международное сообщество, в частности, относит «затянувшиеся неурегулированные конфликты, дегуманизацию жертв терроризма во всех его формах и проявлениях, отсутствие правопорядка и нарушение прав человека, этническую, национальную и религиозную дискриминацию, политическую изоляцию, социально-экономическую маргинализацию и отсутствие благого правления» (см.: Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций (резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2006, A/RES/60/288). С. 4. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n05/504/90/pdf/n0550490.pdf?token=OPSC1P7Bko0BfFnUAi&fe=true)

[44] Подробнее см.: Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология. С. 23–32.

преступные деяния, направленные на формирование и развитие идеологической основы, кадрового резерва, организационно-управленческих структур, материально-технической и информационной базы терроризма, т.е. образующие инфраструктуру терроризма.

К сожалению, терминологический аппарат, позволяющий дифференцировать эти преступления и отразить объективно существующие различия между ними, не разработан. В международных актах и в российском законодательстве прослеживается тенденция к использованию обобщающих понятий, которые охватывают обе указанные группы преступлений («терроризм», «террористическая деятельность», «преступления террористической направленности»). При этом их дифференциация на понятийном, терминологическом уровне не проводится, что размывает и даже в некоторым смысле девальвирует понятие терроризма.

Намного более выигрышным в этом плане выглядит рамочное законодательство Европейского союза. В Директиве Европейского парламента и Совета Европейского союза 2017/541 от 15.03.2017[45] разграничиваются три группы преступлений, имеющих «террористическую окраску»:

1) *террористические преступления* (ст. 3 Директивы), к числу которых отнесены умышленно совершенные с террористическими целями[46] деяния, которые с учетом их характера или контекста совершения могут нанести серьезный вред стране или международной организации, включая: (a) посягательство на жизнь человека, способное повлечь за собой наступление смерти;

[45] Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2017/541 от 15.03.2017 о противодействии терроризму, о замене Рамочного решения 2002/475/ПВД Совета ЕС и об изменении Решения 2005/671/ПВД Совета ЕС // СПС «Гарант».

[46] В параграфе 2 статьи 3 Директивы оговаривается, что террористическими целями являются следующие: (a) серьезно запугать население; (b) необоснованно принудить правительство или международную организацию к тому, чтобы совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения; (c) серьезно дестабилизировать или разрушить основные политические, конституционные, экономические или социальные структуры государства или международной организации.

(b) посягательство на физическую неприкосновенность какого-либо лица; (c) похищение человека или захват заложника; (d) причинение крупных разрушений правительственному или публичному сооружению, транспортной системе, инфраструктуре, включая информационную систему, стационарной платформе, расположенной на континентальном шельфе, месту общественного пользования или частной собственности, когда указанные деяния способны вызвать опасность для жизни людей или нанести значительный экономический ущерб; (e) захват воздушных, морских судов или иных средств общественного или грузового транспорта; (f) изготовление, владение, приобретение, транспортировка, поставка или использование взрывчатых веществ или оружия, включая химическое, биологическое, радиологическое или ядерное оружие, а также проведение мероприятий по исследованию и разработке химического, биологического, радиологического или ядерного оружия; (g) выброс в окружающую среду опасных веществ или попытки вызвать пожары, наводнения, взрывы, если в результате этого создается опасность для жизни людей; (h) нарушение или временное прекращение снабжения водой, электроэнергией или другим природным ресурсом, имеющим жизненно важное значение, если в результате этого создается опасность для жизни людей; (i) незаконное вмешательство в информационную систему; (j) угроза осуществить одно из деяний, перечисленных в пунктах (a)–(i);

2) *преступления, связанные с деятельностью террористических групп* (ст. 4 Директивы), к числу которых отнесены: (a) руководство террористической группой; (b) участие в деятельности террористической группы, в том числе посредством предоставления информации или материальных ресурсов

или посредством финансирования ее деятельности любым способом при осознании того факта, что подобное участие способствует преступной деятельности террористической группы;

3) *преступления, связанные с террористической деятельностью* (разд. III Директивы), к которым отнесены: открытое подстрекательство к совершению террористического преступления (ст. 5); вербовка в ряды террористов (ст. 6); проведение обучения терроризму (ст. 7); прохождение обучения терроризму (ст. 8); поездки с террористической целью (ст. 9); организация или способствование организации поездок с террористической целью (ст. 10); финансирование терроризма (ст. 11); другие преступления, связанные с террористической деятельностью (ст. 12). В Директиве оговаривается, что сущность этих деяний заключается в детерминации террористических преступлений: «Преступления, связанные с террористической деятельностью, являются очень серьезными, поскольку потенциально могут привести к совершению террористических преступлений и могут позволить террористам и террористическим группам сохранить и развить свою преступную деятельность» (п. 9 преамбулы).

Таким образом, рамочное законодательство Европейского союза позволяет дифференцировать (пусть и не всегда последовательно[47]) собственно террористические преступления, в которых воплощена сущность терроризма, и преступления, которые выступают в качестве инфраструктуры терроризма (преступления, связанные с деятельностью террористических групп и террористической деятельностью).

---

[47] В частности, не вполне понятно, почему «изготовление, владение, приобретение, транспортировка, поставка или использование взрывчатых веществ или оружия, включая химическое, биологическое, радиологическое или ядерное оружие, а также проведение мероприятий по исследованию и разработке химического, биологического, радиологического или ядерного оружия» (п. «f» ст. 3) отнесены к террористическим преступлениям. По своей сущности эти ненасильственные деяния гораздо ближе к преступлениям, связанным с террористической деятельностью.

Этот подход, успешно апробированный на европейском уровне, может быть успешно реализован и в российском антитеррористическом законодательстве. Его реализация, в частности, предполагает:

– отказ от включения идеологического компонента в законодательную дефиницию терроризма;

– уголовно-правовое «опредмечивание» терроризма, его «юридизацию» посредством перечисления преступлений, выступающих в качестве проявлений терроризма. Для их обозначения можно использовать собирательное понятие «террористические преступления» (как в рамочном законодательстве Европейского союза), «террористические нападения» или «акты терроризма»[48];

– регламентацию понятия «преступления, связанные с терроризмом», предназначенного для обозначения преступных деяний, образующих инфраструктуру терроризма (вовлечение в совершение террористического преступления (акта терроризма) или в террористическую группу, создание террористической группы и участие в ней, вооружение, обучение, прохождение обучения в целях совершения террористического преступления (акта терроризма), финансирование террористического преступления или террористической группы и т.п.);

– использование термина «преступления террористической направленности» в качестве обобщающего понятия для обозначения совокупности террористических преступлений (актов терроризма) и преступлений, связанных с терроризмом (основной системы и ее инфраструктуры).

---

[48] Некоторые специалисты, например Ю.С. Горбунов, используют для обозначения преступлений, предусмотренных ст. 205, 206, 211, 277, 278, 279, 360 УК РФ, термин «террористические акты», наделяя его более широким содержанием в сравнении с существующей трактовкой ст. 205 УК РФ (см.: Горбунов Ю.С. О некоторых проблемах совершенствования правового регулирования противодействия терроризму // Журнал российского права. 2008. № 7. С. 3–11). Однако использование одного и того же понятия для обозначения преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, и группы преступлений может внести терминологическую путаницу.

1.2. Основные элементы инфраструктуры современного терроризма

Терроризм как сложная система[49] не может существовать без развитой инфраструктуры, которая формирует идеологическую основу, кадровый резерв, организационно-управленческие механизмы, материально-техническую и информационную базу терроризма. В то же время инфраструктура терроризма, обслуживая основную систему (терроризм) и обеспечивая ее функционирование, сама по себе является сложным системным объектом. Террористическая инфраструктура построена по принципу разделения труда: ее элементы выполняют разные функции, но при этом каждый из элементов работает на общую цель – детерминацию и воспроизводство терроризма.

Следует оговорить, что в настоящем параграфе мы не ставим цели представить развернутую криминологическую характеристику инфраструктуры терроризма (полагаем, что это может и должно составить направление крупного самостоятельного исследования). Наша задача состоит в том, чтобы проследить основные тенденции развития инфраструктуры терроризма, на основании системно-структурного анализа выделить основные ее элементы и тем самым обозначить объекты (мишени) уголовно-правового воздействия.

Приступая к решению этой задачи, в качестве отправной точки отметим, что, по общему признанию, «терроризм представляет собой уникальное и непрерывно меняющееся по своему характеру преступление»[50]. Этот динамизм в полной мере характерен и для инфраструктуры терроризма, что вполне закономерно, учитывая системно-функциональную связь основной и подчиненной системы (терроризма и его инфраструктуры). Более того, инфраструктура терроризма меняется даже интенсивнее основной системы: большинство

[49] Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы.

[50] Привлечение террористов к судебной ответственности: проблемы, связанные с судебным преследованием иностранных боевиков-террористов: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 18.02.2015 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2015/123) (п. 7). URL: https://docs.un.org/ru/S/2015/123

технологических инноваций задействуется именно в инфраструктурных террористических деяниях, при том что способы совершения террористических атак, как правило, остаются традиционными (совершение взрывов в общественных местах, нападения с применением огнестрельного или холодного оружия, насильственный захват мирных жителей в качестве заложников). Тем не менее, несмотря на динамичное изменение качественных характеристик деяний, детерминирующих террористические атаки, системный подход к их изучению фиксирует стабильность базовых параметров террористической инфраструктуры – ее функций и составных элементов.

Неотъемлемым элементом инфраструктуры терроризма выступают деяния, направленные на воспроизводство кадров для террористических преступлений, их подготовку и идеологическую обработку. Эти деяния с известной долей условности можно обозначить как **кадровую и идеологическую инфраструктуру терроризма**.

В центре любой социальной системы всегда находится человек. Не является в этом плане исключением и терроризм. Как и в любом ином виде деятельности, ключевым элементом терроризма является субъект, придерживающийся террористической идеологии и реализующий ее на практике. При этом нужно учитывать, что терроризм в силу его специфики характеризуется высокой «текучестью кадров». Ряды террористических групп и организаций регулярно сокращаются в ходе террористической деятельности (терроризм смертников изначально предполагает разовое участие), а также благодаря усилиям правоохранительных органов. Однако на смену террористам, выбывшим из строя, приходят новые люди, готовые к террористическим практикам. Причем пополнение террористических объединений в большинстве случаев происходит не стихийно, а в результате хорошо продуманной системы мер, нацеленных на формирование новых террористических кадров.

По признанию специалистов, «система кадрового воспроизводства служит залогом жизнеспособности террористического подполья»[51], «неотъемлемым элементом функционирования террористических групп и организаций»[52]. При этом по своему функционалу кадровая инфраструктура терроризма мало чем отличается от обычной работы с кадрами в легальных организациях и учреждениях. В тематической литературе по менеджменту персонала отмечается, что «управление человеческими ресурсами – это стратегический и целостный подход к управлению людьми, которые индивидуально и коллективно вносят свой вклад в достижение целей организации». Оно направлено на «помощь организации в приобретении и удержании необходимой квалифицированной, приверженной и мотивированной рабочей силы; максимизацию и развитие внутренних способностей людей путем создания возможностей для обучения и постоянного развития; развитие высокоэффективных рабочих систем, которые включают четко структурированные процессы найма и отбора, системы компенсаций и стимулов на основе результатов труда, а также деятельность по обучению и развитию управленческих кадров; культивирование среды, благоприятной для командной работы, и обеспечение гибкости процессов»[53]. По большому счету тот же набор функций выполняет кадровая инфраструктура терроризма, с тем лишь отличием, что ведется кадровая работа террористов, как правило, скрытно, да и заинтересованность в сохранении кадров у них отсутствует (для лидеров террористических объединений объекты вербовочной работы – это не ценный ресурс, а всего лишь «расходный материал»).

Основные функции кадровой инфраструктуры терроризма – привлечение в ряды террористических объединений новых сторонников, их подготовка

---

[51] Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 9.

[52] Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией. С. 35.

[53] Сорокин А.В., Прокопьев А.В. Управление персоналом: учебное пособие / Рубцовский индустриальный институт. 2-е изд., доп. и испр. Рубцовск, 2021. С. 7. См. также: Управление персоналом организации: современные технологии: учебник / С.И. Сотникова и др.; под науч. ред. С.И. Сотниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 13–14.

к террористической деятельности. Масштабы этой деятельности не могут не вызывать опасений. В пояснительной записке к законопроекту № 230595-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» отмечается, что «терроризм превратился в весьма прибыльный бизнес глобального масштаба с развитым “рынком труда” и приложения капиталов, со своими правилами и моралью, не совместимыми ни с какими общечеловеческими и демократическими ценностями. <…> ежедневно во всем мире вербовке подвергаются более одной тысячи человек. На эти цели тратятся огромные средства. За каждого привлеченного в ряды террористов вербовщик получает “комиссионные”». Их сумма колеблется в зависимости от «“ценности” завербованного»[54].

Субъекты законодательной инициативы справедливо обращают внимание на то, что «вербовочной атаке в любой момент может подвергнуться каждый человек, невзирая на возраст, пол и социальный статус. Вербовщиков интересуют не только молодежь, которая является последователями различных религиозных конфессий, неверующие, а также представители молодежных субкультур»[55]. Этот тезис коррелирует с данными криминологических исследований, которые показывают, что субъектами террористической деятельности могут выступать самые разные люди, независимо от национальности, вероисповедания, происхождения, социального положения и иных характеристик, причем среди них могут оказаться выходцы из благополучных слоев населения. Так, например, в Великобритании отмечается масштабное вовлечение в террористическую деятельность студентов образовательных организаций, которые все чаще подвергаются вербовке[56].

[54] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7
[55] Там же.
[56] Spiller K., Whiting A., Awan I., Campbell B. The Politic of Everyday Counter-Terrorism: Online Performances and Responsibilities of the Prevent Duty in UK Higher Education Institutions // Sociology. 2023. Vol. 57. No. 5. P. 1118–1136.

Способы вовлечения в террористическую деятельность, равно как и мотивы участия в ней, могут быть самыми различными. При рассмотрении способов вовлечения в террористическую деятельность наглядно прослеживается системное взаимодействие различных компонентов инфраструктуры терроризма, в частности кадрового и информационного, а также ресурсного.

Активная работа с потенциальными и активными сторонниками в сети «Интернет» является сегодня *modus operandi* террористических объединений[57]. По справедливому замечанию О.Н. Тисен, которая классифицирует способы вербовки на виртуальные (через сеть «Интернет») и непосредственные (посредством личного общения), «вербовка посредством сети “Интернет” – основной способ увеличения террористических группировок. Особенностью современного терроризма является его глобальный характер. Если раньше радикалы, как правило, искали новых сторонников на территориально приближенных землях, то сейчас вербовка осуществляется по всему миру посредством сети “Интернет”»[58]. В отчете Росфинмониторинга констатируется, что «социальные сети, мессенджеры и видеохостинги используются преступниками в качестве инструмента, позволяющего вовлекать в деятельность экстремистских и террористических организаций широкую интернет-аудиторию, что значительно расширяет географию и объемы финансирования экстремистской и террористической деятельности»[59].

Трагическим примером, демонстрирующим широкие возможности и последствия онлайн-вербовки, можно считать кровавый террористический акт, совершенный 22.03.2024 в здании «Крокус Сити Холл» (Московская обл., г. Красногорск). Следствием установлено, что исполнители и пособники этого террористического акта (Мирзоев Д.Б., Фаридуни Ш., Рачабализода С.М.,

---

[57] Димитровска А. Деятельность международных террористических организаций в странах Западных Балкан: дис. ... канд. полит. наук. М., 2019. С. 164; Красинский В.В. Терроризм 2.0: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 13–14.

[58] Тисен О.Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 51–54.

[59] Национальная оценка рисков финансирования терроризма: публичный отчет 2022 г. URL: https://www.fedsfm.ru/fm/nor

Файзов М.З., Файзов М.З. (старший), Юсуфзода Я.Д., Лутфуллои Н., Шарипзода М.З., Курбонов Д.Б., Солиев У.А., Солиев М.А., Гадоев Ш.Н., Хамидов Х.А., Исмоилов З.А.) посещали специализированные сайты и каналы в мессенджере «Телеграм» и др., в том числе под названием: «Голос Хорасана», «Васобихъун-Васадихъун», «Абу Муххамад Мадаше», «Мухсин ТЧ» и др., иные тематические форумы информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», пропагандирующие крайние, наиболее агрессивные формы ислама, призывающие к джихаду, т.е. к священной войне против неверных, созданные для пропаганды террористической идеологии и вовлечения граждан в террористическую деятельность, где попали под влияние вербовщиков международной террористической организации «Исламское государство», в результате чего прониклись идеями данной организации и согласились на участие в ее деятельности.

Неустановленные следствием вербовщики международной террористической организации «Исламское государство», апеллируя к религиозным чувствам указанных лиц, базирующимся на ложно трактуемых принципах мусульманской религии и радикальных идеях исламского фундаментализма об обязанности каждого мусульманина участвовать в так называемой священной войне (джихаде) с неверными, посредством переписки, в том числе используя электронные программы мгновенного обмена сообщениями, в мессенджере «Телеграм» и др. предложили будущим соучастникам террористического акта доказать свою преданность группировке «Вилаят Хорасан» путем дачи клятвы (баят) на верность лидеру террористической организации ИГИЛ[60], а также совершения на территории Московского региона и в г. Каспийске террористических актов. Исполнители и пособники террористического акта принесли присягу на верность лидеру террористической организации ИГИЛ, взяли на себя обязательства неукоснительно подчиняться существую-

[60] Признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 по делу № АКПИ 14-1424С.

щей в данной организации дисциплине в соответствии с установленной иерархией и беспрекословно исполнять указания «кураторов», в том числе по организации, планированию, подготовке финансированию и реализации террористического акта.

Отмечая виртуализацию вербовочной и пропагандистской террористической работы, вектор которой сместился в интернет-пространство, международные антитеррористические структуры признают, что «широкое распространение Интернета обеспечивает террористическим организациям и лицам, сочувствующим террористам, доступ к глобальному пулу потенциальных новобранцев»[61]. На это обстоятельство обратил внимание и Генеральный секретарь ООН: «Прогресс в развитии коммуникационных технологий, особенно Интернета, способствовал более широкому распространению идей и повлиял на системы вербовки. Террористические группы и группы, избравшие путь воинствующего экстремизма, проявляют гибкость и изобретательность, играя на чувствах разочарования, несправедливости и отчуждения и на стремлении обрести цель жизни, свойственных разочарованным молодым людям, включая женщин и девочек. В настоящее время большинство вновь завербованных бойцов – люди в возрасте от 17 до 27 лет с различным уровнем образования и социально-экономическим статусом»[62]. В качестве ремарки отметим, что «омоложение» субъектов террористической деятельности, снижение их среднего возраста[63] является вполне закономерным результатом виртуализации

---

[61] Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27.12.2019 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998) (п. 143). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf

[62] Доклад Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (Семидесятая сессия, 12.04.2016, A/70/826). С. 4–5. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/102/52/PDF/N1610252.pdf?OpenElement

[63] Председатель Комитета Совета Безопасности ООН констатирует, что «контингент для вербовки все молодеет. В категорию иностранных боевиков-террористов уже входят лица в возрасте 15–16 лет» (см.: Привлечение террористов к судебной ответственности: проблемы, связанные с судебным преследованием иностранных боевиков-террористов: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 18.02.2015 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2015/123) (п. 14). URL: https://docs.un.org/ru/S/2015/123). А в докладе Генерального секретаря ООН высказывается озабоченность в связи с тем, что «большинство завербованных, как правило, составляют лица моложе 25 лет» (см.: Доклад Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению

вербовочной работы, ведь именно несовершеннолетние и молодежь чаще остальных возрастных групп проводят время в сети, что в совокупности с молодежной романтикой, отсутствием жизненного опыта и возможностей для самореализации делает их наиболее уязвимыми для террористической вербовки.

Построение масштабных сетей информационно-пропагандистского воздействия, использование систем и сетей коммуникации, прежде всего сети «Интернет», а также различных технологий манипуляции сознанием, в том числе принципов и методов геймификации, позволяют сегодня лидерам террористических организаций осуществлять борьбу за умы широких масс, тиражировать идеологию терроризма и вовлекать в него все новых субъектов[64]. Следует отметить, что геймификация, т.е. привнесение игровых элементов в неигровую среду, может быть «нисходящей» (целенаправленно включенной производителем контента) или «восходящей» (созданной аудиторией), причем в контексте пропаганды терроризма и вовлечения в него используются оба этих способа. Соответствующий эффект проявляется в демонстрировании видеозаписей террористических атак от первого лица – кадры или транслируются во время нападения, или выкладываются в Интернет позже. Они обычно снимаются с помощью камеры, установленной на шлеме (helmetcam), и дают зрителю возможность увидеть нападающего от первого лица[65].

Арсенал способов вербовки настолько широк, что описать их в виде исчерпывающего перечня невозможно. Помимо стандартных приемов криминогенного психологического воздействия, таких как пропаганда террористиче-

---

Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (20.04.2018, A/72/840). С. 11. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/118/38/PDF/N1811838.pdf?OpenElement).

[64] Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 4–5; Меркурьев В.В., Хлопкова О.В., Клементьев А.С. Противодействие использованию технологий геймификации в террористических и экстремистских целях // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 87–95; Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Технологии геймификации в экстремистской и террористической деятельности: опыт экспозиции // Научный портал МВД России. 2021. № 3. С. 39–51; Сундиев И.Ю., Смирнов А.А., Андрюхин Н.Г. Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность // Научный портал МВД России. 2018. № 2. С. 52–60.

[65] Andrews S. The ‘First Person Shooter’ Perspective: A Different View on First Person Shooters, Gamification, and First Person Terrorist Propaganda //Games and Culture. 2024. Vol. 19 (1). P. 55–74.

ских методов разрешения социальных конфликтов, спекуляция на религиозных чувствах, сопряженная с искажением религиозных догматов, героизация участников террористических объединений, подкуп, шантаж, различные «психологические ловушки»[66], использование психологической зависимости и т.п.[67], вербовщики используют сложные схемы манипуляции, основанные на технологиях так называемой «социальной инженерии»[68].

В частности, отмечаются факты вовлечения в террористическую деятельность путем многоэтапного обмана. По данным ФСБ России, спецслужбы Украины, а также украинские националистические структуры путем обмана, т.е. «втемную», привлекают российских граждан к совершению террористических преступлений и даже используют их для совершения диверсионно-террористических актов в качестве смертников. Как отмечается на сайте ФСБ России, «для совершения терактов представители спецслужб Украины, используя мошеннические схемы и психологическое воздействие, привлекли пять женщин пенсионного возраста, у которых посредством звонков через зарубежные интернет-мессенджеры Telegram и WhatsApp обманным путем похитили денежные средства, хранящиеся в банковских учреждениях, а также полученные от принудительной продажи их жилья. Для вовлечения пенсионеров в преступную деятельность сотрудники украинских спецслужб представлялись по телефону сотрудниками различных российских правоохранительных структур – ФСБ, МВД, Следственного комитета, Генеральной и военной прокуратур, а также представителями иных органов власти, используя служебную

---

[66] В специальной литературе перечисляются следующие разновидности «психологических ловушек», используемых для террористической вербовки: любовная, карьерная, финансовая, идеологическая, с использованием компромата, для авантюристов, для любителей секретных обществ, для больных наркоманией, для националистов (см.: Палий В.В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 114–122).

[67] См.: Тисен О.Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации. С. 51–54; Калинина С. Психологические методы вербовки молодежи в террористические организации // Наука. Общество. Оборона. 2018. № 2 (15). URL: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-2-15/article-0145/

[68] См.: Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-2. С. 82–89; Игнатов А.Н., Соловьев В.С. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 1 (51). С. 59–66.

терминологию и комбинированные формы воздействия. Надеясь на обещанный возврат утраченных личных сбережений, находясь под психологическим прессингом, пенсионеры привлекались к наблюдению за местами жительства и стоянок автомобилей военнослужащих, хранению изъятых из оборудованных пособниками украинских спецслужб тайников боевых самодельных взрывных устройств (СВУ), а также для непосредственного подрыва российских военнослужащих. По замыслу спецслужб Украины, для совершения терактов пенсионеры должны были лично передавать военнослужащим СВУ, закамуфлированные под бытовые предметы, подрыв которых также привел бы и к гибели исполнителей, использовав их в качестве так называемых “живых бомб”»[69].

В специальной литературе отмечается, что в подобных случаях завербованные террористами люди становятся «наглядным подтверждением практического воплощения известной теории ролей: они одновременно и жертвы, и исполнители преступлений»[70]. От себя добавим, что заблуждение лица, вовлеченного в террористическую деятельность путем обмана, требует дифференцированной оценки:

– если оно имело извинительный характер и полностью лишало лицо возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (например, в том случае, когда курьеру, введенному в заблуждение, передали посылку с взрывным устройством), то лицо не подлежит уголовной ответственности в силу ч. 1 ст. 28 УК РФ;

– если же обманутое лицо понимало, что совершает преступление террористического характера, безосновательно рассчитывая на то, что вербовщики вернут похищенные деньги, предпримут усилия для освобождения его

[69] URL: http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440359%40fsbMessage.html
[70] Прохоренко Е.С. Противодействие вербовочной деятельности: уголовно-правовые и криминологические вопросы // Российский следователь. 2025. № 9. С. 60–66.

от уголовной репрессии, то наличие заблуждений относительно личности вербовщика и его намерений не препятствует привлечению к ответственности за террористическое деяние.

Примером результативной вербовки, основанной на многоэтапном обмане, могут служить обстоятельства уголовного дела в отношении пенсионерки Ивановой, осужденной по ч. 1 ст. 205 УК РФ. Из материалов уголовного дела следует, что Иванова совершила поджог автомобиля, припаркованного у здания ФКУ «Военный комиссариат Ленинградской области». Совершая поджог, Иванова постоянно с кем-то разговаривала по телефону, затем облила себя жидкостью из бутылки и стала выкрикивать угрозы о поджоге себя и окружающих, при задержании несколько раз прокричала лозунг в поддержку Украины. В памяти принадлежащего Ивановой телефона обнаружены сведения о совершенных телефонных звонках и иных соединениях, а также ее электронная переписка в мессенджере с неустановленными лицами, осуществлявшими руководство ее действиями в момент подготовки и совершения поджога автомобиля у здания военного комиссариата. С учетом заключения психиатрической судебной экспертизы, данных о личности осужденной и ее поведения в судебном заседании суд пришел к выводу о том, что Иванова совершила преступление, будучи вменяемой. Утверждения Ивановой об отсутствии у нее умысла на совершение террористического акта, а также о совершении ею незаконных действий под влиянием обмана и психологического давления со стороны неизвестного лица, представившегося сотрудником правоохранительных органов, признаны судом несостоятельными[71].

Характеризуя каналы, места и потенциальных адресатов вербовки, следует отметить, что во многих случаях кадровый резерв террористов образуют лица, сочувствующие террористам. И в этом значительную роль играют неформальные сети диаспорного, а также радикально-фундаменталистского

[71] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2025 № 221-УД25-12-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

толка. Специалисты отмечают, что по всему миру террористические объединения активно взаимодействуют с диаспорами и миграционной средой, которые остаются закрытым этнокультурным образованием в чуждых социокультурных условиях региона пребывания и, как следствие, источником постоянной подпитки социальной базы терроризма, особенно в развитых странах[72].

Отдельной проблемой для России и мирового сообщества в целом является вовлечение в террористическую деятельность в местах лишения свободы[73]. К сожалению, места лишения свободы сегодня нередко выступают «кузницей» кадров, формирующей социальную среду терроризма[74]. В докладе 2022 г. о возникающих террористических угрозах в Европе со ссылкой на обширные академические исследования отмечается, что тюрьмы выступают в качестве «университетов терроризма», «места пересечения между терроризмом и преступными сетями», что обеспечивает «благодатную почву для вербовки заключенных, ранее не осужденных по обвинениям в терроризме, для вовлечения в террористическую деятельность». Авторы доклада указывают, что «многие из нападавших, участвовавших в смертельных атаках в Европе, провели некоторое время в тюрьме и развили свои идеологические убеждения там. Двое из трех нападавших, совершивших нападение на Charlie Hebdo в 2015 г., встретились с вербовщиком “Аль-Каиды”[75] в тюрьме, в то время как

---

[72] Любарский Е.С. Терроризм в условиях глобализирующегося мира: методологический аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. С. 9; Меркурьев В.В., Ульянов М.В., Горшечникова Е.П. Уровень террористической угрозы в контексте моделирования влияния макроэкономических показателей // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 5. С. 676–686.

[73] Вайсов Ф.Б. Проблема радикализации и вербовки террористов в тюрьмах // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 174–183; Игнатов А.Н., Абисова К.С. Религиозная радикализация мест принудительного содержания как фактор экстремизма и терроризма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5, № 3. С. 136–144; Тимофеева Е.А. Радикализация заключенных в пенитенциарных учреждениях Французской Республики: движущие факторы, проблемы, пути противодействия // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. № 1. С. 218–224; Скобелева О.О. О некоторых вопросах радикализации осужденных в исправительных учреждениях (зарубежный опыт) // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8 (183). С. 369–370; Яворский М.А. Причины радикализации заключенных в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Право и образование. 2016. № 5. С. 131–143; Jones C.R. Are prisons really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization // Punishment & Society. 2014. Vol. 16 (1). P. 74–103.

[74] Примеры вербовки в пенитенциарных учреждениях см.: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2024 № 223-УД24-5-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 07.09.2023 № 225-УД23-17-А6 // СПС «КонсультантПлюс» и др.

[75] Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

двое террористов-смертников, участвовавших в терактах в Брюсселе в 2016 г., отбывали срок в бельгийских тюрьмах за преступления, не связанные с терроризмом. Проведенное в 2016 г. исследование 79 европейских иностранных боевиков-террористов, присоединившихся к ИГИЛ[76], "Аль-Каиде"» и связанным с ней группам, показало, что 57% были заключены в тюрьму до того, как стали радикализированными, а 31% радикализировались в тюрьмах, хотя процесс радикализации продолжался и после их освобождения»[77].

Кадровая инфраструктура терроризма в качестве своего элемента включает подготовку завербованных лиц к практической террористической деятельности, которая осуществляется в различных форматах: контактное обучение в тренировочных лагерях и на базах подготовки террористов, непосредственно взаимодействующих с вербовочными центрами; дистанционная подготовка, проводимая с использованием обучающих видеоматериалов, которые содержат подробные инструкции по изготовлению взрывных устройств, использованию зашифрованных каналов связи, соблюдению конспирации и т.п.

Контактная террористическая подготовка получила значительное распространение в 2014–2016 гг. в криминальной деятельности международной террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ, «Исламское государство»)[78]. На территории, подконтрольной международной террористической организации, была создана сеть тренировочных лагерей, в которых присоединившиеся к ИГИЛ участники обучались тактике ведения боевых действий, диверсионной работы, методам конспирации, способам изготовления взрывных устройств и т.п.[79] После того, как международ-

---

[76] Признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 по делу № АКПИ 14-1424С.

[77] Доклад о возникающих террористических угрозах в Европе от 07.09.2022 (CM(2022)149-add), подготовленный Комитетом Совета Европы по борьбе с терроризмом. URL: https://rm.coe.int/-1445-10-2b-cdct-cm-2022-149-adde/1680a9ad62

[78] Признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 по делу № АКПИ 14-1424С.

[79] Красинский В.В. Терроризм 2.0. С. 13; Меркурьев В.В., Агапов П.В. Уголовная политика в сфере противодействия преступлениям, связанным с участием российских граждан в незаконных вооруженных формированиях на территориях иностранных государств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36). С. 292.

ная террористическая организация «Исламское государство» утратила большую часть захваченных территорий и понесла серьезные кадровые потери, в системе подготовки субъектов террористической деятельности отмечается заметный сдвиг в сторону дистанционных методов обучения. Из-за усилившегося военного давления со стороны международной коалиции вербовщики ИГИЛ, используя технологии онлайн-обучения, неоднократно призывали своих сторонников совершать атаки в своих странах или в других местах вместо того, чтобы пытаться совершить поездку на территорию, подконтрольную ИГИЛ; осуществляли подробный инструктаж завербованных лиц, дистанционное руководство ими при совершении террористических нападений[80]. Некоторые специалисты называют такие атаки «удаленно контролируемыми»[81].

Надо признать, что даже в условиях активного противодействия со стороны национальных властей и международного сообщества в целом кадровая инфраструктура терроризма продолжает выполнять свои функции. Причем делает это довольно успешно, несмотря на то что ресурсы террористических объединений для традиционных финансовых способов рекрутинга и мотивации, используемых в легальных организациях, довольно ограничены. Дело в том, что кадровая работа террористов опирается не столько на финансовое стимулирование (хотя оно, конечно же, используется), сколько на идеологическую мотивацию своих сторонников (действующих и потенциальных).

С социологической точки зрения структура терроризма включает в себя три уровня: идеологию насилия как средства отстаивания своих ценностей (аксиологический уровень); террористические общности, их организации (субъектный уровень); террористическую активность (деятельностный уровень)[82].

---

[80] Руководящие принципы УНП ООН для Центральноазиатской сети по вопросам противодействия и профилактики насильственного экстремизма: Разработка и управление программами по предупреждению и противодействию насильственному экстремизму. Вена: Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2019. С. 13. URL: https://www.unodc.org/pdf/terrorism/UNODC_Guidelines_for_the_Central_Asian_PVE_Network_Russian.pdf

[81] Canadian Broadcasting Corporation «Террор издалека: как ИГИЛ вдохновляет и руководит атаками удаленно» (“Terror from afar: how ISIS inspires and directs attacks remotely”) (24 марта 2017 г.). URL: https://www.cbc.ca/radio/day6/episode-330-london-attackstrump-and-russia-autism-on-sesame-street-kids-climate-change-lawsuit-and-more-1.4035186/terror-from-afar-how-isis-inspires-and-directsattacks-remotely-1.4035188

[82] Мальсагов М.Г. Социальные основы терроризма в России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Новочеркасск, 2007. С. 5–6.

Аксиологический уровень поставлен на первое место не случайно. Именно специфическая идеология терроризма, допускающая и оправдывающая достижение поставленных целей насильственным путем, привлекает в ряды террористических объединений новых сторонников[83], «служит “мостом”» между напряжением, существующим в рамках структуры, недовольством и действием, придает значимость социальной проблеме, определяет несущих за нее ответственность»[84] и тем самым запускает террористическую активность.

Все ключевые международные акты в сфере противодействия терроризму содержат постулат о том, что деятельность террористов, кем бы она ни осуществлялась, не может быть ни при каких обстоятельствах оправдана какими бы то ни было соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого иного характера[85]. Таким образом, идеология терроризма противоречит любым позитивным цивилизационным воззрениям; это исключительно идеология насилия как образа действия и средства устрашения и принуждения, что принципиально отличает терроризм от иных легальных и противоправных форм социального взаимодействия (протестов, освободительных движений, локальных конфликтов, войн, конкурентной борьбы криминалитета и др.). Однако, как показывает практика, умело выстроенная террористическая агитация[86] способна обеспечить этой идеологии широкое распространение, оправдать кровавые террористические атаки, подвести под них идеологическую базу (религиозный долг, установление «высшей справедливости» и т.п.), придать террористам ореол борцов с режимом, создать им привлекательный образ.

---

[83] См.: Меркурьев В.В. Преодоление идеологического вторжения в контексте реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3 (59). С. 78– 83.

[84] См.: Щебланова В.В. Современный терроризм в глобализации социальных рисков: структуралистко-конструктивистский контекст: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2010. С. 14, 27.

[85] См., например: Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (одобрена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1994) // СПС «КонсультантПлюс»; Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06.2001) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 1; Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Екатеринбург, 16.06.2009) // Бюллетень международных договоров. 2009. № 10.

[86] Здесь и далее террористическая агитация используется в качестве собирательного, обобщающего понятия, охватывающего: 1) побуждение к террористической деятельности; 2) апологетику (оправдание) терроризма; 3) пропаганду терроризма (продвижение террористической идеологии).

Для рядовых субъектов террористических объединений, одураченных террористической идеологией, субъективная убежденность в справедливости террористических практик оказывается выше любых материальных стимулов (не случайно терроризм традиционно рассматривается как проявление идеологически мотивированной преступности[87]). Так, британский исследователь Д. Стивенсон отмечает: «Из признаний пленных членов турецкой группировки “Хизболла” известно, что для них было очень важно ощущать моральную оправданность своих действий. В их представлении командиры не столько отдавали приказы, сколько передавали “волеизъявление свыше”»[88]. В свою очередь, Б. Дженкинс обращает внимание на то, что идеология псевдорелигиозного терроризма способна оправдать даже террористические акты с использованием оружия массового поражения: «Веруя, что у них есть благословение Господа, террористы – приверженцы религиозной идеологии – не столь уж сильно связаны обыденными нравственными нормами или представлениями о личной безопасности – тем, что в принципе могло бы отвратить нормального человека от применения ОМП»[89].

Для террористической агитации используются различные каналы. Так, террористическая инфраструктура международных исламистских террористических организаций включает в себя масштабную разветвленную гуманитарную сеть в различных странах, целью которой является распространение идей радикального ислама, а в конечном итоге достижение цели глобального джихада и строительства всемирной исламской политики[90]. Но поистине глобальный характер террористическая агитация приобрела с появлением всемирной

---

[87] Как отмечают зарубежные исследователи терроризма, соответствующим образом мотивированные практики насильственного воздействия выступают в роли своеобразного «репертуара», который позволяет идентифицировать использующих его акторов как террористов, независимо от прочих характеристик. В данном случае самого целенаправленного акта идеологически мотивированного насилия достаточно для классификации события как акта терроризма (см.: Schoon E.W., Beck C.J. Repertoires of Terror: News Media Classification of Militant Groups, 1970 to 2013. P. 1–13; Fox W.P., Ormond B., Williams A. Ranking terrorist targets using a hybrid AHP-TOPSIS methodology // The Journal of Defense Modeling and Simulation. 2016. No. 13 (1). P. 77–93).

[88] Стивенсон Д. Стратегия «сдерживания и профилактики» терроризма // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 1 (7). С. 33–34.

[89] Symposium: Diagnosing Al Qaeda. 18 August 2003. URL: http://www.rand.org/news/fp.h.tml. P. 10.

[90] Димитровска А. Деятельность международных террористических организаций в странах Западных Балкан. С. 183–184.

сети «Интернет». Глобальные информационно-коммуникационные сети давно стали ведущим каналом идеологической обработки, рекрутинга новых членов и осуществления коммуникации[91].

В современном информационном обществе, живущем под лозунгом: «Нет события в информационном пространстве – нет и в реальности», эффективность террористической деятельности без массмедийного эффекта близка к нулю, а террористические акты, замкнутые на непосредственных жертв, утрачивают свой практический смысл[92]. СМИ и средства массовой коммуникации, формируя рамки интерпретации идеологии и проявлений терроризма, являются сегодня основным источником распространения, тиражирования информации о террористических актах, обеспечивая эффективность использования насилия как средства устрашения и принуждения при реализации террористической угрозы.

Современная цифровая среда кардинально изменила кадровую и идеологическую инфраструктуру терроризма. Она обеспечивает прямой доступ к целевой аудитории[93]. По признанию специалистов, пропагандистская деятельность террористических организаций, которая ведется в социальных сетях, значительно увеличивает риск насилия, которое может произойти в любом месте и в любое время; процесс радикализации происходит в Интернете более широко и анонимно, что повышает вероятность нападений со стороны неизвестных групп и отдельных лиц, которых сложно определить заранее[94].

Для терроризма как сложноорганизованной деятельности характерны групповые и организованные формы ее осуществления: «Террористические

---

[91] См.: Кулишов В.Г. Об основных результатах деятельности Национального антитеррористического комитета // Вестник НАК. 2010. № (01) 1. С. 64–65; Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Использование информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности // Научный портал МВД России. 2014. № 1. С. 84–91; Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: функциональный анализ // Свободная мысль. 2014. № 4. С. 55–72.

[92] См.: Катрич Л.В. Плюрализация форм терроризма в современном мире … С. 15.

[93] Lock I., Ludolph R. Organizational propaganda on the Internet: A systematic review // Public Relations Inquiry. 2020. No. 9 (1). P. 103–127.

[94] Sunstein C.R. Islamic State's Challenge to Free Speech. Does ‘clear and present danger’ fit the age of terror and social media? 2015. URL: https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2015-11-23/islamic-state-s-challenge-to-free-speech

акты, как правило, осуществляются группами, или организациями, или лицами, действующими от их имени или каким-то образом связанными с ними»[95]. Это вполне закономерно, ведь криминальная кооперация усилий нескольких субъектов позволяет достигать качественно иного результата и масштабов. Как отмечается в юридической литературе, индивидуальный криминальный потенциал многократно возрастает при групповой преступной деятельности, а мотивационная составляющая такой деятельности значительно увеличивается за счет опосредованной проекции преступного поведения на всех участников группы. В результате групповая преступная деятельность позволяет осуществлять те сложные виды преступной деятельности, которые невозможно осуществить индивидуально[96].

Террористические объединения выступают в качестве «гравитационного поля», притягивающего новых участников, материально-технические и информационные ресурсы, обеспечивающего связанность разрозненных носителей террористической идеологии[97]. Так, например, первым шагом в череде преступных действий, завершившихся 22.03.2024 масштабным террористическим актом в здании «Крокус Сити Холл» (Московская обл., г. Красногорск), стало формирование на территории Российской Федерации не менее трех ячеек «Вилаят Хорасан» (подразделения ИГИЛ[98]). Все последующие действия, связанные с вербовкой исполнителей террористического акта, их вооружением, финансированием, подготовкой, были осуществлены руководителями структурных подразделений этой международной террористической организации.

---

[95] Cassese A. International Criminal Law. 2nd edition. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 937.

[96] См.: Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Общественная опасность групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 118.

[97] На примере международной террористической организации «Исламское государство» этот феномен хорошо показан в работе Р.С. Кочои (см.: Кочои Р.С. Противодействие транснациональной преступности террористических организаций: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2024).

[98] Признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 по делу № АКПИ 14-1424С.

Поэтому сам по себе факт существования террористических объединений (особенно крупных и публичных) выступает в качестве мощного криминогенного фактора[99]. Обращая внимание на это обстоятельство, криминологи констатируют, что международные террористические организации (ИГИЛ[100], «Аль-Каида»[101] и др.) становятся «значимым генерирующим фактором преступлений, связанных с транснациональной организованной террористической деятельностью»; «для расширения сферы влияния и выхода на транснациональный уровень они используют и стимулируют сепаратистские, повстанческие и иные конфликты и движения внутри различных стран, ориентируясь прежде всего на государства, территории которых граничат с зонами их преступной активности и (или) население которых в той или иной части может воспринимать религиозные и геополитические составляющие идеологии таких организаций, а также прибегают к материальной заинтересованности вовлекаемых в организацию лиц, что особенно эффективно в периоды локальных и общемировых экономических кризисов. Это обстоятельство трансформирует качество самой транснациональной преступности и ее последствий, превращая ее в фактор не только криминологической, но и геополитической, военной угрозы международного характера»[102].

Учитывая весомый вклад террористических объединений в детерминацию террористических деяний, представляется целесообразным в качестве элемента инфраструктуры терроризма рассматривать действия, направленные на создание преступных объединений террористической направленности,

---

[99] См.: Мацкевич И.М., Королева М.В. Проблемы борьбы с организованной преступностью: учебное пособие. М.: Проспект, 2025; Агапов П.В., Меркурьев В.В. Организованная преступность в современной России: состояние, тенденции и меры прокурорского реагирования // Вестник Юридического института МИИТ. 2019. № 3 (27). С. 54–61.

[100] Признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 по делу № АКПИ 14-1424С.

[101] Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

[102] Пихов А.Х.-А. Теоретические основы противодействия транснациональной преступности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2018. С. 15.

руководство ими, участие в их деятельности, которые можно обозначить собирательным понятием **«организационно-управленческая инфраструктура терроризма»**[103].

В докладах европейских контртеррористических структур отмечается, что «террористическая деятельность все чаще принимает форму разрозненной сети, деятельности мелких ячеек и одиночек, которые могут иметь или не иметь связи с запрещенными террористическими группами»; констатируется, что «распространение посторганизованного терроризма в Европе ускорилось»[104]. Однако при детальном рассмотрении оказывается, что так называемый «посторганизованный» терроризм (терроризм «одиночек») тесно связан с криминальной деятельностью террористических объединений (по каналам идеологической «обработки», вербовки, подготовки и т.п.)[105]. Это обстоятельство признается в ранее процитированном докладе Комитета Совета Европы по борьбе с терроризмом: «…большое количество исследований показывает, что "действующие лица-одиночки" или отдельные лица, готовящие и совершающие нападение в одиночку, могут иметь ряд оперативных, финансовых или идеологических связей с террористическими или воинствующими экстремистскими сетями»; «проведенное в 2016 г. исследование терроризма "одиночек" в 30 европейских странах, охватывающее как заговоры, так и нападения в период с 2000 по 2014 г., выявило очень ограниченное количество заговоров, совершенных одиночками»[106]. Таким образом, организационно-управленческая инфраструктура терроризма, включающая деятельность по формированию террористических объединений, руководству ими и участию в них, имеет

---

[103] Похожая терминология использована в Руководстве для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма, подготовленном в 2008 г. Управлением ООН по наркотикам и преступности: в нем указано, что террористические группы «образуют организационную инфраструктуру терроризма» (см.: Руководство для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма. Вена: Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2008. С. 8. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Legislative_Guide_Universal_Legal_Regime/Russian.pdf).

[104] Доклад о возникающих террористических угрозах в Европе от 07.09.2022 (CM(2022)149-add), подготовленный Комитетом Совета Европы по борьбе с терроризмом. URL: https://rm.coe.int/-1445-10-2b-cdct-cm-2022-149-adde/1680a9ad62

[105] См.: Schuurman B., Bakker E., Gill P., Bouhana N. Lone Actor Terrorist Attack Planning and Preparation: A Data-Driven Analysis // Journal of Forensic Sciences. 2018. July. Vol. 63, No. 4. P. 1191–1200.

[106] Доклад о возникающих террористических угрозах в Европе от 07.09.2022 (CM(2022)149-add).

многослойный криминогенный эффект: она детерминирует не только террористические нападения, совершаемые террористическими группами, но и террористические атаки, не имеющие прямой аффилиации (от англ. *affiliation* – «связь», «присоединение») с существующими террористическими структурами.

Рассматривая элементы инфраструктуры терроризма, нельзя, конечно же, не упомянуть о ее **финансовой и материально-технической составляющей**. Тезис о том, что насильственные террористические преступления находятся в прямой детерминационной связи с финансированием терроризма, можно с полным основанием отнести к разряду криминологических аксиом. Эта аксиома отражена не только в академических исследованиях[107], но и в материалах международных контртеррористических структур: «…финансовая подготовка … предшествует практически каждой террористической атаке»[108]; «совершение террористических актов требует мобилизации средств для поддержания подпольных сетей, подготовки групп, организации сложных операций, приобретения оружия или подкупа сообщников»[109].

Конечно же, нельзя не признавать, что в зловещей череде террористических актов, совершаемых практически во всех уголках мира, иногда встречаются деяния террористов-одиночек, совершенные подручными предметами (например, с использованием бытового ножа или транспортного средства), т.е. не требующие сколько-нибудь существенного финансирования. Однако если подходить к проблеме терроризма комплексно, как к глобальной угрозе, то по-

---

[107] В одной из последних работ по соответствующей тематике эта аксиома сформулирована следующим образом: «…террористическая деятельность невозможна без соответствующего финансового или иного материального обеспечения» (см.: Факов А.М. Финансирование террористической деятельности: криминологическая характеристика и меры противодействия: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2025. С. 3).

[108] Серия учебных модулей Управления по наркотикам и преступности ООН: Борьба с терроризмом. Модуль 4: Меры системы уголовного правосудия по борьбе с терроризмом. С. 18. URL: https://www.unodc.org/e4j/ru/terrorism/module-4/key-issues/intro.html. См. также: Меркурьев В.В., Агапов П.В. Проблемные вопросы квалификации участия в деятельности террористической организации, основные структуры которой находятся на территории другого государства (статья 205^5 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4 (24). С. 94–100.

[109] Руководство по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом. С. 16. URL: https://www.unodc.org/pdf/terrorism/TATs/ru/2LIGru.pdf

добные примеры следует расценивать лишь как исключение из общего правила, которое состоит в том, что современный терроризм имеет в своем основании сложную материально-техническую инфраструктуру.

Функциональное назначение деяний, образующих финансирование терроризма (сбор, перемещение и предоставление финансовых и материально-технических средств), заключается в «самовоспроизводстве, самодетерминации, самосохранении и развитии системы террористической деятельности». Имея столь обширный функционал, «финансирование обеспечивает функционирование механизма террористической деятельности и системные взаимосвязи между различными видами террористической деятельности, а также взаимосвязи данной системы с внешней средой»[110]. А потому национальные власти и международное сообщество в целом признают перекрытие каналов финансирования терроризма ключевым элементом контртеррористической стратегии[111]. В резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности ООН установлено обязательство для всех «ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств, любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались – или при осознании того, что они будут использованы, – для совершения террористических актов» (подп. «b» п. 1).

Обширные исследования[112] фиксируют резкое повышение технологичности деяний, составляющих финансирование терроризма, его активную циф-

---

[110] См.: Факов А.М. Финансирование террористической деятельности … С. 11.

[111] В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124) к основным направлениям государственной политики в сфере противодействия экстремизму отнесены «выявление и ликвидация источников и каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности» (п. 36). А в справочных материалах ООН отмечается, что «лишение террористов и террористических организаций финансовых средств, необходимых для осуществления их деятельности и совершения запланированных терактов, – неотъемлемая часть любой успешной глобальной кампании по противодействию терроризму» (см.: Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 38. URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/54b528564.pdf).

[112] См.: Богомолов С.Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2017; Андрианова А.О. Уголовно-правовое противодействие финансированию терроризма в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023; Глущенко П.А. Криминологические основы противодействия финансированию экстремистской и террористической деятельности: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2025; Факов А.М. Финансирование террористической деятельности …

ровизацию. Для финансирования терроризма «активно используются технологические решения, обеспечивающие аккумуляцию, ускоренное и беспрепятственное перемещение финансовых средств, высокую степень анонимности: цифровые валюты, VPN-сервисы, электронные платежные средства, краудфандинговые платформы»[113]. К отличительным особенностям финансирования терроризма криминологи относят: «использование доступных финансовых, маркетинговых, информационных и коммуникационных технологий, социальных сетей, мессенджеров, видеохостингов, которые обеспечивают анонимность проводимых транзакций; дистанционный, трансграничный и сетевой характер большинства преступлений; активное применение методов социальной инженерии и постоянную адаптацию алгоритмов преступной деятельности к изменяющимся социальным и политическим условиям»[114].

К материально-технической инфраструктуре терроризма относится в первую очередь обеспечение субъектов террористической деятельности орудиями и средствами совершения преступлений. В техническом руководстве по осуществлению антитеррористических резолюций Совета Безопасности ООН отмечается, что в большинстве случаев для террористических нападений применяются самодельные взрывные устройства: «Использование самодельных взрывных устройств стало обычной практикой. Они зачастую принимают форму самодельных минометных снарядов, ракет, гранат и наземных мин, которые применяются почти так же, как аналогичные боеприпасы, производимые военной промышленностью»[115]. При этом обращается внимание на то, что для вооружения субъектов террористической деятельности все чаще исполь-

---

[113] Национальная оценка рисков финансирования терроризма: публичный отчет 2022 г. URL: https://www.fedsfm.ru/fm/nor. См. также: Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27.12.2019 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998) (пункты 126-132). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf.

[114] Глущенко П.А. Криминологические основы противодействия финансированию экстремистской и террористической деятельности. С. 10–11.

[115] Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27.12.2019 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998) (п. 148). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf

зуется сеть «Интернет», которая «эксплуатируется как канал для торговли оружием, включая компоненты и материалы-прекурсоры, используемые для изготовления самодельных взрывных устройств», а также позволяет распространять учебные материалы по их изготовлению и применению[116].

При этом на официальном уровне констатируется сдвиг в сторону мелкомасштабных нападений, совершаемых с использованием подручных средств и предметов двойного назначения, таких как транспортные средства, ножи, топоры: «Переход к использованию легкодоступного оружия был прямым результатом инструкций командования ИГИЛ (ДАИШ)[117]. В видеоролике, опубликованном в январе 2015 г., представитель ИГИЛ (ДАИШ) Абу Мухаммад аль-Аднани поощрял атаки любыми доступными простыми средствами, включая “взрывное устройство, пулю, нож, автомобиль, камень или даже ботинок или кулак”. <…> Оружие ближнего боя (такое как ножи, топоры, мачете или тесаки для разделки мяса) стало все чаще использоваться в террористических нападениях в Европе с 2014 г.»[118].

С другой стороны, специалисты в области антитеррора с тревогой отмечают использование террористами технологически сложного оружия (беспилотные летательные аппараты, ракеты, огнестрельное оружие, изготовленное на 3D-принтере), высказывают серьезную озабоченность в связи с попытками террористических организаций получить доступ к оружию массового поражения[119]. В качестве иллюстраций, подтверждающих реальность этих угроз, приводятся примеры применения ИГИЛ химического оружия в Ираке и Сирии,

---

[116] Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27.12.2019 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998) (п. 149).

[117] Признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 по делу № АКПИ 14-1424С.

[118] Доклад о возникающих террористических угрозах в Европе от 07.09.2022 (CM(2022)149-add), подготовленный Комитетом Совета Европы по борьбе с терроризмом. URL: https://rm.coe.int/-1445-10-2b-cdct-cm-2022-149-adde/1680a9ad62

[119] Зарубежные исследователи уже достаточно давно признают, что «распространение ядерных и других технологий двойного назначения в самых разных странах увеличивает опасность их незаконного приобретения террористическими группами» (см.: Wilkinson P. International terrorism: the changing threat and the EU’s response. Paris: EU Institute for Security Studies, 2005. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp084.pdf). Эти проблемы обозначены и отечественными криминологами (см.: Меркурьев В.В., Борисов С.В. Обеспечение национальной безопасности от новых вызовов и угроз: меры противодействия и профилактики // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2020. № 5 (274). С. 79–86).

а также факт успешного производства биологического агента (рицина) в Кельне (Германия)[120]. Таким образом, можно констатировать, что деяния, образующие материально-техническую инфраструктуру терроризма, обеспечивают субъектов террористической деятельности широким арсеналом орудий и средств для совершения террористических атак, начиная от бытовых предметов и заканчивая высокотехнологичным оружием.

Понятно, что материально-техническая поддержка терроризма не ограничивается производством, сбором, передачей предметов, пригодных к непосредственному использованию для террористических атак. Ее предметное содержание намного шире. Она может выражаться в предоставлении транспортных средств и услуг, средств связи, обмундирования, медикаментов, продовольствия, в обеспечении жильем и т.д. Учитывая это обстоятельство, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) использует весьма широкую трактовку средств, выступающих в качестве предмета финансирования терроризма: «“Средства” означают активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы, но не ограничиваясь ими» (п. 1 ст. 1). Пленум Верховного Суда Российской Федерации, следуя международным стандартам, также определяет предмет финансирования терроризма весьма широко (п. 16 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террори-

[120] Доклад о возникающих террористических угрозах в Европе от 07.09.2022 (CM(2022)149-add), подготовленный Комитетом Совета Европы по борьбе с терроризмом. URL: https://rm.coe.int/-1445-10-2b-cdct-cm-2022-149-adde/1680a9ad62

стической направленности»), но, забегая вперед, отметим, что даже такая трактовка, к сожалению, не охватывает всех возможных способов ресурсной поддержки субъектов террористической деятельности.

Дело в том, что инфраструктурное обеспечение терроризма (его «теневая экономика») не ограничивается лишь предоставлением доступа к уже привычным финансовым активам, предметам вооружения, иным материально-техническим ресурсам. В значительной своей части инфраструктурная поддержка терроризма переходит в цифровое пространство, причем многие ее проявления не укладываются в рамки традиционного определения финансирования терроризма.

Цифровизация оказывает существенное влияние на отдельного человека, общество и государство. В связи с внедрением информационно-телекоммуникационных технологий за прошедшие годы произошли значимые и зримые изменения в сфере государственного управления, экономики, здравоохранения, образования и др. Специалисты повсеместно и единодушно отмечают, что данный процесс является необратимым и обещает множество поистине революционных преобразований. Активно ведутся дискуссии относительно тех фундаментальных изменений, которые будут связаны с определенным уровнем развития и внедрения технологий искусственного интеллекта и робототехники[121]. Уже сегодня является практически неоспоримым, что будущее человечества так или иначе будет связано с «цифрой» и во многом предопределено ею.

Как и любое явление, цифровизация подчиняется законам диалектики, имея не только положительную, но и негативную сторону[122]. Она привела к большей – пожалуй, невиданной ранее во всей истории – отчужденности человека. Казалось бы, говорить об изоляции человека в эпоху гиперсвязанного

---

[121] См., например: Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон. М., 2024; Бегишев И.Р. Уголовно-правовое регулирование робототехники. М., 2022.

[122] См.: Мацкевич И.М. Информатизация в современном мире: уголовно-правовые и криминологические аспекты, профилактическая роль прокуратур // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 89–95.

мира принципиально неверно, ведь никогда ранее человек не обладал технологиями, позволяющими ему без особого труда и материальных затрат из одной точки мира контактировать с разными людьми, находящимися от него на расстоянии нескольких тысяч километров. Вместе с тем цифровизация привела к прогрессирующей проблеме добровольного «бегства» личности от реальности, в мир искусственных конструкций, акторов и фактов. В результате этого цифровая коммуникация с течением времени стала все больше замещать традиционную, обрекая человека эпохи Четвертой промышленной революции[123] на одиночество и изоляцию в реальном мире. Парадокс заключается в том, что при внимательном рассмотрении и анализе такого ежедневного цифрового общения довольно часто обнаруживается, что преобладающим источником получения информации, эмоций и впечатлений выступает отнюдь не живой человек, а искусственно созданная личность в социальной сети, медийный проект (блог), чат-бот и т.п. Этому есть конкретное объяснение, и современная наука в целом уже довольно обстоятельно описала содержание, а также перспективные последствия цифровизации в этом отношении.

Неудивительно, что с развитием информационных технологий невиданные возможности для расширения своего влияния на массовое сознание получила идеология терроризма. Как совершенно справедливо пишет Д.А. Ковлагина, непосредственное информационно-психологическое воздействие террористических групп осуществляется посредством создания такими образованиями своих веб-сайтов, СМИ, радио- и телевизионных частот[124].

А.А. Смирнов делает обоснованный вывод, что в условиях цифровой трансформации и развития глобального информационного общества значительно возрастают риски деструктивного информационно-психологического

[123] См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М., 2018. С. 119.
[124] Ковлагина Д.А. Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия. М., 2017. С. 75–76.

воздействия на личность и общество, что обусловливает необходимость модернизации системы правового обеспечения информационной безопасности[125].

Использование террористическими образованиями современных средств коммуникации для пропаганды – это только часть проблемы. Компоненты информационно-телекоммуникационной инфраструктуры стали использоваться при совершении самих террористических актов. Еще в 2008 г. при террористической атаке в г. Мумбаи (Индия) злоумышленники как на стадии приготовления, так и в процессе своих преступных действий (в результате которых погибли 166 человек) активно использовали цифровые технологии: проводили разведку посредством сетевой картографической службы, координировали свои действия, получали информацию в режиме реального времени о международной реакции на их террористический акт и действиях силовых структур[126]. С течением времени процесс включения компонентов информационно-телекоммуникационной инфраструктуры в террористическую деятельность развился в то, что на настоящий момент можно именовать **информационной (цифровой) инфраструктурой терроризма.**

Так, в составе международной террористической организации «Исламское государство»[127] функционируют полноценные медиаагентства для производства на высоком профессиональном уровне продукции в целях последующего распространения в сети «Интернет». Кроме того, созданы специальные подразделения (например, Cyber Caliphate), которые разрабатывают и используют собственное программно-техническое обеспечение (вредоносные и иные

[125] Смирнов А.А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 16.
[126] Террористическая атака на индийский город Мумбаи в ноябре 2008 года. URL: https://ria.ru/20131126/979475607.html
[127] Признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 по делу № АКПИ 14-1424С.

компьютерные программы, мессенджеры и т.п.), а также проводят кибератаки на информационные ресурсы отдельных организаций и государств[128].

В уголовно-правовой и криминологической литературе констатируются рост технологической подготовленности террористических групп, деятельностная интеграция основных кибернетических технологий в собственную инфраструктуру, включая в том числе и активное их использование для обеспечения собственной безопасности[129].

Здесь следует внести необходимую ясность в соотношение таких категорий, как «кибертерроризм» и «цифровая инфраструктура терроризма». Задача осложняется тем, что в отношении первого в науке уголовного права нет общепринятого подхода. Считается, что в определении кибертерроризма доминируют два направления. Согласно первому из них, кибертерроризм представляет собой совершенную в террористических целях атаку на частные или общественные информационные системы, критическую информационную инфраструктуру государства и пр.[130] Е.Н. Молодчая пишет, что кибертерроризм представляет собой многогранный феномен, проявляющийся в атаках на компьютеры, компьютерные программы и сети или находящуюся в них информацию, во имя достижения целей и интересов субъектов террористической деятельности[131]. Как нетрудно заметить, выделяются два ключевых критерия: террористическая цель деяния и направленность посягательства именно на компоненты цифровой инфраструктуры.

---

[128] См.: Информационные ресурсы ИГИЛ // Новое восточное обозрение. URL: https://journal-neo.su/ru/2015/06/08/informatsionny-e-resursy-igil/; Меркурьев В.В., Агапов П.В. Проблемные вопросы квалификации участия в деятельности террористической организации, основные структуры которой находятся на территории другого государства (статья 205^5 Уголовного кодекса Российской Федерации). С. 94–100.

[129] Пучков Д.В. Кибернетические технологии в социально-биологической сфере: уголовно-правовые аспекты. М., 2020. С. 77.

[130] См.: Ефремова М.А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. М., 2015. С. 128; Красинский В.В., Машко В.В. Кибертерроризм: криминологическая характеристика и квалификация // Государство и право. 2023. № 1. С. 79–91.

[131] Молодчая Е.Н. Политика противодействия кибертерроризму в современной России: политологический аспект: дис. … канд. полит. наук. М., 2011. С. 16.

Суть второго, более широкого, подхода заключается в определении кибертерроризма как любого вида террористической деятельности, совершаемого с использованием компонентов информационных технологий[132]. В этом отношении кибертерроризмом является и прохождение обучения с использованием сетевых технологий в целях дальнейшего совершения террористических актов.

Есть весьма серьезные основания к тому, чтобы согласиться с необходимостью принципиального разделения совершаемых в террористических целях компьютерных атак против объектов информационно-телекоммуникационной инфраструктуры (собственно, кибертерроризма) и любой другой террористической деятельности (склонение, пропаганда, обучение, финансирование), реализуемой с использованием современных цифровых технологий. Представляется, что природа кибертерроризма определяется не только и не столько средством воздействия, сколько направленностью самого общественно опасного деяния, т.е. его объектом. И потому кибертерроризм следует понимать исключительно как компьютерную атаку на объекты, прежде всего критически значимые, информационно-телекоммуникационной (цифровой) инфраструктуры.

Проблема определения цифровой инфраструктуры терроризма в теории уголовного права по большому счету еще не была даже поставлена. Соответственно, говорить о ее разработанности на данный момент нельзя. Специалисты лишь обсуждают те факты, когда те или иные цифровые технологии были использованы террористами для своих акций.

Полагаем, что в определении цифровой инфраструктуры терроризма следует исходить из следующих критериев. Прежде всего, в уголовно-правовом контексте цифровая инфраструктура терроризма не может быть сведена

---

[132] См.: Капитонова Е.А. Современный терроризм. М., 2015. С. 139; Бельский А.И., Якимова В.И. Кибертерроризм как один из наиболее опасных видов международного терроризма // Российский следователь. 2020. № 5. С. 69; Ксендзов Ю.Ю., Шадерков А.А. Кибертерроризм как угроза информационной безопасности Российской Федерации // Государство и право в цифровую эпоху: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г.). СПб., 2022. С. 105.

к конкретным материальным объектам (серверам, сайтам, социальным сетям, программному обеспечению и т.п.). Такие средства и технологии в правовом смысле нейтральны. Соответственно, цифровая инфраструктура терроризма представляет собой не совокупность цифровых технологий и объектов (аппаратного обеспечения, средств связи и соединения (маршрутизаторы, кабели и т.п.), средств хранения данных и др.), а специфическую *деятельность*, направленную на их изготовление, приспособление, приобретение, предоставление и использование в целях совершения террористических преступлений. Второй критерий выявляет террористическую составляющую такой деятельности, а именно – ее направленность на формирование и развитие идеологической основы, кадрового резерва, организационно-управленческих структур, материально-технической и информационной базы терроризма. С учетом изложенного под цифровой инфраструктурой терроризма следует понимать умышленные общественно опасные деяния, направленные на создание и развитие технологий и построенных на их основе цифровых продуктов, обеспечивающих вычислительные, телекоммуникационные и сетевые мощности для осуществления террористической деятельности.

Соответственно, предметом цифровой инфраструктуры терроризма выступают:

– *аппаратное обеспечение* (персональные компьютеры, серверы, центры обработки данных (ЦОД), коммутаторы и т.п.);

– *программное обеспечение* (операционные системы, вредоносные компьютерные программы, веб-ресурсы и др.);

– *сетевое обеспечение* (технологии внутренней и внешней связи).

Возвращаясь к вопросу о соотношении кибертерроризма и цифровой инфраструктуры терроризма, следует указать на следующее. Цифровая инфраструктура терроризма является обязательной составляющей (необходимой предпосылкой) кибертерроризма. Вместе с тем цифровая инфраструктура терроризма как криминальная деятельность по своему масштабу значительно

шире и направлена на обеспечение осуществления практики терроризма во всех возможных проявлениях.

Таким образом, можно заключить, что цифровая инфраструктура имманентна кибертерроризму и последний невозможен без нее. В то же время присутствие и инструментарий цифровой инфраструктуры терроризма этим не исчерпывается, поскольку обнаруживает себя во многих других видах террористической деятельности, не связанных с целевыми атаками на информационные сети, автоматизированные системы управления и т.п.

Для осуществления террористической деятельности лица используют вполне законные инструменты цифровой коммуникации (мессенджеры, социальные сети, многопользовательские онлайн-игры и т.п.). При этом применяются популярные и не запрещенные анонимайзеры – специальные программы, предназначенные для изменения или сокрытия сетевых идентификаторов пользователя. В связи с этим возникает вполне понятный вопрос о том, могут ли такие объекты выступать маркерами цифровой инфраструктуры терроризма. Полагаем, что для этого нет значимых препятствий. Весь вопрос заключается в том, чтобы разделить общедоступные цифровые продукты, фактически используемые террористами, и заведомо созданные или приспособленные для осуществления террористической деятельности. Здесь можно провести аналогию с объектами недвижимости и транспортными средствами, которые используются террористами. Не возникает сомнений относительно того, что они выступают частью их материально-технической базы, хотя и дома, и автомобили являются вполне легитимными объектами гражданских прав. Ровно так же следует поступать и с законными инструментами цифровой коммуникации.

С учетом изложенного следует сделать вывод, что орудия и средства цифровой инфраструктуры терроризма могут быть представлены двумя самостоятельными комплексами (типами):

– комплексом открытых (находящихся в свободном доступе) технологий и цифровых продуктов, используемых в целях осуществления террористической деятельности;

– комплексом специальных («закрытых») технологий и цифровых продуктов, заведомо созданных, распространяемых и используемых для осуществления террористической деятельности.

Иными словами, об орудиях и средствах цифровой инфраструктуры терроризма можно говорить в широком и узком смысле. Понятно, что наибольшую опасность и, соответственно, интерес представляют компоненты цифровой инфраструктуры второго – закрытого – типа. Наиболее наглядно они могут быть представлены вредоносными компьютерными программами, заведомо созданными для целевых атак на автоматизированные системы управления объектов транспорта, энергетики, здравоохранения и др. Вместе с тем закрытый тип инструментария цифровой инфраструктуры терроризма также представлен специальными ресурсами в «черном» сегменте сети «Интернет» (так называемый Darknet); программным обеспечением для управления боевыми беспилотниками кустарного производства; специально разработанными мессенджерами; программами для шифрования данных; сетями и оборудованием для передачи данных; специально созданными для осуществления террористической деятельности центрами обработки данных (ЦОД) и т.п.

Особенность цифровой инфраструктуры терроризма состоит в том, что один человек или малая группа, обладающие специальными знаниями и навыками, способны с использованием компонентов цифровой среды осуществлять террористическую деятельность, сопоставимую по своим масштабам с аналогичной деятельностью многих лиц в составе террористического сообщества либо террористической организации. На это обстоятельство обращает внимание В.С. Овчинский: «Ключевым фактором повышения могущества малых групп и индивидов является развитие ИКТ. С одной стороны, развитие этих технологий привело к широкому внедрению Интернета, а соответственно,

и к возможности не только разрушить, но и взять под управление любые системы, связанные с Интернетом через киберпространство. С другой стороны, ИКТ резко удешевляют производственные процессы и делают доступными многие изделия, оборудование и т.п. для небольших групп… Соответственно, небольшие группы и даже отдельные граждане могут получить новейшие разработки критических технологий, например искусственного интеллекта, по сути, бесплатно»[133]. К этому же выводу приходит Е.А. Русскевич, обращая внимание на «гипертаргетированность» современной компьютерной преступности, т.е. способность практически одномоментно вызывать колоссальные по своему масштабу последствия и причинять вред сразу сотням, тысячам и даже миллионам потерпевших[134].

Цифровая инфраструктура современного терроризма предназначена не только для террористической пропаганды и вербовки. В настоящее время цифровые технологии и продукты используются террористами для совершения атак на критическую информационную инфраструктуру государств, хищения денежных средств у граждан и организаций в целях их дальнейшего использования для террористической деятельности, осуществления атак в отношении отдельных пользователей, в том числе для их последующего шантажа и возможной вербовки.

Нельзя не учитывать и ту роль, которую играют современные информационные технологии в кадровом обеспечении террористической деятельности. Компоненты цифровой инфраструктуры позволяют определять пользователей, которые с наибольшей вероятностью поддерживают либо проявляют

---

[133] Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. М., 2018. С. 60–61.

[134] Русскевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 45. Нельзя не отметить, что эти процессы спрогнозированы задолго до начала «цифровой революции». Еще в начале 60-х гг. XX в. Станислав Лем писал, что в XXI в. новая производственная революция создаст условия, когда не только криминальные группы, но и отдельные преступники смогут ставить под угрозу нормальное функционирование и жизнь населения мегаполисов и даже государств (см.: Лем С. Сумма технологий. М., 2021).

интерес к идеологии и практике терроризма. Это существенным образом облегчает деятельность профессиональных вербовщиков, которые «по воле случая» оказываются на жизненном пути таких лиц.

Современные цифровые технологии предоставили террористическим образованиям возможность иметь свои средства массовой информации, социальные сети, средства обмена сообщениями (мессенджеры), сложно организованную и весьма защищенную финансовую систему, а также систему материально-технического и кадрового обеспечения. Так, например, в современной литературе справедливо отмечается, что появление виртуальных финансовых активов, в том числе криптовалюты, стало возможным благодаря технологии блокчейн. Известный факт, что в настоящее время криптовалюты широко используются для анонимного финансирования терроризма[135]. При этом, оценивая риски для стабильности и развития российской финансовой системы, специалисты справедливо обращают внимание на необходимость выработки общей модели правового регулирования создания и функционирования экосистем цифровой экономики, стандартов систем управления и внутреннего контроля[136].

Завершая обзор основных элементов, образующих инфраструктуру терроризма, приведем данные проведенного нами социологического исследования относительно их масштабов. Опрошенные нами ученые и практикующие юристы указали, что совершению террористических актов и иных насильственных террористических преступлений чаще всего предшествуют (можно было указать несколько вариантов): вербовка лица в целях совершения террористического нападения и (или) его вхождения в состав террористической

---

[135] Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 209; Тисен О.Н. Новые риски финансирования терроризма с использованием криптовалют в странах ЕАГ и СНГ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 1. С. 2–6. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, обращаясь к современным проблемам и способам противодействия террористической деятельности, отдельно выделил то обстоятельство, что цифровые валюты как технология весьма привлекательны для террористических структур (см.: Бастрыкин А.И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 167–170).

[136] Папаскуа Г.Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики: дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 12.

группы – 79,6%; финансирование террористического преступления или участников террористической группы – 71,7%; обучение лица в целях совершения террористического преступления – 58,6%; вооружение лица в целях совершения террористического преступления – 53,9%; создание террористической группы – 51,3%; террористическая агитация (публичные призывы к терроризму, его публичное оправдание, пропаганда терроризма) – 50,8% (см. приложение).

Понятно, что приведенные данные не могут с математической точностью отразить реальное соотношение элементов террористической инфраструктуры (такая задача нами не ставилась), а дают лишь приблизительную картину, которую к тому же нужно рассматривать с поправкой на несовпадающие коэффициенты латентности перечисленных деяний. Намного важнее другое – экспертное сообщество, несмотря на свою неоднородность (представители науки и практики), демонстрирует устойчивый консенсус в плане того, что без предварительного совершения вышеперечисленных инфраструктурных деяний совершение террористических актов и иных насильственных террористических преступлений невозможно (71,7% респондентов) (см. приложение).

Необходимо также подчеркнуть, что каждый из рассмотренных в настоящем параграфе элементов инфраструктуры терроризма имеет двойной функционал:

– во-первых, они детерминируют совершение насильственных террористических преступлений, обслуживая тем самым основную систему (терроризм), т.е. выполняют внешние функции;

– во-вторых, каждый из элементов выполняет внутренние функции – способствует успешной работе других элементов, обеспечивая мобилизацию инфраструктуры терроризма как подсистемы (успешная кадровая работа является залогом стабильного пополнения террористического «общака»; адаптация современных цифровых продуктов и технологий под террористические

нужды позволяет вести террористическую агитацию, вербовать новых сторонников, обеспечивать финансирование; эффективная организационно-управленческая деятельность террористических объединений приводит к расширению кадровых и материально-технических ресурсов).

Четкое понимание тесной функциональной взаимосвязи инфраструктурных элементов терроризма должно стать отправной точкой для определения конкретных направлений противодействия террористической угрозе. Было бы ошибкой выделять здесь «главный», «основной» или «приоритетный» вектор (например, борьбу с финансированием терроризма или противодействие террористической идеологии), равно как и ранжировать элементы террористической инфраструктуры по степени их вклада в детерминацию террористических преступлений. Инфраструктура терроризма – это сложная и эффективно работающая подсистема, элементы которой отличаются высочайшей степенью интеграции, а потому концентрация всех контртеррористических усилий лишь на одном из инфраструктурных элементов окажется малопродуктивной. Можно, конечно, бросить все силы на борьбу с идеологической инфраструктурой терроризма, как это предлагается в отдельных публикациях[137], однако вряд ли стоит ожидать заметных позитивных результатов, если не будут одновременно предприняты меры по противодействию иным элементам, каждый из которых по-своему способствует продвижению террористической идеологии. Здесь нужен иной – комплексный – подход, предполагающий системное воздействие на все составные элементы террористической инфраструктуры.

[137] См., например: Кулишов В.Г. Об основных результатах деятельности Национального антитеррористического комитета. С. 62.

Глава 2.
Стратегия и теоретические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма

2.1. «Превентивный поворот» в стратегии уголовно-правового противодействия терроризму

Несмотря на многообразие подходов к определению терроризма, среди исследователей этого феномена достигнут устойчивый консенсус в плане того, что таковой представляет сложную систему, которая испытывает влияние разнонаправленных политических, идеологических, религиозных, социально-экономических, криминальных и иных факторов. А потому противодействие терроризму требует системного, стратегического подхода[138].

Осознавая это обстоятельство, международное сообщество разработало целый ряд стратегических документов по противодействию терроризму. Особое место среди них занимает Глобальная контртеррористическая стратегия ООН (GCTS), принятая резолюцией 60/288 Генеральной Ассамблеи от 08.09.2006[139]. Впервые все государства – члены ООН достигли договоренности следовать единому стратегическому подходу к борьбе с терроризмом, выразив свою готовность к принятию индивидуальных и коллективных практических шагов по предупреждению терроризма и борьбе с ним.

Являясь необязательным документом, направленным на активизацию национальных, региональных и международных контртеррористических усилий, указанная стратегия определяет основные приоритеты Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом.

---

[138] См.: Omand D. Countering international terrorism: The use of strategy // Survival, the IISS quart. L., 2005/2006. Vol. 47, No. 4. P. 107–116.

[139] Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций (принята резолюцией 60/288 Генеральной Ассамблеи от 08.09.2006). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n05/504/90/pdf/n0550490.pdf?token=0l7Lel218bckWWPgxT&fe=true

Стратегия состоит из четырех основных компонентов: 1) устранение условий, способствующих распространению терроризма; 2) предупреждение терроризма и борьба с ним; 3) укрепление потенциала государств и укрепление роли ООН; 4) обеспечение прав человека и верховенства права.

Глобальная контртеррористическая стратегия ООН отводит приоритетное значение мерам социально-экономического и гуманитарного характера, которые нацелены на устранение условий, способствующих распространению терроризма, и профилактику террористических проявлений. Международное сообщество последовательно признает, что «терроризм невозможно победить только с помощью военной силы, правоприменительных мер и разведывательных операций», подчеркивая «необходимость устранения условий, которые способствуют распространению терроризма и о которых говорится в разделе I Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций (резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи)»[140]. Как отмечается в Докладе Генерального секретаря ООН, посвященном осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии ООН, «терроризм невозможно реально ликвидировать без устранения условий, способствующих его распространению, включая неэффективное управление и слабость правовых институтов, маргинализацию, дискриминацию, несправедливость, конфликты и нарушения прав человека. В условиях усиления поляризации, нетерпимости и недоверия все большее значение приобретают стратегические инвестиции в предупреждение, в повышение способности противостоять терроризму и в стратегии реабилитации и реинтеграции, а также в обеспечение уважения, соблюдения и защиты прав человека. Организация Объединенных Наций будет продолжать активно поддерживать государства-члены в принятии комплексных мер по устранению условий, способствующих распространению терроризма, уделяя первоочередное внимание предупреждению»[141].

---

[140] Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 7272-м заседании 24.09.2014. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/548/01/pdf/n1454801.pdf

[141] Доклад Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (Семьдесят

Констатируя, что «самым эффективным инструментом противодействия терроризму по-прежнему являются превентивные подходы, предусматривающие участие всего общества»[142], структуры ООН вместе с тем признают, что контртеррористическая деятельность невозможна без использования уголовно-правового инструментария.

В рабочих документах ООН справедливо отмечается, что «*эффективные и ориентированные на профилактическую работу меры по противодействию терроризму должны включать значимый элемент уголовно-правового характера*, который опирается на соответствующую нормативно-правовую базу и является частью основополагающих принципов верховенства права, надлежащего судебного разбирательства и соблюдения прав человека»[143]. Международное сообщество исходит из того, что «*терроризм – это преступление, и с ним необходимо бороться с использованием инструментария уголовного права* на национальном и международном уровнях»[144].

И хотя в международных актах последовательно проводится идея о приоритетности профилактики терроризма и отмечается, что уголовно-правовой инструментарий выступает в качестве вторичного, дополнительного элемента контртеррористической деятельности, Генеральный секретарь ООН подчеркивает, что «государства-члены с хорошо оснащенными, эффективными и основанными на принципе верховенства права системами уголовного правосудия во многих случаях более успешно реагируют на угрозу терроризма, принимая своевременные и действенные меры»[145].

По этой причине уголовно-правовое противодействие терроризму императивно зафиксировано в качестве юридической обязанности национальных

седьмая сессия, 02.02.2023, A/77/718). С. 14. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/033/33/PDF/N2303333.pdf?OpenElement

[142] Там же. С. 21.

[143] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 3. URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/54b528564.pdf

[144] Часто задаваемые вопросы о международно-правовых аспектах борьбы с терроризмом. С. 63. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/FAQ/Russian.pdf

[145] Доклад Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (Шестьдесят восьмая сессия, 14.04.2014, A/68/841). С. 26. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/299/31/PDF/N1429931.pdf?OpenElement

государств. Эта обязанность установлена «предметными» (секторальными) антитеррористическими конвенциями ООН, обязательными для всех государств резолюциями Совета Безопасности ООН, которые приняты на основании гл. VII Устава ООН, региональными договорами, посвященными борьбе с терроризмом.

На первоначальном этапе (начиная с 1963 г. до конца прошлого века) в международно-правовых актах универсального характера были определены признаки наиболее опасных террористических преступлений (актов терроризма), а также установлена обязанность национальных государств по криминализации соответствующих деяний во внутригосударственном законодательстве[146]. При этом в соответствующих источниках международного уголовного права особо оговаривается, что преступлением признается не только исполнение перечисленных в них террористических преступлений, но и покушение на их совершение, а также соучастие в них (см., например, ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, заключенной в г. Гааге 16.12.1970, ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, заключенной в г. Монреале 23.09.1971, п. 1 ст. 2 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, заключенной в г. Нью-Йорке 14.12.1973).

---

[146] См.: Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (заключена в г. Токио 14.09.1963); Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (заключена в г. Гааге 16.12.1970); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (заключена в г. Монреале 23.09.1971); Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (заключена в г. Нью-Йорке 14.12.1973); Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (заключена в г. Нью-Йорке 17.12.1979); Конвенция о физической защите ядерного материала (заключена в г. Вене 26.10.1979); Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (заключен в г. Монреале 24.02.1988); Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (заключена в г. Риме 10.03.1988); Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (заключен в г. Риме 10.03.1988); Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 15.12.1997).

Такой подход к формулировке основания уголовной ответственности за террористические преступления можно считать традиционным и для национальных правовых систем – на протяжении многих веков в странах континентального и общего права объектом криминализации выступала триада деяний: исполнение преступления, неоконченное преступление (главным образом покушение) и соучастие в преступлении.

Однако со временем стало очевидно, что этот традиционный подход к криминализации деяний в приложении к терроризму недостаточно эффективен, поскольку «стандартные» уголовно-правовые конструкции, предусматривающие ответственность за исполнение акта терроризма, покушение на него и соучастие в нем, не охватывают многие деяния, выступающие в качестве инфраструктуры терроризма. В частности, они практически не применимы к финансированию терроризма, вербовке в террористические объединения, пропаганде терроризма, инструктированию членов террористических групп и прохождению обучения в террористических целях: во-первых, перечисленные деяния, как правило, совершаются на стадии подготовки террористического нападения, что не позволяет применить нормы об ответственности за покушение на террористический акт; во-вторых, эти деяния чаще всего находятся за рамками соучастия в преступлении (нет требуемого единства умысла на совершение конкретного преступления).

В справочно-информационных и рабочих документах ООН по этому поводу указывается, что принятые во второй половине XX в. конвенции и протоколы о борьбе с терроризмом «предусматривают главным образом уже совершенные уголовные преступления». В соответствии с ними основанием для привлечения к уголовной ответственности за террористическую деятельность могут выступать следующие обстоятельства: 1) физическое совершение деяния, определяемого как преступление, обычно именуемое ответственностью исполнителя; 2) покушение на совершение запрещенного деяния, которое не удается завершить по причинам, не зависящим от данного лица; 3) умыш-

ленное участие в качестве соучастника в совершении или покушении на совершение преступления; 4) организация других лиц или руководство ими с целью совершения преступления; 5) умышленное содействие совершению преступления группой лиц[147]. При этом в цитируемом документе констатируется, что «ни одно из этих пяти оснований для привлечения к уголовной ответственности не позволяет возбудить дело, если преступление не совершено или не было предпринято покушение на его совершение. Возбуждение уголовного преследования невозможно даже при наличии веских доказательств наличия сговора с целью осуществления взрыва… При этом соответствующие органы редко имеют возможность контролировать тактическую ситуацию настолько полно, чтобы они могли быть уверены, что вмешаются именно в тот момент, когда заговорщики уже начали покушение на совершение преступления и потому их можно будет привлечь к ответственности еще до завершения насильственного акта. <…> Невозможность гарантировать контроль над ситуацией, угрожающей катастрофическими последствиями, вынуждает соответствующие органы пресекать опасные замыслы еще до попытки их осуществления, что лишает их оснований для возбуждения уголовного преследования…». На этом основании резюмируется, что «режим международного сотрудничества в борьбе с терроризмом вряд ли можно считать удовлетворительным, когда правовой предпосылкой для уголовного преследования является факт совершения нападения, имеющего целью гибель десятков или сотен людей, или покушение на его совершение»[148].

Критическая оценка международно-правовой антитеррористической базы, разработанной во второй половине прошлого столетия, представлена и в других рабочих материалах ООН. В частности, в Руководстве для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма,

---

[147] Предотвращение террористических актов: стратегия в области уголовного правосудия, интегрирующая нормы верховенства закона в осуществление положений документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом. Рабочий документ по технической помощи. Вена: Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2006 (п. 12–13).
[148] Там же (п. 14).

подготовленном в 2008 г. Управлением ООН по наркотикам и преступности, отмечается «неадекватность механизмов уголовного права, начинающих функционировать лишь в ответ на совершение или попытку совершения актов насилия»[149]. Разработчики Руководства признают, что «в существующих конвенциях и протоколах отсутствуют положения, касающиеся сговора, планирования и подготовки преступлений или других возможных явлений подобного рода. В них идет речь лишь о наказании за “совершение”, “попытку совершения”, “помощь в совершении или подстрекательство к совершению”, “заказ на совершение”, “руководство совершением” либо “соучастие в совершении” преступлений. Типичным примером в этом отношении может служить Протокол 1988 года о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, согласно которому предусмотренное в нем преступление не считается совершенным до тех пор, пока не будет предпринята фактическая попытка совершить нападение на аэропорт или пока такое нападение не будет осуществлено. Данное положение действует даже в тех случаях, когда имеются убедительнейшие доказательства того, что какая-либо группа планирует напасть на аэропорт, запаслась для этого автоматическим оружием, боеприпасами и ручными гранатами и распечатала листовки, в которых объявила о своем намерении убить как можно больше находящихся в аэропорту пассажиров, с тем чтобы во всеуслышание заявить о своих политических или идеологических целях. Очевидно, что режим международного сотрудничества требует усовершенствований, если необходимой юридической предпосылкой его применения является удавшаяся или неудавшаяся попытка нападения, чреватого сотнями смертей». И далее: «Все больше сторон признают необходимость в наличии возможностей для

[149] Руководство для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма. С. 10. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Legislative_Guide_Universal_Legal_Regime/Russian.pdf

борьбы с террористическими актами еще на стадии их планирования и подготовки»[150].

Таким образом, секторальные антитеррористические конвенции и протоколы, принятые во второй половине прошлого столетия, ориентированы на так называемое «реактивное правоприменение», при котором уголовная ответственность может реализовываться лишь после совершения акта терроризма (покушения на его совершение), что резко снижает превентивный потенциал уголовно-правового инструментария и эффективность противодействия терроризму. На этом фоне стала очевидной потребность в перенастройке механизмов уголовно-правового противодействия терроризму, в переносе уголовно-правового воздействия на деяния, которые продуцируют терроризм и образуют его инфраструктуру.

Стратегический сдвиг в уголовно-правовом противодействии терроризму произошел на рубеже XX и XXI вв. Признав стратегию «реактивного правоприменения» неэффективной, национальные государства и международное сообщество в целом сосредоточили усилия на разработке новых уголовно-правовых инструментов, позволяющих применять уголовную репрессию для раннего предупреждения террористических нападений, т.е. на стадии их планирования и подготовки, когда осуществляются вербовка членов террористических групп, их обучение, финансирование и иное материально-техническое снабжение. Стало очевидным, что «международные действия по борьбе с терроризмом должны быть сосредоточены главным образом на предупреждении терроризма или предотвращении террористических актов. Насколько это возможно, международные действия должны заключаться в разработке и осуществлении перспективных стратегий, а не в принятии мер в ответ на отдельные террористические акты или серию таких актов»[151].

---

[150] Руководство для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма. С. 7–8. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Legislative_Guide_Universal_Legal_Regime/Russian.pdf

[151] Предотвращение террористических актов: стратегия в области уголовного правосудия, интегрирующая нормы верховенства закона в осуществление положений документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом. Рабочий документ по технической помощи (п. 2).

Череда кровавых террористических атак, прокатившихся по всем континентам, заставила признать, что основные усилия необходимо сосредоточить не на наказании террористов за уже совершенные ими преступления, а на устранении условий, способствующих распространению терроризма, и предупреждении (в том числе с использованием уголовно-правовых средств) деяний, детерминирующих терроризм. Как отмечается в Справочнике по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму, «фактически главная задача контртеррористических стратегий должна заключаться в предотвращении совершения террористических актов»[152].

Международное сообщество наконец-то осознало (хотя и с запозданием) довольно простую закономерность, давно известную криминологам и специалистам в области антитеррора: «Для организации деятельности, а также для планирования и осуществления атак террористам нужны новые члены их групп, сторонники, оказывающие им помощь; финансовые средства, оружие, возможности для свободного передвижения, а также другие формы материальной поддержки (например, средства связи, укрытия) и доступ к уязвимым целям»[153]. А значит, первостепенная задача состоит в том, чтобы подорвать финансовую основу терроризма, пресечь рекрутинг новых членов террористических групп, перекрыть каналы распространения террористической идеологии и поставок вооружения террористам, т.е. лишить их инфраструктуры, без которой террористическая деятельность становится практически невозможной[154].

---

[152] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 5. URL: https://www.ref-world.org.ru/pdfid/54b528564.pdf

[153] Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму: подход, основанный на взаимодействии полиции с населением. Вена: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, 2014. С. 35. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/116413.pdf

[154] В разд. II «Меры по предотвращению терроризма и борьбе с ним» Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций (принята Генеральной Ассамблеей ООН 08.09.2006) эта задача сформулирована следующим образом: «лишить террористов доступа к средствам для осуществления их нападений, объектам их нападений и возможностям достижения желаемых результатов их нападений». В отечественной криминологии это обстоятельство давно считается аксиоматичным: «Подрыв ресурсных основ экстремизма и терроризма, подавление центров идеологического обеспечения и поддержки являются обязательными условиями успешной борьбы с этими явлениями современности» (см.: Меркурьев В.В., Ульянов М.В. Стратегия противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: состояние, проблемы и перспективы // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 2 (65). С. 190.

Эта стратегическая задача предполагает внедрение целого арсенала долгосрочных мер, в том числе установление и реализацию уголовной ответственности за различные формы подготовки террористических нападений, а также за деяния, нацеленные на создание условий для осуществления актов терроризма. Как отмечается в Справочнике по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму, подготовленном Управлением ООН по наркотикам и преступности в 2009 г., «террористический сговор важно раскрыть до того, как будут достигнуты его цели. Для того чтобы снизить уровень террористического насилия, компетентным органам следует переключить свое внимание на принятие упреждающих мер на стадии планирования и подготовки террористических актов. Облегчить принятие своевременных мер может введение уголовной ответственности за различные действия по подготовке террористических актов, а также за участие в преступном сговоре или преступном сообществе»[155].

Таким образом, на смену «реактивному правоприменению», доказавшему свою ограниченность и неэффективность, пришла *превентивная, проактивная стратегия уголовно-правового противодействия терроризму*. Подобная терминология, широко используемая в рабочих документах ООН, подчеркивает различие новой, «проактивной», стратегии с так называемым «реактивным правоприменением», ориентированным на уголовное наказание за уже совершенные террористические акты.

В кратком изложении суть стратегии «проактивного правоприменения» в области борьбы с терроризмом состоит в том, чтобы «принять меры против планов террористов и подготовки террористических актов до их практической реализации»[156]. Превентивная стратегия предполагает «применение мер уголовной репрессии к лицам, создающим условия для совершения преступлений

---

[155] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 38. URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/54b528564.pdf

[156] Предотвращение террористических актов: стратегия в области уголовного правосудия, интегрирующая нормы верховенства закона в осуществление положений документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом. Рабочий документ по технической помощи (п. 3).

террористического характера, на ранней стадии, не дожидаясь фактического исполнения террористического акта»[157].

В рабочем документе ООН «Предотвращение террористических актов: стратегия в области уголовного правосудия, интегрирующая нормы верховенства закона в осуществление положений документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом»[158] отмечается, что «для того чтобы снизить уровень террористического насилия, соответствующие органы должны переключить свое внимание на проактивные меры пресечения на стадии планирования и подготовки террористических актов» (п. 14). При этом «в рамках превентивной стратегии основное внимание должно уделяться формированию и деятельности террористических групп до того, как они попытаются совершить или совершат насильственное преступление» (п. 19). Эта стратегия предполагает обязательное введение уголовной ответственности за финансирование терроризма (п. 20–25), «объединение злоумышленников и преступный сговор» (п. 26–28), «поддержку преступлений терроризма» (п. 29–33), подстрекательство к терроризму (п. 37–40).

Таким образом, *превентивная (проактивная) модель предполагает смещение вектора уголовно-правового воздействия в направлении деяний, образующих инфраструктуру терроризма, что знаменует так называемый «превентивный поворот» в стратегии уголовно-правового противодействия терроризму.*

Термин «превентивный поворот» активно используется в зарубежной (прежде всего в англоязычной) криминологической уголовно-правовой литературе для обозначения кардинальных трансформаций в уголовной политике и практике противодействия преступности, произошедших на рубеже XX и XXI столетий. Этот термин подчеркивает смену вектора уголовной политики

---

[157] Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 17.

[158] Предотвращение террористических актов: стратегия в области уголовного правосудия, интегрирующая нормы верховенства закона в осуществление положений документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом. Рабочий документ по технической помощи.

с реактивного на проактивный. По оценкам специалистов, результатом поворота явилось появление радикально новой (или обновленной) стратегии уголовной политики, реализация которой требовала новых институциональных форм, юридических механизмов, а также принципов, которые были положены в ее основу[159].

Точкой отсчета в практической реализации стратегии «проактивного правоприменения» можно считать 1999 г., когда была принята Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма[160]. Эта Конвенция ознаменовала стратегический сдвиг в области противодействия терроризму: впервые в международном праве была зафиксирована обязанность государств установить в национальном законодательстве ответственность за ненасильственные деяния, выходящие за рамки оконченного или неоконченного исполнения акта терроризма и соучастия в нем.

В соответствии с Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма «любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения: a) какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в приложении, и содержащемуся в нем определению; b) любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или

---

[159] Подробнее об этом см.: Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2018. С. 79–81; Гуринская А.Л. Обеспечение безопасности как приоритет англо-американской уголовной политики: «превентивный поворот» в контроле над преступностью // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова, Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г. – М.: Юрлитинформ, 2018. С. 352–355.

[160] Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) // СПС «КонсультантПлюс».

причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» (п. 1 ст. 2).

Новаторский характер Конвенции заключается, во-первых, в том, что она установила на международном уровне ответственность за ненасильственные деяния, способствующие терроризму: «Вместо того чтобы давать определение насильственного преступления, которое может быть наказано только в случае его совершения или попытки совершения, статья 2 Конвенции требует криминализации связанных с финансовой подготовкой террористического акта ненасильственных деяний, которые предшествуют практически любому террористическому преступлению»[161]. А во-вторых, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма существенно расширила основания и сферу уголовно-правового воздействия, позволяя применять уголовную репрессию к лицам, осуществляющим материально-техническое снабжение террористов, не дожидаясь фактического использования средств для совершения акта терроризма. Принципиальное значение в этом отношении имеет п. 3 ст. 2 Конвенции, в котором специально оговаривается, что «для того чтобы какое-либо деяние составило преступление, указанное в пункте 1, *необязательно, чтобы средства фактически использовались для совершения преступления*». Как отмечается в Руководстве для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма, подготовленном Управлением ООН по наркотикам и преступности, «пункт 3 статьи 2 Конвенции имеет чрезвычайно большое значение, поскольку свидетельствует о достигнутом прогрессе в плане применения контртеррористических мер не только в порядке реакции на насилие, к которому прибегают террористы, *но и в порядке упреждения такого насилия*. Хотя Конвенция о борьбе с финан-

[161] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 38. URL: https://www.ref-world.org.ru/pdfid/54b528564.pdf

сированием терроризма аналогична по своей структуре и формулировкам Конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом, *она обеспечивает стратегический прорыв в том, что касается противодействия планированию и подготовке террористических нападений, которые предшествуют практически каждому из них».* И далее: *«Введение уголовной ответственности за подготовительные действия вновь восстанавливает эффективность системы уголовного правосудия*. В отличие от глубоко идеологизированного взрывника-самоубийцы большинство из тех, кто осознанно предоставляет или собирает средства для целей терроризма, сами не желают умирать за свое дело или даже идти за него в тюрьму, и поэтому их можно удержать от совершения преступления»[162].

По оценкам антитеррористических структур ООН, в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма прослеживается «принципиальный отказ от подхода, выраженного в предыдущих документах о борьбе с терроризмом. Вместо определения насильственного преступления, которое может быть наказано только в случае фактического совершения или покушения на совершение, в статье 2 предусматривается уголовное преследование за ненасильственную финансовую подготовку, которая предшествует практически каждому террористическому акту… Введение уголовного преследования за финансовую подготовку актов насилия составляет намеренную стратегию, допускающую вмешательство еще до того, как террористы совершат или попытаются совершить свое злодеяние. Конвенция о финансировании отражает принципиальный выбор, согласно которому предотвращение и пресечение планирования и подготовки террористического акта до того, как пострадают невинные гражданские лица, безусловно предпочтительнее, чем проведение аутопсии и изучение места преступления после трагедии»[163].

---

[162] Руководство для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма. С. 19, 33. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Legislative_Guide_Universal_Legal_Regime/Russian.pdf

[163] Предотвращение террористических актов: стратегия в области уголовного правосудия, интегрирующая нормы верховенства закона в осуществление положений документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом. Рабочий документ по технической помощи (п. 16, 17).

В другом документе отмечается, что «Конвенция о борьбе с финансированием терроризма стала первым документом глобального характера, в котором было закреплено требование о введении уголовной ответственности за операции по материально-техническому обеспечению, предшествующие практически каждому серьезному акту насилия, совершаемому террористами»[164]; «упреждающий, профилактический эффект достигается в этом документе за счет признания преступлением совершения ненасильственных действий подготовительного характера в финансовой сфере, которые предшествуют и способствуют совершению насильственных террористических актов»[165].

Таким образом, можно констатировать, что «в отличие от ранее заключенных международных договоров в сфере борьбы с терроризмом, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма дает основания для применения уголовной ответственности на более ранней стадии террористической деятельности, что и составляет основную сущность превентивной стратегии уголовно-правового противодействия терроризму»[166].

Новый стратегический подход к борьбе с терроризмом получил последовательное развитие в обязательных для всех государств – членов ООН резолюциях Совета Безопасности ООН, которые существенно расширили объем криминализации деяний, образующих инфраструктуру терроризма. В резолюциях 1373 (2001)[167], 1624 (2005)[168], 2178 (2014)[169], 2253 (2015)[170], 2462 (2019)[171] Совета Безопасности ООН конкретизированы предписания о криминализации

---

[164] Руководство для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма. С. 8. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Legislative_Guide_Universal_Legal_Regime/Russian.pdf

[165] Там же. С. 7.

[166] Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 20.

[167] Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 4385-м заседании 28.09.2001. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n01/557/45/pdf/n0155745.pdf

[168] Резолюция 1624 (2005), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 5261-м заседании 14.09.2005. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n05/510/54/pdf/n0551054.pdf

[169] Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 7272-м заседании 24.09.2014. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/548/01/pdf/n1454801.pdf

[170] Резолюция 2253 (2015), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 7587-м заседании 17.12.2015. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/437/48/pdf/n1543748.pdf

[171] Резолюция 2462 (2019), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 8496-м заседании 28.03.2019. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/090/19/pdf/n1909019.pdf

финансирования терроризма, а также установлена обязанность всех государств – членов ООН ввести уголовную ответственность за приготовление к совершению террористических преступлений, оказание поддержки в совершении террористических актов, подстрекательство к их совершению, поездки, вербовку, обучение и финансирование иностранных боевиков-террористов. Таким образом, вышеперечисленные контртеррористические резолюции Совета Безопасности ООН устанавливают обязанность государств – членов ООН по криминализации основных элементов инфраструктуры терроризма и тем самым последовательно развивают «проактивный» стратегический вектор, заданный Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.

Сейчас, когда с момента принятия Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма прошло более четверти века, можно констатировать, что «превентивный поворот» в стратегии уголовно-правового противодействия терроризму приобрел глобальный характер. Стратегический сдвиг в уголовно-правовой борьбе с терроризмом, ее переориентация на противодействие инфраструктуре терроризма наблюдаются на всех уровнях: универсальном, региональном, национальном.

По оценкам специалистов, новая стратегия уголовно-правового противодействия терроризму получила «наиболее полное воплощение… на региональном европейском уровне»[172]. Это вполне закономерно, учитывая тот факт, что именно европейские страны, включая Россию, столкнулись с самыми серьезными террористическими угрозами. В рамках Совета Европы[173] и Европейского союза[174] установлена обязанность государств по криминализации не только насильственных террористических деяний, но и деяний, связанных

[172] Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 22.
[173] См.: Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // СПС «КонсультантПлюс»; Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма ETS № 217 (заключен в г. Риге 22.10.2015) // СПС «КонсультантПлюс».
[174] См.: Рамочное решение Совета Европейского союза 2002/475/ПВД от 13.06.2002 о противодействии терроризму (утратило силу) // СПС «Гарант»; Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2017/541 от 15.03.2017 о противодействии терроризму, о замене Рамочного решения 2002/475/ПВД Совета Европейского союза и об изменении Решения 2005/671/ПВД Совета Европейского союза // СПС «Гарант».

с деятельностью террористических групп (руководство такой группой, участие в ее деятельности), а также преступлений, связанных с террористической деятельностью (открытое подстрекательство к совершению террористического преступления, вербовка в ряды террористов, проведение обучения терроризму, прохождение обучения терроризму, поездки с террористической целью, их организация или способствование им, финансирование терроризма). Причем на европейском уровне криминализация элементов инфраструктуры терроризма осуществлялась «опережающими темпами» – раньше появления соответствующих обязательств в рамках ООН. Так, на уровне Европейского союза обязанность по криминализации публичных призывов к совершению террористического преступления, вербовки и обучения для осуществления террористической деятельности была установлена в 2002 г. (ст. 3 Рамочного решения Совета Европейского союза 2002/475/ПВД от 13.06.2002 о противодействии терроризму), тогда как на универсальном уровне эти деяния криминализованы позже (см.: резолюции 1624 (2005), 2178 (2014), 2253 (2015) Совета Безопасности ООН).

В основу актуальных программно-стратегических документов Совета Европы в сфере противодействия терроризму положен именно превентивный вектор, что отражается на содержании и направленности мер уголовно-правового реагирования. В Контртеррористической стратегии Совета Европы (2023–2027 гг.), принятой на 1456-м заседании Комитета министров Совета Европы 08.02.2023[175], выделяются три ключевых направления действий – профилактика, обвинение и защита, причем приоритетным признается профилактическое, превентивное направление, под которым «понимаются меры, направленные на предотвращение террористических атак или их подготовки посредством многогранных долгосрочных мер, направленных на лучшее понимание причин и эволюции террористических угроз, сокращение радикализации, ведущей к терроризму, *включая противодействие вербовке, обучению,*

[175] URL: https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectid=0900001680a9ad67

распространению террористической идеологии и финансированию терроризма».

«Превентивный поворот» в уголовно-правовой политике борьбы с терроризмом оказался наиболее заметным и ощутимым на национальном уровне. В странах общего права мощным импульсом для переориентации стратегии уголовно-правового противодействия терроризму стал крупнейший в истории США террористический акт, осуществленный 11.09.2001 в г. Нью-Йорке, который стал триггером превентивного стратегического сдвига в сфере антитеррора. Как отмечают исследователи англо-американского опыта предупреждения преступности, «для современных превентивных стратегий характерно то, что они направлены на предотвращение преступных действий и актов терроризма в будущем путем воздействия на факторы, которые в причинно-следственной цепи достаточно далеко отстоят от непосредственно подготовки и исполнения террористического акта»[176]. Иными словами, уголовно-правовое воздействие нацелено в первую очередь на деяния, образующие инфраструктуру терроризма.

Причем в настоящее время такой подход к уголовно-правовому противодействию терроризму стал общепризнанным – он реализуется в законодательстве подавляющего большинства государств мира, вне зависимости от формы правления, территориального устройства и политического режима. Так, несмотря на геополитическое соперничество США, стран Европейского союза, Китая и России, их цивилизационные различия, в уголовном законодательстве соответствующих государств мы обнаружим практически идентичные по содержанию нормы, предусматривающие ответственность за финансирование терроризма, вербовку террористов, публичные призывы (публичное подстрекательство) к террористическим преступлениям, организацию террористических объединений и участие в них[177].

---

[176] См.: Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности. С. 345.

[177] См., например: Плахтий Е.В. Практика борьбы зарубежных государств с международным терроризмом // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 2. С. 21–24; Джаббари Насир Х., Бахриев Б.Х. Антитеррористический подход Ирана на современном этапе: «жесткие» и «мягкие» элементы //

Отмеченная унификация превентивных стратегических подходов к уголовно-правовому противодействию терроризму во многом обусловлена международно-правовыми обязательствами по криминализации деяний, составляющих инфраструктуру терроризма (это общая тенденция, давно подмеченная в доктрине[178]). Однако этот фактор, при всей его значимости, все же не может считаться решающим, ведь многие государства уклоняются от реализации иных, не связанных с криминализацией, обязательств в области борьбы с терроризмом. По всей видимости, залогом повсеместного внедрения новой стратегии, ориентированной на превентивное воздействие на инфраструктуру терроризма (в том числе с применением уголовно-правового инструментария), стала ее эффективность. Национальные власти по всему миру убедились в том, что разрушение инфраструктуры терроризма, в том числе за счет привлечения к уголовной ответственности за деяния, умышленно продуцирующие террористические преступления, дает гораздо большую результативность, нежели уголовное преследование за уже осуществленные террористические атаки.

Среди отечественных правоведов и практиков на этот счет достигнут устойчивый консенсус: подавляющее большинство (92,7%) опрошенных нами экспертов поддерживают превентивную уголовно-правовую стратегию, выражающуюся в криминализации ненасильственных деяний, которые нацелены на создание условий для совершения террористических нападений (см. приложение).

К тому же достоинством превентивной стратегии уголовно-правового противодействия терроризму, ориентированной на борьбу с его инфраструк-

---

Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2018. Т. 18, № 4. С. 823–836; Пан Дунмэй. Сравнительно-правовой анализ института соучастия в преступлении в Китае и России // Lex russica. 2020. № 2. С. 153–164; Понамарева А.М. Испания в противодействии терроризму после 11-М: что было дальше? // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 4 (112). С. 217–246; Романовский Г.Б. Правовые основы противодействия терроризму в странах Скандинавии // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 75–81.

[178] См.: Наумов А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. 1998. № 6. С. 50–58; Рарог А.И. Сближение уголовно-правовых систем в эпоху глобализации // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 3. С. 584–590.

турой, является ее гибкость и адаптивность: она позволяет учитывать актуальные тенденции развития терроризма, реагировать на усложнение его инфраструктуры, предусматривая при необходимости ответственность за новые деяния, нацеленные на детерминацию и воспроизводство террористических проявлений.

2.2. Теоретические основы уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма

«Превентивный поворот» в стратегии уголовно-правового противодействия терроризму, состоявшийся на рубеже XX и XXI столетий, сопровождается переориентацией контртеррористических мер в сторону профилактической работы, смещением вектора уголовно-правового воздействия в направлении деяний, детерминирующих террористическую активность, т.е. образующих инфраструктуру терроризма. В сфере уголовного законотворчества наиболее заметным результатом превентивного сдвига стали новые нормативные основания уголовной ответственности за финансирование и иное материально-техническое обеспечение терроризма, вербовку членов террористических групп, пропаганду терроризма и другие деяния, создающие возможности и условия для совершения террористических нападений. В результате уголовно-правовое воздействие стало восприниматься не только и не столько в качестве инструмента реагирования на уже совершенный террористический акт, сколько в качестве ведущей меры предупреждения терроризма.

Триггером для столь существенной трансформации антитеррористической стратегии стал резкий, и притом глобальный, всплеск террористической активности в конце 90-х гг. прошлого века и в начале века нынешнего, который ощутили практически во всех регионах мира: в США (в этом контексте, конечно же, нельзя не вспомнить беспрецедентный террористический акт в Нью-Йорке в 2001 г.), Европе и России. Вместе с тем было бы ошибкой считать, что смена вектора уголовно-правового противодействия терроризму

(с ретроактивного на проактивный) имеет исключительно конъюнктурный, ситуативный характер. Представляется, что профилактические «акценты» в уголовно-правовом противодействии террористической угрозе «расставлены» вовсе не случайно, не по наитию субъектов уголовно-политических и законотворческих решений. Соответствующие превентивные конструкты стали результатом сознательной и целенаправленной практической реализации ряда теоретических и уголовно-политических концептов, которые к тому моменту уже существовали в политико-правовом пространстве и оказались крайне востребованы в конкретном историческом моменте.

К сожалению, в пояснительных записках к законопроектам и иных материалах законопроектной деятельности редко можно обнаружить отсылки к научным теориям. Однако само содержание уголовно-правовых норм об ответственности за деяния, образующие инфраструктуру терроризма, показывает, что формировались эти нормы под идейным влиянием вполне определенных доктринальных разработок и концепций.

В частности, в современной стратегии уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма явно прослеживаются постулаты **теории раннего предупреждения преступности**. Известная криминологическая аксиома, сформулированная Ч. Беккариа, гласит, что «лучше предупреждать преступления, чем карать за них»[179]. Современная криминология дополняет ее тезисом о приоритете ранней профилактики преступлений[180], которая с полным основанием считается «важнейшей и в принципе наиболее результативной стадией превентивного процесса»[181].

Превентивный акцент на факторах, проявляющих себя на начальных этапах механизма преступного поведения, проявляется как на уровне собственно

[179] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинский. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 150.
[180] Сердюк Л.В., Гарифуллина Р.Ф., Сердюк П.Л. Основы ранней профилактики преступности: учебное пособие. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2021.
[181] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Очерки криминальной рискологии: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 267–269.

криминологической профилактики[182], так и на уровне уголовно-правового воздействия, «мишенью» которого становятся не только оконченные преступления, но и ранние стадии преступной деятельности (так называемые «пред-преступления») – сговор на совершение преступного деяния, приискание орудий и средств преступления, вовлечение в преступную деятельность и т.п.

Отправной точкой теории раннего уголовно-правового предупреждения можно считать пересмотр представлений о преступлении и его сущностном свойстве – общественной опасности. Долгое время общественная опасность преступления воспринималась и оценивалась сквозь призму реально причиненного ущерба. Однако в середине прошлого века в дискурсе об общественной опасности деяния происходит существенный сдвиг: акцент переносится на *возможность* причинения вреда, что закономерным образом приводит к расширению оснований уголовной ответственности за счет нормативных конструкций, которые позволяют криминализовать деяния, создающие угрозу охраняемым социальным ценностям, но не причинившие реального вреда[183]. В соответствии с этим изменяется подход к криминализации: преступными объявляются потенциально опасные деяния[184]. Криминализация при этом «отождествляется с превентивной деятельностью государства, игрой на опережение», а само уголовное право из права «наказательного» типа трансформируется в право «превентивного» типа[185].

Идеи раннего уголовно-правового предупреждения оказались крайне востребованы в контртеррористической политике. В ответ на глобальную тер-

---

[182] См.: Проблемы ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних / под ред. Г.М. Миньковского. М.: Всесоюз. ин-т изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1978; Антонян Ю.М. Криминология: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2012. С. 181–182; Симонова С.С. Теория и практика профилактики преступлений: учебное пособие / Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022. С. 21.

[183] Подробнее об этом см.: Пудовочкин Ю.Е. Концепт «риск» и проблемы уголовно-правовой науки // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4 (79). С. 62–63; Чучаев А.И. Трансформация научных парадигм в социальную практику // Государство и право. 2023. № 4. С. 16–29.

[184] См.: Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непреступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. С. 16–17.

[185] См.: Хилюта В.В. Уголовное право в социальном измерении (контуры перемен и новой стратегии развития): монография. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 223–224.

рористическую угрозу национальные государства и международное сообщество в целом резко активизировали раннепрофилактический потенциал уголовного закона, что выразилось в «превентивной криминализации», в установлении ответственности за так называемые «пред-преступления»[186], т.е. ненасильственные деяния, которые целенаправленно создают возможность совершения террористических актов, образуя тем самым инфраструктуру терроризма. В Техническом руководстве по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности ООН и других контртеррористических резолюций особо подчеркивается, что «криминализация превентивных преступлений и приготовления к преступлениям является критически значимым компонентом эффективной контртеррористической стратегии, имеющей превентивную направленность, и она позволит государствам действенно привлекать террористов к судебной ответственности»[187].

В отечественном праве традиционными инструментами ранней, упреждающей уголовно-правовой профилактики считаются институт неоконченного преступления, а также нормы об ответственности за создание организованных преступных групп, за вовлечение в совершение преступления и антиобщественную деятельность[188]. Однако их раннепрофилактический потенциал объективно лимитирован, поскольку:

– приготовление предполагает умышленное создание условий для совершения конкретного преступления[189], вследствие чего подготовка к террори-

---

[186] Cornford A. Preventive criminalization // New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal. 2015. Vol. 18. No. 1. P. 1–34.

[187] Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27.12.2019 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998) (п. 197). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf

[188] См.: Зайко Т.М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты: монография / М-во образования и науки РФ, УрГЮУ. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. С. 52.

[189] Как отмечается в практике Конституционного Суда Российской Федерации, «приготовление предполагает наличие прямого умысла, направленного на совершение конкретного преступления. Это обязывает органы, осуществляющие уголовное преследование, не только установить в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела сам факт приготовления к преступлению, но и доказать наличие умысла на его совершение применительно к конкретному деянию (пункты 1 и 2 части первой статьи 73 УПК Российской Федера-

стической деятельности с неконкретизированным умыслом (например, предоставление финансовых средств «на борьбу с неверными», обучение лица в террористических целях правилам обращения с оружием, взрывными устройствами, тактике ведения боевых действий, прохождение такого обучения в отсутствие сговора на совершение конкретного преступления) не признается приготовлением;

– уголовная ответственность наступает лишь за приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям (ч. 2 ст. 30 УК РФ), что оставляет вне зоны действия ранней профилактики приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести;

– УК РФ не предусматривает ответственности за создание организованной преступной группы как таковой, криминализуя создание лишь отдельных видов преступных объединений. Причем их перечень довольно ограничен: достаточно упомянуть, что УК РФ 1996 г. долгое время не признавал самостоятельным преступлением образование преступных групп террористической направленности, вследствие чего подобные действия могли быть квалифицированы лишь как приготовление к преступлению (опять же, при условии, что группа создана для совершения конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления);

– в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. в его Особенной части предусматривалась ответственность за вовлечение в совершение преступления только несовершеннолетних (ст. 150 УК РФ), тогда как склонение взрослых лиц к преступному поведению могло получить уголовно-правовую оценку лишь с точки зрения института соучастия с его ограниченными акцессорными рамками либо с позиций нормы о приготовлении к преступлению

ции). Следовательно, признание лица виновным в приготовлении к преступлению возможно лишь в том случае, если в ходе производства по уголовному делу судом будет установлен факт того, что лицом предпринимались перечисленные в части первой статьи 30 УК Российской Федерации действия, свидетельствующие о его реальном намерении совершить преступление, которое лишь в силу независящих от этого лица обстоятельств не было доведено до конца» (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 13.10.2009 № 1187-О-О, от 21.04.2011 № 573-О-О, от 17.07.2012 № 1464-О, от 20.02.2014 № 408-О, от 28.09.2017 № 2164-О, от 21.07.2022 № 2058-О).

(в случае неудавшегося подстрекательства).

Таким образом, арсенал раннепревентивных уголовно-правовых средств явно не соответствовал потребностям упреждающей, проактивной борьбы с терроризмом на ранних стадиях террористической активности. «Превентивный поворот» в сфере антитеррористической уголовной политики требовал такого расширения нормативных оснований уголовной ответственности, которое позволило бы осуществлять уголовно-правовое воздействие, не дожидаясь, пока криминогенная деятельность приобретет признаки приготовления к конкретному террористическому акту.

Активизация раннепрофилактического потенциала отечественного уголовного закона осуществлена посредством реализации следующих мер:

1) *криминализация деяний, создающих возможность и условия для совершения террористических нападений,* посредством конструирования самостоятельных оснований уголовной ответственности за различные формы содействия террористической деятельности (ст. 205^1 УК РФ), за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма (ст. 205^2 УК РФ), за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ), за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205^4 УК РФ), за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205^5 УК РФ). Для привлечения к уголовной ответственности за эти деяния не требуется жесткой объективной и субъективной связи с конкретным преступлением террористического характера, что позволяет применять уголовно-правовую репрессию на ранних этапах преступной деятельности, вне зависимости от ее результативности (привела ли она к совершению террористического акта или нет) и субъективной определенности (степени конкретизированности умысла);

2) *перенос момента юридического окончания преступлений, предусмотренных ст. 205^1–205^5, 208 УК РФ, на начальный этап преступной деятельно-*

сти. Так, вовлечение лица в совершение преступлений террористического характера признается юридически оконченным преступлением с момента совершения действий, направленных на вовлечение, независимо от их результативности (абзац второй п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1); вооружение лица в целях совершения террористических преступлений считается юридически оконченным с момента предоставления лицу, участвующему в террористической деятельности, хотя бы одного предмета вооружения; подготовка лиц в указанных целях – с момента начала обучения; финансирование терроризма – с момента начала сбора или предоставления средств. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ) признаются юридически оконченным преступлением с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения, независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению террористической деятельности или нет (п. 20 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1). Юридическим окончанием прохождения лицом обучения для осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ) признается начало выполнения действий, направленных на приобретение соответствующих знаний, умений и навыков (абзац первый п. 22.1 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1). А время юридического окончания создания террористического сообщества (ч. 1 ст. 205^4 УК РФ) сдвинуто на момент объединения двух или более лиц в устойчивую группу в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких террористических преступлений (абзац первый п. 22.3 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1). При этом участие лица в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205^4 УК РФ) считается оконченным уже с момента вхождения в состав такого сообщества с намерением участвовать в осуществлении террористической деятельности (абзац второй п. 22.5 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1).

Следует подчеркнуть: новые нормативные конструкции, предусматри-

вающие ответственность за деяния, которые образуют инфраструктуру терроризма, позволяют осуществлять уголовно-правовую превенцию не только на ранних, но и на сверхранних стадиях террористической активности – на этапе создания предпосылок для формирования террористической мотивации и преступного умысла. В рамках традиционного уголовно-правового инструментария ранняя превенция имеет объективные пределы, связанные с тем, что классическое уголовное право не допускает уголовной ответственности за «голый» умысел, если он не воплотился в конкретных действиях (акте бездействия), направленных на совершение преступления. Новые нормативные конструкции, сформулированные в рамках реализации проактивной стратегии противодействия терроризму, позволяют преодолеть эти пределы. Конечно же, они не предполагают возложения ответственности за обнаружение умысла – это явно не согласуется с базовыми началами уголовного права (с его принципами, с законодательным определением преступления как деяния). Речь идет о другом: о возможности раннего уголовно-правового воздействия на лиц, создающих возможности и условия для криминального «заражения» других людей, формирующих привлекательность терроризма и тем самым способствующих зарождению террористической мотивации.

Специфика нормативных оснований раннего уголовно-правового предупреждения терроризма заключается в том, что они имеют широкую адресную направленность. Эти нормативные конструкции позволяют осуществлять уголовно-правовое воздействие не только на потенциального исполнителя террористического акта на ранних стадиях реализации его умысла, но и на обширный круг лиц, которые создают возможности и условия для самого зарождения и формирования такого умысла. В этом смысле норму об ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма (ст. 205^2 УК РФ) можно считать инструментом сверхранней профилактики. Статья 205^2 УК РФ призвана не допустить формирование привлекательного

образа терроризма, который может привлечь в ряды террористических объединений новых сторонников.

Таким образом, в законотворческой практике и праворазъяснительной деятельности Пленума Верховного Суда Российской Федерации реализована базовая идея ранней профилактики – противодействовать преступности (в нашем случае – терроризму) нужно как можно раньше, с момента возникновения криминогенных рисков, не дожидаясь, пока эти риски трансформируются в реальную возможность совершения преступления, а тем более воплотятся в фактически причиненном вреде.

Раннепрофилактическое изменение вектора уголовной политики – это не конъюнктурное явление, ограниченное лишь рамками отдельных национальных правовых систем, а глобальная тенденция, которая прослеживается практически во всех развитых правопорядках, вне зависимости от их принадлежности к той или иной правовой семье. В стремлении купировать криминогенные риски на самой начальной стадии детерминационного процесса законодатели разных, порой весьма непохожих стран создают сходные по сути юридические конструкции, нацеленные на противодействие «пред-преступлениям»[190], что свидетельствует об универсальной закономерности развития уголовного права[191].

Рассуждая о доктринальных идеях, составляющих теоретическую платформу «превентивного поворота» в антитеррористической политике, нельзя не отметить **концепцию ситуационного предупреждения преступности,** которая, по сути дела, стала практическим руководством для реализации контртеррористических мер.

---

[190] См., например: Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности. С. 301–306; Пан Дунмэй. Сравнительно-правовой анализ института соучастия в преступлении в Китае и России. С. 153–164.

[191] По справедливому заключению А.Л. Гуринской, для современных превентивных стратегий характерно то, что «они направлены на предотвращение преступных действий и актов терроризма в будущем путем воздействия на факторы, которые в причинно-следственной цепи достаточно далеко отстоят от непосредственно подготовки и исполнения террористического акта, если и вообще являются звеньями этой цепи» (см.: Гуринская А.Л. Превентивные подходы в современной уголовной политике (на примере стратегии Prevent, Великобритания) // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. 2017. № 2. С. 52).

Американский криминолог Р. Кларк, которого принято считать родоначальником этой концепции, определяет ситуационное (ситуативное) предупреждение преступлений как «совокупность мер, направленных на специфические формы преступного поведения, включающих как можно более системное и постоянное управление, создание или манипулирование окружающей средой с целью снижения в восприятии преступников потенциальных возможностей для совершения преступлений и увеличения рисков их совершения»[192].

В Руководстве по основным направлениям предупреждения преступлений, принятом на восьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 07.09.1990[193], отмечается, что сущность ситуационных превентивных мер заключается в сокращении и устранении возможностей совершения преступлений, а также увеличении вероятности их раскрытия, осознаваемых широким кругом потенциальных преступников.

Центральная идея концепции ситуационного предупреждения преступности состоит в том, что профилактические усилия должны быть направлены на изменение той ситуации (среды, внешней обстановки), в которой совершается преступление, т.е. на: а) ликвидацию или по крайней мере минимизацию возможностей для совершения преступления; б) увеличение усилий, требуемых для осуществления преступных планов, и рисков, связанных с совершением преступления; в) уменьшение «вознаграждения» от преступления.

Эта теория исходит из того, что большинство преступников действуют рационально, используя имеющиеся благоприятные возможности для криминальных деликтов. По мере усложнения совершения преступления, возрастания рисков обнаружения, уменьшения выгод от преступного поведения стремление к преступлению снижается. И наоборот: если существует возможность

---

[192] Clarke R. Situational Crime Prevention: Its Theoretical Basis and Practical Scope // Tonry M., Morris N. (eds) Crime and Justice: An Annual Review of Research. Chicago: Chicago University Press, 1983. Vol. 4. P. 225; Clarke R.V., Cornish D.B. Modeling Offenders Decisions: A Framework for Research and Policy // Crime and Justice: An Annual Review of Research. 1985. № 6. P. 147–185; Clarke R.V. Situational Crime Prevention: Successful Case Studies / ed. by R.V. Clarke. 2nd ed. New York: Harrow and Heston Publishers, 1997. P. 4; Clarke R. Situational Crime Prevention // Wortley R., Mazerolle L. (eds) Environmental Criminology and Crime Analysis. Devon: Willan Publishing, 2008.

[193] URL: https://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_39091.html

совершить преступление, если предполагаемые выгоды от правонарушения превышают риски уголовного преследования, то такая ситуация стимулирует криминальную активность. Иными словами, «предполагается, что правонарушитель оценивает выгоды, получаемые от совершения правонарушения, потенциальный риск задержания и последствия, связанные с задержанием. Результаты этого расчета определят, будет ли совершено преступление»[194]. Таким образом, «в теоретическом отношении ситуационные меры основаны на исходных положениях теории рационального выбора»[195].

В схематичном изложении теория рационального выбора базируется на гипотезе, согласно которой преступление есть результат осознанного выбора, основанного на калькуляции издержек и выгод, которые последуют за сделанным выбором[196]. Следуя этой логике, основанной на «экономической рациональности» любого, в том числе и криминального, человеческого поведения, сторонники ситуационного предупреждения преступности полагают, что для профилактики преступления необходимо, во-первых, повысить издержки, т.е. усложнить совершение преступления, увеличить вероятность задержания, повысить санкции за преступление, а во-вторых, минимизировать потенциальные выгоды от преступления. Таким образом, вектор профилактических усилий направляется на корректировку окружающей среды (ситуации) с целью повлиять на оценки потенциального правонарушителя относительно затрат и выгод, связанных с совершением конкретных преступлений[197].

Отличительная особенность концепции ситуационного предупреждения преступности заключается в ее инструментальности, прикладной направленности. Эта концепция не только предлагает специфическое (ситуационное)

---

[194] Предупреждение преступности и уголовное правосудие. Модуль 2 «Предупреждение преступности». Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. ООН: Вена, 2020. С. 18. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/CPCJ/CPCJ_Module_2_Russian_FINAL.pdf

[195] Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности. С. 427.

[196] Phillips C. Situational Crime Prevention and Crime Displacement: Myths and Miracles? URL: https://docs.wix-static.com/ugd/b93dd4_d84b686ba20d4058941fc90e4b2439cd.pdf

[197] Clarke R.V. Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. P. 5.

объяснение механизма совершения преступления, базирующееся на рациональном выборе субъекта[198], но и обосновывает конкретные меры профилактики: увеличение усилия; увеличение рисков; уменьшение предполагаемой выгоды; исключение оправданий[199]; уменьшение провокаций[200].

Концепция ситуационного предупреждения преступлений считается универсальной: «Предполагается, что ситуационная профилактика применима ко всем видам преступлений, не только к “оппортунистическим” преступлениям или преступлениям с целью приобретения собственности, но и к более обдуманным или глубоко мотивированным преступлениям. Независимо от того, являются ли преступления тщательно спланированными или подпитываются ненавистью и гневом, все они в значительной степени зависят от ситуационных непредвиденных обстоятельств… Все преступники, какими бы эмоционально возбужденными или решительными они ни были, в какой-то мере учитывают риски и трудности конкретных ситуаций»[201].

Вместе с тем адепты рассматриваемой теории подчеркивают, что единого шаблона, применимого для ситуационного предупреждения всех без исключения преступлений, не существует. Р. Кларк особо оговаривает, что «ситуационные меры должны быть адаптированы к весьма специфическим категориям преступлений». Это подразумевает, что совершение конкретных видов преступлений в решающей степени зависит от совокупности конкретных

---

[198] См.: Tonry M., Farrington D.P. Strategic approaches to crime prevention // Crime and Justice. 1995. Vol. 19. P. 8.

[199] Р. Кларк поясняет, что «суждения, выносимые потенциальными правонарушителями, включают некоторую оценку моральных издержек, связанных с правонарушением. Возможно, все мы готовы красть мелочи у наших работодателей, но мало кто из нас захочет грабить старушек на улице. Не все проступки одинаково достойны порицания, даже в глазах самых закоренелых правонарушителей. Это означает, что усложнение поиска оправданий для преступных действий может иногда быть эффективным методом сокращения возможностей» (Clarke R.V. Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. P. 5).

[200] См.: Situational Crime Prevention: Successful Case Studies / R.V. Clarke (ed.). 2nd ed. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1997; Предупреждение преступности и уголовное правосудие. Модуль 2 «Предупреждение преступности». С. 20. URL: https://www.unodc.org/documents/e4j/CPCJ/CPCJ_Module_2_Russian_FINAL.pdf. Сходные меры ситуационной профилактики изложены в отечественной криминологической доктрине (см.: Плешаков В.А. Введение в криминологическую теорию ситуаций, или ситуационную криминологию // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1 (76). С. 100–106; Петровский А.В. Ситуационное предупреждение преступлений: вопросы законодательного закрепления // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2017. № 4 (23). С. 19; Мацкевич И.М. Дивергенция теории и практика профилактики правонарушений // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 3 (55). С. 483–484).

[201] Clarke R.V. Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. P. 5.

окружающих возможностей, а следовательно, эти возможности необходимо блокировать весьма специфическими способами[202].

Надо признать, что концепция ситуационного предупреждения преступности последовательно имплементируется в практическую контртеррористическую деятельность. Базируясь на постулатах этой концепции, мировое сообщество (на глобальном и региональном уровнях) и национальные государства разрабатывают и реализуют меры, направленные на повышение издержек субъектов террористической деятельности (потенциальных или уже действующих), а также минимизацию потенциальных выгод от террористических преступлений. В современной стратегии противодействия терроризму реализуется стандартный набор ситуационных профилактических мер, адаптированных для контртеррористических целей: усложнение совершения террористических актов, ограничение доступа террористов к ресурсам, к средствам для совершения террористических нападений; повышение рисков уголовного преследования; уменьшение предполагаемой выгоды и исключение оправданий.

Логика ситуационной профилактики явно прослеживается чуть ли не в каждом программно-стратегическом документе в области противодействия терроризму. Показательным в этом отношении можно считать Доклад Генерального секретаря ООН «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии» (Шестидесятая сессия Генеральной Ассамблеи ООН, 27.04.2006, A/60/825)[203]: «Террористы нуждаются в средствах для совершения своих нападений. Террористам необходима возможность получать и переводить финансовые средства, приобретать оружие, вербовать и готовить кадры и поддерживать связь, в частности через Интернет. Они стремятся получить беспрепятственный доступ к своим намеченным целям и все чаще ожидают большего результата – с точки зрения как числа убитых, так и освещения в средствах массовой информации. Лишение

[202] Clarke R.V. Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. P. 4.
[203] URL: https://www.unodc.org/pdf/terrorism/Global/ru/3r60-825ru.pdf

их доступа к этим средствам и целям может помочь предотвратить будущие нападения» (п. 38). В развитие этого тезиса отмечается, что террористов необходимо лишить финансовой поддержки, доступа к оружию, в том числе оружию массового уничтожения, доступа к объектам вербовки и средствам связи через противодействие использованию Интернета террористами, доступа к средствам передвижения, доступа к их целям и желательного эффекта от их нападений. В указанном докладе обращается внимание и на меры, требуемые для минимизации потенциальных выгод от террористических актов: «Группы прибегают к тактике терроризма, потому что полагают, что эта тактика является эффективной и что большое число людей или по крайней мере те, от чьего имени они действуют, одобрят их действия. Поэтому наша главная задача заключается в том, чтобы уменьшить привлекательность терроризма для тех, кто мог бы его поддерживать. Для того чтобы ограничить круг тех, кто мог бы прибегать к терроризму, мы должны дать абсолютно четко понять, что ни одно дело, каким бы справедливым оно ни было, не может служить оправданием терроризму» (п. 10).

Нетрудно заметить, что в процитированном докладе изложен «классический» ситуационный подход к предупреждению терроризма. Аналогичные меры отражены и в более поздних документах, например в Докладе Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (Семьдесят четвертая сессия, 07.02.2020, A/74/677)[204].

В рамках собственно уголовно-правового противодействия терроризму ситуационная направленность профилактических мер выражается в выборе объектов уголовной репрессии. Если в рамках традиционной контртеррористической стратегии уголовно-правовое воздействие концентрируется

---

[204] URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/033/25/PDF/N2003325.pdf?OpenElement. В нем, в частности, отмечается, что «пресечение финансирования терроризма имеет решающее значение для ликвидации террористических групп».

на насильственных террористических актах и лицах, их осуществляющих, то в ситуационной превентивной парадигме вектор уголовной репрессии смещается на инфраструктуру терроризма – на деяния, которые создают возможности и условия для осуществления террористических нападений, т.е. на факторы внешней среды. Установление уголовной ответственности за вооружение, подготовку, финансирование субъектов террористической деятельности, вербовку террористов, публичные призывы к террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганду терроризма, прохождение обучения в террористических целях, создание террористических групп и участие в них полностью вписывается в логику ситуационной модели предупреждения преступности.

С точки зрения этой модели субъекты террористической деятельности (потенциальные или активные) рассматриваются не изолировано, а во взаимодействии с окружающей средой, с ситуацией. Исходная посылка, многократно подтвержденная специальными исследованиями, заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев осуществление террористического акта невозможно без предшествующей деятельности, направленной на вербовку и идеологическую «обработку» исполнителя, его подготовку и материально-техническое оснащение, инкорпорацию в состав террористического объединения. А значит, усилия по уголовно-правовому предупреждению террористических нападений должны быть направлены в первую очередь на деяния, образующие инфраструктуру терроризма.

Таким образом, можно констатировать, что «превентивный поворот» в сторону уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма во многом является результатом практической реализации концепции ситуационной профилактики.

Современная стратегия уголовно-правового противодействия терроризму во многом созвучна постулатам **теории двойного превентивного уголовно-правового воздействия**, обоснованной в отечественной юридической

доктрине в 70–80-х гг. прошлого столетия[205] и получившей дальнейшее развитие в трудах современных исследователей[206]. В основу этой теории положена идея о том, что уголовно-правовое предупреждение преступности должно осуществляться не только напрямую – посредством криминализации деяний, причиняющих значимый вред, но и опосредованно – путем установления уголовной ответственности за деяния, выступающие в качестве криминогенных факторов. Уголовно-правовые запреты в отношении деяний, создающих условия для совершения других преступлений, в рамках этой теории получили наименование «нормы с двойной превенцией». Несмотря на различия в подходах к определению уголовно-правовых норм с двойной превенцией, исследователи в целом солидарны в том, что их сущностным признаком является предупредительное воздействие на криминогенные факторы.

Уголовно-правовое противодействие деяниям, образующим инфраструктуру терроризма, полностью согласуется с теорией двойного превентивного воздействия: «Устанавливая уголовную ответственность за вовлечение в террористическую деятельность, вооружение, подготовку, обучение, финансирование террористов и террористических групп, пособничество в совершении террористического акта, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и ее публичное оправдание, организацию террористических групп, незаконные оборот, изготовление, хищение и вымогательство материалов, веществ и предметов, которые могут быть использованы для совершения террористических актов, антитеррористические нормы с двойной превенцией создают основу для уголовно-правового предупреждения терро-

---

[205] См.: Саркисова Э.А. Предупредительная роль уголовного закона. Минск: Наука и техника, 1975; Побегайло Э.Ф., Гордуз Н.А. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких насильственных преступлений: (проблемы использования норм «с двойной превенцией») // Правовые проблемы профилактики правонарушений. Труды Академии МВД СССР. М., 1985; Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности: учебное пособие. М.: Акад. МВД СССР, 1989.

[206] См.: Ображиев К.В., Шуйский А.С. Нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12; Ображиев К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3; Чуклина Э.Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: дис. … канд. юрид. наук. М., 2024.

ристических актов путем воздействия на их детерминанты, что, как показывает отечественный и зарубежный опыт, является наиболее эффективной и перспективной стратегией борьбы с указанными преступлениями»[207].

В диссертации А.С. Шуйского, посвященной исследованию антитеррористических норм с двойной превенцией (Москва, 2012 г.), к числу таковых отнесены: а) нормы специальной антитеррористической направленности (ст. 205^1, 205^2 УК РФ); б) нормы, объектом вторичного превентивного воздействия которых являются не только террористические, но и иные преступления (ст. 208–210, 220–223, 226 УК РФ). С тех пор арсенал специальных антитеррористических уголовно-правовых норм с двойной превенцией заметно пополнился: Федеральным законом от 02.11.2013 № 302-ФЗ в УК РФ введены ст. 205^3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», ст. 205^4 «Организация террористического сообщества и участие в нем», ст. 205^5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации»; Федеральным законом от 29.12.2017 № 445-ФЗ в рамках ст. 205^2 УК РФ дополнительно криминализована пропаганда терроризма.

Для перечисленных антитеррористических норм объектом первичного уголовно-правового воздействия являются ненасильственные деяния, образующие инфраструктуру терроризма, которые, в свою очередь, детерминируют более опасные насильственные террористические преступления, выступающие в качестве объекта вторичной превенции. Тем самым уголовно-правовое воздействие на инфраструктуру терроризма призвано разрушить механизм самодетерминации терроризма[208].

---

[207] Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией. С. 3–4.

[208] Согласно учению о самодетерминации преступности, деяния, образующие инфраструктуру терроризма, следует рассматривать в качестве «вспомогательных» преступлений (см.: Макаров В.В. Закономерности влияния криминогенных и антикриминогенных факторов на самовоспроизводство преступности // Научный портал МВД России. 2014. № 2 (26). С. 36; Макаров В.В. Самодетерминация преступности: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Г.Ю. Лесникова. М., 2015. С. 61; Бочкарева Е.В. Феномен самодетерминации преступности для непосвященных: монография. М.: Проспект, 2024. С. 56–58).

Двойной превентивный эффект уголовно-правовых норм, предназначенных для воздействия на инфраструктуру терроризма, объясняется тесной связью инфраструктурных террористических деяний и собственно террористических актов. По справедливому замечанию Э.Ю. Чуклиной, общественная опасность различных форм содействия террористической деятельности и приготовления к ней (в частности, в виде прохождения обучения в целях совершения террористических преступлений, организации террористического сообщества или деятельности террористической организации и т.п.) обусловлена исключительно связью с совершением террористических актов[209]. Деяния, формирующие инфраструктуру терроризма, изначально таргетированы на совершение террористических нападений, они непосредственно связаны с террористическими актами. В механизме детерминации инфраструктурные деяния расположены максимально близко к террористическим актам, что отличает их от иных криминогенных факторов, таких как доступность средств и орудий совершения преступления, недостаточная защищенность объектов, «фоновые явления» преступности. В этом смысле уголовно-правовые нормы, предназначенные для воздействия на инфраструктуру терроризма, можно с полным основанием отнести к нормам с наибольшим двойным превентивным эффектом (по крайней мере потенциальным).

Преимущество уголовно-правовых норм с двойной превенцией заключается в том, что они оказывают воздействие на криминогенные факторы на ранних стадиях их проявления, не дожидаясь, пока их деструктивный потенциал (возможность, условия для совершения террористического акта) воплотится в террористическом нападении. По справедливому замечанию А.Э. Жалинского, «запретность предшествующих действий создает определенные преграды на пути к преступлению»[210]. Поэтому А.Л. Гуринская вовсе не случайно проводит аналогию между нормами с двойной превенцией,

---

[209] Чуклина Э.Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией. С. 66–67.

[210] Жалинский А.Э. Профилактическое воздействие уголовного закона // Труды ВНИИ МВД СССР. Вып. 46. М., 1978; Жалинский А.Э. Избранные труды. Т. 1: Криминология. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 621.

предусмотренными УК РФ, и уголовной ответственностью за «пред-преступления» в англо-американской модели предупреждения преступности[211].

Таким образом, теория двойного превентивного уголовно-правового воздействия воплощает в себе постулаты учения о раннем уголовно-правовом предупреждении, а также положения концепции ситуационной профилактики преступлений. В приложении к борьбе с терроризмом это воплощается в криминализации «пред-преступлений», которые создают возможность и условия для совершения террористических актов, с целью уголовно-правового воздействия на «рукотворные» факторы внешней среды (ситуационные факторы), обладающие криминогенным террористическим потенциалом.

В современной стратегии уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма реализованы отдельные доктринальные положения, ставшие результатом **экономического анализа преступности и уголовного права.** Начало этому направлению положено работами американского экономиста Г. Беккера[212], который предложил экстраполировать основные положения экономической теории в область криминологической и уголовно-правовой проблематики, применить к ней традиционный экономический анализ, изучающий, каким образом индивиды совершают выбор[213].

Экономический подход Г. Беккера многократно становился предметом научных исследований[214], что позволяет нам не углубляться в его детали. В схематичном представлении его сущность заключается в том, что человек, принимая решение о совершении деликта, мыслит рационально, оценивая и соотнося затраты (издержки) и потенциальную выгоду. И если выгоды

---

[211] Гуринская А.Л. Англо-американская модель предупреждения преступности. С. 303–307.
[212] Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76, No. 2. P. 169–217.
[213] Ibid. P. 170.
[214] См.: Латов Ю.В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 228–270; Андриенко Ю.В. Экономика преступления: теоретическое и эмпирическое исследование определяющих факторов преступности: дис. … канд. экон. наук. М., 2003. С. 54–63; Бибик О.Н. Рынок преступлений и наказаний. СПб., 2017. С. 94–99; Лушников А.М. «Экономический анализ права» и «экономический империализм»: Г.С. Беккер и Р.А. Познер: монография. М.: Проспект, 2025. С. 45–94.

от преступления превышают затраты на его совершение, то решение о совершении преступления будет положительным, а если потенциальная выгода не оправдывает издержек, то субъект откажется от преступного поведения. Следовательно, для предупреждения преступлений достаточно повысить издержки, связанные с преступлением, т.е. сделать преступное поведение экономически невыгодным.

При этом в качестве важнейшей составной части затрат на совершение преступления Г. Беккер рассматривает издержки, связанные с потенциальным наказанием, которые определяются с учетом двух взаимосвязанных факторов – тяжести и вероятности наказания. С позиции экономического подхода эти факторы способны уравновешивать друг друга: строгое, но маловероятное наказание порождает те же издержки, что и менее строгое наказание, вероятность которого высока. Из этого следует, что «индекс» издержек, связанных с совершением преступления, можно вариативно увеличивать посредством повышения любой из указанных переменных: строгости наказания или его вероятности. А.М. Лушников называет этот тезис «теоремой Беккера», формулируя ее таким образом: «Главным средством борьбы с преступностью является повышение раскрываемости и (или) усиление строгости наказания с оптимальными (минимальными для общества) затратами на правоохранительную деятельность»[215]. А поскольку увеличение вероятности уголовного преследования предполагает непомерные затраты на правоохранительную систему, что экономически нецелесообразно, то более предпочтительным и самым «дешевым» способом повышения издержек, связанных с преступлением, становится повышение суровости уголовно-правовых санкций.

Надо признать, что научное сообщество восприняло «экономический империализм», т.е. стремление к экономическому объяснению любых человеческих поступков и общественных отношений в целом, весьма критически. Серьезные сомнения в применимости экономических моделей для достижения

[215] Лушников А.М. «Экономический анализ права» и «экономический империализм» … С. 84.

задач предупреждения преступности высказывались с момента публикации первых работ Г. Беккера, причем критиковались его идеи одновременно с двух флангов – как со стороны его коллег-экономистов, так и со стороны криминологов и юристов[216]. В настоящее время для специалистов является очевидной ограниченность выдвинутых Г. Беккером объяснений механизма преступного поведения и предложенных им мер профилактики преступности, но от этого они не утрачивают своей привлекательности в глазах субъектов принятия уголовно-политических решений. Всем нам свойственно стремление к «простому» решению сложных проблем, а экономический подход предлагает как раз такой – простой, доступный и к тому же малозатратный (по крайней мере на первый взгляд) – способ борьбы с преступностью.

Авторитетные специалисты в области уголовной политологии М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин обращают внимание на «поразительное сходство практических шагов отечественного законодателя и правоприменителя с некоторыми теоретическими посылками беккеровской уголовной политики», что проявляется в том числе в «постоянном наращивании размера санкций уголовного закона»[217]. «Ставка» на строгость наказания в целях повышения издержек, связанных с преступлением, становится особенно заметной именно в разрезе антитеррористической уголовно-правовой политики. Нормы об ответственности за преступления, образующие инфраструктуру терроризма, содержат крайне суровые санкции:

– за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма, совершенные с использованием сети «Интернет», в ч. 2 ст. 205^2 УК РФ предусмотрено лишение свободы на срок от пяти до семи лет;

---

[216] См.: Clarke R.V., Felson M. (eds) Routine activity and rational choice. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1993; Clarke R.V. Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. P. 9; Стиглер Дж. Оптимальное принуждение к соблюдению закона // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 351–352; Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. С. 210; Лушников А.М. «Экономический анализ права» и «экономический империализм» … С. 10–44.

[217] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 136–137.

– за «простое» (без квалифицирующих признаков) содействие террористической деятельности ч. 1 и 1^1 ст. 205^1 УК РФ предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок от семи (восьми) до пятнадцати лет, а за содействие террористической деятельности, совершенное лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 205^1 УК РФ), – от десяти до двадцати лет;

– в силу ч. 3 ст. 205^1 УК РФ пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет;

– за организацию преступлений, предусмотренных ст. 205, 205^3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, или руководство их совершением, за организацию финансирования терроризма (ч. 4 ст. 205^1 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ), создание террористического сообщества, руководство таким террористическим сообществом (ч. 1 ст. 205^4 УК РФ), а также за организацию деятельности террористической организации (ч. 1 ст. 205^5 УК РФ) установлено наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет;

– участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205^4 УК РФ) – от десяти до пятнадцати лет, а участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической (ч. 2 ст. 205^5 УК РФ), – от десяти до двадцати лет.

Как нетрудно заметить, за большинство «инфраструктурных» террористических деяний установлен максимальный двадцатилетний срок лишения свободы (т.е. возможности для дальнейшего повышения санкций практически исчерпаны).

Оставляя за рамками настоящего параграфа вопрос об обоснованности столь суровой пенализации[218], отметим, что она полностью соответствует логике экономического подхода Г. Беккера и его последователей, в силу которой для «человека экономического» строгие санкции выступают в качестве «заградительных издержек», делающих невыгодным преступное поведение. И хотя криминологическая теория и эмпирические криминологические исследования[219] убедительно опровергают эту экономическую превентивную логику, она последовательно реализуется в законодательных решениях. Низкая вероятность привлечения к уголовной ответственности за преступные деяния, образующие инфраструктуру терроризма, компенсируется повышением санкций.

Причем «сверхпенализация» террористических актов и преступлений, образующих инфраструктуру терроризма, является общим трендом, который проявляется не только в России, но и в большинстве национальных правопорядков. По оценкам специалистов Управления по наркотикам и преступности ООН, после террористического акта в Нью-Йорке, совершенного в сентябре 2001 г., отмечается «ужесточение наказаний за связанные с терроризмом преступления в национальных и международных судах и трибуналах»[220].

Впрочем, экономическую составляющую антитеррористической уголовно-правовой политики нельзя сводить лишь к повышению «санкционных издержек» для субъектов террористической деятельности. Гораздо большего внимания, с нашей точки зрения, заслуживает другая точка соприкосновения

---

[218] В отечественной юридической науке подобный подход имеет немало сторонников (см., например: Павлинов А.В. Предупреждение преступлений как цель уголовной политики и уголовного наказания // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 1 (75). С. 46).

[219] По справедливому замечанию Р. Кларка, «повышение ставок на правонарушение» с помощью более суровых наказаний неэффективно: «…беседы с правонарушителями показали, что они уделяют гораздо большее внимание непосредственным шансам быть пойманными, чем характеру наказания, которое они могут понести позже. Следовательно, вместо ужесточения наказания эффективнее усилить у правонарушителя страх быть пойманным, и один из компонентов ситуационного предотвращения действительно состоит в повышении риска быть пойманным» (Clarke R.V. Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. P. 14).

[220] Серия учебных модулей Управления по наркотикам и преступности ООН: Борьба с терроризмом. Модуль 4: Меры системы уголовного правосудия по борьбе с терроризмом. URL: https://www.unodc.org/e4j/ru/terrorism/module-4/key-issues/intro.html

экономических моделей с правовой системой, которая заключается в стремлении к эффективности. Экономический взгляд на эволюцию права состоит в том, что развитие правовой системы представляет собой поиск наиболее эффективных юридических конструкций, позволяющих обеспечить баланс социальных ценностей[221].

Одним из способов повышения эффективности правового регулирования становится минимизация правоприменительных издержек. Помимо прочего, это проявляется в развитии упрощенных и ускоренных юридических процедур, рационализации судопроизводства, что заметно снижает временные, организационные, финансовые и интеллектуальные затраты его участников. В области уголовной юстиции эта тенденция «заключается в отказе от непременного соблюдения всех предусмотренных законом процедур уголовного судопроизводства при расследовании и разрешении ряда уголовных дел и появлении новых дифференцированных сокращенных форм производства по отдельным категориям уголовных дел». По признанию специалистов, эта тенденция «является общемировой, в ее основе лежит выработка и практическая реализация стандартов оптимизации, соответствующих уровню развития общественных отношений, социальным потребностям, мировоззренческим ценностям, финансовым, техническим, организационным, кадровым и иным возможностям государства»[222].

В материальном уголовном праве отмеченный курс на рационализацию и оптимизацию проявляется в конструировании нормативных оснований уголовной ответственности, которые обеспечивают «упрощенную квалификацию» (по аналогии с упрощенным судопроизводством), в правоприменительном крене в сторону тех норм, которые понятнее и легче в плане реализации.

---

[221] Как отмечают экономисты, «в праве и экономике принято искать закон, который приведет к оптимальному результату, обеспечивая максимальный размер “пирога”» (см.: Weiss U. The Regressive Effect of Legal Uncertainty // Journal of Dispute Resolution. 2019. P. 152).

[222] Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 5.

Особенно заметной эта тенденция становится в сфере антитеррористической деятельности:

– до 2005 г. ведущим инструментом уголовно-правового противодействия организационно-управленческой инфраструктуре терроризма служила ст. 208 УК РФ, предусматривающая ответственность за создание незаконного вооруженного формирования, руководство им и участие в нем. Несмотря на наличие в уголовном законе нормы об ответственности за бандитизм (ст. 209 УК РФ), которая полностью охватывает деяния лидеров и участников террористических объединений, практика отдала явное предпочтение ст. 208 УК РФ, которая, в отличие от ст. 209 УК РФ, не требует доказывания специальной террористической цели (достаточно доказать факт вооруженности участников террористического объединения);

– задача правоприменителей еще больше упростилась после введения в закон ст. 205^5 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации. Применяя ст. 205^5 УК РФ, сотрудники органов предварительного расследования и суды избавлены от необходимости каждый раз устанавливать и доказывать террористический характер организации, ведь она уже наделена соответствующим статусом на основании судебного решения, что позволяет использовать преюдицию. А значит, не требуется устанавливать наличие у организатора (руководителя) или участников соответствующих объединений специальных террористических целей. В результате стандарты квалификации и доказывания существенно упрощаются: достаточно установить сам факт участия в запрещенной организации, признанной террористической или экстремистской, или организации ее деятельности. Как следствие, ст. 205^5 УК РФ доминирует в современной правоприменительной практике.

Приведенные примеры показывают, что материальному уголовному праву не чуждо экономическое стремление к рационализации, к снижению правоприменительных издержек. Но этот тренд на упрощение составов преступлений и оптимизацию правоприменительной деятельности имеет свои

пределы, заданные конституционными требованиями к уголовному закону и принципами уголовного права. Экономия правоприменительных усилий не должна осуществляться в ущерб правам и свободам адресатов упрощенных уголовно-правовых запретов.

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что в качестве теоретической платформы современной стратегии уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма выступают научные положения и концепты, синтезирующие основные достижения: теории раннего предупреждения преступности, постулаты которой реализуются посредством «превентивной криминализации» ненасильственных деяний, создающих условия и возможности для совершения террористических актов (ст. 205^1–205^5, 208 УК РФ), а также путем переноса момента юридического окончания этих деяний на начальный этап преступной деятельности; концепции ситуационного предупреждения преступлений, с учетом которой вектор уголовной репрессии смещается на инфраструктуру терроризма, т.е. на факторы внешней среды (ситуационные факторы); учения об уголовно-правовых нормах с двойной превенцией, практическая реализация которого предполагает криминализацию деяний, выступающих в качестве криминогенных факторов («пред-преступлений»); экономического подхода к предупреждению преступности, положения которого реализуются в практике пенализации инфраструктурных террористических деяний, а также при конструировании и применении отдельных уголовно-правовых норм, обеспечивающих «упрощенную квалификацию» (например, ст. 205^5 УК РФ).

Глава 3.
Инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма

3.1. Институт соучастия в преступлении и нормы об ответственности за соучастие sui generis как инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма

Как известно, специфика террористической деятельности заключается в ее групповом и организованном характере. И даже так называемый «посторганизованный» терроризм (терроризм одиночек), о котором периодически упоминается в криминологической литературе, при детальном рассмотрении оказывается тесно связан с криминальной деятельностью террористических объединений (по каналам идеологической обработки, вербовки, подготовки и т.п.). Учитывая это обстоятельство, становится очевидным, что уголовно-правовое противодействие терроризму невозможно без использования нормативных предписаний института соучастия в преступлении.

Сравнительно-правовые исследования демонстрируют наличие несовпадающих подходов к построению института соучастия даже в тех государствах, которые относятся к одной правовой семье, не говоря уже о странах, принадлежащих к различным правовым традициям (общего и континентального права). Поэтому в рамках настоящего параграфа мы сосредоточим внимание на общих закономерностях института соучастия в преступлении в преломлении к предмету нашего исследования. И в первую очередь обратимся к изучению международно-правовых стандартов криминализации террористических преступлений, которые отражают универсальные подходы международного сообщества к уголовно-правовому противодействию терроризму.

Как неоднократно отмечалось, секторальные антитеррористические конвенции ООН обязывают национальные государства криминализовать

в своем внутреннем уголовном законодательстве определенные террористические деяния. Причем во всех универсальных конвенциях, содержащих требования о криминализации, особо оговаривается необходимость установления ответственности за соучастие в преступлении (п. «b» ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.[223]; подп. «b» п. 2 ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 г.[224]; подп. «e» п. 1 ст. 2 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г.[225]; подп. «b» п. 2 ст. 1 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г.[226]; подп. «b» п. 2 ст. 3 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г.[227] и др.).

Анализ международных актов, образующих правовую основу борьбы с терроризмом, демонстрирует тенденцию к последовательному расширению нормативных оснований ответственности соучастников соответствующих преступлений. Так, например, положения Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г. распространяются только на соучастников преступления на борту воздушного судна в полете. Иными словами, Конвенция признает соучастником террористического преступления лишь то лицо, которое оказывает содействие исполнителю «здесь и сейчас». Однако в последующем наблюдается отход от этой крайне узкой трактовки соучастия. Сфера действия принятой в 1971 г. Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, была расширена, с тем чтобы криминализовать деяния соучастников преступления, где бы они ни находились[228].

---

[223] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aircraft_seizure.shtml
[224] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml
[225] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml
[226] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostages.shtml
[227] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/maritme.shtml
[228] См.: Руководство для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма. С. 31–32. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Legislative_Guide_Universal_Legal_Regime/Russian.pdf

Расширение международно-правовой трактовки института соучастия прослеживается и в части регламентации видов соучастников, подлежащих уголовной ответственности за совершенные террористические акты. Если в первых антитеррористических конвенциях, принятых в 1960–1970 гг., к соучастникам преступления отнесены лишь подстрекатель и пособник, то в последующих международных договорах в сфере борьбы с терроризмом зафиксирована обязанность государств-участников установить во внутреннем законодательстве ответственность организаторов соответствующих террористических деяний. Ответственность организатора террористических преступлений на конвенционном международном уровне впервые предусмотрена в Конвенции о физической защите ядерного материала 1979 г.[229] В подп. «a»–«h» п. 1 ст. 7 указанной Конвенции перечислены деяния, которые требуют криминализации (незаконный оборот ядерного материала, его хищение, вымогательство, контрабанда, воздействие на ядерную установку, угрозы неправомерного использования ядерного материала, покушение на указанные деяния), в подп. «i» содержится традиционное указание на наказуемость соучастия в перечисленных деяниях. При этом в подп. «j» предписано установить уголовную ответственность за «действие любого лица, которое организует других лиц или руководит ими с целью совершения какого-либо из правонарушений, указанных в подпунктах a)–h)», а в подп. «k» – за «действие, которое способствует совершению какого-либо из правонарушений, указанных в подпунктах a)–h), группой лиц, действующих с общей целью», при условии, что «такое действие является преднамеренным и совершается: i) либо в целях поддержки преступной деятельности или преступных целей этой группы, когда такая деятельность или цель предполагает совершение одного из правонарушений, указанных в подпунктах a)–g); ii) либо при осознании умысла этой группы совершить одно из правонарушений, указанных в подпунктах a)–g)».

[229] URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/nucmat_protection

В последующем предписания о криминализации организаторских действий включены в п. 3 ст. 2 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.[230]: «Любое лицо также совершает преступление, если оно: a) участвует в качестве соучастника в совершении какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1 или 2 настоящей статьи; или b) организует других лиц или руководит ими с целью совершения какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1 или 2 настоящей статьи; или c) любым другим образом способствует совершению одного или более преступлений, указанных в пунктах 1 или 2 настоящей статьи…».

Признавая важность отмеченных трансформаций института соучастия в преступлении по международному уголовному праву, нельзя не отметить, что его адаптация для целей борьбы с терроризмом имеет свои пределы, связанные в первую очередь с акцессорной природой соучастия. В кратком изложении суть акцессорной теории соучастия заключается в том, что соучастники, непосредственно не выполняющие объективную сторону преступления (подстрекатель, пособник, организатор), признаются акцессорными (от лат. *accessorium* – «дополнительный», «несамостоятельный»), т.е. дополнительными, второстепенными, соучастниками, вследствие чего их ответственность «привязывается» к ответственности исполнителя преступления.

Акцессорная модель соучастия, а также составляющие ее правила квалификации неоднократно анализировались в уголовно-правовой литературе[231] и хорошо известны специалистам, что избавляет нас от их детального рассмотрения. Обозначим лишь ключевые позиции, отражающие сущность акцессорной ответственности соучастников:

---

[230] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml

[231] См., например: Пушкин А.В. Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников преступления // Законность. 2001. № 3. С. 27–30; Ображиев К.В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления // Законность. 2016. № 8 (982). С. 29–34; Пудовочкин Ю.Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 102–112; Украинчик А.В. Основания акцессорности в российской конструкции соучастия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (88). С. 120–126.

– поскольку основным соучастником и «главным виновником» признается исполнитель преступления, то его отсутствие исключает соучастие как таковое. Следовательно, если преступление (хотя бы неоконченное) не совершено, если его исполнение по тем или иным причинам не состоялось, то организаторские, подстрекательские, пособнические действия не образуют соучастия в преступлении;

– ответственность акцессорных, второстепенных, соучастников «привязывается» к ответственности исполнителя преступления. Эта «привязка» может иметь разные проявления: при ограниченной акцессорности она выражается главным образом в квалификационной зависимости (при этом наказание соучастников индивидуализируется с учетом их вклада в преступление), а при так называемой «строгой» акцессорности ответственность иных соучастников связана с ответственностью исполнителя не только в части квалификации, но и в части наказания[232].

Несмотря на известные различия правовых систем, относящихся к традициям общего и континентального уголовного права, в них имплементированы сходные по своей сути акцессорные правила уголовно-правовой оценки соучастия в преступлении. Обращая внимание на это обстоятельство, разработчики Руководства по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом указывают, что «в большинстве национальных законодательств соучастник наказывается лишь в том случае, если преступник совершил основное преступление и/или на него также налагается наказание». По этой причине «статьи уголовных кодексов, касающиеся соучастия, зачастую оказываются недостаточными для квалификации финансирования терроризма как преступления»[233]. Так, например, в Германии

---

[232] Модель «строгой» акцессорности ответственности соучастников реализована, в частности, в УК Ирака, в силу которого соучастники наказываются так же, как и исполнитель преступления, если иное не предусмотрено законом (ст. 50). При этом обстоятельства, отягчающие наказание, вменяются всем соучастникам независимо от того, известны они им или нет, за исключением обстоятельств, носящих личный характер (ст. 51) (см.: Хасан Х.А.Х. Уголовный кодекс Республики Ирак: характеристика общей части // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1187).

[233] Руководство по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом. С. 17. URL: https://www.unodc.org/pdf/terrorism/TATs/ru/2LIGru.pdf

в силу акцессорности соучастия ответственность подстрекателя наступает лишь при условии, что в результате подстрекательских действий исполнитель совершил хотя бы покушение на преступление. Если же посягательство на правоохраняемое благо не состоялось, то соучастие не образуется, поскольку отсутствовал исполнитель преступления[234]. На тех же позициях базируется институт соучастия в уголовном праве Франции: в силу требований акцессорной доктрины соучастия, таковое возникает, если исполнитель совершил противоправное деяние или хотя бы начал его совершать[235]. Акцессорные правила ответственности второстепенных соучастников преступления содержатся и в английском уголовном праве, о чем свидетельствует требование совершения преступления исполнителем или как минимум *actus reus* преступления: в отсутствие совершенного *actus reus* преступления (или покушения на последнее) лицо может быть осуждено при наличии к тому оснований только за неоконченную преступную деятельность (например, за сговор), но не за соучастие в преступлении[236].

Не является исключением в этом плане и российское уголовное право. В отечественной уголовно-правовой доктрине подчеркивается, что множественность субъектов как обязательный признак соучастия в преступлении предполагает, что «как минимум один из субъектов, совместно участвующих в совершении преступления, должен выполнять функции исполнителя. Отсутствие исполнителя преступления исключает наличие соучастия, даже если иными лицами были совершены умышленные совместные действия, направленные на совершение умышленного преступления»[237].

---

[234] См.: Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть.5-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 602–603.

[235] См.: Pradel J. Droit penal. T. 1. Paris, 1997. P. 473; Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. М.: ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2001. С. 329.

[236] См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть. С. 78–79; Есаков Г.А. Учение о преступлении в странах семьи общего права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.

[237] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 томах. Т. 1: Общая часть / под науч. ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М.: Проспект, 2023. С. 173.

Эти же акцессорные правила заложены во все универсальные антитеррористические конвенции, принятые в 1963–1997 гг. Так, например, в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников указано, что лицо совершает преступление, если оно «принимает участие в качестве сообщника любого лица, которое *совершает или пытается совершить* (выделено мной. – *Д.Б.*) акт захвата заложников» (подп. «b» п. 2 ст. 1). Таким образом, для признания лица соучастником в захвате заложников требуется, чтобы это преступление было исполнено. В противном случае, т.е. при отсутствии лица, которое «совершает или пытается совершить» захват заложников, соучастие не возникает, а следовательно, нет и оснований для привлечения к ответственности лиц, фактически выполнявших функции сообщника.

Предельно четко это акцессорное положение отражено в Руководстве для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма. Комментируя положения Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г., предусматривающие ответственность соучастников, представители Управления ООН по наркотикам и преступности отмечают, что «по условиям пункта 3 *c)* статьи 2 Конвенции о бомбовом терроризме данная норма подлежит применению только при совершении преступления»[238]. На этом основании в руководящих документах ООН констатируется, что антитеррористические конвенции и протоколы о борьбе с терроризмом, принятые в 1963–1997 гг., «предусматривают главным образом уже совершенные уголовные преступления», что исключает ответственность несостоявшихся «соучастников»[239]. Причем исключает практически полностью, поскольку международные конвенции (по крайней мере универсального характера), как правило, не предусматривают ответственности за приготовление к преступлению.

---

[238] Руководство для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма. С. 32. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Legislative_Guide_Universal_Legal_Regime/Russian.pdf

[239] Предотвращение террористических актов: стратегия в области уголовного правосудия, интегрирующая нормы верховенства закона в осуществление положений документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом. Рабочий документ по технической помощи (п. 14).

В российском уголовном праве этот пробел частично компенсируется за счет института неоконченного преступления. В соответствии с ч. 5 ст. 34 УК РФ нерезультативное склонение к совершению преступного деяния образует состав приготовления к соответствующему преступлению. Аналогичным образом (т.е. как приготовление к преступлению) квалифицируются и неудавшиеся организаторские и пособнические действия, которые не привели к исполнению преступления. Однако вполне очевидно, что подобная квалификация не способна адекватно отразить высочайшую общественную опасность нерезультативных деяний, направленных на организацию террористических нападений, подстрекательство к ним и способствование их совершению, что формирует «спрос» на альтернативные средства уголовно-правового воздействия.

Область действия института соучастия в преступлении лимитирует еще одно обстоятельство, относящееся к субъективной стороне (*mens rea*) действий соучастников. Соучастие может быть констатировано лишь при условии единства умысла соучастников: «Каждый из соучастников осознает, что совершает преступление совместно хотя бы с одним лицом, способным нести уголовную ответственность (двусторонняя субъективная связь). <…> Если же преступный результат объективно достигается совместными усилиями нескольких лиц, однако осознает данное обстоятельство только один из участников содеянного (например, одно лицо, зная о намерении другого совершить убийство, подбрасывает ему оружие), соучастие в преступлении отсутствует»[240]. Только двусторонняя субъективная связь между соучастником (подстрекателем, пособником, организатором) и исполнителем преступления дает основания для квалификации преступления как общего, а следовательно, и как совершенного в соучастии[241].

---

[240] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 томах. Т. 1. 175.

[241] См.: Тельнов П.В. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Юрид. лит., 1974. С. 51; Дядькин Д.С. Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 15; Квалификация преступлений: учеб. пособ. / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М.: Юритинформ, 2016. – С. 218–219; Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 70.

Применительно к соучастию в террористических преступлениях этот подход имеет международно-правовое основание. Требование о двусторонней субъективной связи соучастников преступления зафиксировано на конвенционном уровне. В частности, в Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. предписания об ответственности соучастников преступления сопровождаются следующей оговоркой: «такое содействие должно оказываться умышленно и либо в целях поддержки общего характера преступной деятельности или цели группы, или же с осознанием умысла группы совершить соответствующее преступление или преступления» (подп. «*c*» п. 3 ст. 2).

В уголовно-правовой доктрине справедливо отмечается, что «единство умысла соучастников можно констатировать лишь там, где происходит совпадение интеллектуально-волевых процессов (намерений, осознания, предвидения, желаний) взаимодействующих субъектов. <…> Проще говоря, единый умысел соучастников – это “зона пересечения” их личных умыслов, которая возникает на основании соглашения соучастников. Двусторонняя субъективная связь между соучастниками возникает только в этой “зоне” применительно к общему для всех преступному деянию, согласованному всеми лицами»[242]. К сказанному следует добавить, что общность умысла соучастников предполагает осознание всеми ими видовых характеристик совместно совершаемого преступления – объекта посягательства, сущности деяния, характера причиняемых последствий. В противном случае соучастие отсутствует: если лицо было непосредственно причастно к преступной деятельности, но не имело представления о том, какому именно преступлению оно способствует, его нельзя считать соучастником. Как отметил Верховный Суд Российской Федерации в решении по конкретному делу, «пособник, оказывая содействие

[242] Гюлбанкян А.А. Эксцесс исполнителя и других соучастников преступления: проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. С. 66.

исполнителю преступления, должен сознавать, какое совершается преступление, в котором он исполняет роль соучастника»[243].

Однако проблема состоит в том, что инфраструктурные деяния, направленные на совершение террористических актов другими лицами, зачастую не соответствуют этим субъективным признакам соучастия в преступлении. Деяния, образующие инфраструктуру терроризма, отличаются сложностью, технологичностью; они осуществляются в условиях конспирации, с использованием приемов манипуляции и «социальной инженерии», нередко в дистанционном формате, в отсутствие прямого контакта между субъектами террористической деятельности. Так, вербовка исполнителей террористических нападений, как правило, происходит с использованием идеологической обработки и обмана, в режиме *step by step*, когда объекту вербовки вначале предлагается присоединиться к группе «единомышленников», участвовать в их собраниях, пройти подготовку, совершить ненасильственные действия, направленные на обеспечение функционирования террористического объединения, выполнение его задач, и лишь затем следует предложение принять участие в совершении террористического акта (причем чаще всего без какой-то конкретики). Нередко исполнителей терактов просто обманывают, используют «вслепую», что исключает единство умысла и, как следствие, соучастие в преступлении.

Не прослеживаются субъективные признаки соучастия в преступлении и при совершении значительного массива деяний, направленных на финансирование и иное материально-техническое оснащение (включая вооружение) субъектов террористической деятельности, а также их подготовку. Специалисты отмечают, что «лица, снабжающие террористов предметами вооружения (на возмездной или безвозмездной основах), по соображениям конспирации часто не ставятся в известность о том, где и когда будут применены соответствующие предметы. Задача поставщиков вооружения заключается лишь

[243] Постановление № 609п2002 по делу Цуцкиридзе и Воронцова (Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2002 года) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 7).

в том, чтобы предоставить террористам оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства; знать же планы террористов относительно применения предметов вооружения им вовсе не обязательно. Это в полной мере относится и к инструкторам, осуществляющим подготовку членов террористических групп (обучение их навыкам обращения с оружием, минно-взрывного дела, диверсионной деятельности и т.п.), которые могут и не знать (и, как правило, действительно не знают), где и при каких обстоятельствах обучающиеся будут применять полученные знания, умения, навыки. Аналогичным образом обстоит дело и с лицами, осуществляющими финансирование терроризма. Террористическая деятельность в России во многом финансируется за счет денежных средств иностранных организаций и граждан (подданных), которые в большинстве случаев не имеют представления о том, как именно (т.е. для совершения каких конкретно преступлений террористического характера) будут использованы соответствующие средства»[244]. При таких обстоятельствах двусторонняя субъективная связь между взаимодействующими субъектами и общность их умысла отсутствуют, что опять же исключает возможность уголовно-правовой оценки соответствующих инфраструктурных деяний с позиции института соучастия в преступлении.

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что положения об акцессорной ответственности соучастников и единстве их умысла с неизбежностью ограничивают сферу применения института соучастия в преступлении к деяниям, образующим инфраструктуру терроризма. За ее пределами, в частности, остаются: так называемое неудавшееся соучастие, т.е. организационная, подстрекательская, пособническая деятельность, которая не завершилась исполнением террористического акта (нападения); различные формы содействия совершению террористических преступлений, осуществляемые с неопределенным умыслом, в отсутствие двусторонней субъективной связи между исполнителем и содействующими ему лицами. Указанные деяния хотя

[244] Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. 45–46.

и не создают соучастия в преступлении, но обладают достаточно высокой общественной опасностью, которая многократно возрастает в случае, если они направлены на совершение террористических актов, что требует адекватного уголовно-правового реагирования.

Теоретически, преодолеть отмеченную недостаточность института соучастия в преступлении можно либо посредством отказа от положений акцессорного соучастия и построения этого института на основе доктрины персональной (личной) ответственности соучастников, либо за счет конструирования самостоятельных нормативных оснований уголовной ответственности за деяния, создающие условия и возможности для совершения террористических преступлений другими лицами, т.е. норм об ответственности за соучастие sui generis (особого рода).

В международном уголовном праве, как известно, реализован второй подход, предполагающий криминализацию инфраструктурных террористических деяний в качестве самостоятельных преступлений, акцессорно не связанных с непосредственным исполнением насильственных террористических нападений. Первым международным актом, в котором предусмотрена обязанность государств установить ответственность за соучастие особого рода в террористических актах, стала Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.[245] Конвенция «разорвала» акцессорную связь финансирования с исполнением перечисленных в ней насильственных террористических преступлений, установив за это деяние самостоятельную ответственность. В п. 3 ст. 2 Конвенции подчеркивается: «Для того чтобы какое-либо деяние составило преступление, указанное в пункте 1, необязательно, чтобы средства фактически использовались для совершения преступления». Иными словами, ответственность должна наступать за само финансирование терроризма, даже если средства не дошли до получателя (террористического объединения, его руководителя или участника) и даже если финансирование

[245] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml

оказалось нерезультативным, т.е. не привело к непосредственному совершению (исполнению) террористического акта. Таким образом, Конвенция активизировала раннепревентивный потенциал уголовно-правовых запретов и существенно расширила основания уголовной ответственности лиц, содействующих террористическим нападениям посредством финансирования.

Этому способствовала и широкая трактовка признаков финансирования терроризма, выработанная в практике международных организаций: «Рекомендация 5 ФАТФ и пояснительная записка к ней… требуют от государств криминализировать финансирование террористических организаций и отдельных террористов более широко, даже при отсутствии связи с конкретным террористическим актом или актами. Это обязательство подтверждается в пункте 17 резолюции 2253 (2015) и пункте 18 резолюции 2368 (2017), где Совет отмечает, что рекомендация 5 касается финансирования террористических организаций или отдельных террористов в любых целях, включая (но не ограничиваясь этим) вербовку, обучение или поездки, даже если отсутствует связь с каким-либо конкретным террористическим актом. В пункте 5 резолюции 2462 (2019) Совет постановляет, чтобы уголовная ответственность за умышленное финансирование террористических организаций или отдельных террористов для любых целей устанавливалась даже в отсутствие связи с каким-либо конкретным террористическим актом»[246].

Впоследствии нормативная конструкция соучастия sui generis, успешно апробированная в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., была «масштабирована» и применена в целях уголовно-правового противодействия иным деяниям, образующим инфраструктуру терроризма: вербовке террористов, их обучению, совершению поездок с террористическими целями, оказанию поддержки в совершении террористических актов. В резолюциях Совета Безопасности ООН, универсальных и региональных

[246] Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций (п. 39): приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27.12.2019 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf

антитеррористических конвенциях особо оговаривается, что соответствующие инфраструктурные деяния признаются самостоятельными преступлениями и наказываются вне зависимости от того, было ли совершено «основное» террористическое преступление, совершению которого лицо оказывало содействие. Таким образом, следует констатировать, что международное право служит значимым ориентиром для самостоятельной криминализации соучастных деяний, образующих инфраструктуру терроризма, в российском уголовном законодательстве.

Выполняя свои международные обязательства в области борьбы с терроризмом, Российская Федерация имплементировала во внутригосударственное уголовное законодательство большинство международно-правовых норм об ответственности за деяния, образующие инфраструктуру терроризма, включая нормы о соучастии sui generis. Это обстоятельство дало мощный импульс к теоретическому обсуждению соответствующих норм и их научному анализу.

Впрочем, нужно согласиться с тем, что отечественная уголовно-правовая доктрина «пока не смогла разработать стройную теорию соучастия sui generis»[247]. Теоретики существенно расходятся в оценках самостоятельных уголовно-правовых норм об ответственности за соучастие особого рода (нужны они или же в них нет необходимости). Более того, не выработан даже единый подход к номенклатуре этих норм, нет четкого представления о системе деяний, образующих соучастие sui generis.

Отправная точка исследования соучастия особого рода практически во всех публикациях совпадает – к нему принято относить различные проявления организаторских, подстрекательских, пособнических деяний, криминализованных в самостоятельных статьях Особенной части УК РФ[248]. Но когда дело

[247] Ображиев К.В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития // Российский следователь. 2024. № 1. С. 41.

[248] Из общего ряда выбивается позиция Д.А. Безбородова, который отождествляет соучастие sui generis с так называемым «необходимым соучастием» (см.: Безбородов Д.А. Тенденции уголовного законодательства при конструировании норм о необходимом соучастии // Криминалистъ. 2017. № 1(20). С. 3–6). Такое отождествление представляется нам неоправданным, поскольку «необходимое соучастие» характерно для двусторонних преступлений, при которых одно невозможно без другого (дача – получение взятки, приобретение – сбыт

доходит до конкретики, т.е. до систематизации соответствующих деяний, то обнаруживается довольно серьезное расхождение в позициях исследователей.

Так, например, И.Е. Горемычкин к соучастию sui generis относит преступные группы, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ (ст. 205^4, 205^5, 208–210 УК РФ и др.)[249]. Во многом сходную точку зрения занимает В.В. Палий, с тем лишь отличием, что соучастием особого рода, в ее представлении, являются не сами преступные группы, перечисленные в Особенной части уголовного закона, а «организованная и наиболее опасная совместная преступная деятельность, которая характерна для таких форм соучастия, как организованная группа и преступное сообщество (преступная организация)»[250]. Таким образом, соучастие sui generis, по сути дела, отождествляется указанными специалистами с организационной деятельность по созданию преступных объединений, руководству ими и участию в них, а также с результатом этой деятельности (в виде специальных преступных групп)[251].

С более широких позиций рассматривает соучастие sui generis Д.М. Молчанов: «Под специальными нормами Особенной части о соучастии имеются в виду: во-первых, нормы, в которых устанавливается ответственность для разных видов соучастников, вследствие чего квалификация их действий не требует ссылки на ст. 33 УК РФ (специальные нормы о ролевом сообщничестве)…; во-вторых, нормы, запрещающие объединение нескольких лиц вне связи с каким-либо определенным преступлением, когда наказуемым становится само объединение в группу (например, ст. 208, 209, 210 УК РФ)»[252].

предметов, ограниченных в обороте, и т.п.). Соучастие sui generis такой необходимой связи с основным преступлением не имеет. Так, например, публичные призывы к террористической деятельности как соучастие особого рода не предполагает обязательного совершения террористических преступлений, к которым призывает виновный.

[249] Горемычкин И.Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 10, 139–176.

[250] Палий В.В. Соучастие особого рода (sui generis): понятие, сущность и основные черты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10. С. 82.

[251] См.: Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) / отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2009.

[252] Молчанов Д.М. Множественность лиц в преступлении как новый институт уголовного права России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10 (98). С. 64.

Аналогичная трактовка исследуемого понятия представлена в работе К.В. Ображиева, который относит к соучастию sui generis «создание преступных групп и организацию отдельных видов преступлений (преимущественно террористической и экстремистской направленности), склонение к ним и содействие их совершению (в форме финансирования преступления, вооружения или подготовки лица в целях совершения преступления)»[253].

М.А. Горенко предлагает систематизировать проявления соучастия особого рода следующим образом: специальные виды организации; специальные виды подстрекательства; специальные виды пособничества. При этом к специальным видам организации он относит организацию преступных формирований, организацию преступной деятельности и участие в ней, а также организацию совершения отдельных преступлений[254].

Наконец, нельзя не отметить довольно нестандартное решение, предложенное Т.Х. Котеневым. Он предлагает различать «нормы о соучастии особого рода», которые «выражены в основном через самостоятельные составы преступлений (ст. 205^4, 205^5, 208, 209, 210, 212, 239, 279, 282^1, 282^2, 353, 359 УК)», и «нормы о специальных соучастниках», которые «сконструированы в основном как нормы-примечания (ст. 110^1, 230^1, 205^1, 240, 281^1, 284^3 УК)»[255].

Оценивая представленную палитру научных мнений и подходов, полагаем возможным отметить следующее.

Во-первых, соучастие в преступлении – как классическое, так и sui generis – следует рассматривать как специфическое проявление социального взаимодействия, выражающееся в объединении усилий нескольких лиц для совершения преступления[256]. Внешней формой такого «криминального взаимодействия» является преступная группа – «простая» или организованная,

---

[253] Ображиев К.В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития. С. 41.
[254] Горенко М.А. Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности (теоретико-прикладное и правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 10.
[255] Котенев Т.Х. Взаимосвязь норм о специальных соучастниках и соучастии особого рода (sui generis) в Особенной части УК РФ с институтом соучастия // Законность. 2025. № 4 (1086). С. 54–56.
[256] См.: Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 20–21.

с однородными функциями (соисполнительство) или с «разделением криминального труда». Конкретные параметры этой группы (наличие предварительного сговора, устойчивость, структурированность), выступающие в качестве индикатора силы социальных связей между взаимодействующими субъектами, дают основание для обособления форм соучастия в преступлении, перечисленных в ст. 35 УК РФ, которые учитываются при дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. При этом сколь бы устойчивой ни была группа, сама по себе она не может считаться соучастием. Сущность соучастия состоит в совместной деятельности, а характеристики группы, осуществляющей эту деятельность, имеют вторичный характер[257].

С точки зрения действующего УК РФ создание группы в преступных целях, по общему правилу, расценивается в качестве создания условия для совершения преступления, т.е. как приготовительная деятельность (ч. 1 ст. 30 УК РФ). И тот факт, что ответственность за создание некоторых видов преступных объединений предусмотрена в отдельных статьях Особенной части УК РФ (ст. 205^4, 205^5, 208, 209, 210 и др.), не меняет «приготовительной» сути этого деяния. За счет конструирования подобных норм законодатель сдвигает момент юридического окончания преступления. Используя конструкцию усеченного состава, он трансформирует приготовление в оконченное преступление, но не превращает его в соучастие – ни в классическое, ни в специальное. Весьма точно подмечает это обстоятельство Д.М. Молчанов: «Организация же преступных групп, руководство ими и участие в них как самостоятельные преступления вообще не охватываются понятием “соучастие”: нет участия в преступлении, ответственность наступает за сам факт объединения»[258].

Исходя из этого, мы склонны считать, что статьи Особенной части

---

[257] Более того, в доктрине отмечается, что возможно так называемое «бесформенное» соучастие в преступлении, т.е. «соучастие, внешне не выраженное в деятельности какой-либо из указанных в ст. 35 УК РФ криминальных групп. <…> в группу лиц и группу лиц по предварительному сговору должны входить не менее двух соисполнителей. Получается, что при наличии одного исполнителя сложное соучастие с распределением ролей между соучастниками не имеет законодательно определенной формы» (см.: Ображиев К.В. Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4 (60). С. 4–5).

[258] Молчанов Д.М. Множественность лиц в преступлении как новый институт уголовного права России. С. 64.

УК РФ, предусматривающие создание различного рода террористических, экстремистских и иных преступных объединений и участие в них (статьи об ответственности за «сговор»), следует рассматривать в качестве норм об ответственности за приготовительную, а не за соучастную деятельность (поэтому они будут рассмотрены в следующем параграфе).

Во-вторых, рассуждая о соучастии sui generis, не стоит забывать прописную истину – соучастие в преступлении в обязательном порядке предполагает наличие нескольких (как минимум двух) взаимодействующих субъектов. Это аксиоматичное положение в полной мере применимо и к специальному соучастию в преступлении, а значит, не относится к рассматриваемому феномену деяние, обозначаемое законодателем как «организация деятельности». Этот термин, используемый, в частности, в ст. 171^2, 172^2, 173^3 УК РФ, обозначает не организаторскую деятельность соучастника (разработку плана совершения преступления, приискание соучастников, координацию их действий, их материально-техническое обеспечение и т.п.), а специфическую форму деяния, не предполагающего обязательного взаимодействия с иными соучастниками.

В-третьих, несмотря на свою специфику, соучастие sui generis, так же как и классическое соучастие, регламентированное в Общей части УК РФ, предполагает участие в совершении преступления, а не какого-то иного общественно опасного или аморального деяния. Поэтому к соучастию особого рода не стоит относить склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110^1 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ), склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ), как это предлагают некоторые исследователи. Иными словами, вовлечение в непреступную деятельность не может рассматриваться как соучастие в преступлении, даже если это соучастие особого рода.

В-четвертых, следует отметить, что соучастие особого рода предполагает совершение деяний, направленных на совершение преступления другим лицом. Это означает, что к соучастию sui generis не относится соисполнение

преступления (оно квалифицируется на основании общих норм о соучастии); оно образуется за счет деяний, не связанных с непосредственным совершением «главного» преступления. Таким образом, если использовать устоявшуюся в отечественной уголовно-правовой доктрине классификацию соучастия на простое (соисполнительство) и сложное (с распределением ролей), то можно заключить, что соучастие особого рода – это сложное соучастие, основанное на разделении криминальных функций, т.е. деятельность иных (помимо исполнителя) соучастников, которая тем не менее приобретает исполнительский характер за счет конструирования самостоятельных уголовно-правовых запретов. Отмеченная особенность не позволяет относить к соучастию sui generis и деятельность лица, нацеленную на последующее совершение преступления им самим (например, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности).

Наконец, в-пятых, при определении круга деяний, образующих соучастие особого рода, нужно учитывать, что деяния соучастников детерминируют «главный» деликт (исполнение преступления в классическом соучастии), осуществляются до его совершения либо параллельно с ним (руководство исполнением преступления, предоставление информации, орудий или средств совершения преступления после начала посягательства, но до момента его фактического окончания), что позволяет отграничить соучастие от прикосновенности к преступлению. В отличие от соучастия, прикосновенность имеет производный, вторичный, обслуживающий характер по отношению к основному (предикатному) преступлению. «Без предикатного преступления прикосновенность невозможна»[259], тогда как соучастие sui generis не предполагает обязательного совершения основного преступного деяния (в нашем случае – террористического преступления), но всегда направлена на его совершение.

С учетом вышеизложенного соучастие sui generis в террористическом

[259] Очередько В.А. Уголовно-правовое значение прикосновенности к преступлению: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 26.

преступлении в самом общем виде можно определить как умышленное деяние, направленное на совершение одного или нескольких террористических преступлений другим лицом, ответственность за которое предусмотрена в статьях Особенной части УК РФ.

Систематизацию этих деяний целесообразно осуществлять на основании того же критерия, что используется для дифференциации соучастников в рамках общих предписаний ст. 33 УК РФ (т.е. с учетом функционального назначения соответствующих деяний), с той лишь оговоркой, что соучастие sui generis не включает соисполнение преступления. Это позволит сопоставить и разграничить сферы применения общих норм о соучастии в виде организации, подстрекательства и пособничества со специальными нормами об ответственности за выполнение аналогичных по своей сути криминальных функций, провести их системный анализ. Исходя из этого, предлагается различать соучастные деяния особого рода, выражающиеся в: а) организации террористического преступления или руководстве его совершением; б) склонении к совершению террористического преступления или публичных призывах к террористической деятельности; в) способствовании совершению террористического преступления (в том числе посредством материально-технического обеспечения, предоставления информации, обучения, подготовки).

Понятно, что эта классификация имеет схематичный и весьма абстрактный характер. В реальной действительности и даже на уровне нормативных конструкций обозначенные проявления соучастия sui generis переплетаются друг с другом, приобретая сложную конфигурацию. Так, например, в ч. 4 ст. 205^1 УК РФ предусмотрена ответственность за организацию финансирования терроризма. Вместе с тем, учитывая, что финансирование терроризма может выполнять организаторские, подстрекательские, пособнические функции[260], мы получаем нетипичные для классического соучастия варианты взаи-

[260] См.: Кустова В.В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 10.

модействия субъектов террористической деятельности (организация организации, организация подстрекательства, организация пособничества).

В настоящее время арсенал уголовно-правовых норм об ответственности за соучастие sui generis в совершении террористических преступлений представлен ст. 205^1, 205^2, ч. 1 ст. 208 УК РФ (в части ответственности за финансирование незаконного вооруженного формирования), которые предусматривают самостоятельную ответственность за организаторские, подстрекательские, пособнические действия, выступающие в качестве инфраструктуры иных террористических деяний.

С момента появления соответствующих уголовно-правовых норм прошло уже немало времени, сформировалась достаточно устойчивая практика их применения, но в доктрине уголовного права не утихает дискуссия о целесообразности их включения в УК РФ. На страницах юридической печати представлены диаметрально противоположные оценки этих норм.

Надо признать, что в большинстве публикаций практика конструирования самостоятельных антитеррористических норм об ответственности за «соучастные» деяния воспринимается негативно. В обобщенном виде претензии критиков сводятся к тому, что нормы об ответственности за соучастие особого рода:

– дублируют положения общих норм о соучастии в преступлении, предусматривают ответственность за деяния соучастников, которые отражены в ст. 33 УК РФ, в связи с чем являются избыточными, «поскольку в полном объеме сохраняются возможность и целесообразность привлечения к ответственности виновных посредством применения норм Общей части УК России»[261];

---

[261] Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2018. С. 12. Этот аргумент приводится практически во всех работах «критиков» ст. 205^1 УК РФ (см.: Кленова Т.В. К вопросу о конкретизации составов преступлений // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 29–30 мая 2003 г. М., 2004. С. 112–113; Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М.: ТК «Велби»; Проспект, 2005. С. 79; Палий В.В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М.,

– создают искусственную и ненужную конкуренцию с общими нормами о соучастии в преступлении, а также с другими нормами о соучастии особого рода (в частности, со ст. 150 УК РФ), ограничивают возможность применения общего института соучастия в преступлении (гл. 7 УК РФ) для квалификации проявлений терроризма[262];

– предусматривают наказания, которые не согласуются с санкциями норм об ответственности за «основные» террористические преступления. При этом изначально ст. 205[1] УК РФ критиковали по причине более мягких санкций, чем установлены в ст. 205 УК РФ, называя ст. 205[1] УК РФ привилегированной нормой о соучастии в террористическом акте[263], а после ужесточения санкций ст. 205[1] УК РФ упрекают в излишней репрессивности, в «сверхпенализации»[264].

В других публикациях, напротив, высказывается поддержка законодательного курса на конструирование норм об ответственности за соучастие sui generis (как в целом, так и применительно к террористическим преступлениям). Как отмечает, в частности, А.С. Некоз, «общая линия криминализации отдельных соучастных действий… вызвана тремя основными причинами: недостаточностью существующей модели оснований ответственности для лиц, непосредственно причастных к преступной деятельности; разнообразием

2006. С. 19–20; Агапов П.В., Михайлов К.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики: монография. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. С. 6; Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: уголовно-правовой и правоприменительный аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2010. С. 16; Серебряков А.В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 18; Илиджев А.А. Актуальные проблемы оценки отражения преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 1 (96). С. 80).

[262] См.: Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 258–259; Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. С. 218–219.

[263] Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование). С. 258–259.

[264] См.: Ображиев К.В. Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2019. № 3. С. 69–70; Коробеев А.И., Чучаев А.И. Тенденции уголовно-правовой политики современной России в сфере законотворчества: эмпирико-аналитическое исследование // Государство и право. 2024. № 5. С. 97–107.

форм самой общественно опасной деятельности, в последнее время не сводимой только к совершению конкретных преступлений; насущной потребностью в уголовно-правовой охране ценных социальных объектов»[265]. Убедительные аргументы, подтверждающие потребность в нормах о соучастии особого рода, приводит А.А. Докуев, резюмируя, что «уголовно-правовые нормы о соучастии в совершении преступлений террористического характера не способны заменить норму о содействии террористической деятельности. <…> включение ст. 205^1 УК РФ в российское уголовное законодательство позволило существенно расширить арсенал уголовно-правовых средств противодействия террористической деятельности, создать нормативную основу для раннего уголовно-правового реагирования на факты содействия террористической деятельности даже в случаях отсутствия признаков соучастия в совершении террористического преступления»[266].

А по мнению отдельных исследователей, в оценке антитеррористических уголовно-правовых норм об ответственности за соучастие особого рода необходим дифференцированный подход. Так, например, К.В. Ображиев выступает с поддержкой практики конструирования специальных норм, предусматривающих ответственность за соучастие sui generis, отмечая, что они «позволяют преодолеть ограниченные рамки классического соучастия, построенного на акцессорных началах». В то же время он высказывает резко отрицательную оценку предписаний ч. 3 и 4 ст. 205^1, ч. 3 и 4 ст. 281^1 УК РФ: «Пособничество в совершении террористических преступлений и диверсии в содержательном плане (см. п. 1^1 примечания к ст. 205^1, п. 2 примечания к ст. 281^1 УК РФ) ничем не отличается от установленного в ч. 3 и 5 ст. 33 УК РФ общего «функционала» пособника. Сказанное в полной мере относится и к организации соответствующих преступлений. А потому предписания ч. 3 и

---

[265] Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению. С. 177.

[266] Докуев А.А. Соотношение уголовно-правовой нормы об ответственности за содействие террористической деятельности (ст. 205^1 УК РФ) и норм о соучастии в преступлениях террористического характера // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 4 (48). С. 102–113. См. также: Янковский Д.А. Акцессорная природа соучастия и ее влияние на наказуемость соучастников // Российский следователь. 2021. № 6. С. 42–45.

4 ст. 205[1], ч. 3 и 4 ст. 281[1] УК РФ следует признать избыточными. Их конструирование можно расценивать как свидетельство регресса в законодательном оформлении института соучастия в преступлении»[267].

Отмеченные разногласия в доктринальных оценках самостоятельных норм, предусматривающих ответственность за организаторские, подстрекательские, пособнические террористические действия, проявились и в результатах проведенного нами опроса: 6,8% экспертов считают эти нормы избыточными, 67% – необходимыми, а 26,2% респондентов полагают, что некоторые из этих норм избыточны, другие являются необходимыми (см. приложение).

Представляется, что критическая доктринальная оценка антитеррористических и иных норм о соучастии sui generis объясняется неверными представлениями о соотношении этих норм с предписаниями общего института соучастия. Напомним, что основные претензии противников конструирования подобных норм сводятся к тому, что они якобы дублируют положения гл. 7 УК РФ. Но эта исходная посылка является в корне неверной. Самостоятельные нормы об ответственности за подстрекательские, пособнические, организаторские действия нужны вовсе не для дублирования предписаний Общей части УК РФ о соучастии, а для того, чтобы компенсировать недостаточность классического соучастия, создать нормативные основания для уголовно-правового противодействия объективно опасным соучастным деяниям, которые не охватываются тесными рамками общего института соучастия в преступлении, построенного на основе акцессорности и единства умысла соучастников.

В отличие от положений Общей части УК РФ, составляющих институт соучастия, антитеррористические нормы об ответственности за соучастие sui generis построены на началах самостоятельной ответственности соучаствующих субъектов, что дает целый ряд преимуществ в плане раннего уголовно-правового предупреждения и проактивного правоприменения.

---

[267] Ображиев К.В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития. С. 41–42.

Во-первых, для применения самостоятельных норм о соучастии в террористических преступлениях не нужно дожидаться, чтобы исполнитель совершил преступление, тогда как классическое соучастие невозможно без исполнения общего для всех соучастников преступного деяния. Так, например, в рамках стандартной модели, изложенной в гл. 7 УК РФ, неудавшееся подстрекательство к совершению террористического акта нельзя признать соучастием в преступлении; его следует квалифицировать как приготовление к преступлению (ч. 5 ст. 34 УК РФ), что вдвое сокращает санкцию (ч. 2 ст. 66 УК РФ). А ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ позволяет квалифицировать те же подстрекательские действия как самостоятельное оконченное преступление, вне зависимости от их результативности, что отражает базовую идею теории личной ответственности соучастников преступления, согласно которой каждый из них несет ответственность за свои действия. Таким образом, нормативные предписания о «специальном» подстрекательстве дают возможность применять уголовно-правовую репрессию в полном объеме на ранних стадиях криминальной активности, не дожидаясь исполнения преступления.

Во-вторых, достоинство самостоятельных норм об ответственности лиц, осуществляющих организаторские, подстрекательские, пособнические функции, заключается в том, что они преодолевают «стадийную» акцессорную зависимость квалификации деяний соучастников, характерную для классического соучастия[268]. Согласно общей норме, изложенной в ч. 5 ст. 34 УК РФ, «в случае недоведения исполнителем преступления до конца по независящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление». Получается, что если преступное деяние по независящим от исполнителя причинам не доведено до конца, то действия организатора, подстрекателя, пособ-

[268] Подробнее о ней см.: Ображиев К.В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления. С. 29–34.

ника должны квалифицироваться как соучастие в неоконченном преступлении, хотя их усилия направлены на совершение преступления оконченного[269]. Квалификация соучастных деяний, перечисленных в ст. 205^1 и 205^2 УК РФ, подчиняется иному правилу – они признаются юридически оконченными преступлениями уже с момента их совершения, вне зависимости от завершенности или незавершенности «главного» деяния и, более того, даже в отсутствие такового. Нормы о соучастии sui generis не увязывают уголовно-правовую оценку соучастных деяний с квалификацией исполнительских действий (в том числе с их завершенностью), а переносят акцент на личные действия соучастника: как только соучастник выполнил свою криминальную функцию, соучастие особого рода образует оконченный состав преступления, что также работает на реализацию задачи раннего уголовно-правового предупреждения.

Причем подобный акцент на самостоятельную уголовно-правовую оценку действий каждого соучастника, «оторванную» от квалификации исполнительских действий, имеет прочный международно-правовой фундамент: резолюции Совета Безопасности ООН 1373 (2001), 1624 (2005), 2178 (2014), 2354 (2017), 2396 (2017) требуют того, чтобы государства – участники ООН предусмотрели уголовную ответственность за вербовку террористов, подстрекательство к террористическим актам, их планирование, финансирование терроризма и оказание поддержки террористам, предоставление им обучения как за самостоятельные преступления, которые должны преследоваться вне зависимости от того, совершено ли насильственное террористическое преступление. Того же требуют универсальные антитеррористические конвенции (в частности, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.), а также региональные международные акты. Так, например, в ст. 8 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.[270]

---

[269] Практическое применение этого правила см.: апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.05.2013 № 51-АПУ13-4 // СПС «КонсультантПлюс»; определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.01.2016 № 5-УД15-82 // СПС «КонсультантПлюс».

[270] Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS № 196) (заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // СПС «КонсультантПлюс».

особо подчеркивается принцип «независимости от фактического совершения террористического преступления», в силу которого «для того чтобы деяние составило преступление, указанное в статьях 5–7 настоящей Конвенции (публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, вербовка террористов, подготовка террористов. – *Д.Б.*), необязательно фактическое совершение террористического преступления».

В-третьих, самостоятельные составы соучастия в террористических преступлениях не предполагают столь строгих субъективных оснований уголовной ответственности, которых требует классическое соучастие. Так, для вменения состава финансирования терроризма (ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ) достаточно осознания того, что средства «предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205^1, 205^2, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из этих преступлений» (п. 1 примечаний к ст. 205^1). Конкретизация умысла не требуется даже в части базовых характеристик финансируемого преступления (исполнители, время, место, способ совершения) и вида террористического объединения (террористическое сообщество, террористическая организация или НВФ). Для привлечения «финансиста» к ответственности достаточно того, чтобы он понимал, что деньги или иные средства предоставлены субъектам террористической деятельности, тогда как для признания его соучастником конкретного преступления этого явно мало.

Различие между «общим» и «специальным» соучастием отчетливо можно проследить и на примере такого деяния, как обучение лица в террористических целях. Задача инструктора заключается в том, чтобы научить человека, примкнувшего к террористической группе, обращению с огнестрельным

оружием (разборка, сборка, обслуживание) и стрельбе, способам изготовления взрывного устройства и приведения его в действие. На этом этапе применить положения ч. 5 ст. 33 УК РФ о пособничестве невозможно, поскольку преступление, для которого осуществляется обучение, еще не совершено, да и к тому же у инструктора и обучающегося, как правило, нет единства умысла на совместное совершение конкретного преступного деяния. Но это не препятствует применению ст. 205^1 УК РФ – для констатации состава преступления вполне хватает осознания инструктором того, что обучение осуществляется в террористических целях.

Отмеченное несовпадение субъективных признаков «общего» и «специального» соучастия становится еще более заметным в приложении к публичным призывам к осуществлению террористической деятельности. Довольно четко его обозначил Конституционный Суд Российской Федерации, указав, что «террористической признается деятельность, *обращенная к неопределенно широкому кругу лиц и выходящая за рамки классического соучастия* в тех его формах и видах, которые закреплены в статьях 32–35 УК Российской Федерации и предполагают *индивидуализированную субъективную связь между лицами, совместно участвующими в совершении конкретного умышленного преступления* в качестве исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника. Тем не менее, будучи адресованной массовому сознанию либо вниманию отдельных слоев общества, сегментированных по религиозным, этническим и другим признакам, и направленной на формирование обстановки приемлемости идеологии терроризма и даже желательности ее претворения в общественную практику, такая деятельность также вызывает потребность в адекватных и эффективных мерах превентивного характера»[271].

Таким образом, имеются убедительные основания для того, чтобы констатировать: институт соучастия в преступлении, предусмотренный Общей

[271] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205^2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПолюс».

частью УК РФ, и нормы о соучастии sui generis – это разные по назначению, содержанию и порядку применения нормы. И даже формальное сходство понятий и терминов, используемых для конструирования соответствующих норм, не означает их содержательного тождества. Проиллюстрируем это на примере нормы об ответственности за пособничество в террористических преступлениях, предусмотренной ч. 3 ст. 205^1 УК РФ.

На страницах юридической печати не раз обращалось внимание то, что п. 1^1 примечаний к ст. 205^1 УК РФ, в котором определяется специальное пособничество в террористических преступлениях (ч. 3 ст. 205^1 УК РФ), чуть ли не дословно воспроизводит ч. 5 ст. 33 УК РФ (отсутствует лишь упоминание о том, что пособнические действия по сокрытию преступника, следов преступления должны быть заранее обещаны)[272]. Но за внешним сходством ч. 3 ст. 205^1 и ч. 5 ст. 33 УК РФ скрываются довольно существенные, если не сказать принципиальные, отличия:

– поскольку ч. 3 ст. 205^1 УК РФ имеет самостоятельный характер, ее применение не связано акцессорными правилами. В частности, пособничество в совершении террористического акта образует оконченный состав преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 205^1 УК РФ, даже если террористический акт был не доведен до конца по независящим от исполнителя обстоятельствам или вовсе не осуществлен. Такой подход отражен в решении Верховного Суда Российской Федерации по делу Панова и Смышляева. Фабула дела довольно проста: «…Панов А.А., склоняя Смышляева М.Н. к совершению преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, предложил ему принять участие в планируемом им… террористическом акте... Смышляев М.Н., осознавая преступный

[272] На этом основании взаимосвязанные положения ч. 3 ст. 205^1 и п. 1^1 примечаний к ст. 205^1 УК РФ подвергаются резкой критике: «Более чем сомнительна социальная и юридическая обусловленность придания действиям пособника (как одного из соучастников) значения самостоятельного состава преступления» (см.: Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex russica. 2016. № 11. С. 46–60); «примечание 1^1 к ст. 205^1 УК РФ буквально повторяет определение пособничества в преступлении, содержащееся в ч. 5 ст. 33 УК РФ, нисколько не сужая и не расширяя его. То есть дополнение ст. 205^1 УК РФ частью третьей об ответственности за пособничество в совершении террористического акта, особо квалифицированный захват заложника и организацию незаконного вооруженного формирования является излишним уголовно-правовым запретом» (см.: Иванцов С.В. Пособничество в террористическом акте как форма содействия террористической деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 2. С. 51–55).

характер намерений Панова А.А. осуществить террористический акт, оказал ему пособничество в этом, умышленно содействуя совершению данного преступления необходимыми советами и предоставлением информации. <…> Однако довести до конца свой преступный умысел, направленный на совершение террористического акта, Панов А.А. не смог по независящим от него обстоятельствам, поскольку его преступные действия и намерения были пресечены сотрудниками правоохранительных органов». Действия Смышляева М.Н. квалифицированы как оконченное преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 205^1 УК РФ, несмотря на то что Панову А.А. не удалось довести террористический акт до конца (его действия квалифицированы как приготовление к террористическому акту)[273];

– для применения предусмотренной в ч. 3 ст. 205^1 УК РФ самостоятельной нормы об ответственности за пособничество в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206, ч. 1 ст. 208 УК РФ, не нужны довольно строгие стандарты единства умысла пособника и исполнителя, требуемые для соучастия в преступлении. Достаточно того, чтобы пособник (он же исполнитель преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 205^1 УК РФ) хотя бы в общих чертах осознавал, что перечисленными в п. 1^1 примечаний к ст. 205^1 УК РФ способами оказывает содействие террористу. Более того, ч. 3 ст. 205^1 УК РФ применима и в случаях неосторожного причинения вреда исполнителем основного террористического преступления: в списке преступлений, указанных в ч. 3 ст. 205^1 УК РФ, фигурирует ч. 3 ст. 206 УК РФ, которая предусматривает ответственность за захват заложника, совершенный организованной группой либо повлекший *по неосторожности* смерть человека или иные тяжкие последствия.

Те же отличия мы увидим и при сопоставлении положений об организаторе преступления (ч. 3 ст. 33 УК РФ) и предписаний ч. 4 ст. 205^1 УК РФ об ответственности за организацию террористических преступлений.

---

[273] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2018 № 205-АПУ18-4 // СПС «КонсультантПлюс».

Подводя промежуточный итог исследованию вопроса о социально-правовой обусловленности самостоятельных уголовно-правовых норм об ответственности за «особое» соучастие в террористических преступлениях, отметим, что, во-первых, эти нормы довольно существенно отличаются от положений классического института соучастия в преступлении, а во-вторых, практика их конструирования соответствует международным стандартам и стратегии «проактивного правоприменения»[274].

В то же время нельзя не согласиться с тем, что в технико-юридическом плане и в содержательном отношении анализируемые нормы (в особенности ст. 205^1 УК РФ) сконструированы весьма неудачно, на что справедливо обращают внимание критики соответствующих уголовно-правовых запретов. Но это не повод отказываться от нормативных конструкций соучастия sui generis, а лишь очевидная констатация потребности в их оптимизации.

Не углубляясь пока в детальный анализ многочисленных просчетов, допущенных при нормативном изложении антитеррористических норм о соучастии особого рода (подробнее о них пойдет речь в последующих разделах диссертации), отметим, что главный их недостаток заключается в том, что эти нормы, функционально предназначенные для компенсации объективной недостаточности классического института соучастия, стали применяться не в дополнение к нему, а вместо него. Повторим в очередной раз: концептуальная идея, предопределяющая потребность в нормах о соучастии sui generis, состоит в том, чтобы *дополнить* потенциал института соучастия в преступлении, создать нормативные основания для уголовно-правового реагирования на деяния, которые не охватываются общими положениями о соучастии[275].

---

[274] Можно с высокой вероятностью прогнозировать, что тенденция к росту числа норм об ответственности за соучастие особого рода и расширению предметной (по кругу преступлений) и функциональной (по характеру криминализуемых действий) сферы их применения будет продолжена.

[275] Очень точно это обстоятельство подмечено в работе А.С. Некоза: «Эти нормы функционально предназначены для того, чтобы охватить собой случаи, которые не укладываются в границы конструкции акцессорного подстрекательства, но требуют в силу высокой общественной опасности уголовно-правовой реакции со стороны государства. Именно это обстоятельство должно быть положено в основу принятия решений о криминализации и квалификации такого подстрекательства, определяя объем, содержание, направленность, момент окончания преступления и возможность его оценки по правилам идеальной совокупности» (см.: Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению. С. 207–208).

Именно этой идеей руководствовался законодатель, включая в 2002 г. в уголовное законодательство ст. 205^1 УК РФ – первую антитеррористическую норму о соучастии особого рода. В пояснительной записке к проекту федерального закона № 97528-3 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации» (в части усиления борьбы с терроризмом) отмечалось, что «дополнение УК РФ статьей 205^1 позволит привлекать к ответственности лиц, которые *непосредственно не причастны к совершению конкретных террористических актов* (выделено мной. – *Д.Б.*)». Таким образом, ст. 205^1 УК РФ изначально предназначена для уголовно-правового воздействия на лиц, которые осуществляют содействие террористической деятельности, но не могут быть признаны соучастниками террористических преступлений.

Следовательно, нормы о специальном соучастии, по идее, должны применяться там, где не работают общие предписания о соучастии в преступлении. Если же организаторские, подстрекательские, пособнические действия соответствуют всем признакам классического соучастия, то для их уголовно-правовой оценки вполне достаточно ссылки на ст. 33 УК РФ.

К сожалению, в тексте уголовного закона факультативно-компенсационное функциональное назначение норм о соучастии особого рода не обозна-

чено, сферы применения этих норм и общих положений о соучастии в преступлении не разграничены. Вследствие этого в науке[276] и в правоприменительной практике[277] они воспринимаются как специальные нормы, имеющие безусловный приоритет по отношению к нормам гл. 7 УК РФ[278].

В результате нормы о соучастии sui generis получили ведущую роль, стали главным инструментом уголовно-правового реагирования на совместную террористическую деятельность, тогда как институт классического соучастия по остаточному принципу применяется лишь к тем деяниям, которые не предусмотрены нормами о соучастии особого рода[279]. Получается, что концептуальная идея о факультативности норм, предусматривающих ответственность за соучастие особого рода, оказалась искажена до неузнаваемости.

---

[276] См.: Казакова В.А. Вовлечение в совершение преступлений террористического характера // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 4; Молчанов Д. Содействие террористической деятельности // Уголовное право. 2011. № 4. С. 35–41; Мурадян С.В. Уголовно-правовое и административно-правовое регулирование борьбы с финансированием терроризма // Административное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 44–51; Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) / П.В. Агапов, А.С. Васнецова, М.Н. Косарев и др.; под ред. П.В. Агапова. М.: Проспект, 2019. С. 89.

[277] Изменяя квалификацию действий осужденного, Верховный Суд Российской Федерации указал следующее: «Правильно признав Закаева Х.А. пособником в совершении террористического акта, суд ошибочно квалифицировал его действия не по специальной норме, что прямо предусмотрено ч. 3 ст. 205^1 УК РФ… а по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 205 УК РФ… действия Закаева Х.А. в указанной части подлежат переквалификации с ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ) на ч. 3 ст. 205^1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ)» (см.: апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 29.08.2017 № 201-АПУ17-30 // СПС «КонсультантПлюс»).

[278] Отметим, что этот подход идет вразрез с доктринальными представлениями о соотношении общей и специальной норм. Уголовно-правовая норма может считаться специальной лишь том в случае, если она по объему является более узкой, чем общая норма. Это означает, что «состав преступления, предусмотренный специальной нормой, обладает всеми признаками состава преступления, зафиксированного в общей норме, но при этом конкретизирует один или несколько из них. Иными словами, общая уголовно-правовая норма предусматривает ответственность за определенный вид преступления, а специальная – за частное его проявление» (см.: Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, проф. К.В. Ображиева и докт. юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 155). В таком случае ст. 205^1 и 205^2 УК РФ нельзя считать специальными по отношению к положениям института соучастия в преступлении, поскольку они предусматривают ответственность за деяния, которые не признаются классическим соучастием в преступлении.

[279] Так, например, в п. 17.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 разъясняется, что «организация совершения или руководство совершением иного преступления террористической направленности *(т.е. не указанного в ч. 4 ст. 205^1 УК РФ. – Д.Б.)*, в том числе организация осуществления других видов содействия террористической деятельности, квалифицируются по соответствующей статье Особенной части УК РФ со ссылкой на часть 3 статьи 33 УК РФ, за исключением случаев, когда такие действия осуществлены участником организованной группы». А в п. 67 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019) указывается, что «содействие лица участнику незаконного вооруженного формирования советами, предоставлением информации, средств совершения преступления и устранением препятствий подлежит квалификации по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 208 УК РФ, а не по специальной норме, предусматривающей ответственность за содействие террористической деятельности».

Полагаем, что столь резкий крен в сторону норм о соучастии sui generis не вполне оправдан. Классический институт соучастия в преступлении, при всех его известных недостатках и пробелах, имеет неоспоримое преимущество в плане полноты, всесторонности и точности уголовно-правовой оценки. В рамках этого института ответственность организатора, подстрекателя, пособника увязывается, с одной стороны, с общественной опасностью преступления, в котором они соучаствовали, а с другой стороны, с их ролью в совершении этого преступления, что создает возможности для дифференцированного и индивидуализированного уголовно-правового воздействия. Действия конкретного соучастника рассматриваются не сами по себе, не изолированно, а как часть совместно совершенного всеми соучастниками и общего для всех них преступления, что формирует целостную, панорамную картину. Это позволяет суду: установить содержание и пределы единого умысла соучастников, ограничив тем самым рамки их ответственности с учетом предписаний ст. 36 УК РФ; определить вклад каждого соучастника в совершение преступления, учесть все связи и взаимодействия между ними; оценить сравнительную степень общественной опасности действий каждого из участников преступления и на этом основании индивидуализировать их ответственность.

Нормы о соучастии особого рода (по крайней мере в существующем виде) к «тонкой настройке» уголовно-правовой репрессии не приспособлены. Они стирают различия в характеристиках террористического преступления, в котором соучаствовал виновный, уравнивают деяния, обладающие несовпадающей общественной опасностью: результативное и неудавшееся соучастие; соучастие в преступлении с основным, квалифицированным и особо квалифицированным составом; соучастие в террористических преступлениях, относящихся к разным категориям тяжести. Так, например, ч. 1 ст. 205^1 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение лица в совершение целого ряда преступлений террористического характера, среди которых преступные деяния небольшой (ч. 1 ст. 220 УК РФ) и средней (ч. 1 ст. 205^2, ч. 2 и 3 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ) тяжести, тяжкие (ч. 2 ст. 205^2, ч. 1 ст. 206, ч. 1 ст. 211, ч. 2 и 3

ст. 221) и особо тяжкие преступления (ч. 2 ст. 206, ст. 208, ч. 2 и 3 ст. 211, ст. 277, 278, 279, 360 УК РФ). Причем за вовлечение в совершение этих объективно несовпадающих по тяжести деяний установлена единая санкция с основным наказанием в виде лишения свободы на срок от семи до пятнадцати лет, которая выглядит явно завышенной применительно к вовлечению в преступления первых трех категорий и привилегированной в сравнении с пожизненным лишением свободы в санкциях ст. 277, ч. 3 ст. 279 УК РФ и 20-летними максимумами в санкциях ч. 1 и 3 ст. 208, ст. 278, ч. 2 ст. 360 УК РФ. Очевидно, что при применении общих положений о соучастии такую ситуацию, когда подстрекательство к преступлению небольшой тяжести и подстрекательство к особо тяжкому преступлению будут квалифицироваться по одной статье и наказываться в пределах единой санкции, представить невозможно.

С учетом вышеизложенного уголовно-политическая и правоприменительная концентрация на нормах о «специальном» соучастии представляется неоправданной. Приоритетом в правоприменении все-таки должны обладать нормы классического института соучастия в преступлении, а нормы о соучастии sui generis, функционально предназначенные для восполнения недостатков института соучастия, должны вступать в действие лишь при невозможности применения положений Общей части УК РФ о соучастии. Предложенное разграничение сфер действия исследуемых уголовно-правовых инструментов позволит обеспечить баланс общих нормативных положений о соучастии в преступлении и самостоятельных норм об ответственности за соучастные деяния, воспользоваться преимуществами классического института соучастия, компенсируя при необходимости его пробелы и недостатки за счет норм о соучастии особого рода, что создаст нормативные основания для беспробельного уголовно-правового противодействия различным формам содействия терроризму.

В уголовно-правовой доктрине уже обсуждались технико-юридические способы разграничения «зон ответственности» классического института со-

участия в преступлении и норм о соучастии sui generis. По мнению А.А. Докуева, чтобы «исключить конкуренцию ч. 1 ст. 205^1 УК РФ и уголовно-правовых норм об ответственности за соучастие в преступлениях террористического характера… необходимо внести изменения в диспозицию ч. 1 ст. 205^1 УК РФ, указав в ней, что состав содействия террористической деятельности имеет место только при отсутствии признаков соучастия в преступлениях террористического характера»[280]. Гипотетически возможен и другой вариант, при котором разграничительные признаки будут изложены в Общей части УК РФ (например, путем оговорки в ст. 33 УК РФ о том, что предусмотренная статьями Особенной части УК РФ уголовная ответственность за организацию совершения преступления, подстрекательство к преступлению, пособничество в совершении преступления наступает лишь при отсутствии признаков соучастия в преступлении).

В рамках настоящего параграфа важно обозначить и обсудить еще одну проблему, которая связана с дифференциацией ролей соучастников в самостоятельных нормах об ответственности за соучастие sui generis. В частности, ст. 205^1 УК РФ к настоящему моменту предусматривает ответственность за выполнение всех возможных криминальных функций в совершении преступлений террористического характера – в ней криминализованы подстрекательские, пособнические и организаторские действия. При этом наблюдается ничем не обоснованное «дробление» некоторых проявлений соучастия sui generis в террористических преступлениях, что в первую очередь относится к пособничеству. Достаточно сказать, что ответственность за специальное пособничество предусмотрена посредством конструирования пяти (!) самостоятельных составов преступления: в ч. 1 ст. 205^1 УК РФ в качестве альтернативных преступных деяний указаны пособнические по своей сути действия в виде вооружения и обучения лица в террористических целях; в ч. 1^1 предусмотрены те же пособнические деяния, но в отношении более опасных террористических

[280] См.: Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 54.

преступлений, а также финансирование терроризма, которое в подавляющем большинстве случаев выполняет именно пособнические функции; в ч. 1 ст. 208 УК РФ выделена специальная по отношению к ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ норма об ответственности за финансирование незаконного вооруженного формирования; в ч. 3 ст. 205^1 УК РФ изложены общие предписания о пособничестве в террористических преступлениях; в ч. 4 ст. 205^1 УК РФ альтернативным деянием признается организация финансирования терроризма, т.е., по сути, организация материально-технического пособничества.

В связи с этим вполне закономерно возникает вопрос об уголовно-правовой оценке действий лица, которое одновременно или последовательно выполнило несколько криминальных функций в совершении одного и того же террористического преступления. В общем институте соучастия в преступлении этот вопрос разрешается на основании известных правил, сформулированных в законе, доктрине и практике высших судов: исполнение преступления поглощает организаторские, подстрекательские и пособнические действия соучастника (к такому выводу приводят взаимосвязанные предписания ч. 2 и 3 ст. 34 УК РФ); организация преступления поглощает подстрекательство и пособничество[281]; выполнение лицом подстрекательских и пособнических функции в совершении одного преступления не образует совокупности преступных деяний, а двойственная роль соучастника отражается в квалификации посредством ссылки на ч. 4 и 5 ст. 33 УК РФ[282].

Проблема в том, что, по мнению субъектов правоприменения, к антитеррористическим статьям об ответственности за соучастие sui generis эти правила не применимы, о чем свидетельствуют результаты проведенного нами

---

[281] См.: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 48-001-66 по делу Гатиной (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2001 года); постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2007 № 596-П06 по делу Калинина // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 12); постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 107-П12 (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года).

[282] См., например: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 41-О08-75 (Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2008 года).

анализа судебной практики и опроса практикующих юристов. Выполнение различных по функционалу действий расценивается в правоприменительной практике как совокупность преступлений, несмотря на то что лицо фактически участвовало (пусть и в разных ролях) в совершении одного и того же преступления. В частности, действия исполнителя террористического акта, который склонил другое лицо к участию в том же террористическом акте в качестве пособника, квалифицированы по ст. 205 и ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ[283] (совокупность специального подстрекательства и исполнения); лицо, склонившее другое лицо к совершению террористического акта и осуществившее пособничество в совершении склоненным лицом данного преступления, осуждено по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1^1 ст. 205^1, ч. 3 ст. 205^1 УК РФ[284] (совокупность специального подстрекательства и специального пособничества); лицо, которое пособничало в организации финансирования терроризма и непосредственно осуществило финансирование терроризма, осуждено за совокупность преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 33, ч. 4 ст. 205^1, ч. 1 ст. 205^1 УК РФ[285] (совокупность специальной организации пособничества и пособничества).

К выводу о совокупной квалификации разных по функциям деяний, содействующих совершению одного преступления, приходит большинство опрошенных экспертов из числа правоприменителей. На вопрос об уголовно-правовой оценке действий лица, которое организовало совершение террористического акта, предоставило исполнителю оружие и финансирование, 62,3% респондентов ответили, что они образуют совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1^1 ст. 205^1 и ч. 4 ст. 205^1 УК РФ (см. приложение). Из общения с прокурорами и представителями судейского сообщества можно заключить, что их позиция основана на следующей логике: перечисленные

[283] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2018 № 205-АПУ18-4 // СПС «КонсультантПлюс».
[284] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2025 № 225-УД25-3-А6 // СПС «КонсультантПлюс».
[285] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2023 № 222-УД23-32-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

в ст. 205^1 УК РФ действия уже не могут считаться организаторскими, подстрекательскими, пособническими; поскольку ответственность за них предусмотрена отдельной статьей Особенной части УК РФ, эти соучастные по своей сути деяния превращаются в непосредственное исполнение самостоятельных составов; следовательно, каждое из этих деяний требует самостоятельной квалификации.

С формально-юридической точки зрения, с позиции буквального толкования уголовного закона совокупную квалификацию разных по функционалу проявлений специального соучастия в одном преступлении можно признать верной, но по сути такая квалификация несовместима с канонами справедливости. При таком подходе к уголовно-правовой оценке «многофункционального» и даже «монофункционального» соучастия особого рода возникают совершенно парадоксальные ситуации. Так, например, лицо, которое предоставило другому лицу денежные средства и информацию для совершения террористического акта, будет нести ответственность за два преступления (по ч. 1^1 ст. 205^1 и по ч. 3 ст. 205^1 УК РФ), хотя эти деяния имеют единую пособническую природу. Действия организатора террористического акта, который разработал план его совершения и пытался склонить другое лицо к участию в указанном преступлении, будут квалифицированы и по ч. 4 ст. 205^1, и по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ (а возможно, что еще и по ч. 3 ст. 205^1 УК РФ), хотя организацию преступления практически невозможно осуществить без подбора соучастников, предоставления им информации, дачи им указаний.

Согласимся с тем, что «в тех ситуациях, когда применение нормативного правового акта в его буквальном истолковании грозит попранием самого духа и принципов права, суд может таким образом интерпретировать закон, а следовательно, применить или отказать в его применении, чтобы справедливость не была нарушена»[286]. Представляется, что в обсуждаемом случае мы имеем

[286] См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Толкование уголовного закона: некоторые проблемы теории // Вопросы правовой теории и практики: сборник научных трудов. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. Вып. 15. С. 21.

дело именно с такой ситуацией, когда буквальное прочтение уголовного закона способно исказить его смысл и назначение. Полагаем, что предписания ст. 205^1 УК РФ следует толковать с учетом известных принципов уголовного права (в том числе положений ч. 2 ст. 6 УК РФ о недопустимости двойной ответственности за одно и то же преступление) и предназначения этой уголовно-правовой нормы.

Принципиальное значение для уголовно-правовой оценки должен иметь тот факт, что в обсуждаемой ситуации лицо своими действиями объективно соучаствует в совершении *одного* преступления. То обстоятельство, что это лицо выполняет в этом преступлении разные криминальные функции, не превращает «специальное» соучастие в совокупность преступлений. Нормативные конструкции соучастия sui generis предназначены для того, чтобы создать основания ответственности за деяния, которые не охватываются рамками классического соучастия, но вовсе не для мультипликации (удвоения, утроения) ответственности. А потому содействие в совершении одного и того же террористического преступления, проявившееся в функционально несовпадающих действиях (например, финансирование и вооружение, организация и вербовка), необходимо расценивать в качестве единичного преступления.

В порядке de lege ferenda отметим, что исключить совокупную квалификацию разных проявлений содействия в совершении одного преступления можно за счет конструирования состава с альтернативными деяниями, в рамках которого будут нормативно описаны все криминальные функции, характерные для соучастия особого рода. В таком случае многофункциональность действий «специального» соучастника увеличит объем обвинения (в нем будут отражены все совершенные действия) со всеми вытекающими последствиями в плане индивидуализации наказания, но не повлияет на квалификацию и не приведет к искусственной совокупности преступлений.

Предвидя возможные возражения, связанные с недопустимостью уравнивания разных по функциям соучастных действий в рамках одного состава с альтернативными деяниями, отметим, что ранжирование соучастников по

степени их общественной опасности – занятие малопродуктивное. В научных исследованиях убедительно доказано, что «подобные отвлеченные рейтинги, не связанные с анализом конкретного преступления, не имеют под собой оснований»[287]; «уголовное право не ставит решение вопроса о степени ответственности лица в безусловную зависимость от выполняемой им функции в совместно с другими лицами совершенном преступлении, оно решает задачу индивидуализации ответственности иначе: определяя виды соучастников, т.е. раскрывая в общей форме признаки преступной деятельности каждого из соучастников, оно тем самым дает суду возможность выявления характера деятельности каждого соучастника и степени общественной опасности его деятельности в конкретном преступлении»[288]. Не случайно в ч. 1 ст. 67 УК РФ назначение наказания соучастникам преступления связано вовсе не с функциональной ролью лица, а с индивидуальными обстоятельствами преступления, совершенного в соучастии: характером и степенью фактического участия лица в его совершении, значением этого участия для достижения цели преступления, его влиянием на характер и размер причиненного или возможного вреда[289]. Очевидно, что предписания ст. 205^1 УК РФ, дифференцирующие (причем крайне непоследовательно) уголовную ответственность в зависимости от формальной роли специального соучастника, идут вразрез с законодательной идеей, отраженной в ч. 1 ст. 67 УК РФ.

Рассуждая о законодательных просчетах, допущенных при дифференциации уголовной ответственности за соучастие особого рода в ст. 205^1 УК РФ, необходимо отметить, что при конструировании этой нормы не учтены значи-

---

[287] Пудовочкин Ю.Е., Дорогин Д.А. Учение о преступлении и о составе преступления: учебное пособие. М.: РГУП, 2017. С. 203–204.

[288] Прохоров В.С. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1962. С. 10.

[289] Более того, некоторые специалисты не без оснований полагают, что функциональная дифференциация соучастников преступления по большому счету лишена смысла: «Если все соучастники, какую бы роль ни выполняли, согласно закону подлежат наказанию так же, как и исполнители, само разделение соучастников на виды теряет функциональное значение» (см.: Некоз С.С. К вопросу о целесообразности обособления пособничества от иных видов соучастия в преступлении // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5 (79). С. 30).

мые различия в общественной опасности (тяжести) основных террористических преступлений, которым содействовало лицо путем вербовки, вооружения, подготовки, финансирования. Принимая во внимание широкий спектр террористических преступлений, имеющих несовпадающую степень общественной опасности, законодатель выделил ч. 1^1 в ст. 205^1 УК РФ, предусмотрев в ней ответственность за содействие наиболее опасным террористическим деяниям (преступлениям, предусмотренным ст. 205, 205^3, 205^4, 205^5, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ), но эта идея оказалась реализована крайне непоследовательно. Так, например, ч. 1 ст. 205^1 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение лица в совершение целого ряда преступлений террористического характера, среди которых преступные деяния небольшой (ч. 1 ст. 220 УК РФ) и средней (ч. 1 ст. 205^2, ч. 2 и 3 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ) тяжести, тяжкие (ч. 2 ст. 205^2, ч. 1 ст. 206, ч. 1 ст. 211, ч. 2 и 3 ст. 221) и особо тяжкие преступления (ч. 2 ст. 206, ст. 208, ч. 2 и 3 ст. 211, ст. 277, 278, 279, 360 УК РФ). Причем за вовлечение в совершение этих объективно несовпадающих по тяжести деяний установлена единая санкция с основным наказанием в виде лишения свободы на срок от семи до пятнадцати лет, которая выглядит явно завышенной применительно к вовлечению в преступления первых трех категорий и привилегированной в сравнении с пожизненным лишением свободы в санкциях ст. 277, ч. 3 ст. 279 УК РФ и 20-летними максимумами в санкциях ч. 1 и 3 ст. 208, ст. 278, ч. 2 ст. 360 УК РФ.

Таким образом, при законодательной градации уровня репрессивности уголовно-правового воздействия на лиц, содействующих террористической деятельности, категория тяжести основных террористических преступлений практически не учитывается. Дополнительным свидетельством этому может считаться единое основание ответственности в ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ за финансирование террористических преступлений разных категорий тяжести.

Чтобы обеспечить учет категории тяжести основных террористических преступлений при дифференциации уголовной ответственности за инфра-

структурные террористические деяния, необходима кардинальная перестройка «нормативного каркаса» ст. 205[1] УК РФ. Содействие террористическим преступлениям разных категорий тяжести должно находиться на разных его «этажах»: в ч. 1 ст. 205[1] УК РФ – содействие преступлениям небольшой и средней тяжести; в ч. 2 ст. 205[1] УК РФ – содействие тяжким преступлениям; в ч. 3 ст. 205[1] УК РФ – содействие особо тяжким преступлениям.

Завершая параграф, нельзя хотя бы в общих чертах не затронуть проблемы конструирования санкций за соучастие sui generis. Как известно, ст. 205[1] УК РФ в действующей редакции содержит весьма жесткие санкции, которые зачастую превышают размеры санкций за «основные» преступления. Несовпадение санкций становится особенно заметным в случаях содействия террористическим преступлениям небольшой и средней тяжести: санкции за вовлечение в их совершение, финансирование этих преступлений в два-три раза выше, чем верхние пределы наказаний за «основные» преступления.

Такой подход к конструированию санкций ст. 205[1] УК РФ вызывает множество вопросов с точки зрения его обоснованности. Представляется, что при пенализации деяний, образующих инфраструктуру терроризма, нельзя не учитывать их социальную сущность, которая заключается в содействии террористическим преступлениям. Специализированные нормы об ответственности за соучастие особого рода придают инфраструктурным террористическим деяниям юридически самостоятельный характер, но пределы наказуемости этих деяний не могут устанавливаться без учета санкций за основные террористические преступления[290]. Такого же мнения придерживается экспертное сообщество, представители которого полагают, что санкции за организаторскую,

[290] Справедливости ради отметим, что в уголовно-правовой науке высказано и иное мнение на этот счет. В частности, В.В. Кустова применительно к пенализации финансирования преступлений (в том числе терроризма) указывает, что «санкции за преступления, объективная сторона которых состоит в финансировании преступных деяний, не обязательно должны быть сопоставимы или соотносимы с санкциями тех норм, которые устанавливают ответственность за сами финансируемые преступления, а равно с наказанием, которое, как правило, назначается за соучастие в преступлении. Законодатель вправе устанавливать любые (однако обязательно соразмерные и адекватные) санкции за финансирование преступлений, невзирая на законодательные или объективно существующие ограничения в назначении наказания за соучастие или неоконченное преступление» (см.: Кустова В.В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности. С. 26).

подстрекательскую, пособническую деятельность, криминализованную в ст. 205[1] УК РФ, должны быть сопоставимы с санкциями, установленными для исполнителя террористических преступлений (61,8% респондентов), или должны быть ниже санкций, установленных для исполнителя террористических преступлений (12,0% опрошенных) (см. приложение).

Подводя итог, можно заключить, что залогом эффективного уголовно-правового противодействия инфраструктуре терроризма является гармоничное взаимодействие традиционного института соучастия в преступлении и самостоятельных норм об ответственности за соучастие sui generis, построенное на принципах дополнительности норм о «специальном» соучастии и невозможности двойной ответственности за участие в совершении одного преступления.

3.2. Институт неоконченного преступления и самостоятельные нормы об ответственности за приготовительную деятельность как инструменты уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма

Центральная идея проактивной стратегии уголовно-правового противодействия терроризму, принятой на вооружение большинством государств мира (включая Россию), заключается в том, чтобы применять уголовную репрессию к субъектам террористической деятельности уже на первоначальных этапах криминальной активности, не дожидаясь, пока она воплотится в совершение террористического нападения.

В стремлении использовать раннепредупредительный потенциал уголовного законодательства для сдерживания проявлений терроризма, международное сообщество разработало обязательные для всех государств стандарты криминализации, большинство из которых нацелены на уголовно-правовой запрет приготовительной террористической деятельности. В Справочнике по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму, подготовленном

Управлением ООН по наркотикам и преступности в 2009 г., подчеркивается, что «террористический сговор важно раскрыть до того, как будут достигнуты его цели. Для того чтобы снизить уровень террористического насилия, компетентным органам следует переключить свое внимание на принятие упреждающих мер на стадии планирования и подготовки террористических актов. Облегчить принятие своевременных мер может введение уголовной ответственности за различные действия по подготовке террористических актов, а также за участие в преступном сговоре или преступном сообществе»[291].

В резолюции 1373 (2001)[292] Совет Безопасности ООН постановил, что «все государства должны <…> обеспечивать, чтобы любое лицо, принимающее участие в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов или в поддержке террористических актов, привлекалось к судебной ответственности…» (подп. «е» п. 2). Указание на криминализацию планирования и подготовки совершения террористических актов имеет принципиальный и в определенной мере новаторский характер, поскольку международное уголовное право, за редким исключением, не предусматривает ответственность за приготовление к преступлению.

В последующем Совет Безопасности ООН неоднократно конкретизировал обязательства государств об установлении уголовной ответственности за различные формы и проявления приготовления к террористическим актам. В частности, в п. 6 резолюции 2178 (2014)[293] Совет Безопасности ООН акцентировал внимание на необходимости криминализации деяний, направленных

---

[291] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 38. URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/54b528564.pdf

[292] Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 4385-м заседании 28.09.2001. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n01/557/45/pdf/n0155745.pdf

[293] В нем, в частности, отмечается: «…все государства должны обеспечить, чтобы в их внутригосударственных законах и нормативных положениях такие действия квалифицировались как достаточно серьезные уголовные правонарушения, позволяющие осуществлять преследование и наказание… в отношении: a) их граждан, которые совершают или пытаются совершить поездку в государство, которое не является их государством проживания или гражданства, и других лиц, которые совершают или пытаются совершить поездку с их территорий в государство, которое не является их государством проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки; b) умышленного предоставления или сбора средств… для финансирования поездок лиц, направляющихся в государство, которое не является их государством проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки; и c) умышленной

на подготовку и организацию зарубежных поездок с террористическими целями, а в п. 3 резолюции 2341 (2017) призвал все государства-члены установить уголовную ответственность за планирование, подготовку, финансирование и материально-техническую поддержку террористических актов, направленных на уничтожение или дезактивацию критически важных объектов инфраструктуры.

По признанию Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюцией 1373 (2001) о борьбе с терроризмом, «криминализация превентивных преступлений и приготовления к преступлениям является критически значимым компонентом эффективной контртеррористической стратегии, имеющей превентивную направленность, и она позволит государствам действенно привлекать террористов к судебной ответственности»[294]. При этом профильные структуры ООН отчетливо осознают, что международные обязательства государств в части криминализации приготовительной деятельности могут быть реализованы с помощью разных юридических инструментов, выбор которых определяется спецификой правовой системы конкретного государства. В частности, в учебно-методических материалах Управления по наркотикам и преступности ООН отмечается, что «признание уголовно наказуемым участия в сговоре с целью совершения террористического акта (даже когда сам акт еще не совершен), тем не менее, зависит от национального законодательства и правовой традиции…»[295].

Как известно, в уголовном праве большинства стран мира не предусмотрена ответственность за приготовление к преступлению. По общему правилу

организации или иной поддержки – в том числе путем вербовки – их гражданами или на их территории поездок лиц, направляющихся в государство, которое не является их государством проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки» (резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 7272-м заседании 24.09.2014 (п. 6). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/548/01/pdf/n1454801.pdf).

[294] Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27.12.2019 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998) (п. 197). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf

[295] Серия учебных модулей Управления по наркотикам и преступности ООН: Борьба с терроризмом. Модуль 4: Меры системы уголовного правосудия по борьбе с терроризмом. С. 17. URL: https://www.unodc.org/e4j/ru/terrorism/module-4/key-issues/intro.html

считается, что единоличная преступная деятельность требует уголовно-правовой реакции, начиная со стадии покушения на преступление. Причем такой подход реализуется в уголовном законодательстве стран общего и континентального права (в этом плане они весьма похожи)[296]. Впрочем, это вовсе не означает, что приготовительные по своему характеру действия полностью остаются вне сферы действия уголовной репрессии. Не предусматривая привычных нам общих предписаний об ответственности за приготовление к преступлению, уголовное законодательство большинства государств криминализует на уровне Особенной части УК отдельные виды приготовительных действий, которые представляют наибольшую опасность, с точки зрения национального законодателя. Иными словами, «отсутствие общего (родового) состава приготовления не означает отсутствие наказуемости такого рода деяний в принципе. Существует иной прием криминализации приготовления – с помощью норм Особенной части уголовного закона. Таким образом, наказуемость подобного рода деяний остается, но уже в более урезанном виде применительно лишь к строго определенным составам преступлений»[297]. По справедливому замечанию А.И. Рарога, «и международное уголовное право, и уголовное законодательство многих зарубежных стран исходят из ограниченной ответственности за неоконченное преступление, т.е. устанавливают уголовную ответственность за неоконченное преступление только в случаях, специально предусмотренных нормой о данном преступлении (“покушение наказуемо”, “покушение и приготовление наказуемы”)»[298].

---

[296] В работе, посвященной уголовному законодательству стран Европейского союза, отмечается: «Считается аксиомой, что уголовное право стран Евросоюза наказывает предварительную преступную деятельность, только начиная с покушения, а более ранние стадии, в частности приготовление, уголовно ненаказуемы» (см.: Ежов А.Н., Селяков Н.А. Уголовное законодательство стран Европейского союза: учеб. пособие. М., Архангельск: Издательство «Юпитер», 2005. С. 113). См. также: Есаков Г.А. Учение о преступлении в странах семьи общего права. С. 37; Уголовное право зарубежных стран Европы и государств – участников СНГ: монография / под ред. Е.Н. Карабановой, А.В. Наумова. М.: Проспект, 2024. С. 255–256.

[297] Уголовное право зарубежных стран Европы и государств – участников СНГ. С. 256.

[298] Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя. С. 46–60. См. также: Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части: учебник для магистров / под ред. Н.Е. Крыловой. 4-е изд. М., 2013. С. 493; Сальников А.В. Сравнительно-правовой анализ законодательной регламентации уголовной ответственности за бандитизм в континентальной и англосаксонской правовых семьях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 132–136.

Так, например, в немецком уголовном праве «приготовление к совершению деликта в одиночку наказуемо только в случаях, прямо указанных в законе. Наказуемость приготовления законом предусмотрена, например, при государственной измене (§ 234 a III StGB). Помимо этого, имеются другие деликты, такие как приготовление к изготовлению фальшивых денег, к подделке знаков оплаты и официальных удостоверений (§ 149, 275 StGB) или подготовка уголовного преступления, совершаемого посредством взрыва или облучения (§ 310 StGB), где совершение определенных приготовительных действий уголовно наказуемо»[299]. Как отмечают исследователи немецкого уголовного права, «введенные в 2009 году в Уголовное уложение ФРГ составы § 89a, 89b, 91 об уголовной ответственности за приготовление тяжких насильственных деяний, угрожающих государственной безопасности, являются результатом имплементации в национальное уголовное законодательство Германии международных предписаний о необходимости криминализации определенных приготовительных действий, имеющих общеопасную тенденцию в преддверии тяжких насильственных деяний, угрожающих государственной безопасности, причем целью данной законодательной инициативы является противодействие международному терроризму средствами национального уголовного права»[300].

Итак, в большинстве зарубежных стран отсутствие общих предписаний об ответственности за приготовление как вид неоконченного преступления компенсируется за счет конструирования самостоятельных составов преступлений, посредством которых приготовительные по своему характеру действия признаются оконченными преступлениями. Понятно, что детальный анализ

---

[299] Фристер Г. Уголовное право Германии. Общая часть. С. 471. На это обстоятельство обращают внимание и отечественные компаративисты, в частности А.Э. Жалинский, который указывает, что в немецком уголовном праве приготовление к преступлению является «в принципе ненаказуемым». Ответственность за приготовительные действия наступает только в случаях, специально предусмотренных Особенной частью УК (например, на основании на основании § 80 «Подготовка агрессивной войны») (см.: Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: ТК «Велби», Проспект, 2006. С. 249).

[300] Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. 4-е изд. Потсдам, 2021. С. 193.

законодательных подходов, используемых в зарубежных странах в целях криминализации общественно опасной приготовительной деятельности, выходит за рамки нашего исследования. Отметим лишь, что для уголовно-правового воздействия на лиц, осуществляющих подготовку к совершению преступления, как правило, используются (самостоятельно либо в том или ином сочетании) две нормативные конструкции, которые отличаются друг от друга в плане оснований и пределов ответственности:

– *конструкция преступного сговора*, которая предполагает, что соглашение двух или более лиц, способных нести ответственность, о совершении преступления признается самостоятельным криминальным деликтом, даже если преступление не было исполнено. По свидетельству компаративистов, эта конструкция в основном характерна для стран общего права: «Уголовное право Англии и США предусматривает ответственность за сговор как за оконченное преступление в случае, если двое или более лиц договариваются между собой совершить преступление даже сравнительно небольшой тяжести, а порою и просто противоправные действия»[301]. В то же время концепция преступного сговора воспринята и некоторыми странами, принадлежащими к континентальной правовой традиции. В частности, в УК Испании[302] предусмотрена ответственность за сговор, но не за любой, а лишь за сговор на совершение наиболее опасных, с точки зрения государства, преступлений в случаях, прямо

[301] Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: учеб. пособие / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2003. С. 175. См. также: Есаков Г.А. Сговор как разновидность неоконченного преступления по уголовному праву Англии // Право и практика. Научные труды Кировского института Московской государственной юридической академии / редкол.: С.М. Кочои (гл. ред.) [и др.], Моск. гос юрид. акад., Ин-т (фил.) в г. Кирове. 2006. № 2. С. 147–158. При этом нужно понимать, что в разных странах, принадлежащих к правовой семье общего права, предусмотрены несовпадающие условия ответственности за сговор. Более того, существенные отличия прослеживаются даже в рамках одного государства. Как отмечает А.В. Малешина, «статья 1117 Титула 18 Свода законов США предусматривает ответственность за сговор. “Если двое и более лиц договариваются о совершении тяжкого убийства или простого убийства, а также деяний, предусмотренных ст. 1114, 1116, 1119, и предпринимают действия, свидетельствующие об их намерениях, они подлежат тюремному заключению на любой срок, в том числе пожизненный”. Требование обязательного наличия действия, подтверждающего серьезность намерений сговаривающихся лиц, является весьма важным ограничением, отличающим современные концепции от концепции сговора по общему праву, когда ответственность наступает по одному только соглашению без совершения каких-либо действий. Вместе с тем ряд уголовных кодексов, в частности УК штата Орегон (ст. 161.450), УК Флориды (ст. 777.04), не содержит подобного указания, превращая тем самым любую договоренность, направленную на лишение жизни другого человека, в уголовно наказуемый сговор» (см.: Малешина А.В. Преступления против жизни в странах общего права. М.: Статут, 2017. С. 217).

[302] URL: https://globcci.org/wp-content/uploads/2021/06/MOJ-Spain-Criminal-Code-Book-2016.pdf

предусмотренных Особенной частью уголовного закона (сговор о совершении преступлений против жизни (ст. 141), незаконного лишения свободы (ст. 163), мятежа (ст. 477) и др.)[303]. Принципиальная особенность концепции преступного сговора заключается в том, что сговор признается самостоятельным деликтом, «в силу чего последующее после сговора исполнение преступления не поглощает собой сговор как таковой, что предполагает ответственность сговаривающихся лиц за совокупность преступлений»[304];

– *самостоятельные уголовно-правовые нормы об ответственности за создание преступных групп (сообществ, объединений)*, которые позволяют криминализовать организационную деятельность, направленную на формирование объединений, преследующих преступную или иную противоправную цель, а также участие в таких объединениях. Эти конструкции в основном используются в странах, принадлежащих к континентальной правовой семье: «Криминальным поведением здесь признается создание и участие в группе, которое не включает в число признаков объективной стороны совершение отдельных преступлений во исполнение плана работы группы, в связи с чем последние всегда требуют дополнительной квалификации по совокупности»[305]. Подобные нормы (в частности, § 129 и 129а УК ФРГ, ст. 450-1 УК Франции[306], ст. 416 УК Италии[307]) изначально создавались для борьбы с организованной преступностью преимущественно экономической направленности, но впоследствии довольно успешно были приспособлены для противодействия терроризму[308].

---

[303] См.: Грузинская Е.И. Уголовное законодательство отдельных зарубежных стран о неоконченном преступлении // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 57–59.

[304] Рассказова М.В. Сговор на совершение преступления: итоги комплексной уголовно-правовой оценки // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 1 (116). С. 119.

[305] Рассказова М.В. Сговор на совершение преступления … С. 119–120.

[306] URL: http://www.legifrance.gouv.fr/html/codes_traduits/code_penal_textan.htm

[307] URL: https://legislationline.org/sites/default/files/2023-09/criminal%20code%20of%20Italy.pdf.

[308] По оценкам международных экспертов, «французское законодательство, в котором существует понятие «преступное сообщество» (*association de malfaiteurs*), аналогичное преступному сговору, позволяет властям арестовывать иностранных боевиков-террористов и осуществлять расследование и судебное преследование на ранних стадиях совершения преступления, в том числе до момента пересечения черты, отделяющей попытку совершения акта терроризма от самого преступления» (см.: Привлечение террористов к судебной

Констатируя несовпадение подходов к криминализации подготовки к совершению террористических актов, специалисты Управления по наркотикам и преступности ООН указывают, что «существуют пути преодоления таких затруднений. Уголовная ответственность на момент, предшествующий фактическому совершению насилия, может быть предусмотрена в законодательстве посредством концепции *association de malfaiteurs* (*создание преступного сообщества*) континентального гражданского права и (или) концепции "заговора" общего права, которые запрещают сговоры для совершения преступления»[309].

Способ криминализации, технико-юридические приемы, используемые для установления ответственности за подготовку террористических актов, имеют второстепенное значение. Принципиально важно, чтобы избранная нормативная конструкция обеспечивала возможность проактивного правоприменения, т.е. раннего уголовно-правового воздействия: «Привлечь злоумышленников к уголовной ответственности до того, как будет совершен акт насилия, можно на основании концепции "преступного сообщества", принятой в континентальном европейском праве, и/или концепции "преступного сговора", принятой в системе обычного права, которые запрещают вступление в сговор с целью совершения преступления. Для признания такого преступления состоявшимся не требуется, чтобы задуманное злодеяние было совершено или была сделана попытка его совершения…»[310]. Это подчеркивается и в Техническом руководстве по осуществлению контртеррористических резолюций Совета Безопасности ООН: «Покушение на террористическое нападение или успешное совершение такого нападения не является необходимым признаком состава преступления, носящего превентивный характер или выражающегося

ответственности: проблемы, связанные с судебным преследованием иностранных боевиков-террористов: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 18.02.2015 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2015/123) (п. 17). URL: https://docs.un.org/ru/S/2015/123).

[309] Серия учебных модулей Управления по наркотикам и преступности ООН: Борьба с терроризмом. Модуль 4: Меры системы уголовного правосудия по борьбе с терроризмом. С. 17. URL: https://www.unodc.org/e4j/ru/terrorism/module-4/key-issues/intro.html

[310] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 38. URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/54b528564.pdf

в приготовлении. Несмотря на возможные различия в определении этих преступлений у разных государств, установление четкого состава деяния, выражающегося в приготовлении к преступлению и совершаемого физическим или любым иным лицом, объединением или группой, сильно облегчит своевременное вмешательство системы уголовного правосудия и повысит способность сокращать насилие и пресекать нападения»[311].

Оценивая российскую модель уголовной ответственности за подготовку террористических преступлений, отметим, что она имеет сложный, комплексный характер. УК РФ выставляет целый ряд «барьеров», предназначенных для раннего противодействия террористической активности, которые образуют многоуровневую систему.

Во-первых, УК РФ содержит предписания об ответственности за приготовление к преступлению (ч. 1 ст. 30), которые применимы к любым прямоумышленным преступлениям, относящимся к категории тяжких и особо тяжких (ч. 2 ст. 30), что нехарактерно для большинства зарубежных стран[312]. При этом соответствующие положения применяются только в связке с предписаниями об ответственности за конкретное преступление, к совершению которого готовилось лицо, и лишь при условии, что это преступление не было исполнено. Если же лицо успешно совершило соответствующее преступление или хотя бы приступило к выполнению его объективной стороны, то приготовительные действия поглощаются последующими стадиями преступной деятельности. Универсальный характер предписаний о приготовлении позволяет применять их и к неоконченным террористическим преступлениям[313]. Вместе

---

[311] Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27.12.2019 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998) (п. 197). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf

[312] Привычный для отечественного юриста подход к установлению ответственности за приготовление к преступлению на уровне Общей части УК используется довольно редко – он реализуется в основном на постсоветском пространстве, а также в некоторых других странах, например, в ч. 1 ст. 46 УК Нидерландов (URL: https://legislationline.org/sites/default/files/documents/f3/Netherlands_CC_am2012_en.pdf), в ст. 22 УК КНР (URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china).

[313] Причем, по оценке международных экспертов, нормативные предписания о приготовлении показали свою эффективность и в приложении к терроризму. В частности, было отмечено, что судебное преследование за приготовление к преступлению стало «эффективным способом воспрепятствовать поездкам отдельных лиц»

с тем нужно учитывать, что ответственность за приготовление лимитируется по категориям тяжести преступлений (согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести не наказуемо), это в определенной мере ограничивает раннепрофилактический потенциал конструкции приготовления к преступлению.

Во-вторых, в УК РФ включены уголовно-правовые предписания об ответственности за отдельные проявления приготовления к террористическим преступлениям – создание террористических объединений, руководство ими и участие в них (ст. 205^4, 205^5, 208), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3). Несмотря на то, что термин «приготовление к преступлению» в них не используется, их приготовительная природа не вызывает сомнений, ведь создание террористических групп и прохождение подготовки для занятия террористической деятельностью не являются самоцелью – эти деяния создают условия для совершения иных террористических преступлений, выступают стадией их совершения. Весьма недвусмысленно и очень точно это обстоятельство подмечено А.И. Рарогом: «И прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК), и организация террористического сообщества (ст. 205^4 УК) по своей сути являются приготовлением к совершению террористического акта и других перечисленных в этих статьях преступлений»[314]. На этом основании некоторые исследователи считают, что подобные нормы имеют фикционную природу: «…нормы о неоконченном преступлении содержат фикцию, согласно которой законодатель конструирует ряд составов преступлений таким

с террористическими целями: «В одном из случаев прокуроры, занимавшиеся в Нидерландах делом иностранных боевиков-террористов, предъявили им обвинения в приготовлении или подготовке к участию в боевых действиях, к убийству и к изготовлению взрывных устройств» (см.: Привлечение террористов к судебной ответственности: проблемы, связанные с судебным преследованием иностранных боевиков-террористов: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 18.02.2015 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2015/123) (п. 21). URL: https://docs.un.org/ru/S/2015/123).

[314] Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя. С. 46–60.

образом, что за совершение приготовительных действий лицо подлежит наказанию как за якобы оконченное преступление»[315]. В них заложено диалектическое противоречие: с одной стороны, это приготовительная, по сути, деятельность; но, с другой стороны, решением законодателя она объявлена оконченным преступлением.

В уголовно-правовой доктрине подобные деяния предлагают именовать «фактическим приготовлением к преступлению»[316], «специальным приготовлением»[317], «редуцированным преступлением»[318]. Однако более предпочтительными, с нашей точки зрения, выглядят термины «приготовление sui generis», «приготовление особого рода», которые, с одной стороны, отражают тот факт, что соответствующие деяния имеют приготовительную природу, т.е. создают условия для последующего совершения преступления, а с другой стороны, показывают, что эти приготовительные действия имеют специфику, отличаются от приготовления к преступлению, регламентированного ч. 1 ст. 30 УК РФ[319].

Уже по нумерации статей Особенной части, входящих во вторую группу (все они с индексом или, как принято говорить, «со значком», за исключением ст. 208 УК РФ), понятно, что в первоначальной редакции УК РФ 1996 г. самостоятельная ответственность за деяния, соотносимые по объективным признакам с приготовлением к террористическим преступлениям, не предусматрива-

---

[315] Некрасов В.Н. Нормы о неоконченном преступлении: проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2013. С. 8, 20.

[316] Илиджев А.А. Отражение положений Общей части УК РФ о преступлении в его Особенной части: проблемы теории и законодательного регулирования: дис. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2023. С. 12.

[317] Прохорова М.Л., Горенко М.Г. Отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации отдельных положений его Общей части как нарушение системной когерентности: диалог-дискуссия // Российский следователь. 2024. № 11. С. 40–45.

[318] Ситникова А.А. Редуцированные преступления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 127–132.

[319] Такую терминологию использовал Н.Д. Дурманов в 50-х гг. прошлого столетия: «Приготовительными к преступлению действиями особого рода являются создание преступного сообщества или шайки, участие в таком сообществе, а равно неудавшиеся попытки организации преступного сообщества или шайки. В некоторых случаях, учитывая характер объекта и характер умысла, закон считает оконченным преступлением самую организацию преступного сообщества или участие в нем. Однако такая конструкция состава является исключением, вызываемым прежде всего особенностями объекта» (см.: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 77).

лась. Криминализация приготовления особого рода стала результатом последующего реформирования уголовного законодательства, причем результатом вполне ожидаемым и закономерным.

Дело в том, что универсальные положения уголовного закона о приготовлении к преступлению, при всей их универсальности, применимы лишь к тем умышленным деяниям, которые создают условия для совершения конкретного преступления[320], тогда как приготовительная террористическая деятельность нередко не предполагает той субъективной конкретики, что требуется для применения ч. 1 ст. 30 УК РФ. В качестве примера можно привести прохождение лицом обучения с неконкретизированной террористической целью, в рамках которого обучающийся осваивает навыки обращения с огнестрельным оружием, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, изучает тактику диверсионной работы и ведения боевых действий, но не получает от руководителей террористического объединения конкретных инструкций и указаний о совершении конкретного преступления. Однако отсутствие определенного умысла на подготовку к совершению конкретного преступления не препятствует применению ст. 205^3 УК РФ – для вменения этой нормы достаточно того, чтобы лицо, проходящее подготовку, хотя бы в общих чертах осознавало, что подготовка осуществляется в целях осуществления террористической деятельности. Сказанное относится и к приготовлению в форме участия в террористическом сообществе или террористической организации: для применения ч. 2 ст. 205^4, ч. 2 ст. 205^5 УК РФ не требуется, чтобы лицо, вступившее в ряды в террористического объединения, готовилось к совершению конкретного террористического нападения; достаточно вхождения

[320] См.: определения Конституционного Суда Российской Федерации от 13.10.2009 № 1187-О-О, от 21.04.2011 № 573-О-О, от 17.07.2012 № 1464-О, от 20.02.2014 № 408-О, от 28.09.2017 № 2164-О, от 21.07.2022 № 2058-О. В правовой системе Беларуси это положение зафиксировано непосредственно в тексте уголовного закона, что выгодно отличает УК Республики Беларусь от отечественного кодифицированного акта. Согласно ст. 13 УК Республики Беларусь «приготовлением к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения *конкретного* преступления» (см.: Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275).

в террористическую группу, осознания своей принадлежности к ней и осуществления даже простейших функциональных обязанностей по обеспечению деятельности группы (приготовление пищи, фортификационные работы и т.п.). Получается, что в сравнении с общими положениями о приготовлении к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ) нормы об ответственности за приготовление особого рода устанавливают намного более широкие (если не сказать свободные) стандарты установления субъективной связи фактически совершенных подготовительных деяний с планируемыми террористическими преступлениями.

Немаловажным фактором, породившим спрос на конструирование самостоятельных норм об ответственности за приготовление sui generis, выступает «категорийная» ограниченность сферы применения общей нормативной конструкции приготовления к преступлению. В силу ч. 2 ст. 30 УК РФ «уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям». Следует отметить, что установленное в ч. 2 ст. 30 УК РФ ограничение, связанное с категорией тяжести подготавливаемого преступления, преодолевают далеко не все преступления террористического характера – в их перечне, изложенном в ч. 1 ст. 205^1 УК РФ, фигурируют преступные деяния небольшой (ч. 1 ст. 220 УК РФ) и средней (ч. 1 ст. 205^2, ч. 2 и 3 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ) тяжести. Понятно, что общие предписания об ответственности за приготовление к преступлению к ним не применимы, что создает препятствия для раннего уголовно-правового воздействия.

Ощущая отмеченную недостаточность института неоконченного преступления, многие представители уголовно-правовой доктрины предлагают отказаться от ограничений, предусмотренных в ч. 2 ст. 30 УК РФ (полностью или частично)[321]. Однако законодатель не стал расширять пределы уголовной

[321] См.: Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 234–235; Ситникова А.И. Неоконченное преступление и его виды: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 6–7; Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 11–12.

ответственности за приготовление к преступлению, избрав другой способ решения проблемы – «точечную» криминализацию деяний, соотносимых по объективным признакам с приготовлением к преступлениям террористического характера. В ст. 205^4 УК РФ установлена ответственность за создание террористического сообщества в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения террористических преступлений любой категории тяжести, в том числе небольшой (ч. 1 ст. 220 УК РФ) и средней (ч. 1 ст. 205^2, ч. 2 и 3 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ), а равно за участие в таком сообществе. А ст. 205^3 УК РФ позволяет признать оконченным преступлением прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности, к каковой профильный закон относит широкий круг деяний, включая «пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности» (п. 2 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»), т.е. преступление средней тяжести, предусмотренное ч. 1 ст. 205^2 УК РФ[322].

Таким образом, самостоятельные нормы об ответственности за приготовление sui generis расширяют стандарты установления субъективной связи приготовительных деяний с планируемыми террористическими преступлениями и позволяют преодолевать категориальные ограничения, предусмотренные ч. 2 ст. 30 УК РФ.

Надо признать, что большинство специалистов положительно оценивают практику законодательного конструирования антитеррористических

[322] Отметим, что на постсоветском пространстве используется еще один способ решения проблемы наказуемости приготовления к террористическим преступлениям небольшой и средней тяжести. Согласно ч. 2 ст. 24 УК Республики Казахстан «уголовная ответственность наступает за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению, а также за приготовление к террористическому преступлению» (URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&sub_id=240000&pos=792;-18#pos=792;-18). Тем самым казахский законодатель создал нормативные основания для реагирования на приготовление к любым террористическим преступлениям, независимо от категории их тяжести.

и иных норм об ответственности за приготовление особого рода[323]. Так, например, Д.А. Безбородов, обосновывая потребность в криминализации действий по созданию преступных объединений, указывает: «… поскольку эти действия сами по себе уже создают реальную угрозу либо для общественной безопасности, либо для безопасности основ конституционного строя и безопасности государства, то существует необходимость в механизме более ранней уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений. Суть таких посягательств состоит в предваряющей совершение конкретных преступлений деятельности, осуществляемой путем объединения в организованные группы или преступные сообщества (преступные организации). А поскольку действия по объединению нескольких лиц существенным образом влияют на результативность последующей преступной деятельности и, соответственно, отличаются высокими показателями общественной опасности, они предусматриваются законодателем как самостоятельное преступление»[324].

Вместе с тем в отдельных публикациях криминализация приготовления к преступлениям террористического характера оценивается критически, причем со ссылкой на формально-юридические доводы: «Фактическое неоконченное преступление отражено в Особенной части УК РФ с нарушением правил законодательной техники, и такому преступлению нет места в данной части. Особенная часть УК РФ является местом отражения оконченного преступления. Местом же отражения неоконченных преступлений является Общая часть УК РФ, а конкретно ч. 1 и 3 ст. 30. Установление в ч. 2 ст. 30 УК РФ наступления уголовной ответственности за приготовление только к тяжкому и особо

[323] Большинство из опрошенных нами экспертов (73,3%) высказали мнение о том, что содержащиеся в Особенной части УК РФ самостоятельные нормы, предусматривающие ответственность за приготовительную террористическую деятельность (создание террористического сообщества, террористической организации, НВФ, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности), являются необходимыми. 20,4% респондентов дифференцировали свои оценки, указав, что некоторые из этих норм избыточны, другие являются необходимыми (см. приложение).

[324] Безбородов Д.А. Тенденции уголовного законодательства при конструировании норм о необходимом соучастии. С. 4. См. также: Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией. С. 93.

тяжкому преступлениям исключает включение в Особенную часть ответственности за фактическое приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести»[325]. Судя по всему, автор цитируемого высказывания не до конца понимает функциональное предназначение самостоятельных норм об ответственности за приготовление особого рода. Они сконструированы для того, чтобы компенсировать недостаточность общих положений о приготовлении к преступлению, а вовсе не потому, что законодатель «забыл» о наличии Общей части УК РФ. Эффективное раннее уголовно-правовое предупреждение преступлений только на основании общих положений гл. 6 УК РФ невозможно. А потому призывы к отказу от норм о приготовлении sui generis выглядят по меньшей мере неубедительными.

Вряд ли можно согласиться и с противоположными по своей сути предложениями, которые сводятся к полному отказу от регламентации ответственности за приготовление к преступлению на уровне Общей части УК РФ. По мнению специалистов, отстаивающих эту точку зрения, уголовную репрессию следует использовать лишь для воздействия на отдельные проявления приготовления к отдельным наиболее опасным преступлениям, для чего вполне достаточно криминализации соответствующих деяний в Особенной части УК РФ[326].

---

[325] См.: Илиджев А.А. Отражение положений Общей части УК РФ о преступлении в его Особенной части … С. 13. См. также: Ростокинский А.В., Толпекин К.А. Очередные «антитеррористические» новеллы или введение в «уникальную» часть Уголовного кодекса? // Российский следователь. 2014. № 18. С. 31–34; Сальников А.В. Сравнительно-правовой анализ законодательной регламентации уголовной ответственности за бандитизм в континентальной и англосаксонской правовых семьях. С. 132–136. Следует отметить, что критика нацелена не только на нормы о приготовлении особого рода к террористическим преступлениям. Некоторые исследователи высказывают негативные оценки норм об ответственности за организацию экстремистского сообщества, ссылаясь на то, что они входят в противоречие с предписаниями Общей части УК РФ о неоконченной преступной деятельности (см.: Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 8, 17).

[326] См.: Гринь М.В. Неоконченное преступление: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 86, 89; Лапшин В.Ф. Юридическая обоснованность криминализации приготовительных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 4. С. 30; Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению. С. 182–183; Килимбаев Р.В. Основание и пределы ответственности за неоконченное преступление: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2021. С. 8–10, 17.

Однако, как представляется, для отказа от проверенной временем универсальной конструкции приготовления к преступлению нет достаточных оснований. Эффективное уголовно-правовое противодействие ранним стадиям преступной деятельности требует системного подхода, основанного на сочетании различных уголовно-правовых средств и инструментов. Самостоятельные нормы об ответственности за приготовление sui generis обеспечивают реагирование на наиболее опасные проявления приготовительной деятельности, в то время как общие положения о приготовлении к преступлению (ч. 1 и 2 ст. 30 УК РФ):

– выполняют резервную функцию, срабатывая в тех случаях, когда предкриминальное поведение не охватывается нормами о приготовлении особого рода, что позволяет обеспечить беспробельное регулирование. Так, например, отсутствие в УК РФ нормы об ответственности за создание организованной преступной группы (в нем криминализовано создание лишь отдельных видов преступных объединений) частично компенсируется общим запретом на приготовление к тяжким и особо тяжким преступлениям, сформулированным на уровне Общей части УК РФ. До появления в УК РФ самостоятельных норм об ответственности за создание преступных групп террористической направленности и участие в них (напомним, что ст. 205^4, 205^5 были введены в УК РФ лишь в ноябре 2013 г.) соответствующие деяния квалифицировались именно как приготовление к преступлению (при условии, что подготавливаемое преступление преодолевало установленное в ч. 2 ст. 30 УК РФ ограничение по категории тяжести). Эта резервная функция крайне востребована и в настоящее время: нормы о приготовлении особого рода, нацеленные на противодействие организованной приготовительной деятельности (создание преступных объединений и участие в них), не охватывают одиночное приготовление к преступлению[327], а также групповое приготовление, осуществленное лицами,

[327] См., например: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2025 № 223-УД25-12-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24.09.2024

не входящими в состав организованной группы, предусмотренной Особенной частью УК РФ[328], что вынуждает задействовать профилактический и охранительный потенциал общих предписаний о приготовлении;

– создают нормативные основания для реагирования на приготовление к соучастию особого рода или к «специальному» приготовлению, криминализованному в Особенной части УК РФ. В частности, раннепревентивный потенциал общих предписаний об ответственности за приготовление к преступлениям довольно эффективно используется для привлечения к ответственности лиц, которые создают условия для последующего участия в преступных объединениях (например, приобрели авиабилеты для полета в государства, отдельные регионы которых контролируются международной террористической организацией, с целью вступления в эту организацию). Действия таких лиц квалифицируются по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205[5] или ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 208 УК РФ[329]. Так, например, из 87 лиц, осужденных в 2024 г. по ч. 2 ст. 205[5] УК РФ за участие в террористической организации, 19 (21,8%) осуждены за неоконченное преступление[330]. Еще одним примером «приготовления к приготовлению» могут служить сговор лица, планирующего пройти обучение в целях

№ 224-УД24-53-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2024 № 222-УД24-43-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 02.05.2024 № 225-УД24-4 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2024 № 222-УД23-66-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 06.12.2022 № 222-УД22-60-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28.07.2022 № 223-УД22-15-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

[328] См., например: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18.03.2025 № 223-УД25-6-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25.02.2025 № 222-УД25-4-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13.05.2024 № 222-УД24-22-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2022 № 222-УД22-69-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

[329] См.: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 09.03.2023 № 222-УД23-7-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2019 № 201-АПУ19-8 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 16.08.2018 № 205-АПУ18-17 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 02.10.2018 № 205-АПУ18-24 // СПС «КонсультантПлюс».

[330] См.: Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения): форма 10.3. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946

осуществления террористической деятельности, с вербовщиками о предстоящей поездке в лагерь для подготовки боевиков и выезд в соответствующий регион, где он располагается. Эти действия, пресеченные спецслужбами, требуют квалификации по ч. 1 ст. 30, ст. 205^3 УК РФ[331].

Такой подход позволяет выстроить систему уголовно-правовых средств противодействия приготовительной террористической деятельности по принципу «эшелонированной обороны»: в качестве «первого эшелона» выступает универсальная норма о приготовлении к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ); на «втором рубеже» задействуются самостоятельные нормы о приготовлении особого рода (ст. 205^3, 205^4, 205^5, 208 УК РФ); при этом общая норма о приготовлении при необходимости подключается к нормам «второго эшелона» для уголовно-правового реагирования на сверхранние стадии террористической деятельности (приготовление к приготовлению sui generis, приготовление к соучастию особого рода).

Итак, отраженный в УК РФ дуалистичный подход к противодействию ранним стадиям террористической активности, базирующийся на взаимодействии общих и специальных предписаний об ответственности за приготовление к преступлению, в концептуальном плане можно считать обоснованным и доказавшим свою эффективность. В то же время нельзя не признать, что его реализация как на законодательном, так и правоприменительном уровне порождает множество вопросов.

Законодательные конструкции самостоятельных норм об ответственности за приготовление sui generis вызывают немало нареканий в технико-юридическом отношении. Для иллюстрации сказанного достаточно перечислить претензии специалистов (причем претензии вполне обоснованные) к ст. 205^4 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем: некорректное использование термина «со-

[331] Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

общество», который устойчиво ассоциируется с наиболее опасной формой соучастия – преступным сообществом (преступной организацией), тогда как указанное в ст. 205[4] УК РФ объединение соответствует признакам организованной группы; отсутствие террористического акта в перечне преступлений, совершение которых выступает целью создания террористического сообщества; избыточное указание на цель подготовки террористических преступлений, а также цель совершения преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ[332]. Даже не вдаваясь в детальный анализ отмеченных технико-юридических дефектов (они, а также способы их устранения будут подробно рассмотрены во втором разделе диссертации), можно констатировать, что ст. 205[4] УК РФ далека от совершенства (впрочем, это относится и к иным нормам об ответственности за приготовление особого рода к террористическим преступлениям).

Нельзя не отметить и сверхпенализацию проявлений приготовительной террористической деятельности, криминализованных на уровне гл. 24 УК РФ: за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности в ст. 205[3] УК РФ установлено наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненного лишения свободы; создание террористического сообщества, руководство таким террористическим сообществом (ч. 1 ст. 205[4] УК РФ), организация деятельности террористической организации (ч. 1 ст. 205[5] УК РФ) наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненным лишением свободы; за участие в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205[4] УК РФ) – от десяти до пятнадцати лет,

[332] См.: Агапов П.В. Организация террористического сообщества и участие в нем: проблемы криминализации и правоприменения // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 23–25; Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 155–178; Сипки М.В. Уголовная ответственность за создание террористического сообщества и участие в нем: недостатки и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2. С. 175–182.

в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической (ч. 2 ст. 205^5 УК РФ), – от десяти до двадцати лет. Претензии в связи с явно завышенной пенализацией террористического приготовления sui generis высказываются чуть ли не в любой научной работе соответствующего профиля[333]. Дабы не загромождать текст, ограничимся лишь одной цитатой А.И. Рарога, которая очень точно отражает критический настрой уголовно-правовой доктрины в отношении санкций, предусмотренных за приготовление особого рода. Признавая тот факт, что «законодатель вправе формулировать составы преступлений таким образом, чтобы момент окончания перенести на более раннюю стадию», о чем свидетельствует практика конструирования усеченных составов, А.И. Рарог обращает внимание на то, что «… санкции статей 205^3 и 205^4 УК вступают в противоречие со статьей 66 УК, закрепившей правило обязательного смягчения наказания за неоконченное преступление. Наказание за приготовление не может равняться наказанию за оконченное преступление, а тем более превышать его по строгости. <…> На этом фоне представляется совершенно нелогичным наказание за приготовление к совершению преступлений террористического характера в форме обучения в центрах террористической подготовки (лишение свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы или пожизненно – ст. 205^3 УК) либо в форме организации террористического сообщества (лишение свободы на срок от 15 до 20 лет со штрафом и ограничением свободы или пожизненно – ст. 205^4 УК РФ), тогда как фактическое совершение перечисленных в указанных статьях преступлений влечет гораздо более мягкие наказания. А что касается пожизненного лишения свободы, то оно предусмотрено лишь некоторыми из этих статей и только при особо отягчающих обстоятель-

[333] См., например: Сипки М.В. Уголовная ответственность за организацию террористического сообщества или деятельности террористической организации и участие в них: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 12–13, 15–16; Коробеев А.И., Чучаев А.И. Уголовный кодекс Российской Федерации: de lege lata и de lege ferenda // Государство и право. 2026. № 2. С. 157–170.

ствах. Установление наказания в виде пожизненного лишения свободы за приготовление к совершению преступлений, фактическое осуществление которых такого наказания не предусматривает, является недопустимым, поскольку противоречит правилу об обязательном смягчении наказания за неоконченное преступление»[334].

Впрочем, вышеперечисленные законодательные неточности и просчеты – это не повод отказываться от самостоятельных норм об ответственности за приготовление особого рода. Они демонстрируют потребность в оптимизации соответствующих нормативных конструкций, но не дают оснований для исключения этих норм из УК РФ.

Переходя к анализу правоприменительного уровня реализации дуалистической модели ответственности за приготовление к террористическим преступлениям, отметим, что в отдельных случаях ее практическое воплощение расходится с концептуальной идеей, положенной в основу построения системы уголовно-правовых средств реагирования на приготовительную деятельность. Напомним, что в международном уголовном праве и в правовых системах большинства стран мира нормы об ответственности за приготовление к конкретным преступлениям появились по причине общей ненаказуемости приготовительных действий: в зависимости от правовых традиций этот пробел компенсируется посредством криминализации сговора и (или) установления уголовно-правовых запретов на создание преступных объединений. Таким образом, функциональное предназначение рассматриваемых нормативных конструкций заключается в том, чтобы восполнить отсутствие общих предписаний об ответственности за приготовление к преступлению.

В российском уголовном праве, как известно, общие правила уголовно-правовой оценки приготовления к преступлению имеются, однако это не снимает потребности в самостоятельных запретах на приготовление к определен-

[334] Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя. С. 46–60.

ным преступлениям: установление ответственности за приготовление sui generis вызвано недостаточностью общей нормы о приготовлении, сфера применения которой ограничена категорией тяжести подготавливаемых преступлений и требованием о конкретизированном умысле. Таким образом, в отечественной правовой системе нормы о приготовлении особого рода по большому счету призваны выполнять ту же самую компенсаторную функцию. Однако на практике они применяются одновременно с общими нормами о приготовлении к преступлению, вследствие чего одни и те же приготовительные действия нередко получают двойную, а иногда даже тройную уголовно-правовую оценку.

Эта проблема наглядно проявляет себя при квалификации прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности. Дело в том, что прохождение обучения в целях совершения *конкретного* террористского преступления, например террористического акта, образует не только состав преступления, предусмотренного ст. 205^3 УК РФ, но и состав приготовления к террористическому акту, поскольку обучение создает условия для осуществления указанного преступления. В результате одни и те же действия лица, проходящего обучение в целях совершения террористического акта, могут быть признаны на практике идеальной совокупностью преступлений, предусмотренных ст. 205^3 и ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ. Причем это не гипотетическая, а вполне реальная возможность, о чем свидетельствуют данные опроса правоприменителей: свыше трети опрошенных (67,5%) считают, что прохождение обучения с целью совершения террористического акта на заранее определенном объекте (при условии, что деятельность виновного была пресечена спецслужбами) следует квалифицировать по ст. 205^3 и ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ (см. приложение).

Однако такое удвоение ответственности явно не согласуется с требованиями принципа справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ) и субсидиарным назначением ст. 205^3 УК РФ.

Проблема двойного вменения проявляет себя и при применении уголовно-правовых норм об ответственности за создание террористических объединений. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 зафиксировано, что ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ не охватывают совершение террористических преступлений, для совершения которых создана соответствующая организованная группа: при совершении организатором (руководителем) или участником террористического сообщества, террористической организации, незаконного вооруженного формирования конкретного преступления его действия подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ и соответствующей статьей Особенной части УК РФ (абзац третий п. 22.5, абзац третий п. 22.7, п. 28). Эту квалификацию можно считать устоявшейся в отечественном правоприменении – она применяется и для квалификации преступлений, совершенных бандой, преступным сообществом (преступной организацией), экстремистским сообществом. К тому же она соответствует зарубежным подходам: в сравнительно-правовых исследованиях отмечается, что в тех странах, которые пошли по пути криминализации создания преступных сообществ, участие в таком сообществе не охватывает фактическое совершение конкретных преступлений во исполнение плана группы, что предполагает совокупную квалификацию[335].

Необходимость дополнительной квалификации оконченного преступления, совершенного организованной преступной группой, равно как и покушения на преступление, вряд ли вызывает сомнения. Приготовительная по своей сути деятельность, криминализованная в ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ, не охватывает последующие стадии криминальной активности (ни покушение на преступление, ни тем более оконченное преступление), что требует совокупного вменения. Что же касается способности ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ охватить

[335] Рассказова М.В. Сговор на совершение преступления … С. 119–120.

приготовление к совершению конкретного преступления, то здесь требуется дифференцированный подход:

– если помимо действий, направленных на создание террористического объединения или участие в нем, лицо не совершает иных деяний, создающих условия для совершения конкретных преступлений, то содеянное полностью охватывается ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ. Иными словами, в этих случаях идеальная совокупность деяний, образующих организационно-управленческую инфраструктуру терроризма, с «общим» приготовлением в форме сговора исключена. В противном случае, т.е. при совокупной квалификации, одни и те же действия получили бы двойную уголовно-правовую оценку, что идет вразрез с принципом non bis in idem[336];

– если же организатором (руководителем) или участником организованной группы террористической направленности совершены дополнительные приготовительные действия, которые создают условия для совершения конкретных преступлений (разведка на местности, сбор информации, приобретение орудий и средств совершения преступления и т.п.), то их необходимо дополнительно квалифицировать как приготовление к совершению соответствующего преступления (а при необходимости, и по статье Особенной части, предусматривающей ответственность за незаконный оборот предметов вооружения). Такой подход четко прослеживается в практике Верховного Суда Российской Федерации, который допускает реальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ, и приготовления к совершению конкретных террористических преступлений: «…преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 30, п. “а” ч. 2 ст. 205 УК РФ, наряду с основным объектом – общественной безопасностью, в отличие от ч. 2 ст. 205^4 УК РФ, посягают на иной объект – отношения, связанные с охраной здоровья и жизни человека,

[336] По этой причине сложно согласиться с позицией М.В. Рассказовой, согласно которой «сговор как преступление *(здесь подразумевается создание преступной группы, криминализованное в статьях Особенной части УК РФ. – Д.Б.)* и приготовление к тому преступлению, ради исполнения которого сговор состоялся, в зависимости от объекта последнего, могут образовывать «однородную» либо «разнородную» идеальную совокупность» (см.: Рассказова М.В. Сговор на совершение преступления … С. 121).

собственности, выражаются в различной объективной стороне, не соотносятся между собой как общая и специальная нормы, поэтому не охватывают друг друга и при совершении действий, подпадающих под признаки указанных составов преступлений, подлежат квалификации по принципу реальной совокупности»[337].

Показательным примером могут служить действия Гусейнова, квалифицированные судом по ч. 2 ст. 205^5, ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 205, по ч. 1 ст. 30 и ч. 1 ст. 223^1 УК РФ: «Гусейнов Н.Д. оглы 3 марта 2022 г. по месту жительства в с. <...> принял присягу на верность лидеру международной террористической организации "<...>", в которой выразил готовность действовать в интересах названной организации, записал свое видеообращение на мобильный телефон и посредством одного из интернет-мессенджеров направил его иному лицу для передачи руководителю террористической организации. После этого Гусейнов Н.Д. оглы по указанию данного лица совершил приготовление к террористическому акту – взрыву возле здания железнодорожного вокзала г. <...>, для чего в период с 4 по 12 апреля 2022 г. произвел изучение и видеосъемку места предполагаемого взрыва, приобрел компоненты, необходимые для изготовления самодельных взрывчатого вещества и взрывного устройства, принес их к месту своего жительства и спрятал в тайнике. 12 апреля 2022 г. противоправная деятельность осужденного была пресечена сотрудниками правоохранительных органов»[338].

Забегая вперед, отметим, что проблема двойного вменения приобретает особую остроту в связи с тем, что организованная группа, созданная в террористических целях, может одновременно обладать признаками нескольких

---

[337] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2020 № 222-АПУ20-2 // СПС «КонсультантПлюс».

[338] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2025 № 224-УД25-2-А6 // СПС «КонсультантПлюс». Примеры реальной совокупности «специального» (ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ) и «общего» (ч. 1 ст. 30 УК РФ) приготовления см. также: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2022 № 222-УД22-59 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2025 № 223-УД25-8-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2018 № 201-АПУ18-42 // СПС «КонсультантПлюс».

преступных групп, предусмотренных гл. 24 УК РФ, например террористического сообщества и незаконного вооруженного формирования. К сожалению, в этих случаях правоприменительная практика идет по пути совокупной квалификации (ч. 2 ст. 205^4, ч. 2 ст. 208 УК РФ), игнорируя то обстоятельство, что в реальности лицо, примкнувшее к террористам, участвует в одной группе, но не в нескольких террористических объединениях (подробнее об этом пойдет речь во втором разделе диссертации).

В некоторых работах обозначенная проблема двойного вменения используется в качестве аргумента в пользу исключения норм о приготовлении особого рода, устанавливающих ответственность за создание преступных групп и участие в них, и отказа от «параллельной» модели противодействия приготовительной деятельности[339]. Эта дуалистическая модель, безусловно, повышает риски двойного вменения, но наличие таких рисков само по себе не дает оснований для отказа от нормативных конструкций приготовления sui generis. В таком случае нужно вообще исключить из УК РФ конкуренцию уголовно-правовых норм как потенциально рисковое явление, но мы прекрасно понимаем, что такое решение негативно скажется на уголовно-правовом регулировании. Отказ от самостоятельных норм об ответственности за создание террористических объединений, участие в них и прохождение обучения в террористических целях способен существенно ослабить раннепрофилактический потенциал уголовного закона, что вряд ли оправданно, особенно в сфере противодействия терроризму.

Полагаем, что баланс между интересами обеспечения общественной безопасности с одной стороны и недопустимостью двойной ответственности за одни и те же приготовительные действия с другой стороны должен быть обеспечен иным способом – посредством четкой регламентации правил преодоления конкуренции между общими предписаниями уголовного закона

---

[339] См.: Сальников А.В. Сравнительно-правовой анализ законодательной регламентации уголовной ответственности за бандитизм в континентальной и англосаксонской правовых семьях. С. 132–136; Грачева Ю.В. Незаконное вооруженное формирование: состояние и перспективы уголовно-правового регулирования // Lex russica. 2018. № 7. С. 82–91.

о наказуемости приготовления и специальными нормами об ответственности за приготовление особого рода, а также за счет устранения необоснованного дублирования этих специальных норм.

РАЗДЕЛ 2.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИНФРАСТРУКТУРУ ТЕРРОРИЗМА

Глава 1.
Уголовно-правовое воздействие на кадровую и идеологическую инфраструктуру терроризма

1.1. Уголовно-правовое противодействие деяниям, побуждающим к совершению преступлений террористического характера

Разрушение кадровой инфраструктуры терроризма, объявленное в качестве важнейшей задачи превентивной антитеррористической стратегии, невозможно без применения уголовной репрессии. Как отмечается в техническом руководстве по осуществлению антитеррористических резолюций Совета Безопасности ООН, «ключевой предпосылкой для пресечения вербовки террористов является ее криминализация. <…> Вторым шагом к пресечению вербовки является эффективное исполнение этих установлений»[340].

Реализуя международно-правовые обязательства, установленные резолюцией 1373 (2001) Совета Безопасности ООН, Российская Федерация в 2002 г. установила ответственность за вербовку в террористических целях – Федеральным законом от 24.07.2002 № 103-ФЗ в УК РФ была введена ст. 205[1] «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению». Как известно, в дальнейшем ст. 205[1] УК РФ претерпела довольно серьезные изменения, как в плане наименования (теперь

[340] Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27.12.2019 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998) (п. 137). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf

она называется «Содействие террористической деятельности»), так и в части дифференциации уголовной ответственности, но содержание уголовно-правового запрета на вовлечение в совершение преступлений террористического характера по большому счету остается практически неизменным. Меняется лишь перечень преступлений террористического характера, совершение которых выступает в качестве цели вербовщиков.

Статья 205^1 УК РФ предусматривает ответственность за «склонение, вербовку или иное вовлечение лица» в совершение хотя бы одного из террористических преступлений, перечисленных в ч. 1 и 1^1 ст. 205^1 УК РФ. В уголовно-правовой доктрине предприняты попытки разграничить склонение, вербовку и иное вовлечение[341], но большинство специалистов не без оснований полагают, что применительно к ст. 205^1 УК РФ обозначенные термины являются синонимичными[342]. По крайней мере, грамматическое толкование конструкции «склонение, вербовка или иное вовлечение…» приводит к выводу, что «вовлечение» выступает в качестве обобщающего (родового) понятия, а «склонение» и «вербовка» рассматриваются законодателем как проявления вовлечения. На страницах юридической печати высказано и иное мнение относительно того, какое из рассматриваемых понятий следует считать родовым: «…склоняющее воздействие… надлежит обозначать однокомпонентным термином “склонение”»[343]. Впрочем, этот терминологический спор, безусловно важный с точки зрения обеспечения системности уголовного законодательства, в разрезе темы нашего исследования не имеет прикладного значения, а потому в дальнейшем изложении применительно к ст. 205^1 УК РФ мы

---

[341] См., например: Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Н.И. Бирюков, О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов и др.; под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2014. 816 с. // СПС «КонсультантПлюс»; Палий В.В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления. С. 114–122.

[342] К такому же выводу приходят лингвисты: «…с лингвистической точки зрения данные понятия являются семантическими синонимами» (см.: Коростелева Л.В. Проблема определения признаков вербовки в судебной лингвистической экспертизе // Политическая лингвистика. 2018. № 6 (72). С. 128).

[343] Кокунов А.И. Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2023. С. 10.

будем использовать понятия «склонение», «вербовка», «вовлечение» в качестве однопорядковых, тем более что «несмотря на “альтернативность” склонения, вербовки и иного вовлечения, суды не разграничивают значение действий и при вынесении приговора не обосновывают выбор того или иного альтернативного деяния»[344].

Не разграничивает эти деяния и высший судебный орган. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъясняется, что применительно к ст. 205[1] УК РФ «под склонением, вербовкой или иным вовлечением определенного лица (группы лиц) в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205[1] УК РФ, следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений» (абзац первый п. 14).

В уголовно-правовой доктрине к вовлечению в преступления террористического характера, как правило, относят умышленные действия, направленные на формирование умысла (вариант – желания, намерения) на совершение соответствующих преступлений[345]. Как отмечает В.В. Палий, «общим для деяния, которое обозначено в законе терминами “склонение”, “вербовка”, “во-

[344] Прохоренко Е.С. Уголовное законодательство России и Республики Казахстан об ответственности за вербовку в террористические и экстремистские организации: сравнительно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2024. № 4 (107). С. 114.

[345] См., например: Бриллиантов А.В. Уголовная ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению // Российский следователь. 2006. № 6. С. 16; Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 65–66.

влечение", является его направленность на адресата в целях вызвать в нем желание или решимость совершить преступление, антиобщественное действие либо иной поступок»[346]. Эта довольно распространенная позиция получила отражение в авторитетном комментарии к УК РФ: «Под склонением лица к совершению хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205^2, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК, понимаются активные действия, направленные на возбуждение у склоняемого определенного лица (группы лиц) желания, решимости, побуждения участвовать в совершении хотя бы одного из перечисленных преступлений»[347].

Таким образом, вовлечение в совершение преступлений террористической направленности обычно рассматривается в доктрине как специальный вид подстрекательства (подстрекательство sui generis), отличающийся от классического подстрекательства (подстрекательства sui generalis) моментом юридического окончания. На это прямо указывают специалисты: «данный вариант совершения рассматриваемого деяния является специальным случаем соучастия в форме подстрекательства»[348]; «преступление фактически является специальным случаем подстрекательства»[349]; в ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ отражена «особая форма подстрекательства»[350].

Устойчивая ассоциация вовлечения в совершение преступлений террористического характера с подстрекательством (со всеми оговорками относительно специфики момента юридического окончания) закономерным образом отражается на характеристике вовлекаемых лиц. Так, в некоторых доктринальных источниках отмечается, что при вовлечении в совершение преступлений террористического характера адресатом побудительного воздействия (вовле-

---

[346] Палий В.В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления. С. 114–122.
[347] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 томах. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX / под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».
[348] Казакова В.А. Вовлечение в совершение преступлений террористического характера.
[349] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 томах. Т. 3 // СПС «КонсультантПлюс».
[350] Травников А.В. Вовлечение в совершение преступлений против общественной безопасности // Российский следователь. 2021. № 10. С. 64–68.

каемым лицом) выступает лицо, способное нести ответственность за террористические преступления (вменяемое и достигшее соответствующего возраста)[351]. Развивая эту идею, авторы комментария к антитеррористическим статьям УК РФ утверждают, что «вовлечение в совершение преступлений террористической направленности малолетних или невменяемых действительно должно рассматриваться как посредственное исполнение соответствующих общественно опасных деяний, в связи с чем это посредственное исполнение не может квалифицироваться по ст. 205^1 УК РФ»[352].

Применительно к классическому подстрекательству это правило не вызывает сомнений: «Если будет установлено, что способ подстрекательства в своей интенсивности был настолько значителен, что лишал фактического исполнителя преступления или иного соучастника способности к сознательно-волевому поведению, в силу чего он не подлежит уголовной ответственности, то действия такого «подстрекателя», согласно теории посредственного причинения (ч. 2 ст. 33 УК РФ), должны быть квалифицированы как исполнительские»[353]. Однако механический перенос этого подхода, выработанного в рамках классического соучастия, на вовлечение в совершение преступлений террористического характера представляется неоправданным, поскольку криминализованное в Особенной части УК РФ склонение и вовлечение – это не подстрекательство в чистом виде, а соучастие особого рода, для которого вовсе не требуется наличие «годного» исполнителя. Так, например, состав вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) вменяется в случае воздействия не только на подростка, достигшего возраста уголовной ответственности, но и на ребенка, не достигшего такового, о чем свидетельствует квалифицирующий признак, предусмотренный п. «а» ч. 3 ст. 150 УК

---

[351] См.: Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс»; Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 412–413.

[352] Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

[353] Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению. С. 158.

РФ (совершение преступления «в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста»).

Точно так же и для применения ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ вовсе не обязательно, чтобы склоняемое лицо отвечало признакам «годного» субъекта. В качестве такового может выступать «негодный» субъект, например лицо, которое страдает психическим расстройством, лишающим способности осознавать характер и опасность своих действий и руководить ими, или лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности[354], а также человек, введенный в заблуждение (использованный «втемную»). Иными словами, «негодность» вовлекаемого лица с точки зрения возможности привлечения его к уголовной ответственности не препятствует применению ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ.

Причем в этом случае действия вербовщика, направленные на вовлечение «негодного» субъекта, потребуют дополнительной квалификации: совершение террористического деяния руками «негодного» субъекта должно расцениваться как посредственное исполнение соответствующего преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ). Так, например, результативное склонение 15-летнего подростка к распространению листовок с призывами к террористической деятельности следует квалифицировать по ч. 2 ст. 205^1 УК РФ как вовлечение несовершеннолетнего в совершение террористического преступления и как посредственное исполнение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205^2 УК РФ (напомним, что уголовная ответственность за это преступление наступает с 16-летнего возраста).

Уголовно-правовая оценка вербовки «негодных» субъектов только по правилам посредственного исполнения преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ) будет неполной, а в некоторых случаях и невозможной, ведь невменяемый, не достигший возраста уголовной ответственности или иной невиновно действующий «агент» может по тем или иным причинам отказаться от фактического

[354] См., например: Подростка задержали при попытке поджечь машины полиции на Ириновском проспекте. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8178720

исполнения террористического деяния. Если основывать квалификацию вовлечения «негодного» субъекта только на конструкции посредственного исполнения, то в таком случае нерезультативные действия вербовщика придется признать лишь приготовлением к конкретному террористическому преступлению. Между тем в перечне преступлений, изложенном в ч. 1 ст. 205^1 УК РФ, фигурируют преступные деяния небольшой (ч. 1 ст. 220 УК РФ) и средней (ч. 1 ст. 205^2, ч. 2 и 3 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ) тяжести, а значит, приготовление к этим преступлениям ненаказуемо в силу ч. 2 ст. 30 УК РФ. Так, если в рассмотренном ранее примере с вовлечением 15-летнего лица в осуществление публичных призывов к террористической деятельности подросток откажется распространять листовки, то по логике критикуемого нами подхода вербовщик вообще избежит уголовной ответственности. Поэтому без квалификации по ст. 205^1 УК РФ здесь не обойтись.

Суммируя вышеизложенное, в качестве промежуточного вывода можно констатировать, что вовлечение в совершение преступления террористического характера, в отличие от классического подстрекательства, может быть направлено как на «годных», так и на «негодных» субъектов, а следовательно, предусмотренное ст. 205^1 УК РФ вовлечение может проявлять себя не только в форме подстрекательства sui generis, но и в форме посредственного исполнения преступления. Исходя из этого, представляется неверным дефинировать вовлечение в контексте ст. 205^1 УК РФ исключительно через формирование умысла, желания, решимости, готовности к совершению преступлений террористического характера, ведь такое психическое отношение могут проявлять далеко не все вовлекаемые лица, а лишь те, которые способны нести уголовную ответственность и осознают, во что их вовлекают. Точнее определять вовлечение в совершение преступлений террористического характера как действия, направленные на склонение или иное привлечение других лиц (вне зависимости от их способности нести уголовную ответственность) к террористической деятельности путем убеждения, принуждения, воздействия на психику интеллектуально беспомощных субъектов или обмана.

Для классического подстрекательства обман в характере действий, к которым склоняется исполнитель или иной соучастник, не характерен, ведь такой обман исключает совместность и единство умысла соучастников. Как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, «применяя различные способы и методы воздействия, подстрекатель стремится не к тому, чтобы ввести в заблуждение подстрекаемого, а, наоборот, вызвать в нем решимость сознательно принять решение о совершении преступления»[355]. В отличие от подстрекательства sui generalis, специальные виды вовлечения и склонения, криминализованные в Особенной части УК РФ, вполне могут быть основаны на обмане, что констатируется на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (обман указан в примерном перечне способов совершения преступлений, предусмотренных ст. 150 и 230 УК РФ)[356]. Представляется, что это в полной мере относится и к вовлечению в совершение преступлений террористического характера[357]. Так, в деле пенсионерки Ивановой, которая совершила террористический акт под влиянием обмана со стороны неизвестного лица, представившегося сотрудником правоохранительных органов, и под его непосредственным руководством[358], действия неизвестного вербовщика следует квалифицировать по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ.

Вовлечение в совершение преступлений террористической направленности имеет побудительный характер: оно нацелено на то, чтобы вызвать решимость осуществить террористическое преступление или подтолкнуть к его совершению. Если лицо, проявляя инициативу, самостоятельно высказывает

---

[355] Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 410.

[356] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (абзац третий п. 42); постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (абзац первый п. 27).

[357] Иное мнение см.: Серебряков А.В. К вопросу об обмане как способе вовлечения в совершение преступлений террористического характера // Общество и право. 2010. № 5. С. 129–132. Последовательно доказывая, что классическое подстрекательство не может совершаться путем обмана (с чем следует полностью согласиться), А.В. Серебряков экстраполирует этот вывод на ст. 205^1 УК РФ, что, с нашей точки зрения, является неверным.

[358] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2025 № 221-УД25-12-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

явно выраженное желание совершить террористический акт или иное преступление террористического характера, то признаки вовлечения отсутствуют. Показательным примером могут служить обстоятельства, изложенные в решении по делу Зотовой. Как установлено судом, «Зотова инициативно установила контакт с представителем СБУ по имени А., по его заданию собирала различную информацию, в том числе 14 декабря 2022 г. выезжала к зданию администрации с целью сбора информации о его расположении, наличии камер и средств охраны, для чего на свой телефон сфотографировала интересующие сотрудников СБУ объекты и прилегающую территорию, а снимки переслала А., за что получила денежное вознаграждение. Когда ей потребовались еще деньги, А. пообещал перечислить 2000 долларов США, если она осуществит поджог здания администрации, о чем 16 февраля 2023 г. она рассказала своей знакомой и предложила ей вместе совершить поджог и найти водителя, чтобы доехать к нужному месту. На свои же деньги Зотова приобрела 5 литров бензина, а по прибытии к зданию администрации их задержали сотрудники правоохранительных органов, в связи с чем осуществить задуманное не удалось». Зотова осуждена за покушение на совершение террористического акта по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 205 УК РФ[359]. Очевидно, что в этом случае признаки вовлечения Зотовой в совершение террористического акта отсутствуют, поскольку инициатива на осуществление террористической деятельности исходила от нее.

К сожалению, субъекты правоприменительной деятельности не всегда учитывают побудительный характер вовлечения, квалифицируя по ст. 205[1] УК РФ различного рода проявления солидарности (одобрение, словесную поддержку) с лицом, которое уже имело умысел на совершение преступлений террористического характера. Некоторые сомнения в связи с этим возникают относительно квалификации действий Коренблит В.А., которая «осуждена за содействие террористической деятельности в форме иного вовлечения лица в участие на территории Сирийской Арабской Республики (далее – Сирия)

[359] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16.07.2024 № 222-УД24-43-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации». В кассационной жалобе осужденная обращала внимание на то, что у Ш. «уже сформировалось настойчивое желание убыть в Сирию». Причем это фактически подтвердил суд: «…Коренблит В.А. встретила Ш. после ее прибытия в г. <...> поселила в жилое помещение, приносила туда продукты питания, средства связи и иные предметы, а также *поддерживала ее разговорами в намерении убыть в Сирию для оказания помощи в войне против правительственных войск* (выделено мной. – *Д.Б.*)». Тем не менее, несмотря на то что умысел на участие в незаконном вооруженном формировании возник у Ш. до ее общения с Коренблит В.А., суд кассационной инстанции согласился с квалификацией действий осужденной по ч. 1 ст. 205^1 УК РФ[360].

С точки зрения высшего судебного органа, субъективная оценка действий вербовщика со стороны вовлекаемого лица, его реакция на вербовку не имеют значения для квалификации. Как отмечено в решении по делу Колодяжнова, «не может служить основанием для отмены или изменения приговора и апелляционного определения довод о том, что свидетели Д., З., М. и Н. воспринимали разговоры осужденного с ними о МТО “ИГ” как проявление бравады с целью приобретения мнимого авторитета. <…> Таким образом, субъективная оценка лицами, склоняемыми к совершению преступлений террористической направленности, адресованных им предложений, уговоров, убеждений и иных действий, образующих объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205^1 УК РФ, не влияет на уголовно-правовую квалификацию содеянного Колодяжновым»[361].

Среди исследователей достигнут устойчивый консенсус в части того, что вовлечение как признак преступления, предусмотренного ч. 1, 1^1 ст. 205^1

[360] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2022 № 222-УД22-65-А6 // СПС «КонсультантПлюс».
[361] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2021 по делу № 223-УД21-5-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

УК РФ, предполагает склонение (добавим – или иное привлечение) лица к совершению *конкретных* террористических деяний. По признанию теоретиков, побудительные высказывания общего, неопределенного характера, призывающие к террористической деятельности вообще, без уточнения вида преступного деяния и обстоятельств его совершения, не могут расцениваться в качестве вовлечения в преступление террористического характера. Таким образом, в содержательном плане предусмотренное ст. 205[1] УК РФ вовлечение sui generis трактуется так же, как и подстрекательство. Ограничимся здесь одной цитатой, которая отражает общий доктринальный настрой: «Склонение к преступлению является “адресным” действием, которое направлено на то, чтобы породить у конкретного лица умысел на совершение конкретного уголовно наказуемого деяния (например, совершить террористический акт, захватить заложника и т.д.)»[362]. Забегая вперед, отметим, что именно конкретизация вовлечения служит основным критерием отграничения этого деяния от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, о чем подробно будет сказано далее.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 разъясняется, что «склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205[1] УК РФ, следует считать оконченным преступлением с момента совершения указанных действий, независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление террористической направленности» (абзац второй п. 14). Надо признать, что позиция Пленума относительно момента юридического окончания вовлечения в совершение преступлений террористического характера разделяется далеко не всеми специалистами. Так, например, в авторитетном комментарии к УК РФ указано, что «преступление фактически является специальным случаем подстрекательства, окончено с момента совершения любого из указанных действий, получения

[362] Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма … С. 81–89.

согласия склоненного лица участвовать в действиях, связанных с содействием террористической деятельности, и фактическое начало выполнения хотя бы каких-либо приготовительных действий. В случае отказа лица участвовать в содействии террористической деятельности, действия вовлекающего следует признавать покушением на рассматриваемое преступление»[363]. В другой работе авторы, критически оценивая разъяснения Пленума относительно момента юридического окончания вовлечения в совершение террористических преступлений, предлагают сформулировать п. 14 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1 следующим образом: «Преступления, ответственность за которые предусмотрена частями 1 и 1^1 статьи 205^1 УК РФ, являются оконченными с момента совершения вовлеченными (завербованными) лицами соответствующих преступлений террористической направленности, приготовления к этим преступлениям или покушения на эти преступления»[364]. Аналогичная точка зрения высказывается и относительно момента юридического окончания вовлечения в совершение акта международного терроризма: «…окончено, когда вовлекаемое лицо совершило акт международного терроризма, покушение на это преступление либо приготовление к нему»[365].

По сути дела, основной лейтмотив критических оценок процитированных разъяснений Пленума сводится к тому, что квалификация вовлечения в совершение преступлений террористического характера должна подчиняться тем же правилам, что и уголовно-правовая оценка классического подстрекательства: если подстрекательство sui generalis признается состоявшимся лишь при условии его результативности, то и подстрекательство sui generis следует считать оконченным только после того, как подстрекаемое лицо совершит оконченное или хотя бы неоконченное преступление террористического характера. Однако механический перенос общих правил квалификации

---

[363] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 томах. Т. 3 // СПС «КонсультантПлюс».
[364] Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». См. также: Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией. С. 57–58.
[365] Кибальник А.Г., Суворов В.А. Акт международного терроризма – новое преступление против мира и безопасности человечества // Уголовное право. 2016. № 6. С. 37–42.

подстрекательских действий на вовлечение в совершение преступлений террористического характера представляется ошибочным и недопустимым. В первом разделе диссертации неоднократно отмечалось, что самостоятельные нормы об ответственности за соучастие особого рода предназначены для того, чтобы разорвать акцессорную связь между подстрекательскими, пособническими, организаторскими действиями и деянием исполнителя преступления. Антитеррористические нормы об ответственности за соучастие sui generis построены на началах самостоятельной ответственности соучаствующих субъектов, что дает целый ряд преимуществ в плане раннего уголовно-правового предупреждения и проактивного правоприменения: для их применения не нужно дожидаться, чтобы исполнитель совершил преступление, тогда как классическое соучастие невозможно без исполнения общего для всех соучастников преступного деяния. Если в рамках стандартной модели, изложенной в гл. 7 УК РФ, неудавшееся подстрекательство к совершению террористического акта нельзя признать соучастием в преступлении (в силу прямого указания ч. 5 ст. 34 УК РФ его следует квалифицировать как приготовление к террористическому акту), то ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ позволяет квалифицировать те же подстрекательские действия как самостоятельное оконченное преступление, вне зависимости от их результативности, что повышает раннепрофилактический потенциал уголовного закона. Такой подход полностью согласуется с международными стандартами, которые требуют того, чтобы вербовка террористов признавалась оконченным преступлением независимо от фактического совершения террористического преступления (ст. 8 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.).

С момента появления ст. 205^1 УК РФ в уголовно-правовой науке ведутся дискуссии относительно возможности дополнительной (совокупной) квалификации результативного вовлечения в совершение преступлений террористического характера в качестве подстрекательства к соответствующим преступным деяниям. Некоторые исследователи допускают такую возможность.

Так, например, А.В. Серебряков предлагает зафиксировать в предметном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации следующее разъяснение: «Действия лица, склонившего, завербовавшего или иным способом вовлекшего другое лицо для совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, образуют совокупность преступлений и должны квалифицироваться по ст. 205^1 УК как действия исполнителя содействия террористической деятельности и в зависимости от конкретных обстоятельств дела как действия подстрекателя или пособника в совершении соответствующего преступления террористического характера со ссылкой на ч. 4 или ч. 5 ст. 33 УК РФ»[366]. Эта идея отражена и в учебной литературе: «…деяние виновного подлежит оценке и с позиции наличия состава преступления, предусмотренного ст. 205^1 УК РФ, и с позиции совершения иного конкретного преступления. В этой связи, если, например, склонение лица осуществляется для совершения конкретного преступления, действия виновного подлежат квалификации не только по ст. 205^1 УК РФ, но и как приготовление к совершению этого преступления, а если оно совершено – то как подстрекательство к совершению преступления или как действия организатора при наличии соответствующих обстоятельств»[367].

Намного больше сторонников снискал иной подход, согласно которому «квалификация содеянного как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение указанных преступлений не требует дополнительной оценки как подстрекательство к совершению конкретного преступления, предусмотренного ст. 205, 206, 208 и др. УК РФ»[368]. В основу этого подхода положен тезис о том, что предписания ст. 205^1 УК РФ об ответственности за вовлечение в совершение преступлений террористического характера выступают в качестве

---

[366] Серебряков А.В. Содействие террористической деятельности … С. 12. См. также: Елизаров Е.И. Уголовно-правовой анализ вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ст. 205^1 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 6–7; Бриллиантов А. Вопросы соучастия при квалификации содействия террористической деятельности // Уголовное право. 2008. № 3. С. 25–30.

[367] Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

[368] Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам // СПС «КонсультантПлюс».

специальных по отношению к предписаниям Общей части УК РФ о подстрекательстве, а потому обладают приоритетом в применении, что исключает совокупность общего и специального подстрекательства[369].

Прежде чем вступить в эту дискуссию, отметим, что с позиции de lege ferenda рассматриваемую проблему можно решить за счет нормативного разграничения сфер применения общего института соучастия в преступлении и самостоятельных норм об ответственности за соучастие особого рода: достаточно указать в уголовном законе, что предусмотренная статьями Особенной части УК РФ уголовная ответственность за организацию совершения преступления, подстрекательство к преступлению, пособничество в совершении преступления наступает лишь при отсутствии признаков соучастия в преступлении. Если же рассматривать вопрос с позиции de lege lata, т.е. с точки зрения действующего законодательства, то более предпочтительным выглядит второй подход, предполагающий квалификацию вовлечения в совершение террористических преступлений только по ст. 205^1 УК РФ. В специальных исследованиях убедительно доказано, что совокупная уголовно-правовая оценка содеянного по ст. 205^1 УК РФ и по статьям об ответственности за соучастие в конкретном преступлении террористического характера противоречит принципу non bis in idem (ч. 2 ст. 6 УК РФ)[370].

Вместе с тем полностью исключать идеальную совокупность преступлений в действиях вербовщика все же нельзя. Как отмечалось ранее, вербовка может проявляться не только в форме специального подстрекательства к совершению террористического преступления, но и в форме его посредственного исполнения, если в качестве фактического причинителя вреда выступает лицо, не обладающее признаками субъекта преступления, а ~~в~~ также в случае, когда воздействие на фактического причинителя вреда лишает его способности осознавать фактический характер и общественную опасность совершаемого им деяния. В этом случае совершение террористического преступления

---

[369] См.: Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 48–50.
[370] Там же. С. 51–52.

руками невиновно действующего или иного «негодного» субъекта образует идеальную совокупность преступлений – посредственного исполнения террористического деяния и вовлечения другого лица в его совершение.

Рассматривая проблематику множественности преступлений в контексте квалификации вовлечения в совершение преступлений террористического характера, нельзя обойти стороной вопрос об уголовно-правовой оценке вербовки несовершеннолетних. В доктрине этот вопрос нередко рассматривается сквозь призму конкуренции уголовно-правовых норм (ст. 150 и 205^1 УК РФ), причем теоретические подходы к ее разрешению не совпадают: одни исследователи считают приоритетной в этом случае ст. 205^1 УК РФ[371], а другие – ст. 150 УК РФ[372]. В то же время в науке обосновывается позиция относительно совокупной квалификации содеянного по соответствующим частям ст. 150 и 205^1 УК РФ. Аргументируя такую квалификацию, специалисты не без оснований ссылаются на то, что вербовка подростков в совершение террористических преступлений одновременно посягает на два объекта уголовно-правовой охраны: общественные отношения, обеспечивающие нормальное духовно-нравственное развитие несовершеннолетнего, и общественную безопасность, в связи с чем посягательство на каждый из указанных объектов заслуживает самостоятельной юридической оценки[373]. Причем именно этот подход реализуется в практике высшего судебного органа[374].

Федеральным законом от 17.11.2025 № 420-ФЗ в ч. 2 ст. 205^1 УК РФ введен новый квалифицирующий признак – совершение деяний, предусмотрен-

---

[371] См.: Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование). С. 258–259.

[372] См.: Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 132–133.

[373] См.: Шимшилова Э.С. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления террористической направленности // Деструктивное влияние террора на политическую систему и правовую среду Российского государства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 11 ноября 2016 г.) / под ред. О.И. Чердакова. М.: Междунар. юрид. ин-т, 2017. С. 449–456; Шевцова К.А. О некоторых проблемах квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2022. № 4 (51). С. 345–352.

[374] См., например: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 04.04.2024 № 223-УД24-4-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13.01.2020 № 223-АПУ19-4 // СПС «КонсультантПлюс».

ных ч. 1 или 1^1 ст. 205^1 УК РФ «в отношении несовершеннолетнего». Это законодательное решение существенным образом изменяет сложившуюся практику уголовно-правовой оценки вербовки подростков. Предусмотрев повышенную санкцию за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера (равно как и за иные проявления содействия террористической деятельности в их отношении), законодатель стремился учесть то обстоятельство, что это деяние посягает не только на общественную безопасность, но и на нормальное духовно-нравственное развитие несовершеннолетнего. Следовательно, вербовку подростков необходимо теперь квалифицировать только по ч. 2 ст. 205^1 УК РФ[375].

Нормативная база уголовно-правового противодействия «террористическому рекрутингу» не ограничивается лишь ст. 205^1 УК РФ. Реализуя международно-правовые обязательства, принятые в соответствии с Конвенцией Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г., Российская Федерация криминализовала в ст. 205^2 УК РФ (введена Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ) публичные призывы к осуществлению террористической деятельности. Таким образом, в отечественном уголовном законодательстве установлена ответственность за две специфические формы побуждения к совершению преступлений террористического характера – вовлечение и публичные призывы.

Исследованию публичных призывов к осуществлению террористической деятельности посвящено множество научных работ, в которых на высоком уровне рассмотрены международно-правовые, компаративистские, психолого-лингвистические, технико-юридические и правоприменительные аспекты[376]. Используя их в качестве теоретического фундамента, сосредоточим

---

[375] Опрос экспертов (см. приложение) показал довольно неожиданные результаты: лишь 22% респондентов указали, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений террористического характера необходимо квалифицировать только по ч. 2 ст. 205^1 УК РФ. Большинство же опрошенных (73,3%) полагают, что в этом случае содеянное требует совокупной квалификации по ч. 2 ст. 205^1 и ст. 150 УК РФ, что можно объяснить определенной инерционностью правоприменительных подходов, которые не учитывают действующую редакцию ч. 2 ст. 205^1 УК РФ.

[376] См.: Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012; Костылева О.В.

внимание главным образом на тех вопросах, которые пока не получили общепринятого решения.

В этом плане особый интерес представляют трактовка признака публичности призывов, а также поиск критериев разграничения публичных призывов к осуществлению террористической деятельности с другими преступлениями. Причем центральным и наиболее сложным местом этого уголовно-правового дискурса выступает именно последняя проблема, так как от ее решения во многом зависят контуры публичности деяний, предусмотренных ст. 205^2 УК РФ.

Потребность в отграничении публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ) от смежных преступлений наиболее остро стоит применительно к вовлечению в совершение преступлений террористического характера (ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ), ведь оба эти деяния нацелены на побуждение иных лиц к террористическим практикам (что и послужило причиной их сквозного исследования в рамках одного параграфа).

На страницах юридической литературы представлены несовпадающие подходы к разграничению указанных деяний. С точки зрения З.А. Шибзухова, их разграничение необходимо осуществлять на основании двух критериев: 1) адресная направленность: «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности обращены к персонально не определенному кругу лиц, т.е. имеют безличный характер (заметим, что именно в обезличенности призывов З.А. Шибзухов усматривает их публичный характер. – *Д.Б.*). Что же касается подстрекательства к совершению преступлений террористического

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук. М., 2024; Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Российский следователь. 2007. № 19; Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма … С. 81–89; Глухов Е.А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника // Уголовное право. 2024. № 9. С. 30–40; Тисен О.Н. Особенности доказывания преступлений, предусмотренных ст. 205^2 УК РФ: по результатам анализа решений Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2026. № 2 (186). С. 70–79 и др. Среди перечисленных работ особо следует выделить кандидатскую диссертацию О.В. Костылевой, которая с точки зрения глубины исследования, научной новизны, теоретической и прикладной ценности полученных научных результатов вполне могла бы претендовать на докторский уровень.

характера, то оно, в отличие от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, «нацелено на конкретное, персонально определенное лицо (группу лиц)»; 2) степень конкретизации обращений, направленных на побуждение других лиц к осуществлению террористической деятельности: «…обязательным признаком подстрекательства к преступлению является его нацеленность на склонение другого лица (группы лиц) к совершению конкретного, определенного преступления. <…> Иначе обстоит дело с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, которые, в отличие от подстрекательства к совершению преступлений террористического характера, имеют общий характер и не требуют конкретизации: в них нет конкретного содержания о месте, времени и способе совершения преступления»[377].

По мнению С.В. Борисова, отличия вовлечения в совершение преступления террористической направленности (ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ) от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ) заключаются в том, что первое деяние предполагает направленность действия на определенное лицо (группу лиц), вовлекаемое (вовлекаемых) в совершение конкретного преступления. В случае же, когда или адресат, или преступление не характеризуются определенностью (конкретностью), речь идет о составе публичных призывов[378]. Таким образом, С.В. Борисов предлагает использовать те же критерии разграничения, что и З.А. Шибзухов, уточняя при этом, что вовлечение в совершение преступлений террористического характера можно констатировать лишь при совпадении конкретизированного содержания и персонифицированной адресной направленности побудительного обращения.

---

[377] Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. С. 134–138.

[378] Борисов С.В. Роль Верховного Суда Российской Федерации в формировании практики противодействия распространению идеологии терроризма // Уголовная ответственность и наказание: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова (Рязань,17 февраля 2017 г.) / под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань, 2017. С. 16.

Иной подход к разграничению исследуемых деяний представлен в работе А.А. Докуева. Он соглашается с З.А. Шибзуховым в том, что вовлечение в совершение преступлений террористического характера и публичные призывы к террористической деятельности имеют различия в адресной направленности: при вовлечении «…виновный предпринимает действия, направленные на формирование умысла совершить одно или несколько из указанных преступлений у конкретного, персонифицированного лица либо группы таких лиц», тогда как «…публичные призывы к террористической деятельности обращены к персонально не определенному кругу лиц, т.е. имеют безличный характер». При этом в качестве второго критерия разграничения указанных деяний А.А. Докуев называет «количество лиц, на которых направлены действия виновного»: «…для квалификации по ст. 205^1 УК РФ достаточно, чтобы вовлечение… осуществлялось в отношении одного лица, в то время как обязательным признаком призывов к осуществлению террористической деятельности является их публичный характер, который имеет место, если призывы производятся в отношении как минимум двух человек»[379]. По сути дела, А.А. Докуев проводит разграничение составов исключительно на основании признака публичности, включая в него качественные (обезличенность) и количественные (не менее двух адресатов) характеристики. При этом степень конкретизации побудительных высказываний в качестве критерия разграничения публичных призывов и вовлечения А.А. Докуевым не упоминается.

В представлении О.В. Костылевой приоритетное значение для разграничения публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и вовлечения в совершение преступлений террористического характера имеет признак публичности, которую, по ее мнению, «следует связывать в первую очередь с характеристикой адресата». Для подстрекательства, особой разновидностью которого О.В. Костылева считает вовлечение в совершение террористического преступления, «характерна индивидуальная определенность

[379] Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 123–124.

(конкретизированность) склоняемых к преступлению лиц», тогда как публичность призывов предполагает их «обращенность к неопределенному кругу лиц»[380]. Тем самым О.В. Костылева переносит акцент с содержания криминогенных обращений, побуждающих к террористическим преступлениям, на его адресатов[381].

Не вносят определенности и результаты опроса экспертов: 55,5% опрошенных указывают, что разграничение указанных деяний следует осуществлять по критерию публичности; 57,1% – по содержательному критерию (степени конкретизации побудительных высказываний); 37,2% – по адресному критерию (склонение к преступлению террористического характера нацелено на конкретное лицо либо группу индивидуально определенных лиц, тогда как публичные призывы к террористической деятельности обращены к персонально не определенному кругу лиц); 16,2% – по месту совершения (публичные призывы всегда совершаются в общественном месте, а для склонения к совершению террористического преступления этот признак не является обязательным) (см. приложение)[382].

Не углубляясь пока в эту дискуссию, обратим внимание на одно принципиально важное обстоятельство. Рассуждая о критериях разграничения рассматриваемых деяний, необходимо прежде всего понять, почему законодатель дифференцированно оценивает их общественную опасность. Устанавливая уголовную ответственность за различные формы побудительного воздействия на других лиц, законодатель четко дает понять, что вовлечение в совершение преступления террористического характера (ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ) обладает гораздо большей общественной опасностью, нежели публичные призывы к

[380] Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма … С. 122.
[381] Аналогичный подход представлен в работе А.А. Балашова (см.: Балашов А.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к совершению противоправных действий: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 91–96).
[382] При ответе на соответствующий вопрос допускалось указать сразу несколько критериев разграничения.

осуществлению террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ) (это прекрасно видно по санкциям[383]). В чем же причина столь значимых различий в степени общественной опасности этих деяний?

О.В. Костылева, ссылаясь на мнение немецких правоведов, объясняет различие в общественной опасности исследуемых деяний следующим образом: «…для подстрекательства необходимо личное отношение подстрекателя к исполнителю, позволяющее воздействовать на последнего; в случаях же публичных призывов “говорящий не обладает возможностью лично влиять на адресата”, “не в силах усилить давление, побуждающее к действию, или адаптировать его к конкретному индивидууму” (здесь автор цитирует работу Timmermann W.K. – *Д.Б.*). Воздействие в последнем случае обладает меньшей эффективностью как по причине отсутствия личного контакта с адресатом, так и в связи с наличием других, в том числе противоположных, оказываемых на аудиторию влияний, которыми не может управлять призывающий»[384]. В этой парадигме принципиальное отличие вовлечения и публичных призывов кроется в их адресной направленности: обращение к конкретному лицу, к группе персонально определенных лиц более опасно, нежели обращение к безликой общественности.

Однако такое объяснение, с нашей точки зрения, выглядит не вполне убедительным. Представляется, что существенные различия в криминогенном потенциале (и, как следствие, – в общественной опасности) побудительных высказываний связаны не столько с их адресатами, сколько с уровнем конкретики соответствующих высказываний, со степенью их детализации. Психолого-лингвистические исследования эмпирически подтверждают, что при-

---

[383] Вовлечение в совершение террористических преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 205^1 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет; в совершение деяний, перечисленных в ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ, – лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, тогда как за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности установлена санкция втрое ниже (если брать по максимальному пределу) – лишение свободы на срок от двух до пяти лет.

[384] Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма … С. 59.

зывы к конкретным действиям, постановка конкретных, инструментальных задач, которые легко представить и спланировать, обладают гораздо большим побудительным эффектом, чем призывы и слова общего характера. Как отмечают исследователи, более продуктивной окажется постановка конкретной и понятной задачи «поменять цепь на велосипеде», чем абстрактная задача «подготовиться к поездке». Объясняя результаты эмпирического исследования, его авторы указывают: «Чтобы побудить кого-то заняться альпинизмом, нужно пробудить в нем намерение действовать. Однако слова “давайте поднимемся на эту вершину” останутся лишь намерением, если вы не превратите их в конкретный план – как это сделать и когда». «Наши исследования ясно показывают, что, если люди хотят побудить других к действию, они особенно часто используют две лингвистические категории. Одна категория включает глаголы, являющиеся носителями действия (например, делать, идти, брать, готовить) и повышающие уровень мобилизации. Другой лингвистический фактор таких сообщений – *указание конкретного способа выполнения запланированного действия*», – констатируют исследователи. Иными словами, конкретика помогает легче представить и спланировать понятные шаги, которые позволят достичь цели. Когда последовательность действий неясна, люди с большей вероятностью не захотят выстраивать ее самостоятельно[385].

Эти закономерности работают и в сфере криминального рекрутинга. В уголовно-правовой науке уже обращалось внимание на «зависимость степени опасности распространения криминогенной информации от конкретности призывов (оправданий, одобрения) и их непосредственного содержания». Эта зависимость выражена в простой формуле: «Чем более абстрактный (общий) характер имеет информация, тем менее опасным следует признавать

[385] Formanowicz M., Beneda M., Witkowska M., Nikadon J., Suitner C. Mobilize Is a Verb: The Use of Verbs and Concrete Language Is Associated With Authors' and Readers' Perceptions of a Text's Action Orientation and Persuasiveness // Pers Soc Psychol Bull. 2025. Nov. No. 51 (11). P. 2341–2356. DOI: 10.1177/01461672241238418. Epub 2024 May 8. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01461672241238418; The power of verbs and expressions as intuitive motivators in texts. URL: https://phys.org/news/2024-09-power-verbs-intuitive-texts.html

само деяние»[386]. Именно поэтому склонение к совершению конкретного террористического преступления с описанием его деталей (вид преступления, последовательность преступных действий, время, место и т.п.) обладает несравненно большим побудительным воздействием, чем общие призывы к террористической деятельности, не имеющие конкретики. Что же касается адресной направленности (персонифицированной или обезличенной) побудительных высказываний, то таковая в этом плане имеет второстепенное значение.

Проиллюстрируем различия вышеизложенных теоретических подходов на следующем кейсе: вербовщик распространял в сети «Интернет» обращения, побуждающие неопределенный круг лиц к вступлению в запрещенную террористическую организацию, сообщая при этом требования к «новобранцам» (минимальный и предельный возраст, уровень физической подготовки и т.п.) и условия «службы» (вид деятельности, ежемесячное денежное содержание с указанием его размера, разовые выплаты в случае ранения или смерти, прохождение обучения). При этом в сообщении были указаны каналы связи с вербовщиком, даны подробные инструкции по соблюдению конспирации.

Если руководствоваться критерием адресной направленности, то действия вербовщика нужно квалифицировать по ч. 2 ст. 205^2 УК РФ как публичные призывы к террористической деятельности, совершенные с использованием сети «Интернет», поскольку обращение направлено неопределенному кругу лиц. Если же положить в основу разграничения исследуемых деяний критерий конкретности побудительных высказываний, то действия вербовщика следует квалифицировать по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ как вовлечение в совершение преступления, предусмотренного ст. 205^5 УК РФ, так как вербовщик осуществлял склонение к конкретному террористическому деянию с указанием деталей его совершения.

---

[386] Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 134.

Второй подход, с нашей точки зрения, представляется более предпочтительным, ведь наличие признаков вовлечения в совершение конкретного террористического преступления не может перечеркиваться тем, что такое вовлечение нацелено на персонально не определенный круг лиц. Если же руководствоваться первым подходом, то мы получим парадоксальную (если не сказать абсурдную) ситуацию: конкретизированная вербовка одного человека в ряды запрещенной террористической организации будет квалифицирована по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ с максимальной санкцией в пятнадцать лет лишения свободы, в то время как конкретизированная вербовка, обращенная к широкому кругу лиц, получит оценку в рамках санкции ч. 2 ст. 205^2 УК РФ с максимальным наказанием в семь лет лишения свободы (и это при том, что конкретизация преступления, к которому осуществляется склонение, абсолютно одинакова).

Доводом против квалификации по ст. 205^1 УК РФ конкретизированных побудительных высказываний, обращенных к неопределенным лицам, может служить довольно распространенное мнение о том, что подстрекательство к преступлению (а значит, и вовлечение как его частное проявление) должно иметь адресную персонификацию – нацеленность на конкретное лицо или группу персонально определенных лиц. Применительно к классическому подстрекательству (ч. 4 ст. 33 УК РФ) такое мнение высказывается, в частности, в известном энциклопедическом издании: «…при подстрекательстве склонение всегда адресовано одному или нескольким конкретным лицам и направлено на возбуждение у них желания совершить вполне определенные преступления»[387]. А поскольку вовлечение в совершение преступлений террористического характера устойчиво ассоциируется с подстрекательством, то этот тезис о конкретизированном адресном воздействии воспроизводится и применительно к ст. 205^1 УК РФ. Эта проекция общих положений о подстрекательстве на ст. 205^1 УК РФ отчетливо видна в следующей цитате: «…публичные призывы к осуществлению террористической деятельности носят обобщенный,

[387] См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 6: Соучастие в преступлении. СПб.: Изд. проф. Малинина, 2007. С. 177.

абстрактный характер и направлены на группу лиц. *Подстрекатель же всегда обращается к определенному лицу. Иными словами, склонение к преступлению является адресным действием*, которое направлено на то, чтобы породить у конкретного лица умысел на совершение конкретного уголовно наказуемого деяния (например, совершить террористический акт, захватить заложника и т.д.)»[388]. Более того, некоторые исследователи распространяют этот тезис на любое криминализованное в Особенной части УК РФ склонение к преступлениям, категорично утверждая, что «склонение реализуется в отношении конкретно определенного лица или нескольких лиц, круг которых также должен быть индивидуально определен… Именно характеристика персонифицированного воздействия позволяет отличить склонение от призывов»[389].

Однако исходный тезис об обязательной персонифицированной адресной направленности подстрекательства, который, судя по всему, воспринимается в качестве аксиомы (по крайней мере, должного его обоснования в процитированных работах не приводится), представляется излишне категоричным и потому неверным. Законодательное определение подстрекателя (ч. 4 ст. 33 УК РФ) акцентирует внимание на результативности (успешности) подстрекательских действий, вследствие которых «другое лицо» склонено к совершению преступления (хотя бы неоконченного). При этом закон не требует изначальной персонификации этого «другого лица»; главное, чтобы умысел на совершение преступления сформировался у этого лица именно в результате конкретизированного склоняющего воздействия, при этом склоняющий и склоняемый имели бы взаимную осведомленность о совместном совершении конкретного преступления (в противном случае соучастие не возникает, что не позволяет считать склоняющего подстрекателем). Иными словами, взаимосвязанные предписания ст. 32 и ч. 4 ст. 33 УК РФ не исключают возможности неперсонифицированного подстрекательства к конкретному преступлению.

---

[388] Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».
[389] Кокунов А.И. Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия. С. 23.

На это обстоятельство обращалось внимание еще в дореволюционной уголовно-правовой литературе. В частности, Н.С. Таганцев отмечал, что возбуждение толпы на совершение преступных деяний может рассматриваться как подстрекательство, если толпа намеренно склоняется к определенному преступлению, которое впоследствии действительно учиняется[390]. Возможность подстрекательства персонально не определенных лиц к совершению преступления признается и современными специалистами. Так, например, В.В. Кустова полагает, что «публичное обещание награды любому, кто совершит то или иное конкретное преступление, должно признаться подстрекательством к преступлению либо приготовлением к нему». Обосновывая этот вывод, она указывает: «Несмотря на то, что в данном случае отсутствует конкретный адресат обращения, характер воздействия и конкретизация желаемого преступления вполне позволяют, на наш взгляд, признать такое обещание награды подстрекательством к преступлению (при условии, естественно, если преступление в конечном итоге будет совершено) либо приготовлением к нему (если по независящим от лица обстоятельствам его обещания не окажут стимулирующего воздействия на окружающих)»[391].

Эти теоретические выкладки подтверждаются криминальной эмпирикой. Так, например, по информации правоохранительных органов, в закрытом для общего доступа сегменте сети «Интернет» (так называемом DarkNet) существуют интернет-площадки, на которых размещаются «заказы» на поджоги чужого имущества, избиения[392], убийства[393]. И если подобный «заказ» на убийство, адресованный персонально не определенному «подрядчику», будет исполнен, то имеются все основания для того, чтобы признать «заказчика»

---

[390] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 томах. М., 1994. Т. 1. С. 346–347.

[391] Кустова В.В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности. С. 12, 132–133.

[392] Анатомия нападения: как устроен даркнет-рынок заказов на поджоги и избиения. URL: https://iz.ru/1777454/maksim-solopov-svatoslav-petrov/anatomia-napadenia-kak-ustroen-darknet-rynok-zakazov-na-podzogi-i-izbienia

[393] См.: Убийц собирают в даркнете. СКР нашел площадку, где заказывали тяжкие преступления. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4977700; Жданов: В теневом сегменте интернета сформировался рынок заказных убийств. URL: https://rg.ru/2021/12/22/iurij-zhdanov-tradicionno-zhertvami-zakaznyh-ubijstv-stanoviatsia-biznesmeny.html

подстрекателем к убийству, даже если взаимодействие между соучастниками имело исключительно анонимный характер. Нам могут возразить, что в подобных случаях подстрекательство возникает лишь после того, как будущий исполнитель преступления даст согласие «заказчику» на совершение убийства по найму. Но в этот момент у будущего исполнителя уже сформировался умысел на убийство (причем именно под воздействием неперсонифицированного склонения к совершению конкретного преступления), а значит, согласование условий исполнения «заказа» подстрекательством не является. Двусторонняя субъективная связь между соучастниками возникает в момент информирования «заказчика» о согласии исполнителя на совершение преступления, а его склонение осуществлено до этого.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что адресная персонификация (воздействие на конкретного лица или группу персонально определенных лиц) не может считаться универсальным, обязательным признаком подстрекательства. Она присутствует в большинстве случаев, но не всегда. Это в полной мере справедливо и для вовлечения в совершение преступлений террористического характера, которое может иметь как индивидуализированную (в большинстве случаев), так и неперсонифицированную (гораздо реже) адресную направленность. А значит, искать критерии разграничения вовлечения и публичных призывов следует не в адресной направленности соответствующих деяний (она, как выяснилось, может совпадать), а в содержании побудительных высказываний, точнее, в степени их конкретности.

Критерий этот иногда трактуется крайне упрощенно: при вовлечении лицо якобы склоняется к совершению конкретного преступления, а публичные призывы имеют «общий характер», побуждают к «абстрактной» террористической деятельности. Однако мнение о том, что публичные призывы к террористической деятельности полностью лишены конкретики (в отличие от вовлечения в совершение террористического преступления), является неверным. По справедливому замечанию О.В. Костылевой, «…степень конкретизации

действий, к которым побуждает виновный, при публичных призывах действительно может быть ниже, чем при подстрекательстве, но это не означает, что такая конкретизация может отсутствовать вовсе: *из обращения должно следовать, к какого рода деяниям происходит склонение*». Развивая эту мысль, О.В. Костылева пишет: «…призыв обладает побудительным потенциалом, а потому должен содержать явно выраженное желание побудить других к совершению уголовно наказуемых деяний. <…> *Определенная степень конкретизации деяния, к которому осуществляется призыв, необходима именно потому, что высказывания общего характера лишают обращение побудительного потенциала*, превращая его в пропагандистское сообщение. Так, одно дело призвать, например, к совершению террористических актов и присоединению к какой-либо террористической организации, а другое – агитировать за необходимость “борьбы с режимом” или “битвы с неверными”»[394].

Какую именно степень конкретизации побудительных высказываний следует признать достаточной для того, чтобы квалифицировать их в качестве общего или специального подстрекательства? Высший судебный орган, подчеркивая конкретность подстрекательства, отмечает: «Подстрекателем может быть признан лишь тот, кто своим действием стремился возбудить у другого лица намерение или укрепить решимость совершить не какое-либо вообще противоправное деяние, а конкретное преступление, охватываемое умыслом подстрекателя»[395]; «призывы и пожелания общего характера, которые непосредственно не направлены на склонение лица к конкретному противоправному деянию, не являются подстрекательством»[396]. В уголовно-правовой доктрине признается, что «…конкретизированность умысла не предполагает

[394] Костылева О.В. Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2024. Т. 65, № 1. С. 172–173.
[395] Определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 11.09.1967 по делу Б. // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1967. № 5. С. 43.
[396] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2015 № 30-АПУ15-3 // СПС «КонсультантПлюс».

с необходимостью, что в сознании подстрекателя представлены с необходимой точностью все аспекты юридической квалификации преступления»[397]; «…побуждая к совершению преступления, подстрекатель вовсе не должен самым детальным образом обрисовывать картину будущего посягательства. Вполне достаточно, чтобы он в основных чертах, а не по строго юридическим канонам определил характер преступного деяния, к которому он склоняет другое лицо»[398]. Вместе с тем исследователи указывают, что подстрекатель должен обозначить не только видовые, но и индивидуальные признаки преступления, к которому он склоняет: «Так, вполне достаточно, чтобы прозвучало название преступления (хотя бы и не точное), *были описаны существенные признаки объективной стороны, названы вредные последствия*»[399]. Более того, некоторые ученые считают, что требуемая конкретизация подстрекательства констатируется лишь при условии детализации всех обстоятельств совершения преступления: «Подстрекательство к террористической деятельности всегда конкретно, нельзя склонить к совершению террористического преступления вообще, без указания реального объекта террористического посягательства, а также способов совершения (взрыв, поджог, вооруженное нападение, распространение ядовитых веществ) и конкретных целей»[400].

Последнее высказывание представляется слишком категоричным, ведь на стадии подготовки к преступлению (а подстрекательство осуществляется именно на этой стадии) детали планируемого преступного деяния могут быть не известны, а потому нельзя требовать, чтобы подстрекатель описал все нюансы преступления, к которому он склоняет. Однако вообще обойтись без изложения индивидуальных признаков преступления, к которому осуществляется склонение, подстрекатель не может. Нельзя подстрекать к хищению «вообще» – нужно как минимум обозначить предмет хищения и источник изъятия чужого имущества; точно так же подстрекательство к убийству предполагает

---

[397] Некоз А.С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению. С. 75.
[398] Энциклопедия уголовного права. Т. 6. С. 172.
[399] Там же.
[400] Алехин В.П. Подстрекатель в террористической деятельности // Общество и право. 2008. № 1. С. 137–139.

указание на будущего потерпевшего, а если подстрекателем движет хулиганский или экстремистский мотив, побуждающий к убийству случайного человека (человека, принадлежащего к определенной национальной, расовой группе), то подстрекатель должен конкретизировать способ, место, время убийства (не обязательно все эти обстоятельства одновременно). Иными словами, в подстрекательство заложена такая степень конкретизации, которая относится к индивидуальным характеристикам преступления.

Итак, в качестве промежуточного вывода можно заключить: конкретика подстрекательства заключается в том, что подстрекатель склоняет другое лицо к преступлению определенного вида (видовая конкретизация), детализируя при этом существенные индивидуальные признаки будущего преступления (фактическая конкретизация). Этот тезис в полной мере распространяется и на специальное подстрекательство, криминализованное в ст. 205^1 УК РФ, что отличает его от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, для которых характерна гораздо меньшая степень конкретизации побудительных высказываний. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, будучи разновидностью криминогенного побуждения, не предполагают точных, индивидуализированных указаний на объект террористического нападения, способ, время его совершения, но при этом содержат лингвистические и психологические признаки склонения к террористическому преступлению определенного вида.

Позиция высшего судебного органа относительно степени конкретности вовлечения в совершение преступлений террористического характера неоднозначна, что иллюстрирует решение по делу Колодяжнова.

С одной стороны, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации признала «необоснованным суждение адвоката Упорова И.Н. об отсутствии признаков состава преступления в действиях Колодяжнова в отношении Н. ввиду несообщения последнему о конкретных способах присоединения к МТО “ИГ”», указав при этом, что «по смыслу ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение

преступлений террористической направленности образует состав указанного преступления с момента совершения *любых побудительных действий в отношении вовлекаемого лица, вне зависимости от степени раскрытия перед ним конкретных способов совершения преступлений, к которым оно склоняется»*[401]. Из процитированной части судебного решения можно заключить, что для констатации признаков вовлечения в совершение террористического преступления не требуется фактической конкретизации способов совершения преступного деяния, к которому склоняется лицо.

С другой стороны, из кассационного определения следует, что побудительные действия Колодяжнова, направленные на вовлечение иных лиц в совершение предусмотренного ч. 2 ст. 205^5 УК РФ преступления, не ограничились лишь указанием на вид преступления. В этих побудительных действиях усматривается довольно детальная фактическая конкретизация преступления, к которому он склонял своих сверстников: Колодяжнов, воздействуя на М., З., Д. и Н., «…в ходе общения с ними пропагандировал деятельность МТО “ИГ”, высказывался о собственной готовности совершать массовые убийства людей, в том числе *путем взрыва самодельного взрывного устройства в школе во время последнего звонка, просил оказать ему помощь в подготовке взрыва*, неоднократно предлагал им вступить в указанную террористическую организацию, *демонстрировал видеозапись, на которой он зачитывает текст, являющийся, по пояснению осужденного, присягой на верность террористической организации*». Таким образом, Колодяжный, склоняя четырех персонально определенных лиц к совершению террористического акта путем взрыва (конкретизирован способ) в школе (конкретизировано место) во время последнего звонка (конкретизировано время), а также к вступлению в ряды названной им запрещенной террористической организации (конкретизирована организация) путем уговоров и демонстрации личного примера (конкретизирован способ), детализировал существенные индивидуальные характеристики преступлений,

[401] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2021 по делу № 223-УД21-5-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

что обоснованно квалифицировано по ст. 205^1 УК РФ. Поэтому процитированный ранее фрагмент о необязательности раскрытия конкретных способов совершения преступлений нельзя воспринимать таким образом, что высший судебный орган будто бы вообще не требует конкретизации индивидуальных признаков преступления, к которому осуществляется склонение.

В решении по делу Салтыкова Верховный Суд Российской Федерации согласился с позицией нижестоящих судов, которые квалифицировали по ч. 2 ст. 205^2 УК РФ следующие заявления, размещенные в сети «Интернет»: «…мы должны мстить кафирам. Смерть идет впереди мусульманина и ведет нас к Аллаху, взрывайте метро, захватывайте самолеты с кафирами»; «заходите на стадионы, в магазины, кафе, рестораны и взрывайте кафира, когда он этого не ждет»[402]. В процитированных публичных заявлениях содержится прямой призыв к совершению террористических преступлений определенного вида, но при этом степень конкретизации этих призывов недостаточна для того, чтобы вменить ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ.

Сделанные нами выводы о критериях разграничения вовлечения и публичных призывов позволяют понять и объяснить трансформации доктринальных и правоприменительных подходов к интерпретации признака публичности призывов.

Изначально публичность призывов в контексте ст. 205^2 УК РФ трактовалась как их обращенность к широкому, персонально не определенному кругу лиц, при этом подчеркивался их безличный характер[403]. Такое толкование публичности основано на международно-правовом запрете на «публичное подстрекательство к совершению террористического преступления»: ст. 5

---

[402] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 225-АПУ19-1 // СПС «КонсультантПлюс».

[403] См., например: Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. С. 11; Кибальник А., Соломоненко И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2. С. 15; Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. С. 93–94; Чуклина Э.Ю. Оценка превентивного воздействия антитеррористических норм, предусмотренных статьями 205^1, 205^2, 205^3 и 205^6 УК РФ // Труды южного научного центра Российской академии наук. 2021. С. 146.

Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. в качестве адресатов «публичного подстрекательства» называет «общественность», т.е. обезличенный круг лиц[404]. Именно эта позиция положена в основу разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «Вопрос о публичности призывов к осуществлению террористической деятельности или оправдания терроризма (статья 205^2 УК РФ) должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (например, обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.)» (п. 19 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1). И хотя Пленум прямо не указывает на обезличенный характер публичных призывов, приведенные им примеры иллюстрируют обращения к персонально не определенным лицам.

Однако в дальнейшем на доктринальном и правоприменительном уровнях происходит постепенная трансформация в интерпретации публичности деяний, предусмотренных ст. 205^2 УК РФ. В трактовке публичности акцент смещается с качественного критерия (неперсонифицированность адресатов) на количественный (два и более лица)[405], что демонстрирует практика высшего судебного органа:

– в решении по делу Наплавкова Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, соглашаясь с выводами нижестоящих судов о наличии признаков состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205^2 УК РФ, указала следующее: «То, что территория прогу-

---

[404] См.: Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Мартина Шейнина «Десять элементов наилучшей практики в области борьбы с терроризмом» (A/HRC/16/51, 22.12.2010) (п. 32). URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/4e0c2af72.pdf

[405] Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс»; Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма … С. 81–89.

лочного двора не является общественным местом, не свидетельствует об отсутствии в действиях Наплавкова признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205^2 УК РФ, поскольку в диспозиции данной нормы не содержится указание на место, в котором могут быть совершены публичные призывы к террористической деятельности или оправдание терроризма. Определяющим для признания соответствующих высказываний совершением данного преступления является не место, где они осуществлены, а количество лиц, которым они адресованы. По смыслу закона направленность высказываний группе лиц, т.е. двум и более адресатам, образует состав указанного преступления»[406];

– аналогичная позиция отражена в решении по делу Тухужева[407];

– в решении по делу Мифтахова Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации признала обоснованным его осуждение по ч. 1 ст. 205^2 УК РФ, указав, что «действия Мифтахова, как обоснованно указал суд, носили публичный характер, поскольку его высказывания, содержащие оправдание терроризма, слышали несколько осужденных, находившихся в одной комнате с Мифтаховым на небольшом удалении от него, что им осознавалось. Мифтахов видел каждого из них, но свои высказывания террористического содержания не прекращал. При таких обстоятельствах суд обоснованно признал наличие в действиях осужденного публичного оправдания терроризма, правильно квалифицировав его действия по ч. 1 ст. 205^2 УК РФ»[408].

Нетрудно заметить, что интерпретация признака публичности призывов имеет выраженную тенденцию к расширению. Как справедливо отмечается

---

[406] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15.10.2019 № 203-АПУ19-15 // СПС «КонсультантПлюс».

[407] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11.11.2021 № 222-УД21-45-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

[408] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 05.08.2025 № 223-УД25-19-А6 // СПС «КонсультантПлюс». См. также: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2024 № 225-УД24-21-Аб // СПС «КонсультантПлюс».

в уголовно-правовой литературе, «требование обращенности заявления к неопределенному кругу лиц заменяется на менее строгое – направленность его двум или более лицам, или даже менее точное – присутствие других лиц»[409].

Отмеченная трансформация правоприменительного толкования публичности призывов к осуществлению террористической деятельности имеет вполне прагматичное объяснение.

Во-первых, как было показано выше, единственным критерием, позволяющим отграничить вовлечение в совершение преступления террористического характера от публичных призывов к террористической деятельности, выступает степень конкретизации побудительных высказываний. Их адресная направленность (индивидуальная или обезличенная) в этом плане не имеет уголовно-правового значения, поскольку при фактической конкретизации преступления, к которому осуществляется склонение (конкретизация места, способа, времени, других обстоятельств), такое побуждение требует квалификации по ч. 1 или ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ. Вследствие этого в трактовке публичности применительно к ст. 205^2 УК РФ акцент закономерно переносится на количественный критерий (в отношении или в присутствии нескольких лиц).

Во-вторых, субъекты антитеррористической уголовно-правовой политики исходят из того, что любые высказывания и действия, побуждающие к совершению преступления террористического характера, требуют уголовно-правовой реакции. А поскольку инструментарий реагирования на «террористический рекрутинг» ограничен двумя статьями, то логика уголовно-правовой оценки действий, побуждающих к террористической деятельности, приобретает бинарный характер: или ст. 205^1 – или ст. 205^2 УК РФ[410]. Разрешая

---

[409] Костылева О.В. Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX–XXI вв. С. 173.

[410] Эта логика, кстати, пролеживается и в справочных документах Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Отмечая, что в ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. «…уголовная ответственность предусмотрена только за публичные заявления», специалисты Управления оговаривают, что «…непубличное подстрекательство может преследоваться на основании общих концепций уголовной ответственности, которые могут включать соучастие, участие в преступном сообществе или сговоре, пособничество, консультирование, участие в подготовке преступления, его организацию, руководство совершением преступления и содействие ему» (см.: Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 40. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Handbook_Criminal_Justice_Responses/Russian.pdf).

эту квалификационную дилемму, правоприменительные органы придают приоритетное значение ст. 205^1 УК РФ, предусматривающей ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического характера, полагая, что ст. 205^2 УК РФ должна применяться по остаточному принципу в тех случаях, когда побудительные высказывания не имеют требуемой фактической (индивидуальной) конкретики, необходимой для применения ст. 205^1 УК РФ. Причем, с точки зрения правоприменителей, ст. 205^2 УК РФ, выполняя функцию «запасной нормы», должна «перекрывать» все проявления побудительных действий, которые не охватываются ч. 1 и 1^1 ст. 205^1 УК РФ, или по крайней мере большинство из них. А для этого признак публичности призывов надо трактовать как можно шире, ориентируясь исключительно на количественный критерий.

Таким образом, границы деяния в виде публичных призывов к осуществлению террористической деятельности во многом определяются правоприменительными подходами к интерпретации смежного деяния – вовлечения в совершение преступлений террористического характера, что может служить очередным свидетельством системности и взаимосвязанности антитеррористических уголовно-правовых норм.

1.2. Уголовная ответственность за публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма

С точки зрения объективных характеристик терроризм мало чем отличается от общеуголовных насильственных преступлений. Насилие приобретает террористический характер за счет специфической идеологии, положенной в его основу, субъективным отражением которой становятся террористические целевые установки, которыми руководствуются террористы: дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций и воздействие на принятие ими решений. Именно специфическая идеологическая платформа, составленная из исковерканных религиозных догматов, искаженных

представлений о «справедливом» общественном устройстве, объясняет феномен привлекательности терроризма. А потому «мишенью» контртеррористических мер выступает не только террористическая практика, но и идеология терроризма. Как справедливо отмечает американский политолог П. Уилкинсон, «противостоять террористической угрозе, применив только методы физиологического давления, невозможно. Поскольку терроризм является порочным побочным продуктом идеологического экстремизма, то в первую очередь необходимо не только ликвидировать оперативную, но и разрушить концептуальную инфраструктуру террористической организации»[411].

Реализуя эту стратегию, международное сообщество в документах глобального и регионального уровней установило обязанность для национальных властей по криминализации «публичного подстрекательства» к совершению террористического преступления (резолюция 1624 (2005) Совета Безопасности ООН, ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.). Во исполнение принятых международных обязательств Российская Федерация криминализовала основные проявления террористической агитации, не ограничиваясь при этом лишь ответственностью за «публичное подстрекательство» (по терминологии международных актов). Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ в УК РФ введена ст. 205^2. В первоначальной редакции она предусматривала ответственность за два альтернативных деяния – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Федеральный закон от 29.12.2017 № 445-ФЗ включил в ст. 205^2 УК РФ третье альтернативное деяние – пропаганду терроризма.

В уголовно-правовой литературе отмечается, что российский законодатель значительно «перевыполнил» международно-правовые «нормативы» криминализации: «Если введение уголовной ответственности за публичные

[411] Wilkinson P. International terrorism: the changing threat and the EU's response. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp084.pdf

призывы к террористической деятельности обусловлено обязательством Российской Федерации по выполнению предписаний ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г., то запрет оправдания и пропаганды терроризма является исключительно инициативой российского законодателя»[412]. Однако, как представляется, эта ремарка не вполне точна, ведь формулировки ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. трактуются весьма широко, что позволяет подвести под ее действие не только прямое, но и косвенное «публичное подстрекательство» к террористическим преступлениям, т.е. их оправдание, о чем свидетельствуют, в частности, содержание Пояснительного доклада к Конвенции[413], а также практика Европейского суда по правам человека[414]. Как отмечается по этому поводу в справочных материалах Управления ООН по наркотикам и преступности, «…при наличии доказательств того, что то или иное поведение создает опасность совершения террористических актов, такое поведение признается уголовно наказуемым независимо от того, связано ли оно с прямой пропагандой конкретных преступлений»[415].

Международное сообщество, крайне чувствительно воспринимающее посягательства на свободу слова, признает, что криминализация «публичного подстрекательства» (прямого и косвенного) к террористическим преступлениям сама по себе не противоречит этому фундаментальному праву. Более того, установление уголовной ответственности можно и нужно рассматривать в качестве гарантии соблюдения прав и свобод человека: «…поскольку террористическая пропаганда побуждает к дискриминации, вражде и насилию

---

[412] См.: Чуклина Э.Ю. Оценка превентивного воздействия антитеррористических норм, предусмотренных статьями 205^1, 205^2, 205^3 и 205^6 УК РФ. С. 146; Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2016. № 2. С. 28–39.

[413] Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, para. 97. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800d3811

[414] Постановление Европейского суда по правам человека от 02.10.2008 по делу «Леруа (Leroy) против Франции» (жалоба № 36109/03) // СПС «КонсультантПлюс». См. также: Использование Интернета в террористических целях (п. 126). URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf; Cram I. Terror and the War on Dissent: Freedom of Expression in the Age of Al-Qaeda. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009. P. 40–41.

[415] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 40. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Handbook_Criminal_Justice_Responses/Russian.pdf

и призывает к национальной, расовой и религиозной ненависти, введение уголовного наказания за подобное подстрекательство, даже если оно не достигло своей цели, является непосредственным способом осуществления Международного пакта о гражданских и политических правах». Одновременно с этим подчеркивается, что «…при введении такого запрета необходимо соблюсти другие положения этого документа, гарантирующие право на свободу мнений и их свободное выражение. <…> Необходимо внимательно следить за тем, чтобы любые ограничения свободы слова были оправданными и соразмерными»[416]. А в другом документе отмечено, что «…государства обязаны добиваться разумного баланса между потребностями правоохранительных органов и защитой прав человека и свобод. <…> …статья 5 (как и статьи 6 и 7, касающиеся вербовки и обучения в террористических целях) должна применяться в сочетании с основным положением статьи 12, предусматривающим, что эту криминализацию надлежит осуществлять таким образом, чтобы было обеспечено соблюдение прав человека, в частности прав на свободу выражения, свободу ассоциации и свободу вероисповедания, закрепленных в документах по правам человека, в том числе в пункте 1 статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод»[417].

Оценивая ст. 205^2 УК РФ на предмет ее соответствия Основному закону России, Конституционный Суд Российской Федерации признал «недопустимость такого использования конституционно и конвенционно гарантированных свободы совести и вероисповедания, свободы слова и права на распространение информации, которое позволяло бы лицу в нарушение норм национального законодательства и корреспондирующих им международно-правовых норм, являющихся составной частью правовой системы России, беспрепятственно и безнаказанно заниматься какой-либо деятельностью и совершать какие бы то ни было действия, направленные на публичное подстрекательство

---

[416] Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. С. 40. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Handbook_Criminal_Justice_Responses/Russian.pdf

[417] Использование Интернета в террористических целях (п. 125). URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf

к терроризму или его публичное оправдание»[418]. Таким образом, с точки зрения органа конституционного нормоконтроля, положения ст. 205^2 УК РФ сами по себе не противоречат конституционному праву на свободу слова[419].

Процитированная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации полностью согласуется с доктринальными оценками, высказанными пятью годами ранее: «Уголовно-правовые ограничения свободы слова, предусмотренные в ст. 205^2 УК РФ, в полной мере соответствуют предписаниям ст. 29 и 55 Конституции России и международным стандартам в области прав и свобод человека. Статья 205^2 УК РФ не отменяет право на свободу слова, она лишь определяет границы (пределы) его использования; поэтому уголовно наказуемым деянием в соответствии со ст. 205^2 УК РФ является не сама реализация права на свободу, а злоупотребление этим правом, выход за его пределы»[420].

Специфика публичного оправдания терроризма и его пропаганды состоит в том, что эти деяния не предполагают прямого побудительного воздействия на адресатов, характерного для вовлечения в совершение преступлений террористического характера или публичных призывов к террористической деятельности. Отмечая эту особенность, исследователи указывают, что «…подобная информация имеет идейно-теоретический (пропагандистский) характер, т.е. вовлечение в совершение преступлений происходит опосредованно, путем формирования своеобразной “преступной” идеологии и эстетики,

---

[418] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205^2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[419] Более подробно об этом см.: Шибзухов З.А. Криминализация публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма и обеспечение свободы слова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (26–27 января 2012 г.). М.: Проспект, 2012; Кунов И.М. Уголовно-правовые ограничения свободы слова в аспекте норм международного права // Российский криминологический взгляд. 2015. № 2. С. 692–696; Каменнова В.В. Уголовно-правовые пределы выражения своего мнения // Сибирский юридический вестник. 2023. № 1 (100). С. 60–64.

[420] Вместе с тем автор оговаривает, что «конституционные гарантии права на свободу слова в некоторой мере ослабляет недостаточная определенность предписаний ст. 205^2 УК РФ, которая создает предпосылки для ее противоречивого толкования и произвольного правоприменения» (см.: Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. С. 10–11).

а также системы устойчивых взглядов о возможности или даже необходимости совершения определенных преступлений»[421]. В доктрине отмечается, что публичное оправдание терроризма «формирует особую общественную атмосферу, в которой становится более вероятным совершение террористических преступлений в какое-то неопределенное время в будущем», а пропаганда терроризма «создает определенный социальный климат, в котором возрастает риск формирования у неопределенного круга лиц мотивов к осуществлению преступной деятельности»[422]. На это обстоятельство обращает внимание и Конституционный Суд Российской Федерации, указывая, что публичное оправдание терроризма создает «обстановку приемлемости идеологии терроризма и даже желательности ее претворения в общественную практику»[423].

В п. 1 примечаний к ст. 205^2 УК РФ **публичное оправдание терроризма** определяется как «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании». Уголовно-правовому анализу публичного оправдания терроризма посвящено множество научных работ[424], в которых, несмотря на некоторые разночтения, достигнут консенсус относительно содержания объективных и субъективных

---

[421] Кунов И.М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации. С. 43–44.
[422] Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма … С. 60–61.
[423] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205^2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
[424] См.: Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма; Москалев Г.Л. Пропаганда терроризма (ст. 205^2 УК РФ) // Национальная безопасность / Nota Bene. 2018. № 6. – С. 79–87; Помнина С.Н., Вахонина Е.Б. Особенности определения признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма // Социально-политические науки. 2018. № 3. С. 137–142; Хлебушкин А.Г. Квалификация публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма (ст. 205^2 УК РФ) // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 6–7 июня 2019 г. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019. С. 219–223; Очередько В.А. Уголовная ответственность за оправдание преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 96–99; Маторин М.А., Маторина Ю.Н. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 71–78; Глухов Е.А. Публичное оправдание терроризма … С. 30–40; Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма … С. 191–231; Днепровская М.А., Абрамитов С.А. Пропаганда терроризма (ст. 205^2 УК РФ): некоторые особенности объективной стороны // Уголовное право. 2025. № 10. С. 35–41 и др.

признаков этого деяния. В частности, большинство исследователей солидарны в следующем:

– несмотря на прямое указание законодателя на то, что предметом публичного оправдания выступают «идеология и практика терроризма», соответствующие заявления (высказывания, обращения) должны оправдывать именно террористическую практику, так как оправдание предполагает признание терроризма «нуждающимся в поддержке и подражании». А поскольку «взглядам, идеям нельзя ни “подражать”, ни их “поддерживать”», то «…заявление должно предполагать оправдание не самой идеологии, а той деятельности, которая на нее опирается»[425];

– публичное оправдание терроризма не содержит прямого (явно выраженного) побуждения к осуществлению террористической деятельности: оно «направлено на то, чтобы вызвать сочувствие, симпатию к террористам, придать им ореол героев, борцов за правду… обосновать целесообразность и правильность их преступного поведения»[426], что отличает это деяние от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности;

– предметом публичного оправдания могут выступать не только фактически совершенные[427] или совершаемые преступные деяния (в случае их длящегося характера), но и террористическая деятельность вне привязки ее к какому-то конкретному совершенному преступлению или преступной деятельности какого-либо лица или террористической организации;

– публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма «нуждающимися в поддержке» следует трактовать с учетом законодательного определения поддержки терроризма, сформулированного в п. 2 примечаний к ст. 205^4 УК РФ («оказание услуг, материальной, финансовой или любой иной помощи, способствующих осуществлению террористической деятельности»);

---

[425] Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма … С. 193.

[426] Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма … С. 86.

[427] См., например: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 21.10.2025 № 225-УД25-9-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

– заявления о том, что практика терроризма нуждается в «подражании», предполагают убеждение в целесообразности или необходимости реплицирования, воспроизведения, повторения террористических преступлений;

– публичная апологетика терроризма может проявляться не только в заявлениях от «первого лица», но и в распространении (например, путем репоста) материалов, созданных иными лицами[428];

– коммуникативную направленность публичного заявления следует оценивать не только на основании буквального значения лингвистических конструкций, но и с учетом вербального и ситуативного контекста;

– обязательным субъективным признаком оправдания терроризма, помимо прямого умысла, является цель создания у других лиц представлений о допустимости, целесообразности, необходимости террористической деятельности либо побуждения иных лиц к осуществлению такой деятельности[429];

Вместе с тем в доктрине сохраняются противоречия по отдельным вопросам квалификации публичного оправдания терроризма, а некоторые аспекты его уголовно-правовой оценки вовсе оказались за рамками научного анализа. В частности, не получила должного теоретического рассмотрения проблема взаимосвязи публичного оправдания терроризма с предикатными преступлениями, которые выступают в качестве предмета апологетики, что побуждает нас к восполнению этого пробела.

Публичное оправдание терроризма предлагается рассматривать в уголовно-правовой науке в качестве проявления прикосновенности к преступлению[430]. И хотя этот тезис требует некоторых уточнений и оговорок, анализ публичного оправдания терроризма сквозь призму теоретического учения

---

[428] См.: апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2018 по делу № 205-АПУ18-16 // СПС «КонсультантПлюс».

[429] Иная позиция получила отражение в решении высшего судебного органа по делу Беркович и Петрийчук: «Мотив, цели и последствия инкриминируемых осужденным противоправных деяний не являются криминообразующими признаками состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205^2 УК РФ, поэтому указывать их в приговоре не требовалось» (кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2025 № 222-УД25-30-А).

[430] Очередько В.А. Уголовно-правовое значение прикосновенности к преступлению. С. 145–153.

о прикосновенности к преступлению в гносеологическом плане представляется весьма продуктивным. В этом ракурсе рельефно высвечивается тесная связь публичного оправдания с предикатным террористическим деянием, которая значима для решения целого ряда квалификационных проблем.

В уголовно-правовой доктрине отмечается, что «квалификация общеуголовной прикосновенности производна от уголовно-правовой оценки основного преступления, что выражается в следующих правилах: вывод правоприменительных органов об отсутствии состава предикатного преступления исключает наличие состава прикосновенности к преступлению; декриминализация предикатного преступления влечет декриминализацию прикосновенности к соответствующему деянию»[431]. Развивая эту идею, исследователи прикосновенности указывают, что «если предикатное деяние по тем или иным причинам признано непреступным, например в силу недостижения возраста уголовной ответственности или невменяемости, то в таком случае уголовная ответственность за прикосновенность к этому деянию исключена»[432]. Однако в преломлении к публичному оправданию терроризма это общее правило уголовно-правовой оценки прикосновенности требует существенного уточнения. Дело в том, что предметом публичного оправдания терроризма могут выступать не только совершенные или совершаемые террористические преступления, но и террористическая деятельность как таковая, вне привязки ее к какому-то конкретному совершенному преступлению. А потому процессуальное решение об отсутствии признаков состава террористического преступления в деянии «негодного» (малолетнего или невменяемого) субъекта не может служить препятствием для применения ст. 205^2 УК РФ к лицу, выступившему с публичным оправданием фактически совершенного общественно опасного деяния, предусмотренного антитеррористическими статьями Особенной части

[431] Там же. С. 13.
[432] Очередько В.А. Квалификационная зависимость прикосновенности к преступлению от предикатного деяния // Российский следователь. 2020. № 3. С. 36–38. См. также: Васильев А.А. Уголовно-правовая характеристика прикосновенности к преступлению: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 143–144; Волотова Е.О. Прикосновенность к преступлению: понятие, виды, ответственность: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 61.

УК РФ. Так, например, если в публичном заявлении содержится восхваление 12–13-летних подростков, вступивших в ряды запрещенной международной террористической организации, то такое заявление следует квалифицировать по ст. 205^2 УК РФ, несмотря на то, что сами подростки, героизируемые в публичном заявлении, не понесут ответственности по ч. 2 ст. 205^5 УК РФ. Коммуникативное содержание этого заявления заключается в убеждении адресатов в том, что участие подростков в запрещенной террористической организации – это геройский, одобряемый поступок, которому нужно подражать. Этого более чем достаточно для констатации признаков публичного оправдания терроризма.

Показательным в этом отношении является уголовное дело в отношении Мусаева, рассмотренное высшим судебным органом в кассационном порядке. Фабула дела такова: «…Мусаев, находясь на территории воинской части, в которой он проходил военную службу, используя мобильный телефон “Самсунг”, разместил на своей интернет-странице в социальной сети “ВКонтакте” в свободном доступе видеоролик, просмотренный не менее чем 45 пользователями социальной сети, в котором двое детей с оружием в руках на фоне флага международной террористической организации “Исламское государство”, высказывая угрозы в адрес Российской Федерации, выстрелили в голову стоявшим на коленях мужчинам». Действия Мусаева квалифицированы судом по ч. 2 ст. 205^2 УК РФ как оправдание терроризма, с чем согласилась Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации[433].

Таким образом, в качестве предикатного по отношению к публичному оправданию терроризма может выступать террористическое деяние, предусмотренное статьей Особенной части УК РФ, совершенное «негодным» субъ-

[433] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26.10.2021 № 222-УД21-39-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

ектом. А значит, квалификационная зависимость между предикатным террористическим деянием и его публичным оправданием является не настолько жесткой, как принято считать.

Эта связь приобретает обязательное уголовно-правовое значение лишь в тех случаях, когда предметом публичного оправдания становится конкретное деяние, соответствующее признакам состава преступления. Для применения ст. 205^2 УК РФ необходимо, чтобы предикатное деяние было квалифицировано именно как террористическое. Если же предикатное деяние получит иную квалификацию, то состав публичного оправдания отсутствует. В этом плане принципиально важное значение приобретает точная уголовно-правовая оценка предикатных деяний, ставших предметом публичного оправдания. Так, например, если подрыв железнодорожных путей будет квалифицирован по ст. 205 УК РФ, то оправдание этого деяния образует состав преступления, предусмотренного ст. 205^2 УК РФ, а если квалифицировать совершение взрыва на железной дороге по ст. 281 УК РФ, то его оправдание будет ненаказуемым (ответственность за публичное оправдание диверсии в УК РФ не предусмотрена).

В работах, посвященных анализу прикосновенности к преступлению, справедливо отмечается, что «не требуется, чтобы квалификация предикатного преступления была окончательной, т.е. подтвержденной вступившим в силу обвинительным приговором суда, как полагают некоторые специалисты. Для применения уголовно-правовых норм об ответственности за прикосновенность достаточно предварительной квалификации предикатного деяния в качестве преступного, которая может быть отражена не только в приговоре, но и в других правоприменительных актах»[434]. Более того, к моменту совершения прикосновенного деяния в виде публичного оправдания терроризма предикатное террористическое преступление может еще не получить официальной уголовно-правовой оценки. Однако если террористический характер

[434] Очередько В.А. Квалификационная зависимость прикосновенности к преступлению от предикатного деяния. С. 36–38.

деяния, ставшего предметом публичного оправдания, очевиден, то отсутствие процессуального решения о возбуждении уголовного дела по антитеррористической статье УК РФ не препятствует применению ст. 205^2 УК РФ.

Придерживаясь такой позиции, высший судебный орган критически отнесся к доводам кассационной жалобы о том, что «на момент размещения осужденной комментариев в сети “Интернет” взрыв в здании Управления ФСБ России по Архангельской области еще не был расценен как террористический акт, а лицо, его совершившее, не признано террористом». Опровергая этот довод, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации указала следующее: «В судебном заседании установлено, что после ознакомления Б. в 9 час. 35 мин. 31 октября 2018 г. с содержанием одной из страниц в социальной сети “ВКонтакте” о совершении взрыва в здании Управления ФСБ России по Архангельской области она в течение часа разместила в социальной сети “Интернет” текстовые комментарии к этому событию, содержащие лингвистические и психологические признаки оправдания практики терроризма. Установив названные обстоятельства, а также основываясь на результатах экспертных исследований и анализе понятия терроризма, суд при принятии решения о квалификации деяния правильно исходил из очевидной опасности случившегося 31 октября 2018 г. в здании Управления ФСБ России по Архангельской области, а также того, что содержание размещенных осужденной в сети “Интернет” комментариев указывает на наличие в них лингвистических и психологических признаков оправдания действий лица, совершившего взрыв в здании Управления ФСБ России по Архангельской области, как реакции на принимаемые органами государственной власти решения и с целью воздействия на их принятие. Фактически взрыв был использован осужденной как повод для публичного заявления о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания. При таких данных отсутствие оценки правоохранительными органами взрыва как террористического акта на момент размещения Б.

комментариев к этому событию не влияет на правильность квалификации содеянного ею как публичного оправдания терроризма»[435].

В контексте рассматриваемой проблематики возникают непростые вопросы, связанные с осознанием юридических характеристик предикатного деяния, ставшего предметом публичного оправдания. Должен ли автор публичных заявлений, оправдывающих терроризм, осознавать, что предикатное преступление имеет террористический характер? Имеет ли уголовно-правовое значение (если да, то в каких случаях) заблуждение лица, выступившего с публичным оправданием конкретного преступления, относительно квалификации этого деяния?

Как известно, осознание противоправности деяния по общему правилу не входит в содержание умышленной вины. Однако применительно к ст. 205^2 УК РФ юридическая характеристика преступления, ставшего предметом публичного оправдания (его террористическая направленность), приобретает статус обязательного признака состава. Статья 205^2 УК РФ устанавливает ответственность за оправдание терроризма (а точнее, практики терроризма, о чем говорилось выше), т.е. вполне определенных преступных деяний, отнесенных законодателем к террористической деятельности (в силу п. 2 примечаний к ст. 205^2 УК РФ в этой статье «под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361» УК РФ). А значит, если предметом публичного оправдания стало фактически совершенное преступление (а не абстрактная террористическая деятельность), то для применения ст. 205^2 УК РФ необходимо установить, что умыслом лица охватывался террористический характер этого деяния. Конечно же, это не требует знания точной юридической квалификации совершенного преступления; вполне достаточно, чтобы лицо осознавало, что деяние имеет террористическую природу, т.е.

[435] См.: определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19.04.2022 по делу № 222-УД22-14-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

направлено на оказание воздействия на принятие решения национальными органами власти или международными организациями.

Полагаем, что при таком предметном содержании умысла, требуемого для констатации состава публичного оправдания терроризма, нельзя исключать добросовестного заблуждения лица относительно характера предикатного преступления, ставшего предметом оправдания. Такое заблуждение, в частности, может возникнуть на основе информации из официальных источников.

Так, например, сразу после убийства известного военного блогера М. Фомина (псевдоним – Владлен Татарский), совершенного общеопасным способом, Следственный комитет Российской Федерации сообщил о возбуждении уголовного дела по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ[436]. Однако на следующий день, исходя из полученных результатов первоначальных следственных действий, совершенное преступление переквалифицировано на ч. 3 ст. 205 УК РФ[437]. Представим теперь, что кто-то оставил комментарий в сети «Интернет» под первоначальной новостью об убийстве, содержащий оправдание совершенного преступления. Представляется, что его действия следует признать невиновными, поскольку он, ориентируясь на информацию следственного органа, не осознавал, да и не мог осознавать, что оправдывает совершение террористического акта. Таким образом, добросовестное заблуждение лица относительно характера предикатного преступления, ставшего предметом оправдания, исключает ответственность по ст. 205^2 УК РФ.

Особую сложность в плане уголовно-правовой интерпретации и квалификации представляет **пропаганда терроризма**. В большинстве публикаций, посвященных уголовно-правовому анализу этого деяния, криминализация пропаганды терроризма, осуществленная Федеральным законом от 29.12.2017 № 445-ФЗ, воспринята положительно. При этом положительные оценки этого законодательного решения в основном обосновываются общими фразами

[436] URL: https://t.me/sledcom_press/6111
[437] URL: https://t.me/sledcom_press/6125

о высокой общественной опасности пропаганды терроризма. Спорить с этим невозможно, но тезис об общественной опасности пропаганды терроризма для понимания предпосылок установления уголовной ответственности за это деяние, с нашей точки зрения, недостаточен.

До принятия Федерального закона от 29.12.2017 № 445-ФЗ пропаганда терроризма рассматривалась в доктринальных источниках в качестве собирательного термина, охватывающего публичные призывы к террористической деятельности и публичное оправдание терроризма[438], либо как понятие, равнозначное публичному оправданию терроризма[439]. Иными словами, в научном сообществе считалось, что пропаганда терроризма уже криминализована без прямого упоминания этого понятия в уголовном законе, а потому появление третьего альтернативного деяния в диспозиции ч. 1 ст. 205^2 УК РФ стало довольно неожиданным решением. Из материалов законопроектной деятельности понять предпосылки криминализации пропаганды терроризма невозможно – пояснительная записка к проекту вышеуказанного Федерального закона[440] не содержит даже упоминаний об установлении уголовной ответственности за рассматриваемое деяние, а сам законопроект изначально был нацелен на повышение санкций за вербовку в террористических целях в ст. 205^1 УК РФ. Положения, расширяющие объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 205^2 УК РФ, были включены в законопроект в рамках второго чтения, причем внятных объяснений такого решения представлено

---

[438] См.: Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. С. 9–12; Никишин В.Д. Теоретические и организационно-правовые аспекты судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистской и террористической направленности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 121.

[439] Более того, отдельные авторы высказывались против использования термина «оправдание терроризма», предлагая заменить его на «пропаганду терроризма» (см., например: Шевченко И.В. Уголовно-правовая характеристика публичного призыва к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 1. С. 135; Ковлагина Д.А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205^2 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, № 5. С. 156).

[440] Пояснительная записка к законопроекту № 230595-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7

не было. Тем не менее, несмотря на кажущуюся хаотичность разработки и принятия решения о криминализации пропаганды терроризма, в нем просматривается своя логика.

Представляется, что решение о дополнении ст. 205^2 УК РФ предписаниями об ответственности за пропаганду терроризма преследовало простую и понятную цель – создать основания для уголовно-правового противодействия тем формам и проявлениям террористической агитации, которые не охватывались действовавшими на тот момент ст. 205^1 и 205^2 УК РФ. Статья 205^1 УК РФ позволяет реагировать лишь на такое побуждение к совершению террористических преступлений, которое имеет видовую и фактическую конкретику (детализация способа, места, времени и других значимых обстоятельств террористического посягательства). Если подобные побудительные высказывания лишены фактической конкретизации (побуждают к совершению террористического преступления определенного вида, но без детализации фактических обстоятельств), то при условии их публичности они попадают в сферу действия ст. 205^2 УК РФ. При этом вне сферы применения ст. 205^1 и 205^2 УК РФ оказывались:

– призывы, имеющие абстрактный характер, что не позволяет определить вид деяний, к которым призывает агитатор (призывы к джихаду, к борьбе с неверными, к мести кафирам и т.п.);

– призывы к террористической деятельности, оправдание терроризма, если они обращены к одному лицу;

– террористическая агитация, акцентированная не на прямом побуждении к террористической практике, а на продвижении террористической идеологии (например, ознакомление других лиц с программными документами террористической организации и иной литературой террористического толка, убеждение в «правильности» идей радикального ислама, которые на самом деле не имеют ничего общего с традиционными мусульманскими верованиями, и т.п.).

После криминализации пропаганды терроризма ст. 205^1 и 205^2 УК РФ «перекрывают» практически все проявления террористической агитации, чего, собственно говоря, и добивался законодатель.

Согласно п. 1^1 примечаний к ст. 205^2 УК РФ в этой статье «под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности».

Как правило, слово «пропаганда» употребляется в значении, предполагающем воздействие на множество неперсонифицированных лиц. Некоторые представители уголовно-правовой науки переносят это привычное нам общеупотребительное значение пропаганды на пропаганду терроризма, полагая, что это деяние, так же как и иные указанные в ст. 205^2 УК РФ альтернативные действия, должно иметь публичный характер. Эта точка зрения имеет своих сторонников и среди опрошенных нами экспертов: 48,7% из них указали, что пропаганда терроризма не может быть непубличной, обращенной к одному лицу (см. приложение).

Однако эта позиция идет вразрез с уголовным законом. Публичность не названа в числе признаков пропаганды терроризма[441], причем это нельзя списать на технико-юридические просчеты: законодатель недвусмысленно дает понять, что пропаганда терроризма может быть нацелена на одно лицо, о чем свидетельствует словосочетание «направленных на формирование у *лица*…». На этом обстоятельстве акцентирует внимание и высший судебный орган, указывая, что «…пропаганда терроризма не требует установления публичности, в отличие от публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма, входящих в объективную сторону преступления. Следовательно, уголовная ответственность за

[441] См.: Днепровская М.А., Абрамитов С.А. Пропаганда терроризма (ст. 205^2 УК РФ) … С. 35–41.

пропаганду терроризма может иметь место и в том случае, если указанные действия направлены на формирование идеологии терроризма и соответствующие мировоззренческие установки даже у одного человека»[442]. Тем самым решается существовавшая ранее проблема, связанная с невозможностью уголовно-правового противодействия идеологической террористической «обработке» одного человека.

Рассуждая о потенциальных адресатах пропаганды терроризма, следует учитывать, что в силу п. 1^1 примечаний к ст. 205^2 УК РФ это деяние направлено «на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности». Эта обязательная целевая установка пропагандиста закономерно предполагает, что «…действия лица, пропагандирующего терроризм, направлены на лиц, у которых идеология терроризма и убежденность в ее привлекательности не сформированы, а представление о допустимости осуществления террористической деятельности отсутствует. Именно в возможности изменения мировоззрения лиц, на которых направлена пропаганда терроризма, заключается общественная опасность данного преступления. В свою очередь, лица, у которых названная идеология сформирована, которые убеждены в ее привлекательности и допускают осуществление террористической деятельности, не могут являться участниками данных правоотношений, поскольку эта система взглядов и идей сформирована не субъектом данного конкретного преступления и до него»[443].

Из нормативного определения пропаганды терроризма (п. 1^1 примечаний к ст. 205^2 УК РФ) следует, что в качестве ее предмета выступают «материалы и (или) информация, направленные на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о до-

[442] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019) (п. 67) // СПС «КонсультантПлюс».
[443] Там же.

пустимости осуществления террористической деятельности». Неизбежно возникает вопрос: в чем содержательное отличие материалов и информации, пропагандирующих терроризм, от материалов и информации, оправдывающих терроризм? Получить четкий ответ на этот вопрос весьма непросто. Напомним, что публичное оправдание терроризма определяется как «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» (п. 1 примечаний к ст. 205^2 УК РФ). Несмотря на различия в лексических конструкциях, используемых в нормативных дефинициях публичного оправдания терроризма и его пропаганды, в содержательном плане между этими деяниями много общего: распространяя публичные заявления о «правильности» практики терроризма, апологет терроризма одновременно продвигает террористическую идеологию, а идеологическая обработка, в свою очередь, зачастую основывается на нарративах, взятых из реальной террористической деятельности. Отделить здесь оправдание и пропаганду терроризма довольно сложно, что порождает проблемы в правоприменении. Впрочем, субъекты правоприменительной деятельности нашли выход из этой проблемы: чаще всего оправдание и пропаганда терроризма вменяются «в связке»[444].

Тем не менее уголовно-правовая наука, выполняя свою прикладную, практическую функцию[445], не оставляет попыток установить содержательное разграничение исследуемых деяний. Так, по мнению О.В. Костылевой, «в отличие от публичного оправдания терроризма, которое связывается с оправданием конкретных совершенных или совершаемых преступлений, пропаганда

---

[444] См., например: апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 225-АПУ19-1 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2023 № 222-УД23-2-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2023 № 224-УД23-4-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2025 № 222-УД25-30-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 11.11.2025 № 226-УД25-13-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

[445] См.: История и методология юридической науки: коллективная монография / под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.В. Сорокина. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 183–196; Славова Н.А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. Т. 1, № 2. С. 30.

терроризма, когда она совершается публично, заключается в распространении информации и (или) материалов, которые по своему смыслу так же, как и оправдание терроризма, состоят в убеждении адресата в допустимости осуществления террористической деятельности, но *вне связи с конкретными совершенными или совершаемыми преступлениями, в том числе лицами и группами (организациями), причастными к их совершению*. Когда смыслом сообщения, *распространенного непублично*, вне зависимости от указанного выше содержания сообщения, является убеждение адресата в допустимости осуществления террористической деятельности, действия лица могут квалифицироваться как пропаганда терроризма»[446]. Таким образом, с точки зрения О.В. Костылевой, при наличии признака публичности рассматриваемые деяния различаются содержательно: при оправдании террористическая агитация строится на конкретном примере – террористическом преступлении или личности террориста, тогда как пропаганда терроризма убеждает в привлекательности идеологии терроризма и допустимости террористической деятельности без привязки к «примерам для подражания»). Но эти содержательные различия стираются, если террористическая агитация ведется непублично, т.е. в отношении одного лица: в таком случае О.В. Костылева рекомендует квалифицировать содеянное как пропаганду терроризма.

Выходит, что разграничить публичное оправдание терроризма и его пропаганду по содержательному критерию невозможно. Это малопродуктивное занятие, поскольку предписания об ответственности за пропаганду терроризма выполняют резервную функцию – они задействуются, активируются в случае, если не сработали предписания об ответственности за иные деяния, альтернативно перечисленные в ст. 205^2 УК РФ.

Более того, предписания об ответственности за пропаганду терроризма являются резервными и по отношению к уголовно-правовому запрету на вовлечение в совершение преступлений террористического характера (ч. 1 и 1^1

[446] Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма ... С. 19–20.

ст. 205^1 УК РФ). Если для применения ч. 1 и 1^1 ст. 205^1 УК РФ недостаточно конкретики побуждающих высказываний, а для констатации состава публичных призывов к террористической деятельности недостает количества адресатов, то можно вменять пропаганду терроризма по признаку направленности информации на формирование представлений «о допустимости осуществления террористической деятельности». В результате выстраивается понятная (по крайней мере на уровне теоретических обобщений) система критериев разграничения террористических деяний, включающих элементы побуждения (склонения):

– если побудительные высказывания (обращения) содержат видовую и фактическую конкретизацию преступления, к которому побуждается лицо (группа лиц), содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или 1^1 ст. 205^1 УК РФ как вовлечение в совершение деяния террористического характера;

– если высказывания (обращения) конкретизируют лишь вид преступления, то при наличии нескольких адресатов следует констатировать признаки публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ);

– если же высказывания и обращения, убеждающие в допустимости осуществления террористической деятельности, не конкретизируют вид преступления, то они могут расцениваться как пропаганда терроризма (ст. 205^2 УК РФ).

Резервная функция предписаний об ответственности за пропаганду терроризма подтверждается правоприменительной практикой: содеянное квалифицируется как пропаганда терроризма, если невозможно вменить прямое склонение к террористическому преступлению (вовлечение или призывы) или публичное оправдание терроризма. В частности, в качестве пропаганды терроризма суды расценивают распространение материалов и (или) информации «о привлекательности идей радикального ислама, необходимости поддержки

лиц, принимавших участие в боевых действиях в Сирии на стороне международной террористической организации “ИГИЛ”[447]»[448]; публичные призывы к мести кафирам, к «праведному джихаду против кафиров»; обращения к женщинам-мусульманкам «растить своих сыновей, которые, как их отцы, возьмут в руки оружие и уйдут на джихад»[449]; комментарии, в которых «утверждается сверхзначимость идеи стремления к смерти мусульман, содержится позитивная оценка мусульман, погибших на джихаде, пропагандируется ценность роли шахида, содержится негативная оценка немусульман, говорится о сверхценности идей борьбы против “неверных” и о необходимости воспитания детей в традициях этой борьбы»[450].

С точки зрения объективной стороны пропаганда терроризма представляет «деятельность по распространению материалов и (или) информации». В специальных исследованиях обоснованно отмечается, что «признак распространения информации и (или) материалов в составе пропаганды терроризма не является бланкетным и не требует обращения, в частности, к определению распространения информации, содержащемуся в Федеральном законе “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” 2006 г. Понятие распространения информации и (или) материалов в ст. 205^2 УК, имея отраслевое (уголовно-правовое) содержание, означает любое расширение круга лиц, которые потенциально могут попасть под воздействие такой пропаганды, что предполагает, что информация и (или) материалы передаются и становятся доступными как неопределенному, так и определенному кругу лиц»[451].

---

[447] Признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 по делу № АКПИ 14-1424С.

[448] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019) (п. 67) // СПС «КонсультантПлюс».

[449] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2019 № 225-АПУ19-1 // СПС «КонсультантПлюс».

[450] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.06.2020) (п. 60) // СПС «КонсультантПлюс».

[451] Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма … С. 16.

Следует подчеркнуть, что в законодательном определении пропаганды терроризма используется словосочетание «деятельность по распространению». В связи с этим в уголовно-правовой доктрине отмечается, что объективная сторона состава пропаганды терроризма включает систему деяний: «Пропаганда терроризма выражается именно в деятельности, т.е. в совокупности (комплексе) действий, преследующей обозначенные цели. Этим она, в частности, отличается от публичных призывов и оправдания терроризма, которые могут заключаться в однократном действии»[452].

Впрочем, эту точку зрения разделяют не все специалисты. В частности, М.А. Днепровская и С.А. Абрамитов, анализируя признаки пропаганды терроризма, приходят к выводу о том, что «объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 205^2 УК РФ, образуют не только несколько действий по формированию идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности, совершаемых системно, но и действие такого рода, совершенное однократно»[453]. В обоснование авторы ссылаются на решение по конкретному делу, опубликованное в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации[454]. Однако, как представляется, процитированные исследователи неверно поняли суть правовой позиции, изложенной в этом решении. Суд первой инстанции, исключая из обвинения С. пропаганду терроризма, исходил из того, что действия осужденного не носили системного характера. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с этим решением в связи с неверной оценкой нижестоящим судом фактических обстоятельств уголовного дела. В частности, Судебная кол-

---

[452] Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма … С. 81–89. См. также: Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс»; Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма … С. 218.

[453] Днепровская М.А., Абрамитов С.А. Пропаганда терроризма (ст. 205^2 УК РФ) … С. 35–41.

[454] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.06.2020) (п. 60) // СПС «КонсультантПлюс».

легия обратила внимание на то, что материалы и информация, пропагандирующие терроризм, были размещены в социальной сети трижды (11, 14 и 16 мая 2018 г.), в связи с чем сделала вывод о том, что С. «осуществил деятельность по распространению материалов, направленных на формирование идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности, т.е. совершил пропаганду терроризма». Таким образом, приведенное решение не может служить основанием для вывода о том, что пропаганда терроризма может быть выражена в однократном распространении материалов и (или) информации (хотя этот вывод сам по себе возражений не вызывает).

Как показывает анализ судебной практики, правоприменительные органы в контексте ст. 205^2 УК РФ трактуют «деятельность по распространению» весьма широко, не связывая ее исключительно с системой пропагандистских деяний. В ряде случаев суды считают достаточным для применения ст. 205^2 УК РФ однократного распространения материалов и (или) информации, пропагандирующих терроризм[455]. По большому счету такой подход представляется вполне оправданным, поскольку криминогенное воздействие материалов, пропагандирующих террористическую деятельность, в гораздо большей степени зависит от их содержания, чем от повторности их распространения. Широкая трактовка «деятельности по распространению» позволяет по максимуму использовать превентивный и охранительный потенциал ст. 205^2 УК РФ и реагировать на те проявления террористической агитации, которые остаются за рамками публичных призывов к террористической деятельности и публичного оправдания терроризма.

В уголовно-правовой литературе отмечается, что законодательное указание на «направленность» материалов и (или) информации «на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо

[455] См., например: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26.10.2021 № 222-УД21-39-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

представления о допустимости осуществления террористической деятельности» характеризует не только предмет пропаганды терроризма, но и специальную цель пропаганды[456]. И хотя такой вывод напрямую не следует из нормативной дефиниции пропаганды терроризма (указанная направленность увязана законодателем не с целью, а с содержанием распространяемой информации), имеются все основания согласиться с мнением об обязательности целевой установки пропагандиста, которая заключается в том, чтобы привить идеологию терроризма хотя бы одному другому лицу.

Завершая параграф, отметим, что ст. 205^1 и 205^2 УК РФ в их правоприменительном истолковании позволяют перекрыть большинство проявлений террористической агитации. Однако границы между побудительно-пропагандистскими деяниями, предусмотренными ст. 205^1 и 205^2 УК РФ, размыты, что актуализирует проблему их разграничения. Проведенное исследование позволило уточнить критерии, позволяющие разграничить смежные проявления террористической агитации. Систематизация этих критериев позволяет алгоритмизировать процесс уголовно-правовой оценки террористической агитации, т.е. определить последовательность действий по разрешению квалификационных задач («программу» мыслительных операций, которые должен выполнить субъект правоприменения)[457]. В нашем представлении этот алгоритм должен включать следующие этапы (шаги):

1. Оценка содержания террористической агитации на предмет наличия лингвистических и психологических признаков побуждения (призыва) к террористической деятельности:

– да;

---

[456] См., например: Бушмин С.И., Москалев Г.Л. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности: монография. Красноярск, 2018. С. 44.

[457] Об алгоритмах квалификации см.: Макаров С. Правила и алгоритмы квалификации преступлений в теории и практике // Уголовное право. 2013. № 4. С. 34; Сабитов Р.А. Алгоритмы квалификации преступлений // Актуальные проблемы учения о преступлении: тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.И. Марцева, Омск, 28 февраля 2020 г. Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 126–131; Ситдикова Г.З. Аналитическая логистика и алгоритм квалификации преступления // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 158–169.

– нет.

2. При констатации признаков побуждения к террористической активности побудительные (призывные) высказывания и заявления оцениваются на предмет их конкретности.

2.1. При наличии видовой и фактической конкретизации преступления, к которому побуждается лицо (группа лиц), содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или 1^1 ст. 205^1 УК РФ как вовлечение в совершение деяния террористического характера.

2.2. Если конкретизируется лишь вид преступления, к которому побуждает виновный, но не детализированы его фактические обстоятельства (объект посягательства, место, способ и т.п.), то необходима оценка высказываний, обращений, материалов на предмет публичности:

– при наличии нескольких адресатов следует констатировать признаки публичных призывов к осуществлению террористической деятельности;

– если адресат один, то содеянное квалифицируется как пропаганда терроризма (по признаку распространения материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица представления о допустимости осуществления террористической деятельности).

2.3. Если высказывания и обращения, убеждающие в допустимости осуществления террористической деятельности, не конкретизируют вид преступления, то они могут расцениваться как пропаганда терроризма.

3. При отсутствии признаков побуждения к террористической активности террористическая агитация оценивается на предмет ее публичности (количества адресатов).

3.1. Если она адресована одному лицу, то распространение материалов и (или) информации можно квалифицировать только как пропаганду терроризма.

3.2. Если она адресована двум или более лицам, т.е. является публичной, для квалификации требуется оценка материалов и (или) высказываний на предмет содержания:

– если агитация строится на основе конкретного террористического преступления или совершившего его лица (террористической группы), убеждая в их правильности, допустимости, привлекательности, то имеются признаки публичного оправдания терроризма;

– если коммуникативное содержание материалов (информации) сводится к продвижению идеологии терроризма, ее положительной оценке, констатируются признаки пропаганды терроризма.

Предложенный алгоритм уголовно-правовой оценки террористической агитации позволит упорядочить и упростить правоприменение, обеспечить его единообразие, а также верификацию результатов квалификации.

1.3. Террористическая агитация в сети «Интернет»: проблемы уголовно-правовой оценки

Характерной особенностью современного терроризма является его гибкость: субъекты террористической деятельности легко приспосабливаются к новым контртеррористическим мерам, осваивают и берут на вооружение современные технологии, используют «инновационные» способы совершения террористических атак и продвижения террористической идеологии. С появлением глобальной сети «Интернет» человечество получило поистине безграничные возможности для коммуникации, информационного обмена, чем не замедлили воспользоваться террористы. Сеть «Интернет» довольно скоро стала основной площадкой для вербовки участников террористических объединений, ведущим каналом террористической пропаганды[458].

Включив ст. 205^2 в УК РФ, отечественный законодатель поначалу не придавал квалифицирующего значения факту использования сети «Интернет» для террористической агитации. В ч. 2 ст. 205^2 УК РФ изначально был

[458] См.: Использование интернета в террористических целях. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf

предусмотрен только один квалифицирующий признак – «с использованием средств массовой информации», традиционный для составов преступлений, связанных с распространением криминогенной или ложной информации. В специальных исследованиях такой подход к дифференциации уголовной ответственности получил критическую оценку. В частности, отмечалось, что «террористическая пропаганда с использованием сети “Интернет” по своей общественной опасности ничуть не уступает ее осуществлению с использованием СМИ», в связи с чем было предложено «признать факт использования сети “Интернет” самостоятельным квалифицирующим признаком рассматриваемого преступления»[459]. Спустя несколько лет эти доктринальные инициативы воплотились в законодательное решение: в соответствии с Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ ч. 2 ст. 205^2 УК РФ изложена в следующем виде: «Те же деяния, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”».

Оценивая указанное квалифицирующее обстоятельство (использование информационно-телекоммуникационных сетей), введенное в ч. 2 ст. 205^2 УК РФ Федеральным законом от 06.07.2016 № 375-ФЗ, с точки зрения теоретического учения о дифференциации уголовной ответственности, следует признать, что по большинству параметров оно не соответствует требованиям, предъявляемым к квалифицирующим признакам. Требования эти хорошо известны: значительное влияние обстоятельства, претендующего на статус квалифицирующего признака, на степень общественной опасности преступления; безусловность и однонаправленность такого влияния; типичность этого обстоятельства, но при этом нехарактерность для большинства случаев совершения преступления соответствующего вида[460].

---

[459] Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. С. 11.

[460] См., например: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. С. 181–183; Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголов-

Повышенная общественная опасность деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 205^2 УК РФ, как правило, связывается с тем, что использование информационно-телекоммуникационных сетей расширяет аудиторию террористической агитации. Спорить с этим невозможно. В то же время нельзя не учитывать тот факт, что для пропаганды терроризма (третьего альтернативного деяния, указанного в ст. 205^2 УК РФ) признак публичности не является обязательным – ее адресатом может выступать одно индивидуально определенное лицо. Если пропаганда терроризма имеет персонифицированный характер и направлена на идеологическую «обработку» конкретного человека, то использование сети «Интернет» (например, для отправки личных сообщений в онлайн-мессенджере) не оказывает сколь-нибудь существенного влияния на степень общественной опасности преступления. Более того, по данным специальных исследований, онлайн-пропаганда терроризма оказывается менее результативной, чем офлайн-пропаганда, осуществляемая в ходе живого общения[461]. Таким образом, использование информационно-телекоммуникационных сетей нельзя считать обстоятельством, однозначно и безусловно повышающим степень общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 205^2 УК РФ[462].

Не проходит оно проверку и на предмет соответствия количественным параметрам, характеризующим распространенность квалифицирующего признака. С типичностью использования сети «Интернет» при совершении преступления, предусмотренного ст. 205^2 УК РФ, спорить сложно. Большинство совершенных публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, а также актов публичного оправдания терроризма или пропаганды

ном праве. СПб., 2005. С. 99–101; Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дис… д-ра юрид. наук. Томск, 2006. С. 12–13.

[461] Binder D.F., Kenyon J. Terrorism and the internet: How dangerous is online radicalization? URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9606324/#ref27; Hamid N., Ariza C. Offline Versus Online Radicalisation…

[462] В доктрине высказано мнение, что сам факт использования при совершении преступлений средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей в настоящее время «не может расцениваться как обстоятельство, существенно или качественно усиливающее степень общественной опасности деяния» (см.: Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за публичное распространение фейков об использовании Вооруженных Сил РФ. Как применять новую статью УК // Уголовный процесс. 2022. № 5. С. 68).

терроризма совершаются в интернет-пространстве. Обычно такие деяния совершаются в социальных сетях посредством размещения постов и комментариев, направленных на их последующее восприятие неограниченным кругом лиц[463]. По данным судебной статистики, из 410 лиц, осужденных по ст. 205^2 УК РФ в 2024 г., 368 осуждены по ч. 2 ст. 205^2 УК РФ, что составляет 89,8%, причем в подавляющем большинстве случаев ч. 2 ст. 205^2 УК РФ применяется по факту использования сети «Интернет», а не средств массовой информации. Таким образом, использование информационно-телекоммуникационных сетей является базовой характеристикой рассматриваемого преступления – это квалифицирующее обстоятельство констатируется в 9 из 10 случаев террористической агитации.

Получается, что сфера применения квалифицированного состава преступления, выделенного по признаку использования сети «Интернет», намного шире сферы применения основного состава. Это явно противоречит канонам теоретического учения о дифференциации уголовной ответственности, согласно которым «обстоятельства, которым придается статус квалифицирующих признаков, не должны быть нормой для большинства преступлений с основным составом»[464].

С учетом вышеизложенного имеются все основания для отказа от дифференциации уголовной ответственности за предусмотренное ст. 205^2 УК РФ преступление в зависимости от способа (офлайн или онлайн) распространения информации, содержащей призывы к террористической деятельности, оправдание или пропаганду терроризма. Предложенное решение полностью соответствует общему законодательному тренду: начиная с 2020 г. вновь вводимые

---

[463] См., например: Жилкин М.Г. Судебная практика установления судебных признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 60; Помнина С.Н., Вахонина Е.Б. Особенности определения признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма. С. 140; Решняк М.Г. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: проблемные особенности и пути совершенствования уголовного законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 116.

[464] См.: Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. С. 100.

нормы об ответственности за публичное распространение криминогенной или фейковой информации не содержат квалифицирующего признака использования средств массовой информации, электронных и телекоммуникационных сетей. Именно так обстоит дело с деяниями, предусмотренными ст. 207^1, 207^2, 207^3 и 280^3 УК РФ, криминализованными в 2020–2022 гг. А в ст. 282 УК РФ использование средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», расценивается законодателем как проявление публичности. Было бы логично продолжить отмеченную законодательную линию на лишение «использования СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей» статуса квалифицирующего признака в отношении преступлений, предусмотренных ст. 205^2, 280, 280^1 и 280^4 УК РФ.

Рассматривая террористическую агитацию в сети «Интернет» в аспекте de lege lata, отметим, что онлайн-призывы к террористической деятельности, оправдание и пропаганда терроризма имеют некоторые особенности в плане уголовно-правовой оценки. Как известно, обязательной предпосылкой квалификации любого преступления выступает установление времени его совершения. Применительно к публичным призывам к террористической деятельности, совершенным посредством размещения призывного криминогенного контента в сети «Интернет», решение этого вопроса имеет определенную специфику.

В подобных случаях тексты, аудиозаписи, графические материалы, содержащие призывы к террористической деятельности, оправдание или пропаганду терроризма, после их размещения в общедоступном сегменте сети «Интернет» (например, на странице в социальной сети, в телеграм-канале и т.п.) определенное время – порой достаточно долгое – находятся в открытом доступе, что позволяет ознакомиться с ними неопределенному кругу лиц. Можно ли считать такое деяние длящимся преступлением? Консенсус по этому вопросу в уголовно-правовой доктрине не достигнут.

Одни специалисты считают, что призывы к террористической деятельности, оправдание или пропаганда терроризма, совершенные с использованием сети «Интернет», имеют пролонгированный, длящийся характер, обосновывая это тем, что в этом случае призывы «за счет осознанного использования общедоступного информационного ресурса оказывают непрерывное негативное воздействие на общественную безопасность»[465].

Другие исследователи полагают, что рассматриваемые деяния нельзя относить к длящимся, поскольку объективная сторона призывов, оправдания или пропаганды терроризма, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, состоит «в размещении их пользователем», которое «является одноактным действием»[466].

Более того, на страницах юридической печати высказывается мнение, согласно которому вопрос о хронологических границах террористической агитации, размещенной в общедоступном сегменте сети «Интернет», следует решать с учетом обстоятельств дела: если лицо однократно разместило в комментарии запрещенную информацию, то «и объективно, и субъективно такое деяние воспринимается как простое преступление», в силу чего не является длящимся; если же виновный «выражает свою позицию способом, растянутым во времени, например используя в аватаре “запрещенные” надписи, прикрепляя их на “стене” страницы», то призыв становится длящимся[467].

Таким образом, доктринальные рекомендации в этой части весьма противоречивы.

---

[465] См.: Ображиев К.В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 4. С. 450. Применительно к публичным призывам к нарушению территориальной целостности Российской Федерации, размещенным в интернет-пространстве, аналогичную позицию занимает Д.О. Чернявский (см.: Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 111).

[466] См.: Костылева О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма … С. 145.

[467] См.: Белецкий И.А., Вишнякова Н.В. Распространение, одобрение или отрицание информации в сети Интернет: единичное простое или сложное преступление? // Уголовное право. 2023. № 7. С. 9–18.

Не отличается единообразием и судебная практика, что, впрочем, неудивительно, учитывая несогласованность доктринальных позиций. С одной стороны, в справочно-правовых системах можно обнаружить судебные решения, в которых констатируется длящийся характер преступлений, выражающихся в распространении запрещенной информации в сети «Интернет»[468]. С другой стороны, имеются примеры обратного порядка, когда суды приходят к выводу о том, что подобные преступления (в том числе предусмотренные ч. 2 ст. 205^2 УК РФ) фактически окончены с момента размещения соответствующей информации в сети «Интернет»[469], т.е. не являются длящимися[470].

Очевидно, что столь противоречивая правоприменительная практика, допускающая различную юридическую оценку публичных призывов к противоправной деятельности, совершаемых одним способом (с использованием информационно-телекоммуникационных сетей) при одних и тех же обстоятельствах, несовместима с требованиями определенности уголовно-правовых норм. Уголовно-правовая оценка подобных деяний должна быть единообразной. При этом выбор одного из конкурирующих подходов к квалификации интернет-призывов к террористической деятельности, конечно же, не может быть произвольным. В основу решения вопроса о моменте фактического окончания рассматриваемых деяний должны быть положены постулаты теоретического учения о длящихся преступлениях.

---

[468] См.: апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 27.08.2024 № 55-302/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; приговор Калужского областного суда от 14.07.2017 по делу № 2-9/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; приговор Калужского областного суда от 16.11.2017 по делу № УК-2-14/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; приговор Шуйского городского суда Ивановской области от 17.05.2024 по делу № 1-40/2024 // СПС «КонсультантПлюс» и др.

[469] См.: постановление Вологодского городского суда Вологодской области от 18.07.2013 по делу № 10-49/2013 // СПС «КонсультантПлюс»; приговор Московского окружного военного суда от 27.04.2018 по делу № 2-40/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[470] Такая позиция отражена в ряде решений Верховного Суда Российской Федерации (см.: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.2023 № 223-УД23-4-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15.03.2018 № 201-АПУ18-8 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16.01.2018 № 203-АПУ17-32 // СПС «КонсультантПлюс»).

Отличительная особенность длящегося преступления заключается в непрерывном, растянутом во времени выполнении объективной стороны преступления после его юридического окончания[471]. Это обстоятельство отмечается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях», в котором разъясняется, что длящееся преступление «начинается с определенного преступного действия… или определенного преступного бездействия… образующего состав конкретного преступления, и характеризуется последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния» (п. 2).

Следовательно, для установления хронологических пределов интернет-призывов к террористической деятельности необходимо предварительно определить содержание объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205^2 УК РФ. Правильный ответ на этот вопрос является ключом к разрешению рассматриваемой проблемы, ведь обозначенные выше доктринальные споры и правоприменительные коллизии, по сути дела, связаны именно с различным «прочтением» объективной стороны публичных призывов к террористической деятельности, равно как и альтернативных деяний, предусмотренных ст. 205^2 УК РФ.

Если вслед за О.В. Костылевой трактовать публичные призывы, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, как размещение, т.е. публикацию призывного террористического контента в сети «Интернет», то надо признать, что преступление и юридически, и фактически окончено с момента размещения, т.е. не имеет длящегося характера.

Но, как представляется, такое толкование не согласуется с трактовкой публичных призывов, отраженной в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной

---

[471] См.: Кузнецова Н. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. 2000. № 1. С. 31; Ображиев К.В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления. С. 444; Проблемы квалификации преступлений: монография / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М.: Проспект, 2018. С. 229.

практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». В нем разъясняется, что «под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в статье 205^2 УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) *обращения* к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности» (п. 18). Таким образом, с точки зрения Пленума, объективная сторона публичных призывов проявляется в обращении к публике, *т.е. в публичной трансляции призывной информации.* Размещение соответствующего обращения в сети «Интернет» дает основание для констатации юридического окончания преступления (п. 21.1), но в этот момент призывное обращение к публике, конечно же, не заканчивается – оно лишь начинает осуществляться, а затем непрерывно длится вплоть до добровольного его прекращения самим субъектом или пресечения преступного деяния (администраторами интернет-площадки или правоохранительными органами). Все время, пока запрещенный контент находится в открытом доступе в сети «Интернет», субъект осуществляет призывное обращение, тем самым непрерывно воздействуя на объект уголовно-правовой охраны, что соответствует признакам длящегося преступления[472].

Вывод о длящемся характере публичных призывов к террористической деятельности, совершенных с использованием сети «Интернет», подтверждается правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, отраженной в определении от 24.12.2024 № 3534-О.

Определение принято по жалобе П.А. Баронина, осужденного по ч. 2 ст. 205^2 УК РФ. Суды первой и последующих инстанций признали, что данное преступление носило длящийся характер (с июня 2016 г. по октябрь 2019 г.), и на этом основании применили ст. 205^2 УК РФ в редакции Федерального закона от 06.07.2016 № 375-ФЗ, действовавшей на момент фактического окон-

[472] Шумихин В.Г. Конструктивные признаки длящегося преступления // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2010. № 2. С. 208.

чания деяния. В этой связи П.А. Баронин просил признать не соответствующими Конституции Российской Федерации ч. 2 ст. 205^2 и ч. 1 ст. 10 УК РФ. Отказывая в принятии жалобы П.А. Баронина к рассмотрению, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «правило перспективного действия уголовного закона… допускает возложение уголовной ответственности за нарушения только тех уголовно-правовых запретов, которые были введены до совершения возбраняемых ими деяний и вследствие этого могли быть приняты во внимание виновными в их нарушении лицами (постановление от 9 июля 2019 года № 27-П; определения от 13 февраля 2018 года № 248-О, от 30 ноября 2023 года № 3275-О и др.). Это правило подлежит применению и в отношении единого (в том числе длящегося или продолжаемого) преступления, включающего в себя несколько деяний одного лица, совершенных как до, так и после вступления в силу уголовного закона, изменившего уголовную ответственность за такое преступление. При квалификации такого преступления подлежит применению новая уголовно-правовая норма, поскольку ее содержание могло быть принято во внимание лицом, продолжившим свое нарушение уголовно-правового запрета (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2019 года № 1882-О)»[473].

Тем самым Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил выводы судов общей юрисдикции о длящемся характере преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205^2 УК РФ. Попутно отметим, что такую же позицию орган конституционного нормоконтроля занимает и применительно к ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, устанавливающей административную ответственность за пропаганду (публичное демонстрирование) символики экстремистских организаций: он признает, что объективная сторона правонарушения, преду-

[473] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.12.2024 № 3534-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баронина Павла Андреевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10 и частью второй статьи 205^2 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 401^2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 12 и 15 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также рядом положений Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // СПС «КонсультантПлюс».

смотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, выполняется в течение всего периода публичного демонстрирования символики экстремистских организаций, т.е. имеет длящийся характер[474]. Полагаем, что параллели с ч. 2 ст. 205^2 УК РФ здесь вполне очевидны.

Аналогичный подход отражен в официальном отзыве Правительства Российской Федерации от 13.10.2023 № 12047-П4 на проект федерального закона «О внесении изменения в статью 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Законопроектом[475] предлагалось дополнить ст. 4.5 КоАП РФ положением о том, что «срок давности привлечения к административной ответственности по административным правонарушениям, выраженным в распространении сообщений или иной информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», исчисляется со дня совершения административного правонарушения». Правительство Российской Федерации не поддержало эту инициативу, указав, что «обозначенные правонарушения судебная практика относит к категории длящихся… что предполагает исчислять срок давности по ним со дня обнаружения административного правонарушения (часть 2 статьи 4.5 КоАП)».

Таким образом, вывод о длящемся характере публичных призывов к террористической деятельности, публичного оправдания терроризма, пропаганды терроризма, размещенных в интернет-пространстве, имеет прочную основу, в качестве которой выступают постулаты теоретического учения о длящихся преступлениях, правовые позиции Конституционного Суда Российской

---

[474] Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «противоправность данного деяния заключается в самом факте публичной демонстрации (пропаганды) символики экстремисткой организации. При этом момент размещения соответствующей символики способом, обеспечивающим доступ к ней неограниченного круга лиц, не имеет правового значения, поскольку после признания судом организации экстремисткой публичная демонстрация ее символики запрещена и должна быть прекращена. Поэтому оспариваемое законоположение не может рассматриваться как нарушающее конституционные права заявительницы в указанном ею аспекте» (определение от 28.03.2024 № 575-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сельковой Елены Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс»).

[475] См.: проект федерального закона № 518503-8 «О внесении изменения в статью 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Федерации и Правительства Российской Федерации. Мнение о длящемся характере рассматриваемых деяний доминирует и в экспертном сообществе: 73,8% опрошенных нами ученых и практиков считают, что публичные призывы к террористической деятельности, размещенные в общедоступном сегменте сети «Интернет», являются длящимся преступлением (см. приложение).

Констатация длящейся природы рассматриваемых деяний влечет значимые уголовно-правовые последствия. В частности, это означает, что для квалификации преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205^2 УК РФ, должен применятся уголовный закон, действующий в момент его фактического окончания; с этого же момента (со дня фактического окончания преступления) должен исчисляться срок давности уголовного преследования.

С учетом длящегося характера исследуемых деяний следует признать, что в сферу применения ч. 2 ст. 205^2 УК РФ попадают:

– различные формы интернет-пропаганды терроризма, которые в момент размещения криминогенного контента не признавались преступными (напомним, что криминализация пропаганды терроризма осуществлена Федеральным законом от 29.12.2017 № 445-ФЗ), при условии, что публичная пропаганда терроризма не прекращена после ее криминализации;

– обращение к пользователям сети «Интернет» с информацией призывного, оправдывающего, пропагандистского характера, совершенное лицом, которое на момент публикации запрещенного контента не достигло возраста уголовной ответственности, при условии, что соответствующая информация находилась в общем доступе и после достижения им шестнадцати лет.

В указанных случаях начальной точкой отсчета времени совершения длящегося преступления будет считаться момент его юридического окончания: в первой ситуации – дата вступления в силу закона, криминализующего пропаганду терроризма; во второй ситуации – день достижения шестнадцатилетнего возраста (определяемый с учетом известных правил).

1.4. Уголовная ответственность за подготовку и прохождение обучения в целях совершения террористических преступлений

Кадровая инфраструктура терроризма предполагает не только вовлечение в террористическую деятельность, но и последующую работу с «кадрами», нацеленную на подготовку «новобранцев» к террористическим преступлениям, повышение уровня их «криминальной квалификации». Учитывая это обстоятельство, международное сообщество требует от всех государств «предотвращать создание террористическими группами на их территории учебных центров, в которых подготовка потенциальных членов таких групп строится на опасных идеологических концепциях и в которых им прививаются навыки, имеющие даже еще более опасный характер»[476], а антитеррористические международные акты предусматривают необходимость криминализации подготовки (обучения террористов) (ст. 7 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г., резолюция 2331 (2016) Совета Безопасности ООН). Причем обязательство по криминализации подготовки террористов трактуется контртеррористическим Комитетом Совета Безопасности ООН весьма широко – Комитет исходит из того, что в национальном уголовном законодательстве должна быть предусмотрена ответственность не только за «предоставление обучения», но и за прохождение обучения в террористических целях[477].

В российском уголовном законодательстве криминализация рассматриваемых проявлений кадровой инфраструктуры терроризма осуществлена в два этапа:

---

[476] Доклад Генерального секретаря ООН от 27.04.2006 «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии» (A/60/825). URL: https://www.unodc.org/pdf/terrorism/Global/ru/3r60-825ru.pdf

[477] См.: Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27.12.2019 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998) (п. 199). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf

– ответственность за обучение лица в целях совершения террористических преступлений введена Федеральным законом от 24.07.2002 № 103-ФЗ. В результате реформирования ст. 205[1] УК РФ, осуществленного Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ, слово «обучение» заменено на «подготовку», что привело текст уголовного закона в полное соответствие с положениями ст. 7 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г., которая оперирует термином «подготовка террористов», но в содержательном отношении эта терминологическая корректировка на объем криминализации не повлияла;

– криминализация прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности состоялась одиннадцатью годами позже: Федеральным законом от 02.11.2013 № 302-ФЗ в УК РФ включена ст. 205[3].

В абзаце втором п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъясняется, что «подготовка лиц в целях совершения преступлений, указанных в части 1 статьи 205[1] УК РФ, заключается в обучении правилам обращения с оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой, средствами связи, правилам ведения боевых действий, а также в проведении соответствующих инструктажей, тренировок, стрельб, учений и т.п.».

В уголовно-правовой литературе справедливо отмечается релятивизм понятия «подготовка» в контексте ст. 205[1] УК РФ: в процессе подготовки обучающемуся «могут передаваться не только “военные”, но и “гражданские” знания, умения и навыки», причем «перечень “компетенций”, которые передаются лицу в процессе его подготовки к совершению преступлений террористического характера, может являться лишь примерным, но не исчерпывающим»[478]. Ключевое значение для констатации предусмотренного ст. 205[1] УК

[478] Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 76–77.

РФ альтернативного деяния в виде подготовки лица приобретает цель подготовки, в качестве которой выступает совершение обучающимся одного или нескольких преступлений террористического характера. При наличии указанной цели криминальную окраску получает передача даже социально одобряемых, полезных знаний, умений и навыков (например, обучение вождению, если навыки управления транспортным средством планируется использовать для террористической деятельности). Этот релятивизм заложен и в международно-правовом определении подготовки террористов, выработанном на региональном уровне. Согласно ст. 7 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. «для целей настоящей Конвенции "подготовка террористов" означает инструктирование по вопросам изготовления или использования взрывчатых веществ, огнестрельного или иного оружия, или ядовитых или вредных веществ, *или по вопросам других конкретных методов или приемов в целях совершения или содействия совершению террористического преступления, когда заведомо известно, что переданные навыки предназначаются для использования в этих целях* (выделено мной. – *Д.Б.*)».

Телеологическая детерминированность границ объективной стороны преступления неизбежна и для прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ). Поэтому вряд ли можно признать оправданными высказанные на страницах юридической печати упреки в неполноте законодательного описания объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205^3 УК РФ. Суть претензий сводится к тому, что в ст. 205^3 УК РФ «использован юридико-технический прием примерного перечисления действий, влекущих ответственность по данной статье, что создает предпосылки для излишне широкой трактовки на практике используемого словосочетания "прохождение обучения"»[479]. Однако перечислить «компетенции», освоение которых образует объективную сторону прохождения

[479] Решняк М.Г. Актуальные проблемы установления и реализации уголовной ответственности за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 5. С. 134.

обучения, исчерпывающим образом (в виде закрытого перечня) невозможно. Граница между социально одобряемым и криминальным приобретением новых знаний, умений и навыков пролегает не в их содержании, а в области субъективных представлений о сфере их приложения.

Понятно, что этот субъективный релятивизм объективной стороны исследуемых деяний некоторым образом расширяет пространство для произвольного правоприменения. Но эта проблема характерна не только для подготовки и прохождения обучения, но и для составов других деяний, образующих инфраструктуру терроризма (например, для финансирования, вооружения), да и практически для любого состава преступления с обязательной целью, каковых в уголовном законе представлено немало. А значит, телеологическая заданность пределов объективной стороны преступления сама по себе не может считаться дефектом нормы. С субъектов правоприменительной деятельности никто не снимал обязанность устанавливать и доказывать террористическую цель подготовки и прохождения обучения, мотивировать соответствующие выводы в процессуальных актах. Понятно, что инструктор автошколы или стрелкового клуба, не осведомленный о террористических намерениях обучающегося, не подлежит ответственности по ч. 1 или 1^1 ст. 205^1 УК РФ, даже если полученные навыки были фактически использованы при совершении террористического акта. Но при наличии террористической цели его действия будут расцениваться как преступление, предусмотренное ч. 1 или 1^1 ст. 205^1 УК РФ (в форме подготовки). Таким образом, препятствием для расширительной трактовки объективной стороны исследуемых взаимосвязанных составов преступлений выступают требования принципа вины (ст. 5 УК РФ), а также высокие стандарты доказывания, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством.

Надо признать, что криминализация прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности вызвала неоднозначную реакцию в научном сообществе. Большинство авторов поддержали решение о введении

в УК РФ ст. 205[3], назвав его «своевременным и криминологически обусловленным» шагом в реализации целей борьбы с терроризмом, которые особенно актуализировались в связи с проведением военной операции в Сирии, ставшей «плацдармом» распространения международного терроризма и «центром подготовки» соответствующих «кадров»[480].

В то же время некоторые специалисты отнеслись к данной новелле отрицательно или по меньшей мере настороженно. Основанием для критики послужили не только технико-юридические недостатки ст. 205[3] УК РФ (недостаточная определенность, неудачная формулировка цели и т.д.)[481] и завышенные пределы санкции, предусмотренной за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности[482], но и сама концепция криминализации приготовительной террористической деятельности на уровне Особенной части УК РФ.

С резкой критикой этой концепции выступил, в частности, Г.Л. Москалев. Обращая внимание на то, что ст. 205[3] УК РФ предусматривает ответственность лишь за одно из возможных проявлений приготовления к преступлению, а именно – за прохождение обучения, Г.Л. Москалев указывает, что при наличии иных приготовительных действий возникает совокупность преступлений: «…в случае прохождения обучения и, например, приискания соучастников в целях совершения преступлений, предусмотренных ст. 205, ст. 205[1], ч. 1 ст. 205[4], ч. 2–4 ст. 206, ст. 208, ч. 2–4 ст. 211, ст. 277, ст. 278, ст. 279, ст. 361 УК РФ, субъект понесет двойную ответственность: содеянное будет квалифицировано по совокупности за соответствующее преступление со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ и по ст. 205[3] УК РФ». Такая квалификация, с точки зрения

---

[480] Комиссаров В.С., Агапов П.В. Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности // Уголовное право. 2016. № 5. С. 35–36. См. также: Лапунин М.М. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности: оценка законодательной новеллы // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 2. С. 121; Чуклина Э.Ю. Оценка превентивного воздействия антитеррористических норм, предусмотренных статьями 205[1], 205[2], 205[3] и 205[6] УК РФ. С. 148.

[481] См.: Решняк М.Г. Актуальные проблемы установления и реализации уголовной ответственности за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности. С. 133–135.

[482] См.: Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма. С. 155–178; Москалев Г.Л. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205[3] УК РФ) // Национальная безопасность / Nota Bene. 2020. № 3. С. 95.

Г.Л. Москалева, противоречит предписаниям ч. 2 ст. 6 УК РФ: «…это двойная ответственность за одно и то же преступление». По его мнению, в ст. 205^3 УК РФ «не содержится ни одного признака, который бы позволял говорить об отличии прохождения обучения в целях совершения указанных в диспозиции преступлений, по сравнению с приготовлением к совершению этих преступлений»[483].

Надо признать, что в части двойного вменения вышеизложенные критические замечания во многом оправданны. Анализ правоприменительной практики показывает, что в некоторых случаях одни и те же действия лица, проходящего обучение в целях совершения террористического акта, получают совокупную уголовно-правовую оценку. Причем такая квалификация находит поддержку в экспертном сообществе: 67,5% опрошенных считают, что прохождение обучения с целью совершения террористического акта на заранее определенном объекте (при условии, что деятельность виновного была пресечена спецслужбами) следует квалифицировать по ст. 205^3, ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ (см. приложение).

По всей видимости, подобные представления о возможности идеальной совокупности приготовления особого рода (ст. 205^3 УК РФ) и общего приготовления к террористическому акту (ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ) связаны с неверным пониманием функционального назначения ст. 205^3 УК РФ. В первом разделе диссертации обоснован вывод о том, что ст. 205^3 УК РФ включена в уголовный закон не для мультипликации уголовной ответственности за приготовление к преступлениям террористического характера, а для того, чтобы восполнить недостаточность общей нормы о приготовлении к преступлению, сфера применения которой ограничена, во-первых, категорией тяжести подготавливаемых преступлений, а во-вторых, требованием о конкретизированном умысле. Таким образом, ст. 205^3 УК РФ выполняет компенсаторную функцию, имеет субсидиарное значение по отношению к общей норме о приготовлении.

---

[483] Москалев Г.Л. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ). С. 96.

А значит, ст. 205^3 УК РФ должна применяться лишь в тех случаях, когда не сработали положения ч. 1 ст. 30 УК РФ, в частности:

– когда лицо проходит обучение в целях совершения террористических преступлений небольшой (ч. 1 ст. 220 УК РФ) и средней (ч. 1 ст. 205^2, ч. 2 и 3 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ) тяжести;

– если лицо, проходит обучение с неконкретизированной террористической целью, осваивая универсальные военные навыки (обучение стрельбе из огнестрельного оружия, изучение тактики ведения боевых действий и т.п.), не предпринимая действий, которые создают условия для совершения конкретных террористических нападений. При таких обстоятельствах прохождение обучения нельзя квалифицировать в качестве приготовления к преступлению (оно может быть констатировано лишь при создании условий для совершения конкретного преступного деяния), что открывает пространство для применения ст. 205^3 УК РФ, ведь для вменения этой нормы достаточно, чтобы лицо, проходящее подготовку, хотя бы в общих чертах осознавало, что подготовка проводится в целях осуществления террористической деятельности.

Исходя из этого, норма о приготовлении sui generalis (ч. 1 ст. 30 УК РФ) и норма об ответственности за приготовление sui generis (ст. 205^3 УК РФ) должны иметь различные сферы применения. Проще говоря, ст. 205^3 УК РФ должна применяться не *вместе* с положениями о приготовлении к террористическому преступлению, а *вместо* нормы о приготовлении – в случаях, когда применить ч. 1 ст. 30 УК РФ невозможно.

В технико-юридическом плане разграничить сферы применения общей и специализированной нормы о приготовлении к террористическим преступлениям несложно: достаточно включить в диспозицию ст. 205^3 УК РФ негативный признак состава – «при отсутствии признаков приготовления к указанным преступлениям»[484]. Предложенное разграничение сфер действия общей и

[484] Предложенное разграничение сфер применения общих (ч. 1 ст. 30 УК РФ) и специализированных (ст. 205^3 УК РФ) предписаний о приготовлении к преступлению не позволяет рассматривать их в качестве конкурирующих норм, хотя такой подход получил распространение в уголовно-правовой доктрине. Так, например,

специализированной нормы позволит исключить совокупность приготовления особого рода, предусмотренного в ст. 205[3] УК РФ, и «общего» приготовления (ч. 1 ст. 30 УК РФ), причем не только идеальную, но и реальную (если речь идет о различных формах приготовления к одному и тому же преступлению)[485], и тем самым обеспечить реализацию требований принципа справедливости о недопустимости уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Принимая во внимание субсидиарное значение ст. 205[3] УК РФ, ее включение в уголовный закон следует признать полностью обоснованным. Специализированные предписания об ответственности за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности создают нормативные основания для раннего уголовно-правового предупреждения террористических нападений, дополняя раннепревентивный потенциал института неоконченного преступления[486]; позволяют обеспечить соответствие национального уголовного законодательства международным антитеррористическим стандартам[487]. В то же время технико-юридическая проработка соответствующих

Л.В. Иногамова-Хегай отмечает, что самостоятельные нормы об ответственности за приготовительную деятельность «представляют собой частные случаи нормы о приготовлении, указанном в ч. 1 ст. 30 УК, т.е. являются специальными по отношению к общей» (см.: Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015 // СПС «КонсультантПлюс»).

[485] В действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации их реальная совокупность допускается: «Если наряду с прохождением обучения лицо совершает *иные действия* (выделено мной. – *Д.Б.*), направленные на создание условий для осуществления конкретного тяжкого или особо тяжкого преступления террористической либо иной направленности, то указанные действия дополнительно квалифицируются как приготовление к данному преступлению» (абзац третий п. 22.1 постановления от 09.02.2012 № 1). Примеры реальной совокупности «общего» приготовления и приготовления в форме прохождения обучения см.: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28.05.2025 № 223-УД25-14-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 06.11.2019 № 208-АПУ19-11 // СПС «КонсультантПлюс».

[486] В уголовно-правовой доктрине криминализация прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности вполне обоснованно рассматривается в контексте реализации превентивной стратегии противодействия терроризму: «…наличие такого состава преступления позволит бороться с террористами на предельно ранних стадиях» (см.: Лапунин М.М. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности: оценка законодательной новеллы. С. 121).

[487] В специальной литературе обращается внимание на то, что ст. 7 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. обязывает страны-участницы криминализовать подготовку террористов, но не прохождение обучения в террористических целях. На этом основании делается вывод о том, что состав преступления, предусмотренного ст. 205[3] УК РФ, «не имеет международно-правового характера, а является специфическим изобретением российского законодателя» (см.: Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма. С. 155–178). Однако, как уже отмечалось, антитеррористический Комитет Совета Безопасности ООН трактует обязанность по криминализации подготовки террористов весьма широко, полагая, что ее реализация предполагает также установление ответственности за прохождение обучения в террористических целях.

уголовно-правовых предписаний, их толкование и практическая реализация вызывают множество вопросов, требующих теоретического решения.

В первую очередь необходимо определить границы объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 205^3 УК РФ, поскольку в теории уголовного права и правоприменительной практике она трактуется крайне неоднозначно. В ст. 205^3 УК РФ объективная сторона состава описана с использованием обобщающей формулировки «прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях…», которая получила последующую конкретизацию посредством открытого перечня деяний, относящихся к прохождению обучения: «…в том числе приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих».

В некоторых публикациях понятие «обучение», используемое в ст. 205^3 УК РФ, раскрывается со ссылкой на ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[488], т.е. фактически объявляется бланкетным[489]. Однако основания для вывода о бланкетности признака «обучение» отсутствуют, ведь бланкетность предполагает связь уголовного и иноотраслевого законодательства, возникающую в зоне пересечения, наложения предметов позитивного правового регулирования и уголовно-правовой охраны. Охраняя отношения, регламентированные гражданским, финансовым, трудовым, административным правом, уголовное право заимствует

---

[488] Согласно п. 3 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» «обучение – целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни».

[489] См.: Комиссаров В.С., Агапов П.В. Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности. С. 35–40; Москалев Г.Л. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ). С. 91–92.

их терминологический аппарат, причем при переносе иноотраслевых терминов в УК РФ они сохраняют свое изначальное содержание[490]. Но в нашем случае пересечение предметов позитивного регулирования и уголовно-правовой охраны, конечно же, отсутствует – ст. 205^3 УК РФ вовсе не предназначена для охраны отношений, регламентированных законодательством об образовании.

Вместе с тем нельзя не признать определенное сходство прохождения обучения в террористических целях и обучения, осуществляемого в процессе правомерной образовательной деятельности. Более того, первое может осуществляться в рамках второго, например в случае, когда в целях осуществления террористической деятельности лицо получает «гражданские» знания, умения, навыки в организации, имеющей лицензию на осуществление образовательной деятельности.

Прослеживается сходство и в технологиях обучения. В правоприменительной практике зафиксированы факты не только контактного обучения (например, в специализированных лагерях, центрах подготовки[491]), но и прохождения обучения с использованием «дистанционных образовательных технологий», предполагающих взаимодействие обучающегося и инструктора с применением информационно-телекоммуникационных сетей:

– так, например, по делу П. установлено, что в результате переписки в Интернете с К. он получил информацию о производстве взрывчатых веществ на основе смеси аммиачной селитры и алюминиевого порошка, изготовлении

---

[490] Подробнее об этом см.: Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава: монография. М.: Российская академия правосудия, 2009.

[491] Например, осужденный Б. участвовал в незаконном вооруженном формировании на территории одной из республик Северного Кавказа, а также прошел в этих целях в месте расположения данного формирования обучение правилам обращения с оружием и боеприпасами (см.: апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2018 № 205-АПУ17-45 // СПС «КонсультантПлюс»); осужденный Г., находясь на территории Сирийской Арабской Республики недалеко от г. Атма, около месяца проходил боевую подготовку в специальном лагере. Эта подготовка заключалась в обучении стрелковому делу, тактике ведения боевых действий, обращению с взрывными устройствами, а также в проведении психологической подготовки, в ходе которой всем боевикам внушали, что необходимо убивать «неверных» и вести священную войну. После прохождения обучения Г. выехал в район г. Алеппо для непосредственного участия в деятельности террористических формирований (см.: апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 05.02.2019 № 205-АПУ19-2 // СПС «КонсультантПлюс»).

инициирующего вещества, исполнительного механизма для срабатывания детонатора и основного заряда самодельного взрывного устройства[492];

– фигуранты другого уголовного дела – М., С. и Х. – в целях совершения террористического акта с помощью закрытых каналов связи Интернета «Зелло» прошли обучение навыкам изготовления в домашних условиях взрывчатых веществ и взрывных устройств путем просмотра обучающих видеозаписей и прослушивания соответствующей аудиоинформации. Указанные материалы предоставлялись участником запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство»[493];

– из решения по делу Е. следует, что «все свои действия по изготовлению ВУ (взрывных устройств. – *Д.Б.*) из ранее пересланных и дополнительно приобретенных компонентов, с использованием которых планировалось совершить террористический акт, Е. согласовывал с иным лицом, находящимся на Украине, который предоставил ему логин и пароль электронной почты, где была размещена инструкция о порядке и последовательности действий по изготовлению ВУ, которую осужденный изучил и, следуя изложенным в этой инструкции советам, собрал ВУ, а отчет о проделанной работе отправил своему знакомому на Украину и в дальнейшем действовал по его указаниям. Кроме того, Евдокимов дополнительно изучил в сети “Интернет” информацию о свойствах взрывчатых веществ, способах приведения их в действие, мощностях взрывов в тротиловом эквиваленте и последствиях таких взрывов, а также по согласованию с иным лицом разработал план применения ВУ при совершении террористического акта»[494].

Перечень примеров дистанционного обучения в террористических целях является весьма обширным, что подтверждает прогноз, согласно которому

---

[492] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 06.11.2019 № 208-АПУ19-11 // СПС «КонсультантПлюс».
[493] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24.07.2018 № 201-АПУ18-27 // СПС «КонсультантПлюс».
[494] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2025 № 224-УД25-29-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

в перспективе прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности будет реализовываться в большей мере «бесконтактным» способом, что связано с последовательным развитием информационных и телекоммуникационных технологий.

В контексте уголовно-правового дискурса, связанного с интерпретацией объективной стороны исследуемого состава преступления, наиболее острым является вопрос о возможности применения ст. 205^3 УК РФ в случаях так называемой «самоподготовки», при которой лицо получает соответствующие знания, умения и навыки самостоятельно, без взаимодействия с наставником, инструктором, тренером. Одни исследователи исключают такую возможность, указывая, что прохождение обучения «представляет собой умышленное участие виновного в организованной профессиональной подготовке его к террористической деятельности…»[495]. Другие специалисты интерпретируют объективную сторону состава преступления более широко, полагая, что ст. 205^3 УК РФ должна применяться и к лицам, которые проходили обучение с целью осуществления террористической деятельности самостоятельно, без участия обучающего[496].

Проведенное нами обобщение судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205^3 УК РФ, показывает, что правоприменительные органы взяли на вооружение широкую трактовку, усматривая прохождение обучения и в тех случаях, когда фигура обучающего субъекта (преподавателя, инструктора, тренера) как таковая отсутствует. Практика демонстрирует немало подобных примеров:

---

[495] См.: Савельева В.С. Усиление ответственности за преступления террористической направленности: проблемы комплексного подхода // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 156–162.

[496] См.: Огарь Т.А. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы толкования // Социально-экономические и политические корни идеологии экстремизма и терроризма: проблемы интерпретации и противодействия: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции (17 июня 2016 г.). СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016. С. 162; Комиссаров В.С., Агапов П.В. Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности. С. 37–38; Москалев Г.Л. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ). С. 92; Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».

– в качестве доказательства виновности П. по ст. 205[3] УК РФ был расценен факт обладания осужденным информацией о способах изготовления взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также инструкцией по изготовлению взрывчатых веществ и взрывных устройств в домашних условиях, полученной им инициативно в сети «Интернет»[497];

– оставляя в силе обвинительный приговор в отношении М. по ст. 205[3] УК РФ, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала: «О том, что Магомедов А.Р. прошел обучение в целях осуществления террористической деятельности, свидетельствуют, помимо его первоначальных признательных показаний в ходе предварительного расследования, показания свидетеля Г., которому осужденный сообщил о просмотре в сети “Интернет” обучающих роликов о способах изготовления самодельных взрывных устройств, составах необходимых компонентов, а также протокол осмотра изъятого у Магомедова А.Р. мобильного телефона, в памяти которого содержались видеофайлы с изображением человека, поясняющего и показывающего порядок изготовления самодельных взрывных устройств из подручных средств и веществ»[498].

Среди опрошенных нами экспертов также превалирует мнение о возможности применения ст. 205[3] УК РФ для квалификации самостоятельной (без непосредственного или дистанционного взаимодействия с инструктором) подготовки к совершению террористического акта: 55% респондентов такую возможность допускают, 45% – не усматривают в этом случае состава преступления, предусмотренного ст. 205[3] УК РФ.

Полагаем, что столь широкая (если не сказать вольная) трактовка объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 205[3] УК РФ, является неверной.

---

[497] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 06.11.2019 № 208-АПУ19-11 // СПС «КонсультантПлюс».

[498] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 07.08.2024 № 224-УД24-29-А6.

Во-первых, при такой интерпретации практически стирается грань между обучением (даже с приставкой «само-») в террористических целях и поиском информации в сети «Интернет» в тех же целях, что подтверждается приведенными выше и многими другими примерами из практики. Несмотря на известную многозначность понятия «обучение»[499], в педагогике и в словарных источниках оно традиционно используется для обозначения двустороннего процесса, в рамках которого происходит взаимодействие преподавателя и ученика: «Обучение – педагогический процесс, в результате которого учащиеся под руководством учителя овладевают знаниями, умениями и навыками, общими и специальными»[500]; «под обучением, в узком смысле, понимается руководство учением. В широком понимании обучение – процесс двусторонний, он включает передачу и усвоение учебного материала, т.е. деятельность учителя (преподавание) и учащихся (учение)»[501]; «обучение – упорядоченное взаимодействие педагога с учащимися, направленное на достижение поставленной цели»[502]. Таким образом, поиск информации в сети «Интернет» и восприятие соответствующей информации нельзя автоматически приравнивать к обучению (достаточно вспомнить, сколько раз в день каждый из нас задает поисковые запросы, и задаться вопросом: можно ли считать это обучением).

Во-вторых, широкое толкование ст. 205^3 УК РФ, позволяющее охватить так называемую «самоподготовку», идет вразрез с формулировками уголовного закона:

– ст. 205^3 УК РФ предусматривает ответственность за «*прохождение* лицом обучения, заведомо для обучающегося *проводимого* в целях осуществления террористической деятельности… (выделено мной. – *Д.Б.*)». Выделенные фрагменты означают, что *прохождение* обучения в обязательном порядке

---

[499] См., например: Московкин Л.В., Ёнтэ Ю. Термин «обучение» в современных педагогических словарях и учебниках педагогики // Профессорский журнал. Сер.: Русский язык и литература. 2021. № 1. С. 22–29.
[500] См.: Большая советская энциклопедия. М., 1954. Т. 30. С. 406; Энциклопедический словарь. М., 1964. Т. 2. С. 118.
[501] Педагогическая энциклопедия. М., 1966. Т. 3. С. 286.
[502] Подласый И.П. Педагогика: Новый курс: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 кн. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. С. 294.

предполагает *проведение* такого обучения. Иными словами, грамматическая трактовка ст. 205^3 УК РФ требует двустороннего взаимодействия лица, «проходящего» обучение (обучаемого), и лица, «проводящего» обучение (инструктора, тренера, наставника), что соответствует традиционным педагогическим представлениям об обучении;

– к выводу об обязательном двустороннем характере террористического обучения приводит грамматическое толкование примечания к ст. 205^3 УК РФ, в котором перечислены условия освобождения от уголовной ответственности: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно сообщило органам власти о прохождении обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных статьями 205^1, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 настоящего Кодекса, способствовало раскрытию совершенного преступления или *выявлению других лиц, прошедших такое обучение, осуществлявших, организовавших или финансировавших такое обучение* (выделено мной. – *Д.Б.*), а также мест его проведения и если в его действиях не содержится иного состава преступления». Как нетрудно заметить, законодатель увязывает освобождение от уголовной ответственности с активным содействием раскрытию преступной деятельности не только обучающегося, но и лиц, которые проводили обучение, что также подтверждает двусторонний характер обучения в террористических целях.

С учетом вышеизложенного имеются веские основания для того, чтобы рассматривать подготовку лица в террористических целях (ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ) и прохождение обучения в тех же целях (ст. 205^3 УК РФ) в качестве необходимого соучастия в преступлении. В отличие от института классического соучастия, который создает нормативное основание для ответственности разных лиц (соучастников) за единое преступление, «правовой смысл конструкции необходимого соучастия заключается в признании невозможно-

сти совершения определенных преступных посягательств в отсутствие корреспондирующих с ними деяний»[503]. В частности, такого рода необходимое соучастие возникает в случае совершения преступлений, имеющих форму «квазисделки»: сбыт оружия требует наличия приобретателя; купля-продажа человека в рамках состава торговли людьми предполагает обязательное взаимодействие «продавца» и «покупателя»; получение взятки невозможно без ее дачи. Но при этом взаимодействующие субъекты, совершая взаимообусловленные деяния, не становятся соучастниками в подлинном уголовно-правовом значении этого понятия. Соучастие не возникает, поскольку каждый из взаимодействующих субъектов совершает свое собственное преступление[504]. К числу подобных «двусторонних» преступлений относятся подготовка лица и прохождение обучения в террористических целях, которые приобретают признаки оконченного состава преступления лишь при условии фактического совершения корреспондирующих преступных действий.

Такой подход, в рамках которого подготовка лица и прохождение обучения в террористических целях рассматриваются как двусторонние преступления (необходимое соучастие), закономерным образом отражается на квалификации соответствующих деяний:

– он исключает возможность квалификации по ст. 205^3 УК РФ «самообучения», осуществляемого без непосредственного или дистанционного контакта с лицом, которое передает соответствующие знания, умения, навыки. Состав преступления, предусмотренного ст. 205^3 УК РФ, можно констатировать лишь при условии, что компетенции, необходимые для террористической деятельности, формируются в процессе взаимодействия с инструктором, тренером (в том числе и в формате самостоятельного изучения полученных

[503] См.: Шевченко Е.Н. Соучастие в преступлениях, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков: проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 41.

[504] Этот уголовно-правовой феномен попал в поле юридических исследований еще в позапрошлом столетии. В частности, Г.Е. Колоколов, анализируя необходимое соучастие, трактовал его как «такое стечение преступников, которое предполагается самой натурой преступления (см.: Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности). М., 1881. С. 65).

от него «учебных материалов»). Впрочем, это не означает, что «самообучающийся» вообще не подлежит уголовной ответственности. Как показывает правоприменительная практика, в рамках «самообучения» лицо осуществляет подготовку к совершению конкретного преступления, что позволяет квалифицировать его действия как приготовление к соответствующему преступному деянию (разумеется, при соблюдении «категорийных» ограничений, установленных в ч. 2 ст. 30 УК РФ);

– лицо, которое осуществляло подготовку обучающихся в террористических целях, не может признаваться организатором преступления, предусмотренного ст. 205^3 УК РФ, равно как и обучающийся не может считаться подстрекателем к корреспондирующему преступлению, предусмотренному ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ. Каждый из участников «педагогического процесса», осуществляемого в террористических целях, совершает свое преступление.

Чтобы подчеркнуть взаимообусловленность подготовки лица в террористических целях (ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ) и прохождения обучения в тех же целях (ст. 205^3 УК РФ), достаточно указать в диспозиции ст. 205^3 УК РФ, что обучение проводится иным лицом.

В уголовно-правовой литературе не без оснований ставится под сомнение обоснованность позиции законодателя, который в ч. 2 ст. 20 УК РФ установил возрастную планку для субъекта преступления, предусмотренного ст. 205^3 УК РФ, на уровне 14 лет[505]. Такое решение действительно выглядит не вполне последовательным, ведь в перечне преступлений, совершение которых выступает в качестве цели обучения, фигурируют деяния, ответственность за которые наступает с 16 лет (ст. 205^2, ч. 1 ст. 208, ст. 278, 279 УК РФ). Презюмируется, что лицо в возрасте 14–15 лет не способно адекватно осознавать социальное значение и общественную опасность этих деяний, причем эта юридическая презумпция относится к категории неопровержимых. Но в таком случае надо признать, что 14–15-летний подросток не может должным образом осознавать

[505] См.: Москалев Г.Л. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ). С. 93.

и общественную опасность прохождения обучения в целях совершения террористических преступлений, уголовная ответственность за которые наступает с 16 лет. Попутно отметим, что это системная проблема, характерная также и для других антитеррористических уголовно-правовых норм: в частности, ст. 205^1 УК РФ предусматривает ответственность для лиц, достигших 14-летнего возраста, за содействие некоторым преступлениям (например, предусмотренным ст. 205^2, ч. 1 ст. 208, ст. 278, 279 УК РФ), наказуемым по достижении 16-летнего возраста. На этом фоне становится очевидной потребность в пересмотре законодательно определенного возраста уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 205^3 УК РФ, равно как и за иные деяния, соотносимые по объективным признакам с соучастием и приготовлением к террористическим преступлениям.

Немало нареканий вызывает формулировка террористической цели в исследуемом составе преступления[506]. В ст. 205^3 УК РФ законодатель, как известно, избрал альтернативную форму описания цели обучения, причем увязал эту цель не с прохождением обучения, а с его «проведением». Статья 205^3 УК РФ предусматривает ответственность за «прохождение лицом обучения, *заведомо для обучающегося проводимого в целях* (выделено мной. – *Д.Б.*) осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных статьями 205^1, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361» УК РФ.

Первая из альтернативно предусмотренных целей – цель осуществления террористической деятельности – явно не соответствует критериям правовой определенности. Согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» понятие «террористическая деятельность» включает террористический акт (особо оговариваются всевозможные проявления соучастия в его совершении); организацию незаконного во-

[506] См.: Москалев Г.Л. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ). С. 94.

оруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности. Однако в самом уголовном законе этот термин трактуется с гораздо более широких позиций: в соответствии с п. 2 примечаний к ст. 205^2 УК РФ «под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361» УК РФ. В результате интерпретатор оказывается перед непростым выбором одного из этих несовпадающих определений террористической деятельности, что несовместимо со строгими требованиями, предъявляемым к определенности уголовного закона[507]. Очевидно, что с точки зрения правовой определенности намного предпочтительнее перечислить преступления, совершение которых служит целью обучения, непосредственно в диспозиции ст. 205^3 УК РФ. Причем перечень этих преступлений должен совпадать с перечнем преступных деяний, указанных в ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ в качестве цели корреспондирующего деяния – подготовки лица.

Несмотря на несовпадение доктринальных позиций относительно интерпретации признаков состава прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности, представители уголовно-правовой науки демонстрируют редкую солидарность в части оценки санкции, предусмотренной за это преступление. В большинстве публикаций по соответствующей проблематике обращается внимание на «сверхпенализацию» преступления, преду-

[507] См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212^1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // СПС «КонсультантПлюс». См. также постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2008 № 8-П, от 13.07.2010 № 15-П, от 17.06.2014 № 18-П, от 16.07.2015 № 22-П и др.

смотренного ст. 205^3 УК РФ, на несоразмерно высокие пределы наказания, которые не соответствуют общественной опасности приготовительной террористической деятельности, выраженной в форме прохождения обучения.

На страницах юридической печати высказано мнение о том, что пределы санкции ст. 205^3 УК РФ должны устанавливаться на основе положений ч. 2 ст. 66 УК РФ, согласно которым «срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса за оконченное преступление». В частности, А.И. Рарог, обращая внимание на завышенную пенализацию специальных приготовительных действий, пишет: «…санкции статей 205^3 и 205^4 УК вступают в противоречие со статьей 66 УК, закрепившей правило обязательного смягчения наказания за неоконченное преступление. Наказание за приготовление не может равняться наказанию за оконченное преступление, а тем более превышать его по строгости. Так, создание банды (ч. 1 ст. 209 УК) или преступного сообщества (ч. 1 ст. 208 УК), планирование или подготовка агрессивной войны (ч. 1 ст. 353 УК), являющиеся особыми формами приготовления, наказываются не строже, чем оконченное преступление. <…> На этом фоне представляется совершенно нелогичным наказание за приготовление к совершению преступлений террористического характера в форме обучения в центрах террористической подготовки (лишение свободы на срок от 15 до 20 лет с ограничением свободы или пожизненно – ст. 205^3 УК) либо в форме организации террористического сообщества (лишение свободы на срок от 15 до 20 лет со штрафом и ограничением свободы или пожизненно – ст. 205^4 УК), тогда как фактическое совершение перечисленных в указанных статьях преступлений влечет гораздо более мягкие наказания. А что касается пожизненного лишения свободы, то оно предусмотрено лишь некоторыми из этих статей и только при особо отягчающих обстоятельствах. Установление наказания в виде пожизненного лишения свободы за приготовление к совершению пре-

ступлений, фактическое осуществление которых такого наказания не предусматривает, является недопустимым, поскольку противоречит правилу об обязательном смягчении наказания за неоконченное преступление»[508].

Судя по результатам проведенного нами социологического исследования, экспертное сообщество, представленное учеными и практиками, также признает наличие «перегибов» при пенализации преступления, предусмотренного ст. 205^3 УК РФ. Большинство опрошенных экспертов придерживаются мнения о том, что ориентиром (точкой отсчета) для конструирования санкции ст. 205^3 УК РФ должны служить санкции за оконченные террористические преступления, совершение которых выступает в качестве цели прохождения обучения. Но при этом взгляды экспертов на то, как именно должны соотноситься эти санкции, не совпадают: 23,6% респондентов указали, что законодатель должен руководствоваться предписаниями ч. 2 ст. 66 УК РФ, в силу которых наказание за приготовление не превышает половины максимального срока наказания, предусмотренного за оконченное преступление; 37,2% опрошенных выразили мнение о том, что при конструировании санкций за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ) законодатель не связан предписаниями ч. 2 ст. 66 УК РФ, но при этом санкции за приготовительную террористическую деятельность должны быть ниже санкций за оконченные террористические преступления[509].

Соглашаясь с общим выводом о завышенных пределах санкции ст. 205^3 УК РФ, отметим в то же время, что их жесткую привязку к положениям ч. 2 ст. 66 УК РФ обеспечить непросто в технико-юридическом плане – для этого пришлось бы создавать самостоятельные составы прохождения обучения в целях совершения каждого из множества террористических преступлений или формулировать в ст. 205^3 УК РФ нетипичную для отечественного уголовного права санкцию, пределы которой устанавливаются расчетным путем

---

[508] См.: Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя. С. 46–60.

[509] В то же время значительная часть опрошенных экспертов (39,3%) полагает, что при конструировании санкций за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ) законодатель может предусматривать такие же наказания, что и за оконченные террористические преступления.

(посредством деления санкции за террористическое преступление, с целью совершения которого осуществлялось обучение).

Не меньше вопросов возникнет и при реализации второго подхода, предполагающего диспозитивное снижение санкции за прохождение обучения в сравнении с санкциями за преступления террористического характера, выступающие в качестве цели обучения. На сколько именно должно быть снижено наказание за приготовление особого рода? Санкцию за какое именно преступление из числа указанных в ст. 205^3 УК РФ следует взять в качестве точки отсчета? Вразумительные ответы на эти вопросы в доктрине не сформулированы.

В качестве технико-юридического приема, позволяющего обеспечить справедливую пенализацию прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности, можно предложить блоковый подход к дифференциации уголовной ответственности, учитывающий категорию тяжести террористического преступления, выступающего в качестве цели обучения, а также правило об обязательном смягчении наказания за приготовление. Этот подход предполагает: во-первых, дифференциацию санкций за прохождение обучения в целях совершения террористических преступлений разной категории тяжести; во-вторых, установление максимального предела наказания за прохождение обучения на уровне половины от верхнего предела наказания, предусмотренного за преступления соответствующей категории тяжести[510].

Реализация этой идеи потребует перестройки «нормативного каркаса» ст. 205^3 УК РФ. Прохождение обучения в целях совершения террористических преступлений разных категорий тяжести должно находиться на разных его «этажах»: в ч. 1 ст. 205^3 УК РФ – прохождение обучения в целях совершения

[510] Следует оговорить, что реализовать это правило с математической точностью не получится. Половина от максимально возможного пятилетнего срока лишения свободы за умышленное преступление средней тяжести составляет два года шесть месяцев, но в санкциях статей Особенной части УК РФ максимальный срок наказания в виде лишения свободы определяется в полных годах. А значит, санкцию за прохождение обучения в целях совершения террористических преступлений средней тяжести придется округлять до целого года.

преступлений небольшой и средней тяжести; в ч. 2 ст. 205^3 УК РФ – прохождение обучения в целях совершения тяжких преступлений; в ч. 3 ст. 205^3 УК РФ – прохождение обучения в целях совершения особо тяжких преступлений.

Глава 2.
Уголовно-правовое воздействие на организационно-управленческую инфраструктуру терроризма

2.1. Законодательная дифференциация преступных групп, нацеленных на совершение преступлений террористического характера: критический анализ

В УК РФ 1996 г. на момент его вступления в силу содержались четыре статьи об ответственности за создание групповых объединений (ст. 208, 209, 210, 239). Криминальная направленность была обозначена лишь в двух из них – в ст. 209 и 210 УК РФ, причем цель совершения преступлений террористического характера ни в одной из этих статей специально не обозначалась.

В отсутствие специализированных уголовно-правовых норм, предназначенных для противодействия террористическим объединениям, правоприменительная практика приспособила для этих нужд имеющиеся нормы. Больше всего для этого подходила норма об ответственности за бандитизм (ст. 209 УК РФ), чему способствовало довольно широкое определение банды, сформулированное в уголовном законе (устойчивая вооруженная группа, созданная в целях нападения на граждан или организации). Террористические группы, сформированные в Северо-Кавказском регионе в 1990-х – начале 2000-х гг., отличались довольно высоким уровнем организованности и в абсолютном своем большинстве соответствовали критерию вооруженности, а их нацеленность на совершение террористических актов или иных насильственных террористических преступлений позволяла констатировать цель осуществления нападений на граждан или организации. Таким образом, эти террористические группы, как правило, полностью соответствовали (да и сейчас соответствуют) законодательным «лекалам» банды, вследствие чего ст. 209 УК РФ, сконструированная в целях борьбы с общеуголовными бандами, некоторое время

(с 1997 г. примерно до 2006 г.) служила основным инструментом противодействия организационно-управленческой инфраструктуре терроризма. А сами террористические объединения на профессиональном лексиконе сотрудников правоохранительных органов именовались «бандгруппами» или «бандформированиями»[511].

Начиная с 2000 г. субъекты правоприменения постепенно адаптировали для антитеррористических целей ст. 208 УК РФ[512]. В специальной литературе отмечалось, эта норма изначально задумывалась как инструмент противодействия незаконным вооруженным формированиям, участники которых не имеют криминальных целей[513]. Эта доктринальная трактовка косвенно подтверждалась санкциями, предусмотренными в первоначальной редакции ст. 208 УК РФ: создание незаконного вооруженного формирования и руководство таким формированием наказывалось по ч. 1 лишением свободы на срок от двух до семи лет; максимальное наказание за участие в незаконном вооруженном формировании по ч. 2 составляло до пяти лет лишения свободы, что резко контрастировало с санкциями за бандитизм (от десяти до пятнадцати лет лишения свободы по ч. 1 ст. 209 УК РФ; от восьми до пятнадцати лет лишения свободы по ч. 2 ст. 209 УК РФ). Но поскольку цель создания незаконного вооруженного формирования в ст. 208 УК РФ не обозначена, в правоприменительной практике возобладала иная интерпретация этой уголовно-правовой нормы, позволяющая применять ее к руководителям и участникам вооруженных террористических групп. Причем ст. 208 УК РФ оказалась намного «удоб-

---

[511] См.: Паненков А. Организованные преступные формирования, участники которых совершают террористические преступления // Законность. 2009. № 1. С. 50–53; Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией. С. 94.

[512] См.: Меркурьев В.В., Агапов П.В. Уголовная политика в сфере противодействия преступлениям, связанным с участием российских граждан в незаконных вооруженных формированиях на территориях иностранных государств. С. 292–295; Павлинов А.В. Квалификация террористической деятельности: проблемы и решения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 5 (55). С. 16–17.

[513] См.: Сальникова Н.И. Незаконное вооруженное формирование не является разновидностью преступного сообщества // Российский следователь. 2005. № 3. С. 22–23; Бейбулатов Б.Ш. Причины и условия возникновения незаконных вооруженных формирований // Военно-юридический журнал. 2008. № 5. С. 24–26; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М.: Контракт, 2012. С. 350.

нее» в плане правоприменения, чем ст. 209 УК РФ, вменение которой требовало доказывания специальной цели совершения нападения на граждан или организации. Об этом откровенно пишет А.Н. Мондохонов: «Если анализировать судебные решения о преступлениях, предусмотренных ст. 208 УК РФ, можно заметить, что доказательственная база большинства уголовных дел преимущественно состоит из доказательств задержания лица, изъятия незаконно хранимого или носимого оружия, показаний подозреваемого (обвиняемого) о прохождении военного обучения в лагере, дежурстве с оружием в руках на базе и т.д., а также показаний одного-двух свидетелей о том, что указанное лицо видели в составе какого-либо незаконного вооруженного формирования. Как правило, задержанные с оружием в руках лица не спешат признаваться в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, что может повлечь квалификацию их действий по ч. 2 ст. 209 или ч. 2 ст. 210 УК РФ, относящихся к категории тяжких и особо тяжких преступлений, поэтому при отсутствии достаточных доказательств совершения указанных преступлений правоприменитель вынужден квалифицировать действия виновных по ч. 2 ст. 208 УК РФ, относящейся к категории преступлений средней тяжести. <…> …сложившейся судебной практикой подтверждается вывод, что исследуемая уголовно-правовая норма предназначена для случаев, когда у правоохранительных органов недостаточно доказательств для обвинения лица в совершении бандитизма или организации преступного сообщества (преступной организации)»[514].

Неудивительно, что ст. 208 УК РФ при упрощенных стандартах доказывания довольно скоро стала ведущим уголовно-правовым инструментом воздействия на руководителей и участников террористических объединений.

[514] Мондохонов А.Н. Цель организации незаконного вооруженного формирования // Сибирский юридический вестник. 2010. № 4. С. 97–98. О том же пишет Э.В. Трузян: «Как показало изучение уголовных дел, в подавляющем большинстве случаев норма об организации НВФ или участии в нем используется судами в тех случаях, когда в материалах дела отсутствуют данные о специальной целевой направленности преступного объединения (что могло бы свидетельствовать о наличии признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 205^4, 209, 210, 239, 282^1 УК РФ)» (см.: Трузян Э.В. Организованная группа по российскому уголовному законодательству: понятие, виды, ответственность: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2018. С. 126–127).

Если в 1997–1999 гг. регистрировались лишь единичные факты совершения предусмотренных ст. 208 УК РФ преступлений (не более 9 в год), то с 2000 г. их количество исчисляется сотнями. В 2005 г. показатели регистрации преступлений, предусмотренных ст. 208 и 209 УК РФ, практически сравнялись, а начиная с 2006 г. ст. 208 УК РФ занимает лидирующую позицию в плане правоприменения (см. рисунок 1). Что же касается ст. 209 УК РФ, то сфера ее применения сместилась на общеуголовные банды.

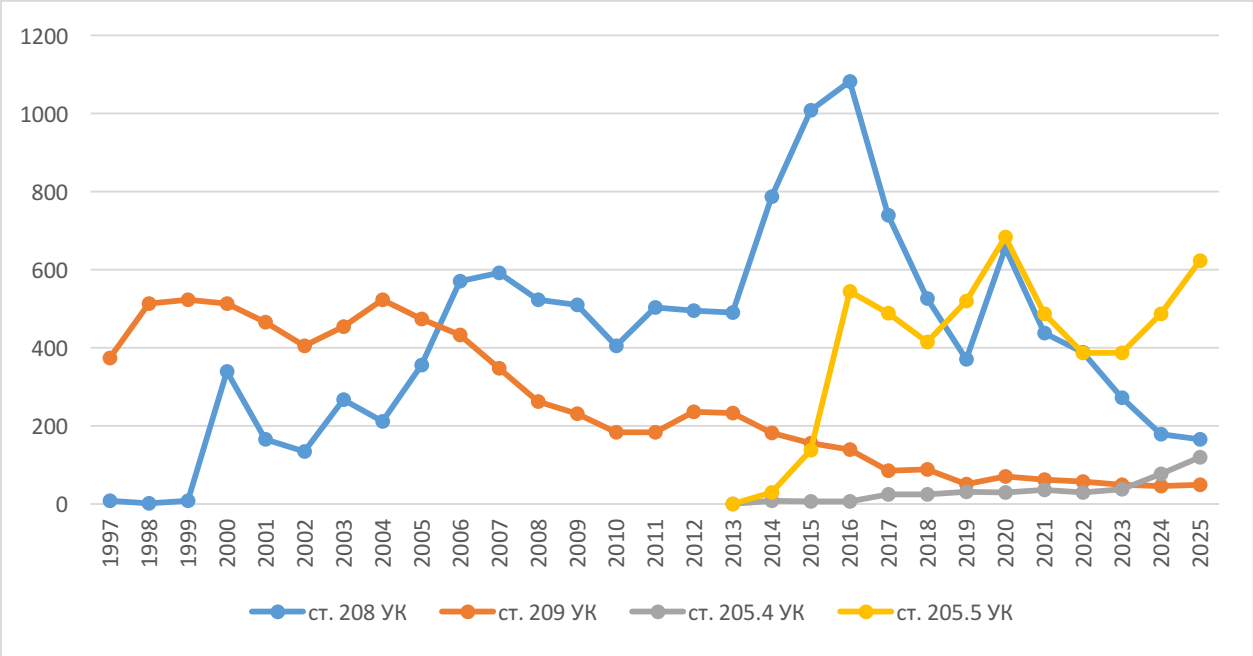

Рисунок 1 – Показатели регистрации преступлений, предусмотренных ст. 205[4], 205[5], 208 и 209 УК РФ, в 1997–2025 гг.

Правоприменительная адаптация ст. 208 УК РФ для борьбы с организационно-управленческой инфраструктурой терроризма тем не менее не удовлетворила полностью потребности правоохранительных органов в эффективных уголовно-правовых средствах противодействия организованной террористической преступности. В «нулевых» годах нового столетия в политико-правовом пространстве и на страницах юридических изданий неоднократно выдвигались предложения относительно конструирования специализированной нормы об ответственности за создание организованной террористической

группы, руководство ею и участие в ней[515]. Соответствующие инициативы получили дополнительный импульс в связи с принятием Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который ввел в официальный оборот термин «террористическая организация» и наделил суды полномочиями по признанию организации террористической и подлежащей ликвидации на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора в случае, если от имени или в интересах организации осуществляются организация, подготовка и совершение преступлений террористического характера[516], а также в случае, если указанные действия осуществляет лицо, которое контролирует реализацию организацией ее прав и обязанностей.

Обосновывая потребность в установлении уголовно-правового запрета на создание террористической организации и участие в ней, представители доктрины отмечали, что «имеющиеся уголовно-правовые средства не позволяют дать полную и адекватную правовую оценку рассматриваемым деяниям». При этом высказывались надежды на то, что «включение в УК РФ специальной нормы об ответственности за создание террористической организации или участие в ней позволит устранить явно ненормальную ситуацию, когда террористическая деятельность организованных преступных групп при одинаковых фактических обстоятельствах получает различную уголовно-правовую оценку (в совокупности со статьями УК РФ, предусматривающими ответственность за преступления террористического характера, вменяется то ст. 208 УК РФ, то ст. 209 УК РФ, реже – ст. 210 УК РФ). Иными словами, введение в УК РФ предлагаемой нормы создаст условия для единообразной

---

[515] См., например: Устинов В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002. С. 386; Лунев В.В. Терроризм и организованная преступность: национальные и транснациональные аспекты // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. М.: Юрист, 2003. Вып. 2. С. 26; Байрак Г.Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 17–18; Елизаров И.Е. Уголовно-правовой анализ вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ст. 205^1 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 171; Стешин А.Ю. Совершенствование уголовно-правового регулирования борьбы с финансированием террористической деятельности // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 12. С. 18–22.

[516] На настоящий момент в ч. 2 ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму» к ним отнесены деяния, предусмотренные ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282^1–282^3, 360 и 361 УК РФ.

квалификации фактов создания организованных преступных групп в целях совершения преступлений террористического характера и террористической деятельности таких групп»[517].

К сожалению, эти надежды не оправдались. Федеральным законом от 02.11.2013 № 302-ФЗ в УК РФ введены две нормы: ст. 205^4, предусматривающая ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем, и ст. 205^5 об ответственности за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации. Однако появление дополнительных норм об ответственности за создание объединений террористической направленности и участие в них не привнесло ожидаемого единообразия и порядка в правоприменительную деятельность[518]. По прошествии времени можно констатировать, что эффект оказался обратным.

В ст. 205^4 и 205^5 УК РФ реализован блоковый прием криминализации организационной деятельности, апробированный до этого в рамках гл. 29 УК РФ (ст. 282^1 и 282^2): законодатель сконструировал «связки» статей об ответственности за первичное создание криминального объединения и организацию деятельности уже запрещенной группы (ст. 205^4 и 205^5, ст. 282^1 и 282^2 УК РФ).

Так, ст. 205^4 УК РФ предусматривает ответственность за создание террористического сообщества, т.е. устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки[519] или совершения террористических преступлений (их перечень приведен в диспозиции ч. 1 ст. 205^4 УК РФ), либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, а равно руководство таким

---

[517] Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией. С. 109–110.

[518] Положительные оценки этих новелл см.: Павлинов А.В. Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом и другими проявлениями экстремистской деятельности: исчерпаны ли ресурсы? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 3. С. 123–130.

[519] Отметим, что альтернативное указание на «подготовку или совершение» преступлений выглядит явно излишним, поскольку термин «совершение преступления» полностью охватывает его «подготовку», ведь неоконченное преступление – это разновидность преступления как такового.

террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями. А ст. 205^5 УК РФ криминализует организацию деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической.

Блоковый подход, предполагающий «связку» статей об ответственности за первичное создание криминального объединения и организацию деятельности уже запрещенной группы (ст. 205^4 и 205^5, ст. 282^1 и 282^2 УК РФ), воспринимается в доктрине неоднозначно. Одни специалисты поддерживают сложившуюся законодательную практику, полагая, что соответствующие статьи, включенные в блоки (связки), имеют разные сферы применения: одна статья криминализует создание группы, которая преследует цель совершения преступления; другая – устанавливает ответственность за создание группы, которая не имеет своей целью совершение преступлений. Такой подход позволяет обеспечить «всесторонний охват уголовным законом разнообразных общественно опасных групп»[520]. Другие исследователи считают блоковый подход неудачным. Так, например, И.Е. Горемычкин категорично утверждает, что «существование в УК РФ ст. 205^5 “Организация деятельности террористической организации и участие в ней” и 282^2 “Организация деятельности террористической организации” (в цитируемом источнике действительно так, но, видимо, названия статей указаны неверно) неоправданно, поскольку к числу объективных и субъективных критериев, характерных для террористического и экстремистского сообществ, добавляется решение властного органа (в нашем случае суда) о наличии этой искусственной формы соучастия sui generis, и это властное решение является практически единственным отличием террористической организации и экстремистской организации от террористического сообщества и экстремистской организации в рамках действующего УК РФ»[521].

---

[520] Рассказова М.В. Сговор на совершение преступления … С. 122–123.
[521] Горемычкин И.Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия. С. 13.

Оценивая эти несовпадающие научные позиции, отметим следующее. Тезис о различиях в целевых установках «связанных» объединений (первое преследует криминальные цели, второе – иные) справедлив лишь в отношении экстремистских групп, предусмотренных ст. 282^1 и 282^2 УК РФ. Экстремистская организация, предусмотренная ст. 282^2 УК РФ, действительно, может и не иметь цели совершения преступлений, тогда как экстремистское сообщество в силу прямого указания ч. 1 ст. 282^1 УК РФ должно быть нацелено на совершение преступлений экстремистской направленности[522]. Что же касается террористических объединений, предусмотренных ст. 205^4 и 205^5 УК РФ, то их цели фактически совпадают.

Сопоставительный анализ ст. 205^4 УК РФ, взаимосвязанных предписаний ст. 205^5 УК РФ и ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», которая регламентирует основания и порядок признания организации террористической (по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора), приводит к выводу, что террористическая организация, по сути дела, преследует те же криминальные цели, что и террористическое сообщество. Исходя из этого, в уголовно-правовой доктрине констатируется, что «террористическое сообщество отличается от террористической организации лишь наличием вступивших в законную силу решения суда о признании организации террористической либо обвинительного приговора суда в отношении лица за создание террористического сообщества, руководство им или участие в нем»[523].

---

[522] Анализируя ст. 282^1 и 282^2 УК РФ, А.Н. Мондохонов пишет: «Принципиальное различие между рассматриваемыми преступлениями заключается в том, что деятельность экстремистской организации не всегда является криминальной, в то время как деятельность террористической организации носит исключительно преступный характер» (см.: Мондохонов А.Н. Криминализация деятельности запрещенных организаций // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 50–53).

[523] Там же. См. также: Ульянова В.В. Террористическое сообщество и террористическая организация: проблемы квалификации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 100–105; Пихов А.Х.-А. Проблемы и тенденции изменений уголовного законодательства в сфере противодействия террористической деятельности // Закон и право. 2015. № 5. С. 110.

Но это вовсе не означает, что ст. 205^5 (равно как и ст. 282^2) необходимо исключить из УК РФ, к чему призывает И.Е. Горемычкин. Подобные юридические конструкции обеспечивают «упрощенную квалификацию» (по аналогии с упрощенным судопроизводством), что в целом соответствует уголовно-политическому тренду на формирование утилитарного уголовного права, которое, по убеждению власти, должно эффективно решать отраслевые (охранительные и превентивные) и даже более глобальные социальные задачи с минимальной тратой ресурсов. Во-первых, субъекты правоприменительной деятельности избавлены от необходимости каждый раз устанавливать и доказывать террористический или экстремистский характер организации, ведь она уже наделена соответствующим статусом на основании судебного решения, что позволяет использовать преюдицию. Во-вторых, не требуется устанавливать наличие у организатора (руководителя) или участников соответствующих объединений специальных (террористических или экстремистских) целей. Таким образом, стандарты квалификации и доказывания существенно упрощаются: достаточно установить сам факт участия в запрещенной организации, признанной террористической или экстремистской, или организации ее деятельности. Весьма показательны в этом отношении оценки А.Н. Мондохонова, который в силу занимаемых должностей в органах прокуратуры не понаслышке знает о правоприменительной деятельности в соответствующей сфере: «…формулирование ст. 282^2 и 205^5 УК оптимизирует правоприменительную практику в отношении участников террористических и экстремистских организаций, действующих в международном масштабе и имеющих конкретное название (например, “База” (“Аль-Каида”)[524], “Братья-мусульмане” (“Аль-Ихван аль-Муслимун”)[525], “Партия исламского освобождения” (“Хизб

[524] Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.
[525] Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

ут-Тахрир аль-Ислами")[526], "Исламское государство"[527], Джебхат ан-Нусра (Фронт победы)[528], "Имарат Кавказ" ("Кавказский Эмират")[529] и др.). <…> …правоприменителю не требуется при пресечении деятельности участников конкретных террористической или экстремистской организаций, уже признанных таковыми в соответствии с законодательством Российской Федерации, каждый раз устанавливать факт существования указанных террористической или экстремистской организаций – достаточно установить принадлежность лиц к конкретным организациям»[530].

В правоприменительном плане ст. 205^5 УК РФ даже проще, чем ст. 208 УК РФ, что закономерным образом отразилось на статистических показателях регистрации соответствующих преступлений: в 2016–2019 гг. количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 205^5 и 208 УК РФ, практически сравнялось, а с 2020 г. ст. 205^5 УК РФ стала доминирующей в правоприменении[531].

Законодательное решение о конструировании специальной нормы, предусматривающей ответственность за создание террористического сообщества, руководство им и участие в нем (ст. 205^4 УК РФ), также можно признать оправданным. Эта норма позволила: разграничить (по крайней мере на уровне закона) экстремистское сообщество (ст. 282^1 УК РФ) и преступное объединение, созданное в террористических целях; обеспечить нормативную основу

---

[526] Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

[527] Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С.

[528] Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С.

[529] Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2010 № ГКПИ 09-1715.

[530] Мондохонов А.Н. Преступные объединения в уголовном праве России: закон, теория, практика. М.: Проспект, 2023. С. 237–238.

[531] На это обстоятельство обращается внимание в специальных исследованиях: «Статья 205^5 УК РФ стала широко применяться на практике после официального опубликования решения Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С, которым организации "Исламское государство" и "Джебхат ан-Нусра" признаны террористическими и запрещены на территории Российской Федерации. До этого действия участников "Исламского государства" и его структурных подразделений квалифицировались органами предварительного следствия по ст. 208 УК РФ "Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем"» (см.: Тисен О.Н. Квалификация неоконченных преступлений, направленных на вступление в международные террористические организации и незаконные вооруженные формирования на территории иностранных государств // Уголовное право. 2019. № 5. С. 85–88).

для адресного уголовно-правового воздействия на организаторов и участников террористических групп (напомним, что до появления ст. 205[4] УК РФ оно осуществлялось на основании норм об ответственности за создание общеуголовных групп). Такой подход находится в русле международных стандартов: в документах ООН отмечается, что для противодействия террористической угрозе нужны самостоятельные нормы об ответственности за создание террористических объединений и участие в них[532].

При этом очевидно, что уголовно-правовой запрет на организацию деятельности организации, признанной террористической, и участие в ней (ст. 205[5] УК РФ) не может считаться достаточным, поскольку вне сферы применения ст. 205[5] УК РФ остаются: террористические группы, которые еще не запрещены судом и не попали в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими[533]; запрещенные террористические организации, сменившие «вывеску» или действующие «под чужим флагом».

Эта проблема отмечается во всех правопорядках: «На международном и европейском уровнях Совет Безопасности ООН и Европейский союз опубликовали списки обозначенных террористов и террористических групп, на кото-

---

[532] Как отмечается в письме Председателя Комитета Совета Безопасности ООН, «…опора на составы преступлений, не связанные с терроризмом, может создать свои проблемы. Проблемы могут возникать либо потому, что суды не желают соглашаться с таким новаторским толкованием, предлагаемым обвинением, либо потому, что такие положения включают в себя иные деяния и умысел в качестве основания для осуждения. Опора на составы преступлений, не связанные с терроризмом, может также порождать проблемы для международного сотрудничества либо потому, что государства существенно расходятся во мнении о том, какое участие в иностранном конфликте следует считать уголовно наказуемым (в связи с чем возникают вопросы, связанные с “двойной преступностью”), либо потому, что такие деяния, выпадающие из контекста терроризма, могут подпадать под действие оговорок об исключении, предусмотренных в договорах о выдаче, например считаться политическими преступлениями. Опора на составы преступлений, не связанные с терроризмом, чревата также той опасностью, что суды не смогут воспринять всю серьезность дела, а наказания могут быть не очень суровыми, как это часто случается, когда речь идет о нарушениях иммиграционных законов или малозначительных преступлениях, таких как мошенничество или кража, совершенных до отъезда в зону конфликта» (см.: Привлечение террористов к судебной ответственности: проблемы, связанные с судебным преследованием иностранных боевиков-террористов: приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 18.02.2015 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2015/123) (п. 19). URL: https://docs.un.org/ru/S/2015/123).

[533] URL: https://nac.gov.ru/main/list/terroristExtremistOrganizations

рые распространяются санкции. У отдельных правительств есть свои собственные списки террористических организаций. Эти списки, однако, ограничены по своей полноте и, в частности, не отражают угрозу, исходящую от ряда жестоких ультраправых террористических групп»[534]. Обозначенная проблема может быть решена только за счет криминализации первичного создания террористического объединения, не указанного в перечне организаций, уже признанных террористическими, что и было сделано в ст. 205^4 УК РФ.

Таким образом, в качестве промежуточного вывода можно констатировать наличие объективной потребности в установлении уголовной ответственности как за первичное создание криминального объединения, так и за организацию деятельности уже запрещенной группы.

С введением ст. 205^4 и 205^5 УК РФ у правоприменительных органов появились крайне жесткие уголовно-правовые инструменты противодействия «первичной» и «вторичной» организационно-управленческой террористической деятельности, но эти новеллы, увы, не решили застарелую проблему не единообразной (а порой и противоречивой) квалификации действий руководителей и участников террористических объединений. Более того, возникли новые проблемы, связанные с нарушением фундаментального принципа уголовного права non bis in idem.

Главный недостаток ст. 205^4 и 205^5 УК РФ заключается в том, что установленные ими признаки террористического сообщества и террористической организации пересекаются между собой, а также с признаками незаконного вооруженного формирования, предусмотренными ст. 208 УК РФ[535], что наглядно демонстрирует составленная нами таблица 1.

---

[534] Доклад о возникающих террористических угрозах в Европе от 07.09.2022 (CM(2022)149-add), подготовленный Комитетом Совета Европы по борьбе с терроризмом. URL: https://rm.coe.int/-1445-10-2b-cdct-cm-2022-149-adde/1680a9ad62

[535] Признаки террористического сообщества (ст. 205^4 УК РФ) пересекаются, помимо прочего, и с признаками банды (ст. 209 УК РФ), но, поскольку практика приспособила ст. 209 УК РФ для целей противодействия общеуголовным бандам, это не создает особых проблем в правоприменении.

Таблица 1 – Сравнительный анализ террористических объединений

Признаки	Виды террористических объединений		
	террористическое сообщество (ст. 205[4] УК)	**террористическая организация (ст. 205[5] УК)**	**незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК)**
форма соучастия	организованная группа	организованная группа	организованная группа
вооруженность	de jure не обязательна, de facto присутствует в большинстве случаев	de jure не обязательна, de facto присутствует в большинстве случаев	обязательна
цель	осуществление террористической деятельности или совершение преступлений, предусмотренных ст. 205[1], 205[2], 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма	пропаганда, оправдание и поддержка терроризма или совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282[1]–282[3], 360 и 361 УК РФ (ч. 1 ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму»)	«реализация определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения территориальной целостности Российской Федерации)» (абзац второй п. 23 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1)
статус группы	–	организация признана террористической по решению суда на основании заявления прокурора	–

Во-первых, все террористические объединения, предусмотренные ст. 205[4], 205[5], 208 УК РФ, идентичны с точки зрения формы соучастия: каждое

из них представляет собой организованную группу[536]. Применительно к террористической организации, предусмотренной ст. 205^5 УК РФ, этот тезис в ряде работ ставится под сомнение. В частности, А.Г. Хлебушкин высказывает мнение о том, что террористическая и экстремистская организации (ст. 205^5, 282^2 УК РФ) не относятся ни к одной из предусмотренных ст. 35 УК РФ форм соучастия, поскольку они не упоминаются среди видов организованных преступных формирований, за создание и участие в которых ответственность наступает по специальным нормам Особенной части УК РФ (ч. 5 ст. 35 УК РФ)[537]. Однако, как представляется, отсутствие в ч. 5 ст. 35 УК РФ указания на ст. 205^5 УК РФ в перечне организованных групп, предусмотренных Особенной частью УК РФ (в нем указаны группы, предусмотренные ст. 205^4, 208, 209, 210 и 282^1 УК РФ), – это всего лишь досадный технико-юридический недостаток. По всей видимости, законодатель не включил ст. 205^5 УК РФ в соответствующий перечень, руководствуясь сходством ее конструкции со ст. 282^2 УК РФ, которая в ч. 5 ст. 35 УК РФ не указана. Однако при внешнем сходстве ст. 205^5 и 282^2 УК РФ предусматривают ответственность за организацию деятельности разных по своей природе объединений: если экстремистская организация действительно не преследует преступных целей, то «деятельность террористической организации носит исключительно криминальный характер, а основания признания организации террористической связаны только с фактом совершения преступления»[538]. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», которая регламен-

---

[536] В уголовно-правовой доктрине достигнут устойчивый консенсус относительно того, что предусмотренное ст. 205^4 УК РФ террористическое сообщество, несмотря на созвучное наименование с преступным сообществом (ч. 4 ст. 35, ст. 210 УК РФ), не требует обязательной структурированности. Большинство специалистов относят террористическое сообщество к «простой» организованной группе, отмечая при этом, что «структурированность не обязательный, но возможный признак данного преступного формирования» (см.: Ульянова В.В. Террористическое сообщество и террористическая организация … С. 100–105).

[537] См.: Хлебушкин А.Г. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205^5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2. С. 82–87.

[538] Ульянова В.В. Террористическое сообщество и террористическая организация … С. 100–105.

тирует основания признания организации террористической. А поскольку террористическая организация создается с целью совершения одного или нескольких террористических преступлений, то ее с полным основанием можно считать разновидностью организованной группы.

Во-вторых, как показывает практика противодействия терроризму, в подавляющем большинстве случаев террористические объединения, предусмотренные ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ, являются вооруженными. Формально-юридически признак вооруженности является обязательным лишь для незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ), тогда как для террористического сообщества (ст. 205^4 УК РФ) и террористической организации (ст. 205^5 УК РФ) он выступает в качестве факультативной характеристики, которая находится за рамками соответствующих составов преступлений. Но de facto чуть ли не каждая террористическая группа, предусмотренная ст. 205^4 и 205^5 УК РФ, оснащена оружием, что закономерно порождает конкуренцию уголовно-правовых норм.

В-третьих, характерным (в силу закона или судебного толкования) признаком каждого из террористических объединений, предусмотренных ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ, является цель совершения террористических преступлений или осуществления террористической деятельности. Применительно к террористическому сообществу эта цель указана непосредственно в ч. 1 ст. 205^4 УК РФ; преступные цели террористической организации обозначены в ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Что же касается незаконных вооруженных формирований, то цель их создания в ст. 208 УК РФ не обозначена. Это «квалифицированное молчание» законодателя давало веские основания для вывода о том, что ст. 208 УК РФ предназначена для противодействия незаконным вооруженным формированиям не только криминальной, но и иной направленности: «…создание НВФ может быть обусловлено как социально полезными, непреступными целями (обеспечение правопорядка в отдельно взятом жилом районе или населенном пункте), так и целями криминального толка (организация вооруженного мятежа,

насильственный захват власти)»[539]. Дополнительным аргументом в пользу такого вывода служили относительно невысокие санкции, предусмотренные в первоначальной редакции ст. 208 УК РФ, – лишение свободы на срок от двух до семи лет в ч. 1 ст. 208, лишение свободы на срок до пяти лет в ч. 2 ст. 208 УК РФ, – которые резко контрастируют с суровыми санкциями ст. 208 УК РФ в действующей редакции. Однако высшая судебная инстанция предложила иную трактовку целей незаконного вооруженного формирования, сделав акцент на криминальном (преимущественно террористическом) целеполагании: «Под незаконным вооруженным формированием в статье 208 УК РФ следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину или иную вооруженную группу, *созданные для реализации определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения территориальной целостности Российской Федерации)* (выделено мной. – *Д.Б.*)» (абзац второй п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1).

Сопоставительный анализ убеждает в том, что признаки рассматриваемых террористических объединений не просто пересекаются, но практически совпадают. Организованная вооруженная группа, преследующая террористические цели, соответствует как признакам террористического сообщества, так и признакам незаконного вооруженного формирования. А если эта группа ассоциирована с запрещенной террористической организацией[540] (например, посредством принятия присяги на верность лидеру этой организации), является ее подразделением (ячейкой), то она, помимо прочего, полностью подходит под законодательные «лекала» террористической организации. Специфический признак запрещенности, включенный в ст. 205^5 УК РФ, сам по себе

[539] Трузян Э.В. Организованная группа по российскому уголовному законодательству … С. 127–128.

[540] См.: Единый федеральный список организаций, признанных Верховным Судом Российской Федерации террористическими, размещенный на официальном сайте Национального антитеррористического комитета России. URL: http://nac.gov.ru/document//edinyi-federalnyi-spisok-organizatsii-priznannykh-terroristicheskimi-verkhovnym-sudom-r.html

не позволяет четко разграничить террористическую организацию от иных видов террористических объединений, поскольку участники запрещенной террористической организации, как правило, вооружены (т.е. соответствуют признакам незаконного вооруженного формирования) и нацелены на совершение (уже совершили или совершают) преступлений террористического характера (т.е. соответствуют признакам террористического сообщества).

Следует подчеркнуть, что при существующем законодательном регулировании пересечение и наслоение признаков террористических объединений, предусмотренных ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ, просто неизбежно, поскольку:

– в ч. 1 ст. 205^4 УК РФ в перечне преступлений, для совершения которых создается террористическое сообщество, указана ст. 208 УК РФ. Получается, что лица, создавшие незаконное вооруженное формирование, автоматически становятся членами террористического сообщества, образованного в целях совершения преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ;

– в перечне преступлений, дающих основание для признания организации террористической (ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»), названы ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ. В результате получается, что все без исключения террористические объединения подпадают под запрет и должны быть в судебном порядке признаны террористическими организациями.

В принципе, конкуренцию уголовно-правовых норм саму по себе нельзя оценивать негативно; это вполне нормальное и даже закономерное явление, признак развитого нормативного регулирования[541]. Неизбежным следует признать и наличие смежных составов преступлений. Но проблема в том, что применительно к ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ не установлены ни четкие критерии разграничения террористических объединений, ни правила разрешения конкуренции соответствующих уголовно-правовых норм.

---

[541] См.: Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм // СПС «КонсультантПлюс».

В этих условиях совпадение признаков террористических объединений порождает совокупную квалификацию – одни и те же лица по правилам идеальной совокупности преступлений признаются виновными в создании сразу нескольких преступных групп и (или) участии в них, хотя по факту они являлись членами одной криминальной ассоциации.

Стандартная ситуация: лицо, попавшее под влияние террористической пропаганды, принимает присягу на верность руководителям международной террористической организации, запрещенной в России, вербует иных лиц, приискивает оружие и создает вооруженное подразделение (ячейку) этой организации с целью совершения террористических актов. В объективной реальности создано одно (!) вооруженное террористическое объединение, а в «параллельной» правовой действительности возникает идеальная совокупность преступлений – получается, что его организатор и участники являются членами трех (!?) террористических групп, предусмотренных ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ.

Практика Верховного Суда Российской Федерации демонстрирует множество подобных примеров:

– в решении по делу Киталаевой, опубликованном в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации, высший судебный орган согласился с совокупной уголовно-правовой оценкой ее действий по ч. 2 ст. 205^5, ч. 2 ст. 208 УК РФ. Из обстоятельств дела следует, что Киталаева вступила в незаконное вооруженное формирование, которое являлось структурным подразделением международной террористической организации «Исламское государство». Обосновывая квалификацию ее действий по ч. 2 ст. 208 и ч. 2 ст. 205^5 УК РФ, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации указала следующее: «Применительно к квалификации совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 208 и ч. 2 ст. 205^5 УК РФ, данные статьи содержат описания разных по существу преступлений и не соотносятся между собой ни как часть и целое, ни как общая и

специальная норма. При таких данных содеянное Китилаевой образует совокупность названных преступлений»[542];

– в решении по делу Амирбекова Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации оставила в силе обвинительный приговор, на основании которого он осужден по ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 208 УК РФ за идеальную совокупность преступлений – создание террористического сообщества и вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом, руководство этими террористическим сообществом и незаконным вооруженным формированием[543];

– в решении по делу Аюповой, осужденной по ч. 2 ст. 205^5 и ч. 3 ст. 208 УК РФ, установлено, что она «11 июля 2015 г. прибыла на подконтрольную террористической организации территорию Сирии, где по январь 2016 г. осуществляла вооруженную охрану дома с проживающими в нем членами семей участников незаконных вооруженных формирований, являющихся структурными подразделениями террористической организации. Кроме того, с 11 июля 2015 г. по январь 2017 г. Аюпова А.И. вела домашнее хозяйство, готовила еду, стирала одежду, убирала жилые помещения и оказывала иные бытовые услуги, направленные на обеспечение жизнедеятельности участника боевых действий в составе не предусмотренного законодательством Сирии вооруженного формирования, структурно входящего в состав международной террористической организации “Исламское государство”». Соглашаясь с совокупной квалификацией действий Аюповой, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации указала: «…признавая Аюпову А.И. виновной как в участии в деятельности террористической организации, так и в незаконном вооруженном формировании, суд правильно ис-

[542] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2019 № 224-АПУ19-12 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 8. С. 41.
[543] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2023 № 224-УД23-9-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

ходил из того, что составы этих преступлений имеют разные объекты преступного посягательства и влекут самостоятельную уголовную ответственность»[544].

Причем суды не ограничиваются совокупным вменением двух статей, предусматривающих ответственность за создание террористического объединения и участие в нем, усматривая в одних и тех же действиях идеальную совокупность трех преступлений, предусмотренных ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ:

– в решении по делу Магомедова Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что «осуждение Магомедова А.Р. по ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ не исключает возможность его осуждения по ст. 205^4 и 205^5 УК РФ, поскольку по смыслу уголовного закона участие лица в незаконном вооруженном формировании и его участие в деятельности террористической организации и (или) террористическом сообществе, имеющие разные объекты преступного посягательства, влекут самостоятельную уголовную ответственность»[545];

– три статьи – ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ (последняя вменена со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ) – использованы для квалификации действий Барзукаева, Курбанова и Мирзалиева, осужденных «за участие в деятельности организации “Исламское государство”, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, создание террористического сообщества – устойчивой группы в целях осуществления террористической деятельности, для подготовки и совершения преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, участие в этом сообществе, а также за покушение на создание вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом»[546].

---

[544] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2024 № 223-УД24-15-А // СПС «КонсультантПлюс».
[545] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 07.08.2024 № 224-УД24-29-А6 // СПС «КонсультантПлюс».
[546] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2024 № 224-УД24-54-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

Подобные решения можно перечислять долго, но в этом, пожалуй, нет необходимости, поскольку устойчивый тренд на совокупную квалификацию действий членов (руководителей и рядовых участников) террористического объединения вполне очевиден. В экспертном сообществе, судя по результатам проведенного нами опроса, такая квалификация также считается вполне допустимой: 47,1% респондентов указали, что организационные действия лица, которое создало вооруженное подразделение (ячейку) запрещенной в России международной террористической организации с целью совершения террористических актов, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 205^4, ч. 1 ст. 205^5, ч. 1 ст. 208 УК РФ (приложение).

Подобная уголовно-правовая оценка организационно-управленческой террористической деятельности, несмотря на ее поддержку со стороны высшего судебного органа, вызывает принципиальное несогласие. Напомним, что общесоциальное и правовое значение квалификации преступления в первую очередь проявляется в том, что она (при условии ее правильности) выступает гарантией «осуществления правосудия в соответствии с законом»[547], «соблюдения конституционных и отраслевых прав лица, совершившего преступление»[548]. В ее сжатых формулах должна воплотиться точная социально-политическая и уголовно-правовая оценка совершенного общественно опасного деяния[549]. По словам Г.А. Левицкого, «правильно квалифицировать преступление – значит… с позиции… закона оценить юридическую и, следовательно, общественно-политическую сущность этого преступления… Правильно квалифицировать преступление – значит свято соблюдать все предписания уголовного закона»[550].

---

[547] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и дополн. М., 2001. С. 21.
[548] Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления: лекции. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 28.
[549] Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 22.
[550] Левицкий Г.А. Квалификация преступлений (общие вопросы) // Правоведение. 1962. № 1. С. 143.

К сожалению, в сфере уголовно-правового противодействия терроризму субъекты правоприменительной деятельности нередко забывают эти аксиоматичные и хорошо известные установки. По сути дела, вся аргументация в пользу идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ, сводится к тому, что указанные статьи «не соотносятся между собой ни как часть и целое, ни как общая и специальная норма» (выдержка из процитированного ранее решения по делу Китлаевой). Иными словами, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации вменяет идеальную совокупность преступлений лишь потому, что соотношение пересекающихся составов, предусмотренных ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ, не укладывается в известные стандартные «схемы» конкуренции уголовно-правовых норм.

На этой же нормативистской логике выстроены доктринальные доводы, оправдывающие возможность идеальной совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ. Так, А.Г. Хлебушкин, отвечая на вопрос: «Возможна ли в таких случаях идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ст. 205^4 и 205^5 УК РФ, или имеет место конкуренция норм, требующая выбора одной статьи?», – приходит к следующим выводам: «Думается, что идеальная совокупность допустима, и вот почему: для совокупности, в отличие от конкуренции норм, “характерно то, что ни одна из норм не охватывает содеянное полностью, оно может получить правильную правовую оценку только путем применения двух и более норм Особенной части, вместе взятых”. Если признать в данной ситуации примат ст. 205^4 УК РФ, то “выпадает” факт причинения вреда интересам правосудия путем неисполнения судебного решения о признании организации террористической и о запрете ее деятельности; если же приоритет отдать ст. 205^5 УК РФ, то не соблюдаются положения ч. 5 ст. 35 УК РФ, согласно которой лица, создавшие организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо ру-

ководившие ими, а также участвующие в них, несут уголовную ответственность в случаях, предусмотренных некоторыми нормами Особенной части УК РФ, в том числе и ст. 205^4 УК РФ, а ст. 205^5 УК РФ здесь не указывается»[551].

В этой формально-юридической парадигме абсолютно не учитывается социальная сущность содеянного, полностью игнорируется тот факт, что в реальной действительности существовала только одна террористическая группа, которая по своим фактическим характеристикам одновременно соответствовала юридическим признакам нескольких формально различных террористических объединений.

В анализируемой ситуации совокупная квалификация содеянного грубо искажает фактическую, социальную сущность деяния, что недопустимо. Тот факт, что уголовно-правовая доктрина и высший судебный орган не определились с тем, как преодолевать конкуренцию ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ, не дает оснований для совокупного вменения. Если лицо фактически участвует в одном террористическом объединении с одним и тем же составом членов, если все участники группы преследуют общие цели, если в этой преступной группе не выделяются подразделения, нацеленные на совершение качественно иных посягательств, то для квалификации должна задействоваться только одна норма об ответственности за создание террористического объединения, а не весь набор статей, нацеленных на противодействие организационно-управленческой инфраструктуре терроризма[552].

---

[551] Хлебушкин А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205^5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2. С. 82–87.

[552] Совокупную квалификацию можно считать оправданной лишь в том случае, когда в террористической группе, скажем в террористическом сообществе, выделилась подгруппа, преследующая иные (не террористические) криминальные цели, например цель совершения разбойных нападений или насильственных преступлений по мотивам религиозной ненависти. В этом случае подразделение террористического сообщества, оставаясь частью этого террористического объединения, приобретает новые социально-правовые характеристики: внутри террористического сообщества создается относительно самостоятельная криминальная группа (банда или экстремистское сообщество), имеющая обособленный (по составу участников и целям) характер, что требует совокупной квалификации. Такой подход отражен в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 и п. 29 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1.

Борьба с терроризмом и его инфраструктурой не может оправдывать очевидных нарушений канонов справедливости[553].

Представляется, что разрешить обозначенную проблему исключительно на правоприменительном уровне вряд ли удастся. На страницах юридической печати изложено немало соображений на этот счет: обсуждаются разные критерии разграничения, обосновываются правила преодоления возникающей конкуренции[554], предлагаются варианты оптимизации норм ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ с целью установления разграничительных линий. Однако единства мнений не видно даже близко.

По всей видимости, здесь требуется принципиально иное решение: нужно не разграничивать составы преступлений, предусмотренных ст. 205^4 и 205^5 УК РФ, а, наоборот, – объединить предусмотренные в них деяния в рамках одного состава с альтернативными признаками. Напомним, что предпосылками для законодательного конструирования составов с альтернативными деяниями выступают, во-первых, социально-криминологическое сходство и (или) взаимосвязь соответствующих разновидностей преступного поведения, а во-вторых, их равная (точнее – сопоставимая) степень общественной опасности[555]. Функциональное предназначение составов преступлений с альтернативными признаками заключается в том, что они «позволяют реализовать требования принципа справедливости, исключая искусственную совокупность функционально близких или взаимосвязанных вариантов преступного поведения, способных совершаться в устойчивом сочетании… сэкономить

---

[553] Уместно напомнить здесь слова Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина: «Разрывы между массовыми представлениями о справедливом и должном и кодифицированной правовой нормативностью всегда и везде снижают или даже обрушивают действенность права. А вослед за этим грозят обрушить и устойчивую экономику, и устойчивую социальность и государственность…» (см.: Зорькин В. Экономика и право: новый контекст // Российская газета. Федеральный выпуск. 2014. 21 мая).

[554] См., напр.: Соловьев В.С. Особенности квалификации преступлений, совершенных в составе террористического сообщества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4. С. 18–22.

[555] См.: Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 107–115; Сальников Н.В. Преступления с альтернативными признаками состава: уголовно-правовая характеристика, проблемы правовой оценки и законодательной регламентации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. С. 153–160.

нормативное пространство уголовного закона посредством закрепления в самостоятельном составе преступления равных в уголовно-правовом значении разновидностей криминального поведения»[556].

Таким образом, для конструирования состава с альтернативными деяниями, синтезирующего предусмотренные в ст. 205^4 и 205^5 УК РФ варианты организационно-управленческой террористической деятельности, имеются все необходимые основания, ведь первичное создание террористического сообщества и организация деятельности уже запрещенной террористической организации – это взаимосвязанные действия, которые обладают сопоставимой общественной опасностью. Сказанное полностью справедливо для участия и в новом, и в уже попавшем под запрет террористическом объединении: уловить различия в общественной опасности участия в этих сходных по своей сути, но искусственно «разведенных» по разным статьям террористических объединениях невозможно. Примечательно, что законодатель, осуществив пенализацию указанных деяний, оценил их общественную опасность практически идентично (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Сравнительный анализ санкций за создание террористических объединений, руководство ими и участие в них

Деяния	Виды террористических объединений	
	террористическое сообщество (ст. 205^4 УК)	**террористическая организация (ст. 205^5 УК)**
Создание (руководство), организация деятельности	**лишение свободы на срок от 15 до 20 лет** со штрафом в размере до 1 млн рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет или **пожизненное лишение свободы**	**лишение свободы на срок от 15 до 20 лет** со штрафом в размере до 1 млн рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет или **пожизненное лишение свободы**
Участие	**лишение свободы на срок от 10 до 15 лет** со штрафом в размере до 500 тыс. рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо без такового	**лишение свободы на срок от 10 до 20 лет** со штрафом в размере до 500 тыс. рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 3 лет либо без такового

[556] Сальников Н.В. Преступления с альтернативными признаками состава … С. 11.

Уголовно-правовые нормы и заложенные в них признаки составов преступлений – это юридические конструкты, которые призваны максимально точно (насколько это возможно) отражать реалии криминального поведения. А эти реалии таковы, что создание ячейки запрещенной террористической организации с целью совершения террористических преступлений – это стандартный, типичный вариант организационно-управленческой террористической деятельности. К сожалению, искусственное законодательное «дробление» сходных по своей сути и опасности инфраструктурных террористических деяний не учитывает их тесной взаимосвязи, что неизбежно порождает проблемы двойного вменения, несовместимого со стандартами справедливости. Состав с альтернативными деяниями, сконструированный на базе ст. 205^4 УК РФ, способен разрешить эту проблему, создав единое нормативное основание уголовной ответственности за создание террористического объединения, руководство им и участие в нем. Оговорим, что это предполагает «техническое» исключение ст. 205^5 из УК РФ с одновременным переносом предусмотренных в ней деяний в ст. 205^4 УК РФ.

Что же касается ст. 208 УК РФ, то ей целесообразно вернуть ее изначальное функциональное предназначение, которое заключалось в том, чтобы создать уголовно-правовые барьеры для организации нелегальных военизированных подразделений, которые дублируют функции армейских и правоохранительных милитаризованных структур (частные военные компании, вооруженные народные дружины, добровольческие патрули и т.п.), но не преследуют при этом криминальных целей[557]. Для этого достаточно ввести в ст. 208 УК РФ негативный разграничительный признак: конкретизировать, что ответственность за создание незаконного вооруженного формирования,

[557] В уголовно-правовой литературе отмечается, что специфическим признаком незаконного вооруженного формирования является отсутствие преступной цели (см.: Сальникова Н.И. Незаконное вооруженное формирование не является разновидностью преступного сообщества. С. 20–22; Дейнега Н.В. Уголовно-правовая характеристика бандитизма и отграничение его от смежных составов преступлений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Тамбов, 2007. – С. 17). И хотя эта позиция, как известно, не получила общего признания исследователей (см.: Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2013. – С. 38, 172) и не была воспринята судебной практикой, полагаем, что она заслуживает самого серьезного внимания.

руководство им и участие в нем наступает при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 205[4], 209 УК РФ. Разумеется, предложенное изменение сферы применения ст. 208 УК РФ должно сопровождаться переводом соответствующих деяний в разряд преступлений средней тяжести, ведь незаконное формирование, не преследующее криминальных целей, обладает существенно меньшей общественной опасностью, чем террористические и иные объединения, созданные для совершения преступлений. Предвидя возможные возражения против столь радикального сокращения санкций ст. 208 УК РФ, отметим, что оно с запасом компенсируется за счет дополнительной квалификации по ст. 222, 222[1] УК РФ, в которых заложен серьезный репрессивный потенциал.

Практическая реализация предложенной модели дифференциации преступных групп в рамках гл. 24 УК РФ позволит исключить искусственную совокупность преступлений, сохранив при этом ответственность за осуществление организационно-управленческой террористической деятельности.

Ответственность эта по действующему УК РФ весьма строгая, что вызывает порой критические замечания со стороны представителей доктрины, которые обращают внимание на то, что санкции в виде лишения свободы на срок до двадцати лет или пожизненного лишения свободы не соответствуют приготовительному характеру деяний, связанных с созданием террористических групп, руководством ими, участием в них[558].

Представляется, что создание (организация деятельности) террористических групп (террористического сообщества и террористической организации), являясь приготовительным по своей природе деянием, требует особого подхода в плане пенализации. Террористические объединения выступают в качестве «гравитационного поля», притягивающего новых участников, материально-технические и информационные ресурсы, обеспечивающего связанность разрозненных носителей террористической идеологии. Сам факт

[558] См.: Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя. С. 46–60.

наличия террористических объединений служит мощнейшим криминогенным фактором, причем их криминогенный эффект, как правило, имеет «веерный» характер: в большинстве случаев террористическая группа совершает не только преступления, ради которых она создана (например, террористический акт), но и преступления, обеспечивающие деятельность группы (финансирование, вооружение, вербовка, пропаганда терроризма и т.п.). Поэтому ранжировать санкции за создание террористического сообщества или террористической организации в зависимости от категории тяжести преступления, которое планирует совершить группа, нецелесообразно. Да и «наказательная арифметика», правила которой отражены в ст. 66 УК РФ, для конструирования санкций здесь тоже неприемлема, ведь создание террористической группы, имея приготовительную сущность, по степени общественной опасности лишь немногим уступает (если вообще уступает) исполнению террористических преступлений, а руководство террористической группой по этому параметру превосходит деяние исполнителей. Учитывая это обстоятельство, единственным ориентиром в части пенализации создания террористического объединения и руководства им могут служить санкции за наиболее опасные преступления, выступающие в качестве криминальной цели соответствующего объединения.

Контуры такого подхода можно увидеть в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН)[559]. Конвенция предписывает государствам-участникам криминализовать «сговор с одним или несколькими лицами относительно совершения серьезного преступления, преследующего цель, прямо или косвенно связанную с получением финансовой или иной материальной выгоды», а равно «активное участие в: a) преступной деятельности организованной преступной группы; b) других видах деятельности организованной преступной

[559] СПС «КонсультантПлюс».

группы…», «*не относя их к покушению на совершение преступления* и независимо от фактического совершения преступного деяния» (ст. 5). Представляется, что оговорка о недопустимости квалификации сговора как покушения на основное преступление понадобилась не только для того, чтобы выйти за рамки классического института неоконченного преступления, но и для того, чтобы уравнять санкции за сговор и преступление, ставшее целью сговора.

Предельно четко эта идея отражена в уголовном праве Великобритании: лицо, виновное в сговоре, подлежит осуждению по обвинительному акту «к лишению свободы на срок, соотносимый… с тяжестью рассматриваемого преступления или преступлений». При этом сговор с целью совершения убийства или преступления, за которое предусмотрено наказание в виде пожизненного заключения либо лишение свободы без установления максимального срока, наказывается пожизненным заключением, а если лицо вступит в сговор с целью совершения менее тяжкого преступления, наказуемого лишением свободы на определенный срок, то оно «подлежит лишению свободы на срок, не превышающий максимальный срок, предусмотренный за это преступление» (ст. 1 Закона об уголовном праве Великобритании 1977 г.[560]).

В Директиве Европейского парламента и Совета Европейского союза 2017/541 от 15.03.2017 о противодействии терроризму, о замене Рамочного решения 2002/475/ПВД Совета ЕС и об изменении Решения 2005/671/ПВД Совета ЕС, помимо общих установок относительно «эффективных, пропорциональных и оказывающих сдерживающее воздействие санкций» за террористические деяния (ч. 1 ст. 15), содержатся вполне определенные указания о размерах санкций за преступления, связанные с деятельностью террористических групп: за руководство террористической группой должны быть предусмотрены «санкции, связанные с лишением свободы, *с максимальным сроком не менее 15 лет*», а за участие в деятельности террористической группы «максимальный срок должен составлять *не менее 8 лет*» (ч. 3 ст. 15).

[560] URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/45/contents

На этом фоне санкции российского уголовного закона уже не выглядят завышенными (по крайней мере их верхние пределы). В ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 205^5 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненного лишения свободы, что соответствует санкциям за наиболее опасные террористические преступления, выступающие целью террористического сообщества и террористической организации.

Полагаем, что верхние пределы санкций ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 205^5 УК РФ не нуждаются в корректировке, чего нельзя сказать об их минимальных пределах, которые выглядят явно завышенными. При пятнадцатилетнем минимальном сроке наказания в виде лишения свободы диапазон, в рамках которого должно быть назначено наказание по ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 205^5 УК РФ, составляет всего пять лет, что не позволяет должным образом учесть существенные различия в степени общественной опасности организационно-управленческих деяний. Забегая вперед, отметим, что по ч. 1 ст. 205^4 УК РФ на практике квалифицируются не только действия лица, ставшего инициатором формирования террористического сообщества, но и действия всех его первоначальных участников, которые согласились вступить в террористическое сообщество и тем самым обеспечили его минимальный численный состав. Степень общественной опасности этих действий отличается, причем довольно серьезно. Существенные отличия в степени общественной опасности организационно-управленческих террористических деяний могут быть обусловлены хронологическим фактором: очевидно, что временное руководство террористическим сообществом продолжительностью в несколько дней, которое осуществлялось рядовым участником группы (допустим, в период болезни основного руководителя), несопоставимо по своей общественной опасности с руководящими действиями, которые выполнялись на протяжении нескольких лет. Однако при узкой «дельте» между максимальным и минимальным пределами наказания в виде лишения свободы возможности для индивидуализации наказания, к сожалению, ограничены.

В уголовно-правовой литературе отмечается, что законодатель, конструируя уголовно-правовую санкцию, должен устанавливать диапазон между низшим и высшим пределами наказания с учетом точности описания преступления: «Чем шире границы состава и чем более альтернативна диспозиция (чем меньше указано криминообразующих признаков и чем менее точно они названы), тем выше показатели альтернативности санкции и шире диапазон размера наказаний»[561]. И наоборот: чем конкретнее описаны признаки состава преступления, тем уже должен быть разрыв между высшим и низшим пределами наказания[562]. Таким образом, учитывая довольно широкий «люфт» в индивидуальной степени общественной опасности организационно-управленческой террористической деятельности, необходимо расширить диапазон санкций, предусмотренных за создание (организацию деятельности) террористических объединений и руководство ими.

2.2. Уголовная ответственность за создание террористического объединения и руководство им

В целях противодействия организационно-управленческой инфраструктуре терроризма российское уголовное законодательство предусматривает ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205^4 УК РФ), организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205^5 УК РФ), а также за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ)[563].

---

[561] Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В.К. Структурные закономерности и правила построения санкций уголовно-правовых норм // Российский юридический журнал. 2018. № 5. С. 71–84.

[562] См., например: Дементьев С.И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы. Ростов-на-Дону, 1986. С. 48–49; Карпец И.И. Наказание. Содержание, правовые и криминологические проблемы. М., 1973. С. 240; Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций. Красноярск, 1998. С. 263–264.

[563] Помимо этого, ст. 208 УК РФ предусматривает ответственность за участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. Однако с учетом того, что эти деяния находятся за рамками предмета нашего исследования, они в диссертации не рассматриваются.

Организационно-управленческая террористическая деятельность – это собирательное понятие, которое объединяет ряд взаимосвязанных деяний, таких как первичное создание террористической группы, вторичная организация деятельности террористской организации, уже признанной запрещенной в Российской Федерации, руководство этими террористическими объединениями.

Несмотря на тесную взаимосвязь создания (организации деятельности) террористического объединения и руководства им, законодатель последовательно разграничивает указанные деяния, но в то же время признает их альтернативными в рамках ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ[564].

Такое разграничение альтернативных организационно-управленческих террористических деяний вовсе не случайно: они имеют несовпадающие объективные характеристики и, как показывает практика, могут совершаться разными членами террористического объединения. Исходя из этого, логично рассматривать эти деяния обособленно, не забывая, впрочем, об их тесной взаимосвязи.

Под созданием террористического объединения в самых общих чертах следует понимать организационную деятельность, результатом которой становится появление преступной группы, обладающей всеми указанными в соответствующей статье УК РФ признаками (организованная форма соучастия, наличие специальной цели, обозначенной в уголовном законе, и т.п.) и готовой к террористической деятельности.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» применительно

[564] В предыдущем параграфе в порядке de lege ferenda нами предложено изменить сферу применения ст. 208 УК РФ, сместив ее на незаконные вооруженные формирования, которые не имеют криминальных целей. Однако в рамках настоящего параграфа организационно-управленческая террористическая деятельность анализируется в основном с позиции de lege lata, т.е. с точки зрения действующего закона, а потому незаконное вооруженное формирование рассматривается как вид террористического объединения.

к созданию террористических групп сформулированы весьма лаконичные разъяснения:

- «преступление, предусмотренное частью 1 статьи 205^4 УК РФ, окончено с момента фактического образования террористического сообщества, то есть с момента объединения двух или более лиц в устойчивую группу в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205^1, 205^2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. На наличие такой цели может указывать, в частности, совершение ими умышленных действий, направленных на создание условий для осуществления террористической деятельности либо указанных преступлений или свидетельствующих о готовности террористического сообщества реализовать свои преступные намерения, независимо от того, совершили ли участники сообщества запланированное преступление. О готовности террористического сообщества к осуществлению террористической деятельности или совершению указанных преступлений может свидетельствовать, например, достижение договоренности между его участниками о содействии террористической деятельности, публичном оправдании терроризма и т.д.» (п. 22.3);

- «создание незаконного вооруженного формирования (часть 1 статьи 208 УК РФ) считается оконченным преступлением с момента фактического образования формирования, то есть с момента объединения нескольких лиц в группу и приобретения хотя бы некоторыми из них оружия, боеприпасов, взрывных устройств, боевой техники» (п. 24).

В уголовно-правовой литературе отмечается, что составы преступлений, предусмотренных ст. 205^4 и 208 УК РФ, имеют усеченный характер. Однако эта «усеченность» составов не означает, что для констатации юридически оконченных преступлений достаточно вступления в сговор на совершение террористических преступлений. Не стоит забывать, что преступное сообщество

и незаконное вооруженное формирование – это организованные группы, а значит, для применения ч. 1 ст. 205[4] и ч. 1 ст. 208 УК РФ требуется, чтобы объединение нескольких лиц в террористических целях достигло параметров устойчивости. Обращая внимание на это обстоятельство, Д.М. Молчанов указывает, что создание организованной группы предполагает, помимо прочего, «формирование между участниками группы устойчивых преступных связей»[565].

С точки зрения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, устойчивость организованной группы определяется с учетом ряда критериев: «Об устойчивости организованной группы могут свидетельствовать большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, их техническая оснащенность и распределение ролей между ними, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы) (п. 6 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1)[566]. Как нетрудно заметить, большинство из перечисленных критериев устойчивости характеризуют длительность существования группы, тщательное планирование и подготовку одного или нескольких преступлений, а значит, простого сговора для создания террористического объединения недостаточно. Необходимо, чтобы участники группы не только согласовали цели совместной криминальной деятельности, но и как минимум осуществили конкретные действия по подготовке соответствующих преступлений, включая их тщательное планирование. Как отмечается на страницах специальных изданий, «показателями устойчивости террористического сообщества выступают стабильность его состава, тесная взаимосвязь между его членами, согласованность их дей-

[565] Молчанов Д.М. Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 118–133.

[566] См. также: п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; п. 16 постановления Пленума от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

ствий, постоянство форм и методов террористической деятельности (например, использование самодельных взрывных устройств, террористов-смертников), длительность его существования и количество совершенных преступлений. Устойчивость отражает способность преступного объединения противостоять воздействию как внутренних, так и внешних факторов, способствующих разобщению ее членов (в том числе выходу из ее состава отдельных участников), изобличению и ликвидации правоохранительными органами и т.п.»[567]. Представляется, что сказанное в полной мере применимо и к незаконному вооруженному формированию.

Исходя из этого, следует признать неполными разъяснения относительно момента юридического окончания создания незаконного вооруженного формирования, изложенные в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1. Напомним, что Пленум связывает этот момент с «объединением нескольких лиц в группу и приобретением хотя бы некоторыми из них оружия, боеприпасов, взрывных устройств, боевой техники», не упоминая при этом о том, что эта группа должна приобрести устойчивость – обязательный признак организованной группы. Руководствуясь этими разъяснениями, правоприменительные органы считают достаточным для вменения ч. 1 ст. 208 УК РФ факта создания группы и ее вооруженности[568], что не в полной мере соответствует взаимосвязанным предписаниям ч. 3, 5 ст. 35, ч. 1 ст. 208 УК РФ, в силу которых незаконное вооруженное формирование признается разновидностью организованной, т.е. устойчивой, криминальной группы. Учитывая вышеуказанные нормативные положения УК РФ, следует констатировать, что до тех пор, пока группа не приобрела устойчивость, создание террористического объединения, предусмотренного ст. 205^4 или 208 УК РФ, нельзя считать юридически оконченным. Устойчивость группы должна входить в предмет доказывания по уголовным делам

[567] Преступления террористической направленности: научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».
[568] См., например: кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2022 № 224-УД22-18-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

о преступлениях, предусмотренных ст. 205^4 и 208 УК РФ. В этом плане весьма убедительной можно считать следующую мотивировку выводов Верховного Суда Российской Федерации о совершении организационных действий, направленных на создание террористического сообщества: «…сообщество обладало признаками организованной группы, поскольку отличалось организованностью, устойчивостью, сплоченностью, наличием лидера, внутренней дисциплиной, использованием методов конспирации, разделением ролей и обязанностей между участниками, тесной взаимосвязью между ними, основанной на едином умысле террористической направленности и отрицательном отношении к власти, на отношениях дружбы и давнего знакомства, длительности и непрерывности существования сообщества»[569].

Таким образом, минимальный объем организационных действий, требуемых для создания террористического сообщества или незаконного вооруженного формирования, заключается в приискании участников группы, их сговоре на совершение определенных преступлений (перечисленных в ст. 205^4 УК РФ или указанных в абзаце втором п. 23 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1), разработке детальных планов реализации преступных целей, распределении криминальных функций. Создание незаконного вооруженного формирования может потребовать дополнительных действий по вооружению его будущих участников, если они вступают в группу, не имея оружия.

Повторим еще раз: высший судебный орган связывает устойчивость организованной группы с неоднократностью совершения преступлений в одном и том же составе либо с длительностью подготовки хотя бы одного преступления, требующего тщательного планирования. Если следовать этой логике, то получается, что создание террористической организованной группы можно констатировать лишь после того, как группа совершит оконченное или неоконченное террористическое преступление (хотя бы длительное приготовле-

[569] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2024 № 225-УД24-3-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

ние к нему). Между тем судебная практика демонстрирует множество примеров того, что создатели преступного сообщества и (или) незаконного вооруженного формирования осуждаются только по ч. 1 ст. 205^4 и (или) ч. 1 ст. 208 УК РФ без дополнительной квалификации конкретных оконченных или неоконченных террористических преступлений. Этот парадокс объясняется тем, что нормы о создании террористических объединений, руководстве ими и участии в них имеют более широкую сферу применения в сравнении с общей нормой об ответственности за приготовление. Статьи 205^4 и 208 УК РФ, будучи нормами об ответственности за приготовление sui generis, расширяют стандарты установления субъективной связи приготовительных деяний с планируемыми террористическими преступлениями. Для их применения достаточно установить, что устойчивая преступная группа планирует осуществлять террористическую деятельность, готовится к ней, приобретая предметы вооружения, проходя обучение в террористических целях, привлекая в свои ряды новых сторонников и т.п., даже если эта подготовка не имеет той конкретики, которая необходима для общего состава приготовления к преступлению.

К выводу о расширенных основаниях уголовной ответственности по ст. 205^4 и 208 УК РФ приводят отсутствие указания на цели создания незаконного вооруженного формирования в ч. 1 ст. 208 УК РФ, а также весьма расплывчатая законодательная формулировка криминальных целей, для достижения которых создается террористическое сообщество: «в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205^1, 205^2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 настоящего Кодекса, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма».

Эта весьма пространная формула оценивается в уголовно-правовой доктрине критически. С одной стороны, изложенные в ч. 1 ст. 205^4 УК РФ цели террористического сообщества не без оснований называют недостаточно определенными и выходящими за пределы собственно террористических. По

справедливому замечанию С.М. Кочои, «круг преступлений, с целью совершения которых создается террористическое сообщество, в УК РФ должен быть абсолютно конкретным, определенным. Такими должны быть признаны исключительно террористические преступления»[570]. Соглашаясь с этим мнением, отметим, что обозначенная в ч. 1 ст. 205^4 УК РФ «цель… совершения… иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма» размывает террористическую направленность сообщества[571].

С другой стороны, высказывается мнение о пробельности ст. 205^4 УК РФ в части перечня целей террористического сообщества. В частности, отмечается, что в этом перечне не указана ст. 205 УК РФ, и на этом основании делается вывод о том, что «УК РФ не связывает создание террористического сообщества и руководство им или участие в нем (ст. 205^4) с целью совершения террористического акта (ст. 205)»[572]. Однако эта ремарка не вполне корректна. Дело в том, что цели террористического сообщества изложены не только посредством ссылки на иные статьи Особенной части УК РФ (в перечне соответствующих статьей ст. 205 УК РФ действительно не указана), но и путем использования бланкетного признака «террористическая деятельность», составным элементом которой признается террористический акт (п. 2 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»). А потому террористический акт, конечно же, признается целью террористического сообщества, но не напрямую, а за счет бланкетной связки с профильным анти-

---

[570] Кочои С.М. Общеевропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ. С. 1061–1068. В цитируемой статье отмечается также несогласованность ст. 205^4 УК РФ с положениями антитеррористического законодательства. Подпункт «в» п. 2 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» признает проявлением террористической деятельности «организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы *для реализации террористического акта*, а равно участие в такой структуре». Таким образом, в профильном антитеррористическом законе цель террористического сообщества и незаконного вооруженного формирования определена предельно четко – совершение террористического акта, тогда как уголовный закон трактует эту цель намного шире.

[571] Попутно отметим, что формулировка этой цели вызывает критические замечания в плане технико-юридического оформления. «Цель совершения преступления в целях…» – это явно неудачная лингвистическая конструкция.

[572] Сипки М.В. О практике применения статей 205^4 и 205^5 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. С. 120–125.

террористическим законом, что вряд ли оправданно с точки зрения законодательной техники и общепревентивного воздействия уголовного закона. Было бы логичнее четко, путем прямой ссылки на ст. 205 УК РФ, обозначить совершение террористического акта в качестве цели террористического сообщества.

Как отмечалось, в минимальный набор организационных действий, требуемых для создания террористического объединения, входят, помимо прочего, приискание будущих участников группы и сговор с ними. Их согласие на членство в группе становится, таким образом, обязательным элементом создания террористического сообщества и незаконного вооруженного формирования. Означает ли это, что все первоначальные участники формируемой террористической группы должны нести ответственность за ее создание?

Судебная практика отвечает на этот вопрос положительно:

– «…действия Магомедова Р.З. и Рамазанова Г.Р., связанные с созданием незаконного вооруженного формирования в мае 2015 г., подлежат квалификации по ч. 1 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ)… а действия Рамазанова Г.Р., связанные с участием в незаконном вооруженном формировании по 9 октября 2017 г., подлежат переквалификации на ч. 2 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ)[573];

– «…в 2018 году Барзукаевым, Курбановым и Мирзалиевым была создана группа, а ее лидером (“амиром”) был выбран Барзукаев. Перечисленные лица планировали уйти в лесной массив, для чего у них был подготовлен блиндаж, и совершать нападения на сотрудников полиции, для чего искали оружие. Помощь в поиске оружия Барзукаеву была оказана находящимися на территории САР “братьями по вере”, которым Барзукаев помогал быть на связи. Барзукаевым было подыскано автоматическое оружие, и он говорил

[573] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2022 № 224-УД22-18-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

о нежелании сдаваться в плен, о готовности умереть, забрав с собой много неверных, которыми он считал сотрудников полиции. Примерно в мае 2019 года Мирзалиев и Курбанов в присутствии Барзукаева принесли присягу на верность лидеру МТО “ИГ”. <…> Судом установлено, что действия Барзукаева, Курбанова и Мирзалиева по созданию террористического сообщества окончены с момента его фактического образования не позднее 31 декабря 2018 г., в связи с чем они обоснованно квалифицированы по ч. 1 ст. 205^4 УК РФ. Что касается последующего участия Барзукаева, Курбанова и Мирзалиева в названном террористическом сообществе, то оно является самостоятельным преступлением и подлежит квалификации по ч. 2 ст. 205^4 УК РФ»[574].

Таким образом, в практике прослеживается подход, согласно которому все первоначальные участники группы (своего рода «учредители»), независимо от их роли в организации соответствующего преступного формирования, признаются ее создателями (организаторами)[575]. Отчетливо этот подход проявляет себя в решении в отношении Барзукаева, Курбанова и Мирзалиева: из приведенных в кассационном определении обстоятельств дела следует, что лидером созданного указанными лицами террористического сообщества был выбран Барзукаев, однако это не помешало квалифицировать «учредительные» действия иных участников по ч. 1 ст. 205^4 УК РФ, т.е. признать их соисполнителями создания террористического сообщества.

Оценивая подобную практику, отметим, что в силу ч. 3 ст. 35 УК РФ создание организованной преступной группы признается одним из альтернативных действий организатора преступления. Понятно, что усеченные нормативные конструкции ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 208 УК РФ, «заточенные» на раннее уголовно-правовое предупреждение, «превращают» организатора в непосред-

[574] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2024 № 224-УД24-54-А6 // СПС «КонсультантПлюс».
[575] Аналогичного мнения придерживается 57,6% опрошенных нами респондентов (см. приложение).

ственного исполнителя деяния в виде создания террористического объединения[576]. Но от этого создание террористического объединения не утрачивает своей организаторской сущности, которая состоит в объединении людей для коллективной деятельности. Представляется, что лица, которые своим согласием обеспечили минимальный состав террористической группы и действовали в дальнейшем в интересах этой группы, на роль подлинного организатора претендовать не могут.

Изучение правоприменительной практики показывает, что среди первоначальных участников («учредителей») террористического объединения, как правило, выделяется лицо, которое инициировало формирование организованной группы, предложило иным лицам объединиться в террористических целях, обозначило целевую террористическую установку группы, наметило планы совместной террористической деятельности. Именно это лицо и должно нести ответственность за создание террористического объединения, тогда как иные лица, ставшие первыми членами формирующегося объединения, должны признаваться его рядовыми участниками.

Взаимодействие организатора, создавшего террористическое объединение, с первоначальными его участниками, без которых группа возникнуть не может по определению, может быть охарактеризовано как необходимое соучастие. Напомним, что «правовой смысл конструкции необходимого соучастия заключается в признании невозможности совершения определенных преступных посягательств в отсутствие корреспондирующих с ними деяний»[577].

---

[576] На страницах юридической печати отмечается, что «при уголовно-правовой оценке действий создателей и руководителей организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) следует учитывать, что, несмотря на предписания ч. 3 ст. 33 УК РФ, их организаторские функции никогда не получают отражения в формуле квалификации преступления. Согласно ч. 5 ст. 35 УК РФ лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных ст. 205^4, 208, 209, 210 и 282^1 УК РФ, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом. При этом по ч. 1 ст. 205^4, ч. 1 ст. 208, ч. 1 ст. 209, ч. 1 ст. 210 и ч. 1 ст. 282^1 УК РФ создатели и руководители соответствующих преступных групп несут ответственность в качестве исполнителей преступления» (см.: Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, проф. К.В. Ображиева и докт. юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 302).

[577] См.: Шевченко Е.Н. Соучастие в преступлениях, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков ... С. 41.

Так, например, получение взятки невозможно без ее дачи, купля-продажа человека в рамках состава торговли людьми предполагает обязательное взаимодействие «продавца» и «покупателя», сбыт наркотиков требует наличия приобретателя, но от этого взаимодействующие субъекты не становятся соучастниками в подлинном уголовно-правовом значении этого понятия. Соучастие не возникает, поскольку каждый из взаимодействующих субъектов совершает свое собственное преступление[578]. Именно такая ситуация имеет место при создании террористического объединения, предусмотренного ст. 205^4 или 208 УК РФ: организатор, имеющий умысел на создание террористической группы, склоняет к будущему участию в этой группе иных лиц, причем без их участия он технически не может создать группу, а лица, согласившиеся на участие в группе, не могут стать ее фактическими участниками, пока группа не будет создана. Однако такое необходимое соучастие не делает всех первоначальных участников соисполнителями создания террористического объединения. Они совершают свои личные преступления – организатор создает группу, тогда как вовлеченные им первоначальные члены становятся ее участниками, участвуют в ней.

Вменение ч. 1 ст. 205^4 или ч. 1 ст. 208 УК РФ по признаку создания террористической группы сразу нескольким лицам возможно лишь в довольно редких случаях, когда формирование устойчивого террористического объединения стало результатом коллективных *организаторских* (!) усилий нескольких лиц, каждое из которых не просто ответило согласием войти в преступную группу, но и приложило организационные усилия для ее создания (например, одно лицо выступило с инициативой создания террористического сообщества, а второе поддержало эту инициативу, после чего совместными действиями они завербовали иных лиц, разработали планы террористической деятельности,

[578] Этот уголовно-правовой феномен попал в поле юридических исследований еще в позапрошлом столетии. В частности, Г.Е. Колоколов, анализируя необходимое соучастие, трактовал его как «такое стечение преступников, которое предполагается самой натурой преступления» (см.: Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности). С. 65).

приискали вооружение, соорудили укрытия для встреч, обеспечили его безопасность и т.д.).

В качестве альтернативного преступного деяния ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 208 УК РФ предусматривают руководство террористическим сообществом или незаконным вооруженным формированием.

С точки зрения Пленума Верховного Суда Российской Федерации:

– «под руководством террористическим сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями следует понимать осуществление управленческих функций в отношении такого сообщества, его части или структурных подразделений, а также отдельных его участников как при совершении конкретных преступлений террористической направленности, так и при обеспечении деятельности сообщества. Такое руководство может выражаться, в частности, в разработке общих планов деятельности террористического сообщества, в подготовке к совершению конкретных преступлений террористической направленности, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных перед террористическим сообществом или входящими в его структуру подразделениями при их создании (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов террористического сообщества)» (п. 22.4 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1);

– «руководство незаконным вооруженным формированием (ст. 208 УК РФ) заключается в осуществлении управленческих функций в отношении объединения, отряда, дружины или иной группы, а также в отношении отдельных его участников в целях обеспечения деятельности незаконного вооруженного формирования. Такое руководство может выражаться, в частности, в утверждении общих планов деятельности незаконного вооруженного формирования, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных таким формированием (например, в распределении функций

между членами незаконного вооруженного формирования, в организации материально-технического обеспечения, в принятии мер безопасности в отношении членов такого формирования)» (п. 25 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1).

В судебной практике руководство преступной группой расценивается в качестве длящегося преступления[579], причем эта позиция в целом разделяется экспертным сообществом (к аналогичному выводу приходит 56% опрошенных экспертов) (см. приложение). Надо признать, что такой подход не в полной мере соответствует той трактовке длящегося преступления, которая изложена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях». В п. 2 указанного постановления Пленума разъясняется, что «под длящимся понимается преступление, которое начинается с определенного преступного действия… или определенного преступного бездействия… образующего состав конкретного преступления, *и характеризуется последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния*». Таким образом, атрибутивным признаком длящегося преступления выступает непрерывность его осуществления на стадии юридически оконченного[580]. Между тем руководство преступным объединением нельзя считать непрерывно совершаемым, в чем легко можно убедиться, если проанализировать процитированные ранее разъяснения Пленума о руководстве террористическим сообществом и незаконным вооруженным формированием. Иллюстрируя признаки руководства частными

[579] См.: апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2020 № 224-АПУ20-1 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2022 № 224-УД22-20-А6 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2022 № 224-УД22-18-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

[580] См.: Ображиев К.В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления. С. 442–455; Петренко В.В. Длящиеся преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. С. 9.

примерами, Пленум называет дискретные, совершаемые с разрывом во времени деяния, такие как разработка и утверждение планов деятельности преступной группы, подготовка к совершению конкретных преступлений, распределение ролей между членами группы, организация материально-технического обеспечения, принятие мер безопасности в отношении членов группы и т.п. Очевидно, что эти действия не могут совершаться непрерывно, а по своей природе требуют некоторых, порой значительных, разрывов во времени. С учетом дискретности руководящих действий, их юридической тождественности, единства умысла организатора, осуществляющего руководство преступным объединением, имеется намного больше оснований для того, чтобы признать руководство не длящимся, а продолжаемым преступлением.

Может показаться, что рассуждения о юридической природе руководства террористическим объединением (длящееся оно или продолжаемое) имеют исключительно теоретическое значение. Однако это не так. Если признать руководство преступной группой длящимся преступлением, то моментом фактического окончания этого деяния следует признать день, в который группа прекратила свое существование, например, в связи с задержанием или уничтожением ее участников сотрудниками правоохранительных органов (именно такой подход доминирует в правоприменительной практике). Если же рассматривать руководство криминальным объединением в качестве продолжаемого преступления, то момент фактического окончания следует увязывать с совершением последних руководящих действий, например с отдачей распоряжений, касающихся совершения преступлений или функционирования преступной группы (допустим, о смене конспиративной квартиры и т.п.).

Следует подчеркнуть, что создание террористического объединения и руководство им предусмотрены в ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 208 УК РФ в качестве альтернативных деяний. Правила их квалификации хорошо известны: «преступление, содержащее два или более из альтернативно возможных признаков одного состава преступления, не образует совокупности преступных деяний. <…> Указанное правило квалификации применимо и к случаям, когда одно из

нескольких совершенных лицом деяний, альтернативно предусмотренных составом, является неоконченным»[581].

Специфика альтернативных деяний в виде создания террористического объединения и руководства им заключается в том, что первое из них является одноактовым деянием, а второе – пролонгированным, растянутым во времени (длящимся, с точки зрения судов; продолжаемым – по нашему убеждению). Это обстоятельство иногда сбивает с толку правоприменителей: создание преступной группы они квалифицируют по уголовному закону, действовавшему на момент формирования преступного объединения, а руководство преступной группой – по уголовному закону, который действовал в момент фактического окончания руководящих действий. При этом субъекты правоприменения (в том числе высшего уровня) считают невозможным применять более репрессивный уголовный закон, действовавший на момент завершения руководства преступной группой, для квалификации создания этой группы, поскольку это якобы нарушает принцип необратимости более строгого закона. И в результате парадоксальным образом возникает совокупная квалификация – лидер террористического объединения осуждается за его создание по ч. 1 ст. 205^4 и (или) ч. 1 ст. 208 УК РФ (в редакции, действовавшей на момент формирования группы) и за руководство этим же объединением по ч. 1 ст. 205^4 и (или) ч. 1 ст. 208 УК РФ (в редакции, действовавшей на момент окончания руководства).

Практика Верховного Суда Российской Федерации демонстрирует целый ряд таких примеров:

– «…то обстоятельство, что Магомедов Р.З. после создания незаконного вооруженного формирования, то есть после окончания совершения этого преступления, руководил формированием до 9 октября 2017 г., не позволяло суду

[581] Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления. С. 105; Проблемы квалификации преступлений. С. 246; Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / В.В. Векленко [и др.]; под общ. ред. В.В. Векленко. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 271–272.

квалифицировать его действия, связанные с созданием формирования, в редакции закона, предусматривающей более тяжкое наказание. В силу диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ руководство таким формированием является самостоятельным преступлением и как длящееся подлежит квалификации по редакции закона, действующего на момент окончания преступного деяния. <…> При таких данных действия Магомедова Р.З. и Рамазанова Г.Р., связанные с созданием незаконного вооруженного формирования в мае 2015 г., подлежат квалификации по ч. 1 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ), действия Магомедова Р.З., связанные с руководством незаконным вооруженным формированием по 9 октября 2017 г., подлежат квалификации по ч. 1 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ)»[582];

– «…то обстоятельство, что Абдулкеримов после создания незаконного вооруженного формирования, то есть после окончания совершения этого преступления, руководил формированием до задержания 10 ноября 2016 г., с учетом положений ст. 10 УК РФ не позволяло суду квалифицировать его действия, связанные с созданием формирования, в редакции закона, предусматривающего более строгое наказание. В силу диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ руководство Абдулкеримовым таким формированием является самостоятельным преступлением и как длящееся подлежит квалификации по закону, действующему на момент окончания преступного деяния, то есть по ч. 1 ст. 208 УК РФ в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ». На этом основании Судебная коллегия по делам военнослужащих изменила квалификацию действий Абдулкеримова М.М., признав, что он совершил два преступления: «Действия, связанные с созданием в июне 2016 года вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом, переквалифицированы с ч. 1 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ) на ч. 1 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона

[582] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2022 № 224-УД22-18-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ). А действия по руководству незаконным вооруженным формированием квалифицированы по ч. 1 ст. 208 УК РФ»[583].

Обосновывая совокупную квалификацию, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации руководствуется принципом необратимости более строгого закона (в процитированных решения указано, что создание незаконного вооруженного формирования нельзя квалифицировать по ч. 1 ст. 208 УК РФ в новой редакции, усиливающей наказание), совершенно не учитывая при этом специфику составов преступлений с альтернативными деяниями. С точки зрения Судебной коллегии, руководство незаконным вооруженным формированием «является самостоятельным преступлением», но это не так. Руководство – это не самостоятельное преступление, а одно из альтернативных деяний в рамках единого состава преступления. Следовательно, совокупная квалификация создания незаконного вооруженного формирования и последующего руководства этим формированием недопустима: указанные альтернативные деяния образуют единое сложное преступление. И у этого единого преступления, совершенного двумя альтернативными деяниями, может быть только одно время совершения, выступающее отправной точкой для применения правила, зафиксированного в ч. 1 ст. 9 УК РФ.

Временем совершения этого преступления следует признать время совершения последнего из альтернативных действий, т.е. время фактического завершения руководства преступной группой, что предопределяет применение ч. 1 ст. 205^4 или ч. 1 ст. 208 УК РФ в той редакции, которая действовала на момент окончания руководящих действий[584]. Такая квалификация полностью

---

[583] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2022 № 224-УД22-20-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

[584] В соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» «…в тех случаях, когда длящееся или продолжаемое преступление было начато до вступления в силу нового уголовного закона, ухудшающего положение лица, совершившего данное преступление, но окончено после вступления этого закона в силу, в отношении такого лица подлежит применению новый уголовный закон».

согласуется с доктринальными рекомендациями: «Если же виновным совершено несколько альтернативных деяний с временным промежутком между ними, то временем преступления следует признавать время совершения последнего из этих деяний». И если это последнее деяние совершено в период действия нового уголовного закона, «для квалификации преступления и назначения наказания необходимо применять новый закон»[585].

Определенными особенностями отличается организационная террористическая деятельность, предусмотренная ч. 1 ст. 205^5 УК РФ, что связано со спецификой террористического объединения, предусмотренного ст. 205^5 УК РФ. В ч. 1 ст. 205^5 УК РФ установлена ответственность не за создание новой террористической группы, как в ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 208 УК РФ, а за организацию деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации (т.е. по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора) уже признана террористической, что закономерным образом определяет хронологические границы и содержание соответствующей организационной деятельности.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъясняется, что «уголовная ответственность по части 1 статьи 205^5 УК РФ наступает за организацию деятельности террористической организации, состоящую в действиях организационного характера, направленных на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации)» (абзац первый п. 22.7).

---

[585] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 томах. Т. 1. С. 51–52; Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов: в 3 томах. Т. 2. Книга 1: Уголовный закон. Законодательная техника. Ответственность в уголовном праве. Состав преступления. Стадии совершения преступления. Соучастие в преступлении. Множественность преступлений / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. и рук. авт. кол. А.И. Чучаев. М.: Проспект, 2025. С. 71.

Согласно ч. 5 ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» «федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности ведет единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. <…> Указанный список подлежит опубликованию в официальных периодических изданиях, определенных Правительством Российской Федерации». В качестве такого издания определена «Российская газета»[586].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 подчеркивается, что «лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьей 205^5 УК РФ, если они совершены после официального опубликования сведений о признании соответствующей организации террористической и запрете ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда» (абзац третий п. 22.6)[587].

Организационно-управленческая террористическая деятельность в содержательном плане является весьма сложной. Создание преступной группы и руководство ею предполагает, помимо прочего, формирование определенной (хотя бы минимальной) материально-технической базы (обеспечение средствами связи, обмундированием и т.п.), подготовку участников группы

---

[586] См.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.07.2006 № 1014-р «Об официальном периодическом издании, осуществляющем публикацию единого федерального списка организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими» // СПС «КонсультантПлюс».

[587] Вместе с тем известны случаи применения ст. 282^2 УК РФ к лицам, которые совершили указанные в этой статье действия до официальной публикации сведений о террористическом статусе преступной группы. Причем Президиум Верховного Суда Российской Федерации поддержал такую практику, мотивировав свое решение тем, что решение о признании организации террористической принято до вступления в силу Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в связи с чем «до момента принятия упомянутого Федерального закона от 6 марта 2006 г. привлечение к уголовной ответственности по ст. 282^2 УК РФ осуществлялось на общих основаниях. Соответственно, применительно к данной статье лицо могло быть привлечено к уголовной ответственности и осуждено за указанные преступления в случае, если виновный знал, что экстремистская организация, в которой он состоит, ликвидирована или запрещена по решению суда, которое вступило в законную силу. <…> Сайбаталову было известно о решении Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г., поскольку эта информация была широко освещена в средствах массовой информации» (см.: постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23.07.2014 № 333-П13 // СПС «КонсультантПлюс»). Отметим, что после вступления в силу Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ применение ст. 205^5 УК РФ жестко связано с официальной публикацией сведений о террористическом статусе организации.

к совершению террористических нападений, их обучение, вербовку новых членов. Так, например, применительно к ч. 1 ст. 205^4 УК РФ комментаторы отмечают, что «под созданием террористического сообщества понимаются любые действия, направленные на его обоснование и организацию, функционирование, разработку структуры, устава, определение места нахождения, подбор и вовлечение лиц в его состав, их обучение, тренировку, обеспечение жилым помещением, одеждой, питанием и т.д.»[588]; создание террористического сообщества «может выражаться в сговоре, приискании соучастников, финансировании, приобретении оружия и т.п.»[589].

Отмеченная многокомпонентность организационно-управленческой террористической деятельности закономерно порождает вопрос о ее соотношении с финансированием терроризма, склонением к совершению террористических преступлений, обучением в террористических целях, которые признаются альтернативными преступными деяниями в рамках состава содействия террористической деятельности (ст. 205^1 УК РФ).

Поставим вопрос более конкретно: как следует квалифицировать действия создателя и (или) руководителя террористического объединения, направленные на организацию материально-технического обеспечения группы? Вопрос этот объективно непростой. С одной стороны, организация материально-технического обеспечения в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 отнесена к руководящим действиям (п. 22.4, 25), а в перечне действий, которые следует расценивать в качестве организации деятельности запрещенной террористической организации, указано использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации (п. 22.7). С другой стороны, предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг для обеспечения террористической группы расценивается в качестве финансирования терроризма, которое, как

---

[588] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 томах. Т. 3 // СПС «КонсультантПлюс».
[589] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 томах. Т. 2: Особенная часть / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

известно, признается одним из альтернативных преступных деяний в составе содействия террористической деятельности (ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ).

Дополнительные сложности порождены непоследовательной позицией законодателя: в ч. 1 ст. 208 УК РФ финансирование незаконного вооруженного формирования указано в качестве альтернативного деяния, наряду с созданием формирования и руководством им, что исключает совокупную квалификацию этих деяний, тогда как в ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 205^5 УК РФ упоминание о финансировании отсутствует.

Представляется, что в основу решения рассматриваемого вопроса должно быть положено целевое предназначение финансовых и материально-технических средств, которыми распоряжается лидер террористического сообщества или террористической организации:

– если финансовые и материально-технические ресурсы предназначены для формирования террористического сообщества и обеспечения его деятельности, продолжения или возобновления противоправной деятельности запрещенной террористической организации (закупка амуниции, средств связи, медикаментов, продуктов питания, стройматериалов для оборудования укрытий, блиндажей, съем жилья и т.п.), то финансирование следует признать составной частью организационной деятельности, направленной на создание террористического сообщества и руководство им либо на организацию деятельности террористической организации[590]. При таких обстоятельствах дополнительная квалификация действий лидера террористической группы по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ представляется излишней. Содеянное полностью охватывается ч. 1 ст. 205^4, ч. 1 ст. 205^5 УК РФ;

[590] По данным В.В. Кустовой, полученным в результате изучения решений Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 209 и 210 УК РФ, финансирование как проявление организаторской деятельности встретилось в 74% случаев (см.: Кустова В.В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности. С. 148). Представляется, что эти выводы можно экстраполировать и на террористическую организационно-управленческую деятельность, связанную с созданием террористических объединений, возобновлением их деятельности и руководством ими.

– если же финансовые и материально-технические ресурсы направляются для финансирования конкретных преступлений террористического характера, а не на обеспечение функционирования террористического объединения, то действия лидера террористического объединения требуют дополнительной квалификации по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ.

Такой подход в целом согласуется с нормативной моделью ответственности организатора незаконного вооруженного формирования. В ч. 1 ст. 208 УК РФ в качестве альтернативного деяния указано финансирование незаконного вооруженного формирования, но не финансирование конкретных преступлений в составе этого формирования. Находит он поддержку и в научном сообществе[591], среди опрошенных экспертов[592], а также в судебной практике, что можно проиллюстрировать решением Верховного Суда Российской Федерации по делу Мирзаева.

Мирзаев признан виновным и осужден за создание террористического сообщества и финансирование терроризма по ч. 1 ст. 205^4, ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ. Соглашаясь с этой квалификацией, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации указала следующее: «…Мирзаев и Кодиров, являясь сторонниками радикальных течений в исламе и международной террористической организации, в период с 1 ноября 2022 г. по 21 января 2023 г. в ходе общения в сети “Интернет” с участником террористической организации, находящимся на территории Сирийской Арабской Республики, создали террористическое сообщество для совместного оказания ему материальной помощи»[593]. Таким образом, руководители террористического сообщества финансировали участника другой террористической группы

---

[591] Кустова В.В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности. С. 151.

[592] Большинство из них (59,2%) указали, что действия создателя и (или) руководителя террористического сообщества, направленные на организацию материально-технического обеспечения сообщества, являются составной частью создания сообщества и (или) руководства им, в связи с чем полностью охватываются ч. 1 ст. 205^4 УК РФ. В то же время 40,8% респондентов полагают, что действия создателя и (или) руководителя террористического сообщества, направленные на финансирование конкретного преступления, требуют совокупной квалификации по ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ (см. приложение).

[593] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2025 № 222-УД25-14-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

(запрещенной террористической организации), что явно выходит за пределы собственно организационно-управленческой деятельности, т.е. материально-технического обеспечения созданного ими сообщества.

Дифференцированного подхода требует и уголовно-правовая оценка действий создателя террористического объединения, направленных на вербовку участников:

– склонение иных лиц к участию в создаваемом (но еще не созданном) террористическом объединении, т.е. вовлечение первоначальных участников, полностью охватывается ч. 1 ст. 205^4, ч. 1 ст. 208 УК РФ. Вербовка первоначальных членов группы выступает в качестве неотъемлемого элемента ее создания, а потому не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 205^1 УК РФ;

– если же руководитель уже созданного и функционирующего террористического объединения привлекает в его ряды новых участников, то для дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 205^1 УК РФ имеются все основания.

Тот же принцип должен быть положен в основу квалификации действий лидера террористической группы, направленных на подготовку ее участников в целях совершения преступлений террористического характера:

– если лидер группы организует такую подготовку, подыскивает инструкторов (тренеров), создает «учебно-методическую базу» для подготовки (полигон, тренировочный лагерь, методические пособия и т.п.), то все эти действия не выходят за пределы организационно-управленческих действий, в связи с чем дополнительная квалификация по ч. 1 или ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ не требуется;

– если же лидер террористического объединения принимает непосредственное участие в подготовке участников группы в целях осуществления террористической деятельности, то это деяние, как представляется, выходит за рамки организационно-управленческих действий, что требует совокупной квалификации по ч. 1 или ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ.

Не охватывается понятием «руководство террористическим объединением» и преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 205^1 УК РФ (организация совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205^3, ч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, или руководство совершением указанных преступлений).

Как показывает изучение правоприменительной практики, лицо, создавшее организованную террористическую группу, может проявлять свои лидерские качества не только посредством организационно-управленческих действий, но и путем активного непосредственного участия в совершаемых группой преступлениях. В доктринальных уголовно-правовых исследованиях отмечается, что это обстоятельство не дает оснований для совокупной квалификации действий создателя группы по ч. 2 ст. 205^4 или ч. 2 ст. 208 УК РФ. В частности, П.В. Агапов утверждает, что «действия создателя террористического сообщества, участвовавшего в совершенных им преступлениях, охватываются диспозицией ч. 1 ст. 205^4 УК РФ, и дополнительной квалификации этих действий по ч. 2 данной статьи не требуется»[594].

По всей видимости, в основу этих доктринальных рекомендаций положена известная правовая позиция Президиума Верховного Суда Российской Федерации по делу Рустамова, согласно которой «действия создателя банды, участвующего в ее нападениях, охватываются диспозицией ч. 1 ст. 209 УК РФ, и дополнительной квалификации этих действий по ч. 2 ст. 209 УК РФ не требуется»[595]. Ссылаясь на приведенное решение высшего судебного органа, специалисты отмечают, что «данную позицию следует признать обоснованной и вполне применимой к правовой оценке организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем. В противном случае квалификация по совокупности ч. 1 и 2 ст. 208 УК РФ повлечет двойную ответственность, по

[594] Агапов П.В. Организация террористического сообщества и участие в нем … С. 23–25.
[595] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 11. С. 5.

сути, за одно и то же преступление, что противоречит положениям ч. 2 ст. 6 УК РФ, закрепляющей принцип справедливости»[596].

Более того, в уголовно-правовой доктрине предприняты попытки сформулировать правило квалификации, применимое ко всем криминальным группам, предусмотренным Особенной частью УК РФ: «В случаях, когда создание, руководство и участие в организованной группе предусмотрены законом в качестве самостоятельных составов преступлений (ст. 205^4, 208, 209, 210, 282^1 УК РФ), действия создателя и руководителя такой группы, участвовавшего в совершаемых ею преступлениях, охватываются частями первыми соответствующих статей и дополнительной квалификации по частям вторым этих статей не требуют»[597].

Полностью разделяя мнение о том, что уголовно-правовая оценка перечисленных преступлений должна подчиняться единому, «сквозному» правилу, отметим, что в содержательном отношении предложенное правило квалификации требует существенного уточнения. Оно применимо лишь в тех случаях, когда лицо, выполняющее организационно-управленческие криминальные функции, *одновременно* (!) участвует в совершаемых группой преступлениях или обеспечивает функционирование группы. Ключевой здесь является *одновременность* выполнения этих разных функций, которая позволяет расценивать действия лидера группы с точки зрения учения о конкуренции уголовно-правовых норм: с этих позиций норму об ответственности за руководство преступной группой следует рассматривать в качестве нормы-целого, а норму об ответственности за участие в группе – в качестве нормы-части[598].

---

[596] Агапов П.В., Хлебушкин А.Г. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: политико-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ. М.: Юридические программы, 2005 // СПС «КонсультантПлюс».

[597] Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания: монография / под ред. Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2019. С. 277.

[598] Именно с этих позиций рассматривает действия лидера банды Л.В. Иногамова-Хегай: «По правилам конкуренции норм, части и целого, следует решать вопрос о квалификации организационной и (или) руководящей деятельности организатора банды, одновременно непосредственно выполняющего функции участника банды. Деятельность организатора банды предусмотрена как самостоятельное преступление. Следовательно, норма о действиях организатора, фактически выполнившего объективную сторону состава преступления в качестве исполнителя, является целым, часть действий которого может составлять и его участие в банде наряду с другими соисполнителями (норма-часть)» (см.: Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм // СПС «КонсультантПлюс»).

Однако хронологические границы организационно-управленческих деяний, перечисленных в частях первых соответствующих статей Особенной части УК РФ, и участия в группе, предусмотренного в частях вторых этих же статей, могут не совпадать: практика показывает немало примеров, когда лицо, внесшее существенный вклад в создание преступного объединения, не принимает в дальнейшем участия в руководстве этим объединением, выполняя функции рядового члена; известны случаи, когда лидер преступной группы утрачивает свой статус и переходит в разряд простых ее участников; возможна и обратная ситуация – рядовой участник преступного объединения «выбивается» в лидеры. Во всех этих случаях говорить о конкуренции уголовно-правовых норм не приходится, ведь она возникает в ситуации, когда одно общественно опасное деяние одновременно содержит признаки двух или более составов преступлений[599].

Представляется, что для уголовно-правовой оценки многофункционального членства в преступной группе необходим дифференцированный подход, учитывающий хронологические границы организационно-управленческих и исполнительских деяний:

1) в период, когда лицо осуществляет управление преступным объединением (единоличное или коллегиальное), его действия полностью охватываются признаком «руководство» (ч. 1 ст. 205^4, ч. 1 ст. 205^5, ч. 1 ст. 208 УК РФ и т.п.) и не требуют дополнительной квалификации по признаку «участие» в преступном объединении;

2) если лицо, создавшее преступную группу, не принимает в дальнейшем участия в руководстве этой группой, выполняя функции рядового члена, его действия образуют реальную совокупность преступлений – создания группы (ч. 1 ст. 205^4, ч. 1 ст. 205^5, ч. 1 ст. 208 УК РФ и т.п.) и участия в группе (ч. 2 ст. 205^4, ч. 2 ст. 205^5, ч. 2 ст. 208 УК РФ и т.п.). В этом случае деяние

[599] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 210.

в виде создания группы юридически и фактически окончено в момент ее формирования, а потому это деяние не может охватывать последующее участие в группе. Причем нельзя исключать истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности за создание преступного объединения – в таком случае лицо будет нести ответственность только за участие в группе;

3) совокупная квалификация необходима и в тех случаях, когда лицо утратило (добровольно или вынужденно) статус лидера преступной группы, прекратило осуществление управленческих функций и перешло в разряд простых участников группы. Как только руководство преступной группой прекратилось, участие в ней требует самостоятельной уголовно-правовой оценки.

Предложенный подход отчетливо прослеживается в современной практике Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации:

– «…ошибочным является вывод суда первой инстанции о квалификации действий Рамазанова Г.Р. по ч. 1 ст. 208 УК РФ за участие в деятельности незаконного вооруженного формирования. Тем более что судом первой инстанции исключено как необоснованно вмененное руководство Рамазановым Г.Р. незаконным вооруженным формированием, наличие которого позволяло бы суду квалифицировать участие осужденного в этом формировании по ч. 1 ст. 208 УК РФ. При таких данных действия Магомедова Р.З. и Рамазанова Г.Р., связанные с созданием незаконного вооруженного формирования в мае 2015 г., подлежат квалификации по ч. 1 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ)… а действия Рамазанова Г.Р., связанные с участием в незаконном вооруженном формировании по 9 октября 2017 г., подлежат переквалификации на ч. 2 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ)»[600];

– «…судом установлено, что действия Пирвелиева, Нарчавова, Меджидова и Рамазанова по созданию незаконного вооруженного формирования

[600] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2022 № 224-УД22-18-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

окончены с момента его фактического образования в июне 2016 года, в связи с чем они подлежат квалификации по ч. 1 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ), что и было правильно сделано судом первой инстанции. Что касается последующего участия Пирвелиева, Нарчавова, Меджидова и Рамазанова в названном формировании, то оно является самостоятельным преступлением и подлежит отдельной квалификации по ч. 2 ст. 208 УК РФ. Квалификация этих действий по ч. 1 ст. 208 УК РФ недопустима ввиду отсутствия в диспозиции данной нормы уголовного закона указания об ответственности за участие в незаконном вооруженном формировании, а за руководство данным формированием они не осуждались»[601];

– «…судом установлено, что действия Барзукаева, Курбанова и Мирзалиева по созданию террористического сообщества окончены с момента его фактического образования не позднее 31 декабря 2018 г., в связи с чем они обоснованно квалифицированы по ч. 1 ст. 205^4 УК РФ. Что касается последующего участия Барзукаева, Курбанова и Мирзалиева в названном террористическом сообществе, то оно является самостоятельным преступлением и подлежит квалификации по ч. 2 ст. 205^4 УК РФ»[602].

Обосновывая совокупную квалификацию по ч. 1 ст. 205^4 и ч. 2 ст. 205^4, ч. 1 ст. 208 и ч. 2 ст. 208 УК РФ, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации акцентирует внимание на том, что лицо создало преступную группу, но затем не руководило ею (вариант – прекратило руководящие функции), а выполняло функции рядового участника. Таким образом, с точки зрения высшего судебного органа, участие в террористическом объединении полностью охватывается руководством и не требует дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 205^4 или ч. 2 ст. 208 УК РФ, тогда

---

[601] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2022 № 224-УД22-20-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

[602] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2024 № 224-УД24-54-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

как создание террористической группы и последующее участие в ней образуют совокупность преступлений[603].

Подводя итог, отметим, что предложенные правила уголовно-правовой оценки «террористического менеджмента» позволяют должным образом учесть его сложность и многокомпонентность и в то же время адекватно оценить с позиции уголовного закона сопутствующие террористические деяния, выходящие за рамки собственно организационно-управленческой террористической деятельности.

2.3. Уголовная ответственность за участие в террористическом объединении

Статьи 205^4, 205^5, 208 УК РФ, выступающие в качестве уголовно-правовых инструментов воздействия на организационно-управленческую инфраструктуру терроризма, в структурном отношении весьма похожи: в частях первых установлена ответственность за создание (организацию) соответствующей террористической группы, а равно руководство ею (в ч. 1 ст. 205^5 УК РФ – за организацию деятельности террористической организации); в частях вторых криминализовано участие в террористическом объединении.

---

[603] Попутно отметим, что такая же практика сформировалась и применительно к ст. 209 УК РФ. Высший судебный орган уточнил свою позицию, отраженную ранее в решении Президиума Верховного Суда Российской Федерации по делу Рустамова. В решениях более позднего периода отмечается, что участие в банде не требует самостоятельной квалификации по ч. 2 ст. 209 УК РФ, если лицо не только создало банду, но и руководило ею: «…квалифицируя действия Г. и. Т. по двум частям одной статьи – ч. 1 ст. 209 и ч. 2 ст. 209 УК РФ… суд не учел, что *организаторы и руководители банды* одновременно являются и ее членами… Более того, уголовная ответственность по ч. 1 ст. 209 УК РФ за создание банды, а равно руководство бандой более строгая, чем по ч. 2 ст. 209 УК РФ за участие в такой банде, из чего следует, что квалификация действий осужденных по ч. 2 ст. 209 УК РФ является излишней» (Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2 полугодие 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 6); «…уголовная ответственность за участие в банде и участие в совершаемых бандой нападениях при квалификации действий лица, *создавшего банду либо руководящего ею*, является излишней, поскольку *руководство бандой является формой участия в ней* и данное лицо по смыслу закона несет ответственность за все нападения, совершенные бандой» (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2015 по делу № 5-АПУ15-13СП // СПС «КонсультантПлюс»).

В абзаце первом п. 22.5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъясняется, что «под участием в террористическом сообществе надлежит понимать *вхождение лица в состав такого сообщества* с намерением участвовать в осуществлении террористической деятельности либо в подготовке или совершении одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205^1, 205^2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, участие в подготовке к совершению указанных преступлений или в совершении таких преступлений, *а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества* (снабжение информацией, ведение документации и т.п.)».

С точки зрения грамматического толкования соединительный союз «а также», который связывает две части процитированного разъяснения, означает, что участие в террористическом сообществе можно констатировать при одновременном наличии двух условий: вхождение в состав сообщества и выполнение функциональных обязанностей по обеспечению его деятельности[604]. В юридических текстах союз «а также» используется именно в соединительном смысле[605].

Похожую грамматическую конструкцию имеет и разъяснение относительно участия в незаконном вооруженном формировании: «Под участием

---

[604] В лингвистике союзы «и», «а также» рассматриваются как «собственно соединительные» (Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 284). С точки зрения логики союз «а также» выполняет конъюнктивную (соединительную) функцию: истинность суждения констатируется исключительно при условии одновременной истинности всех его составляющих (см.: Логика: учебник для юридических вузов / под ред. В.И. Кириллова, А.А. Старченко. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ТК «Велби», Проспект, 2008. С. 78–79; Векленко П.В. Логика: конспект лекций. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 27).

[605] В Методических рекомендациях по лингвистической экспертизе законопроектов, утвержденных Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (см.: СПС «КонсультантПлюс»), отмечается, что «союз “а также”, как правило, имеет присоединительное значение, т.е. указывает, что присоединяемая им языковая единица (слово, словосочетание или вторая часть сложносочиненного предложения) содержит добавочную, дополнительную информацию по отношению к предшествующей части. Таким образом, если между однородными подлежащими стоит присоединительный союз “а также”, сказуемое согласуется с ближайшим подлежащим».

в незаконном вооруженном формировании надлежит понимать *вхождение в состав такого формирования* (например, принятие присяги, дача подписки или устного согласия, получение формы, оружия), *выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого формирования* (обучение его участников; строительство временного жилья, различных сооружений и заграждений; приготовление пищи; ведение подсобного хозяйства в местах расположения незаконного вооруженного формирования и т.п.)» (абзац второй п. 27 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1). Здесь вхождение в состав незаконного вооруженного формирования и выполнение функциональных обязанностей по обеспечению его деятельности перечислены через запятую, что предполагает одновременное наличие указанных действий.

Деятельностный, активный характер должно иметь и участие в террористической организации (ч. 2 ст. 205^5 УК РФ), на что обращается внимание в абзаце втором п. 22.7 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1.

Из вышеприведенных разъяснений Пленума следует, что для юридически оконченного состава участия в преступной группе недостаточно того, чтобы лицо вступило в нее и значилось в списках ее членов; необходимо совершение конкретных деяний, обеспечивающих функционирование преступного объединения. Иными словами, участие в преступной группе предполагает не просто пассивное членство, т.е. состояние участия, а участие деятельное. Констатируя это обстоятельство, П.В. Агапов пишет: «Участие в террористическом сообществе должно быть активным, деятельным и не может выражаться в простом бездейственном членстве. Другими словами, лицо может считаться членом анализируемого преступного объединения только тогда, когда оно существенно способствует его функционированию. Оказание разовых услуг и иной помощи (покупка продуктов питания, предоставление жилья для ночлега и т.п.) при наличии к тому оснований квалифицируется как пособничество участию в террористическом сообществе»[606].

[606] Агапов П.В. Организация террористического сообщества и участие в нем … С. 23–25.

Поскольку участие в преступной группе увязывается Пленумом с совершением конкретных действий, обеспечивающих функционирование группы, логично предположить, что в отсутствие подобных действий преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 205^4, ч. 2 ст. 205^5, ч. 2 ст. 208 УК РФ, не могут признаваться юридически оконченными.

Применительно к ч. 2 ст. 208 УК РФ Пленум Верховного Суда вполне обоснованно разъясняет, что «преступление в форме участия лица в незаконном вооруженном формировании считается оконченным *с момента совершения конкретных действий по обеспечению деятельности незаконного вооруженного формирования*» (абзац третий п. 27 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1). Следовательно, если лицо, претендующее на место в составе незаконного вооруженного формирования, по независящим от него обстоятельствам не смогло осуществить какие-либо действия, направленные на обеспечение функционирования соответствующего формирования, содеянное следует расценивать как неоконченное преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 208 УК РФ.

Однако применительно к ч. 2 ст. 205^4 УК РФ момент юридического окончания участия определяется иначе: «Преступление в форме участия лица в террористическом сообществе считается оконченным *с момента вхождения в состав такого сообщества с намерением участвовать в осуществлении террористической деятельности либо в подготовке или совершении одного либо нескольких преступлений,* предусмотренных статьями 205^1, 205^2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма (абзац второй п. 22.5 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1). Обоснованность такого подхода вызывает серьезные сомнения, поскольку он явно не согласуется с трактовкой участия в террористическом сообществе, сформулированной в абзаце первом п. 22.5 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1. С точки зрения Пленума, такое участие предполагает не только вхождение лица в состав сообщества, но и выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению его

деятельности. А значит, без совершения конкретных действий по обеспечению функционирования террористического сообщества объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205[4] УК РФ, не выполнена, что не позволяет констатировать юридическое окончание преступления[607].

Наличие в одном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации двух несовпадающих разъяснений о моменте юридического окончания сходных по своей природе преступлений (ч. 2 ст. 208 и ч. 2 ст. 205[4] УК РФ) дезориентирует правоприменительные органы и не способствует единообразию судебной практики. Проблема усугубляется тем, что применительно к еще одному составу с идентичной конструкцией – составу участия в деятельности террористической организации (ч. 2 ст. 205[5] УК РФ) – разъяснения о моменте юридического окончания Пленумом не сформулированы. Возникает вопрос: каким из противоречащих друг другу разъяснений следует руководствоваться при квалификации участия в деятельности террористической организации (ч. 2 ст. 205[5] УК РФ)? Существующая неопределенность в этой части порождает риски произвольного правоприменения.

Противоречия подходов высшего судебного органа становятся особенно заметными, когда преступная группа, в которую лицо пытается вступить, одновременно обладает признаками нескольких преступных объединений террористической направленности, например незаконного вооруженного формирования и террористического сообщества (террористической организации). Как отмечалось в первом параграфе настоящей главы, в таких случаях на практике допускается совокупная квалификация содеянного по ч. 2 ст. 208 и ч. 2 ст. 205[4] или ч. 2 ст. 205[5] УК РФ[608]. Возникает парадоксальная ситуация: одни и те же

---

[607] Здесь применимо известное правило квалификации преступления с двумя обязательными деяниями, согласно которому такое преступление признается юридически оконченным при условии выполнения обоих действий (см.: Корнеева А.В. Теория квалификации преступлений: учебное пособие для магистрантов. М.: Проспект, 2014. С. 22).

[608] См.: определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2019 № 224-АПУ19-12 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 8; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2024 № 223-УД24-15-А // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 07.08.2024 № 224-УД24-29-А6 // СПС «КонсультантПлюс». Отметим, что подобная совокупная квалификация участия в одном и том же преступном объединении вызывает серьезные сомнения с точки зрения требований ч. 2 ст. 6 УК РФ.

действия, направленные на вхождение в состав преступной группы, будут квалифицированы (при условии следования разъяснениям Пленума) как оконченное и как неоконченное преступление.

По всей видимости, в основу разъяснения Пленума Верховного Суда о моменте юридического окончания участия в террористическом сообществе положены идеи ранней профилактики преступлений: устное или письменное согласие присоединиться к террористам, принятие присяги на верность террористическому объединению и его руководителям сигнализируют о возникновении серьезных, недопустимых криминальных рисков, которые требуют купирования уголовно-правовыми средствами.

Раннепревентивный вектор антитеррористической уголовно-правовой политики, безусловно, заслуживает поддержки. Однако инструменты раннего уголовно-правового воздействия не должны вступать в противоречие с фундаментальными началами уголовного права и базовыми уголовно-правовыми институтами. Поэтому действия, направленные на вступление в ряды террористического сообщества, террористической организации или незаконного вооруженного формирования, которые не сопровождались последующим выполнением лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности преступной группы, нельзя считать юридически оконченным участием в соответствующем террористическом объединении.

Надо признать, что в рамках уголовного судопроизводства по конкретным делам органы предварительного следствия и суды занимают довольно взвешенную позицию относительно уголовно-правовой оценки подобных действий. Как правило, они квалифицируются как приготовление к участию в преступной группе[609] или как покушение на участие в ней[610]. В большинстве

---

[609] Такой подход к квалификации принятия присяги на верность лидерам международной террористической организации изложен в информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14.08.2019 «Об особенностях привлечения к уголовной ответственности за приготовление к участию в незаконном вооруженном формировании и международной террористической организации за пределами территории Российской Федерации» (документ официально не опубликован).

[610] О.Н. Тисен по результатам проведенного ею исследования констатирует: «…анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единообразия при квалификации действий, направленных на вступление в НВФ и МТО на территории иностранных государств, не доведенных до конца по независящим от виновных

случаев Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации и нижестоящие суды увязывают момент окончания участия в преступной группе с выполнением конкретных действий в ее интересах:

– так, например, действия Чаниева А.Р. были квалифицированы как оконченное преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 205^5 УК РФ, поскольку он не только вступил в ряды международной террористической организации «Исламское государство», дав присягу на верность ее лидеру, но и во исполнение указаний члена организации выехал в г. Ставрополь для организации размещения там членов террористической организации, а также совершил умышленные действия, направленные на вовлечение иного лица к участию в деятельности международной террористической организации[611];

– аналогичным образом по ч. 2 ст. 205^5 УК РФ квалифицированы действия Гусейнова Н.Д. оглы, который принял присягу на верность лидеру международной террористической организации, а затем по указанию данного лица совершил приготовление к террористическому акту. В кассационной жалобе защитник осужденного просил переквалифицировать действия Гусейнова Н.Д. оглы с ч. 2 ст. 205^5 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 205^5 УК РФ, однако Верховный Суд Российской Федерации отклонил доводы кассационной жалобы со ссылкой на то, что осужденный «не только присягнул на верность руководителю международной организации <...> но и совершил умышленные действия, направленные на продолжение деятельности данной организации и реализации ее задач»[612];

– состав оконченного участия в террористической организации (ч. 2 ст. 205^5 УК РФ) констатирован в действиях Колодяжнова, который не ограни-

---

обстоятельствам. В одних случаях идентичные действия квалифицируются как приготовление, в других – как покушение на вступление в НВФ или МТО» (Тисен О.Н. Квалификация неоконченных преступлений, направленных на вступление в международные террористические организации и незаконные вооруженные формирования на территории иностранных государств. С. 85–88).

[611] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12.09.2023 № 224-УД23-14-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

[612] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2025 № 224-УД25-2-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

чился принятием присяги на верность международной террористической организации и распространял среди сверстников материалы, пропагандирующие террористическую деятельность, осуществлял оправдание деятельности международной террористической организации[613].

Если же лицо помимо принятия присяги ничего более не совершило, то содеянное квалифицируется как приготовление к участию в преступной группе. Именно такую уголовно-правовую оценку получили действия Азизова Х.С., который принял присягу на верность руководителю международной террористической организации «Исламское государство» и готовился к выезду в Сирию на территорию, подконтрольную указанной террористической организации. Азизов Х.С. был осужден за приготовление к участию в деятельности террористической организации по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205^5 УК РФ[614]. Такая квалификация представляется обоснованной, поскольку действий, обеспечивающих функционирование террористической организации, Азизов Х.С. не совершил.

Вместе с тем в отдельных случаях принятие присяги на верность руководителю международной террористической организации расценивалось судами как юридически оконченное участие в террористическом сообществе. Показательным в этом отношении можно считать уголовное дело в отношении Поцелова Н.А., осужденного по ч. 2 ст. 205^5 УК РФ за участие в деятельности организации «Исламское государство», которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической. Соглашаясь с этой квалификацией, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации указала, что участие в деятельности террористической организации «Исламское государство» выразилось в принятии Поцеловым Н.А. во время отбывания им наказания в исправительном учре-

---

[613] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2021 по делу № 223-УД21-5-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

[614] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2019 № 201-АПУ19-8 // СПС «КонсультантПлюс».

ждении ГУФСИН России присяги на верность руководителю данной террористической организации. Из обстоятельств дела следует, что Поцелов Н.А. на русском языке произнес клятву верности (баят) руководителю террористической организации «Исламское государство», звукозапись которой через мессенджер «Телеграм» была отправлена в Сирию И., который агитировал за вступление в данную террористическую организацию, откуда пришло поздравление Поцелова со вступлением в террористическую организацию[615].

Такая квалификация находит определенную поддержку среди представителей доктрины[616] и в экспертном сообществе: 49,2% опрошенных экспертов указали, что принятие присяги на верность лидеру международной террористической организации следует расценивать в качестве юридически оконченного преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205^5 УК РФ, даже если конкретные действия в интересах террористической организации присягнувшее лицо не совершило (см. приложение).

Подобная уголовно-правовая оценка вызывает немало вопросов. Во-первых, она не соответствует трактовке участия в деятельности террористической организации, изложенной в абзаце втором п. 22.7 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1. Участие в деятельности террористической организации предполагает «совершение лицом умышленных действий, относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации», тогда как принятие присяги лишь создает условия для совершения указанных действий. Во-вторых, при таком подходе участие в деятельности террористической организации фактически приравнивается к формальному членству в соответствующей организации, т.е. к преступному состоянию, что идет вразрез с базовыми положениями уголовного права. В-третьих, подобная уголовно-право-

[615] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 10.09.2024 № 224-УД24-39-А6 // СПС «КонсультантПлюс».
[616] См., например: Меркурьев В.В., Агапов П.В. Проблемные вопросы квалификации участия в деятельности террористической организации, основные структуры которой находятся на территории другого государства (статья 205^5 Уголовного кодекса Российской Федерации). С. 94–100.

вая оценка фактически исключает возможность добровольного отказа от доведения преступления до конца, лишает лицо стимулов к инициативному прекращению преступной деятельности, что не способствует решению превентивной задачи уголовного права.

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о моменте юридического окончания участия в преступных группах террористической направленности требуют корректировки и унификации. Судам нужны четкие ориентиры: до тех пор, пока лицо, желающее войти в состав соответствующего преступного объединения, не совершит конкретные действия, направленные на обеспечение функционирования группы или выполнение ее задач, участие в группе нельзя считать юридически оконченным преступлением. Принятие присяги на верность руководителю террористической группы к таким действиям не относится – оно лишь создает условия для участия в соответствующей группе, т.е. образует приготовление к участию в преступном объединении.

Как приготовление к участию в террористическом объединении квалифицировались пресеченные правоохранительными органами действия лиц, которые пытались примкнуть к членам запрещенной международной террористической организации «Исламское государство»[617]. С объективной стороны подобные действия выражались в приобретении авиабилетов, регистрации на рейс, поездке в государства, которые граничат с территориями, подконтрольными международной террористической организации. В отдельных случаях правоприменительные органы расценивали пресеченные поездки с террористической целью и подготовку к ним в качестве покушения на участие в тер-

[617] См.: апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2017 № 201-АПУ17-41 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 07.12.2017 № 208-АПУ17-4 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2018 № 205-АПУ18-8 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2019 № 203-АПУ19-2 // СПС «КонсультантПлюс» и др.

рористической организации, однако суды, как правило, изменяли эту квалификацию, обоснованно усматривая в этих действиях признаки приготовления к участию в террористическом объединении. Как отмечается в решении по делу Махмадиева, «на основании анализа и оценки совокупности исследованных по делу доказательств судом правильно установлено, что все действия, направленные на реализацию названного выше преступного умысла, а именно: переписка с целью инструктажа о способе прибытия в ИРА с неустановленными следствием членами МТО “ИГ”, приобретение авиабилета, вещей и предметов, необходимых для осуществления поездки, т.е. создание условий для совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205^5 УК РФ, были совершены Махмадиевым под контролем оперативных сотрудников ФСБ России, что не оспаривается государственным обвинителем. Таким образом, объективных действий, связанных с участием в деятельности террористической организации, Махмадиев не совершил по независящим от него обстоятельствам, поэтому указанные преступные действия Махмадиева обоснованно расценены судом первой инстанции как приготовление к участию в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, и переквалифицированы с ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 205^5 УК РФ на ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205^5 УК РФ»[618].

Участие в преступной группе представляет собой сложное, пролонгированное деяние, уголовно-правовая природа которого служит предметом научных дискуссий. Некоторые теоретики считают его длящимся преступлением[619], причем Верховный Суд Российской Федерации, судя по всему, полностью разделяет такой подход:

---

[618] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 20.11.2018 № 201-АПУ18-47 // СПС «КонсультантПлюс».

[619] См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / под науч. ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Городец, 2007. С. 311; Очередько В.А. Квалификационная зависимость прикосновенности к преступлению от предикатного деяния. С. 36–38.

– «…участие в деятельности террористической организации является длящимся преступлением…»[620];

– «…преступления, предусмотренные ч. ~~ч.~~ 1 и 2 ст. 205[5] УК РФ, относятся к категории длящихся…»[621];

– «…действия Паунежева правомерно квалифицированы по ч. 2 ст. 208 УК РФ в действующей редакции, поскольку совершенное им преступление является длящимся и было пресечено лишь в момент его задержания 9 октября 2016 г.»[622];

– «по смыслу ч. 1 ст. 9 УК РФ, если часть объективной стороны длящегося или продолжаемого преступления совершена в период действия нового закона, то применяться должен новый уголовный закон. Из чего следует, что… действия Карпюка Н.А. и Клыха С.Р. за участие в банде, начатые в период действия УК РСФСР и оконченные во время действия УК РФ, должны квалифицироваться по ст. 209 УК РФ»[623];

– «…“руководство организованным преступным сообществом” либо “участие в организованном преступном сообществе” являются длящимися преступлениями и подлежат квалификации в соответствии с уголовным законом, действовавшим на момент окончания совершения этого преступления»[624].

Изложенная трактовка уголовно-правовой природы участия в преступной группе представляется неверной. Напомним, что длящееся преступление прочно ассоциируется с «*непрерывным* осуществлением состава данного преступного деяния» (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской

---

[620] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2017 № 201-АПУ17-50 // СПС «КонсультантПлюс».
[621] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12.04.2018 № 203-АПУ18-3 // СПС «КонсультантПлюс»
[622] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2018 № 205-АПУ18-9 // СПС «КонсультантПлюс».
[623] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.10.2016 № 23-АПУ16-5СП // СПС «КонсультантПлюс». Применительно к ч. 2 ст. 209 УК РФ см. также: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.05.2016 № 11-О16-3 // СПС «КонсультантПлюс».
[624] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.04.2012 № 15-О12-2сп-а // СПС «КонсультантПлюс».

Федерации от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях»). В научных источниках конкретизируется, что длящееся преступление непрерывно осуществляется на стадии юридически оконченного[625]. Непрерывность означает, что объективная сторона длящегося преступления вплоть до его прекращения (фактического окончания) выполняется постоянно, каждый момент времени, не прекращаясь ни на секунду. Однако эта характеристика, как правило, не применима к участию в преступной группе, поскольку такое участие интерпретируется доктриной и Пленумом Верховного Суда Российской Федерации (пусть и не вполне последовательно) как совершение конкретных действий в интересах группы, а не просто вхождение в ее состав (подробнее об этом пойдет речь ниже). Причем действия, обеспечивающие функционирование преступной группы или выражающиеся в совершении преступлений в ее интересах, в большинстве случаев совершаются не непрерывно, а дискретно, с определенной периодичностью, с разрывами во времени, нередко весьма длительными.

Например, в решении по делу Токтомуратова Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации признала обоснованной квалификацию действий осужденного по ч. 2 ст. 205^5 УК РФ, отметив при этом, что его участие в деятельности запрещенной террористической организации «Партия исламского освобождения» – «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»[626] «выразилось в посещении под руководством руководителя в составе группы идеологических собраний организации, самостоятельном изучении литературы названной организации и хранении по месту своего жительства книгопечатного издания “Концепция Хизб ут-Тахрир”». Таким образом,

[625] См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 93; Кузнецова Н. Квалификация сложных составов преступлений. С. 31; Ображиев К.В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления. С. 442–455; Петренко В.В. Длящиеся преступления … С. 9.

[626] Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

Судебная коллегия включила в содержание участия в террористической организации дискретные действия (участие в собраниях, изучение экстремистской литературы), которые по определению не могут совершаться непрерывно, но тем не менее констатировала, что совершенное преступление является длящимся[627]. Признать такой подход последовательным вряд ли возможно.

По всей видимости, в основу рассматриваемой интерпретации участия в преступной группе положена концепция, объясняющая непрерывность длящегося преступления с позиции «преступного состояния», в котором якобы пребывает лицо, совершающее длящееся преступление. С точки зрения этой концепции «длящееся преступление носит не одномоментный характер, а является преступным состоянием»[628]; «длящимся является преступление, которое начинается с акта противоправного действия или бездействия и, не оканчиваясь этим моментом, непрерывно осуществляется, образуя “преступное состояние” лица»[629]; «длящееся преступление – совершение действия или бездействия, сопряженного с последующим длительным наличием преступного состояния»[630]. В приложении к исследуемым деяниям эта концепция позволяет рассматривать участие в преступной группе как *состояние членства в криминальном объединении*, которое непрерывно длится с момента вхождения в его состав вплоть до задержания участника, его смерти или прекращения деятельности группы в целом.

---

[627] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2017 № 201-АПУ17-50 // СПС «КонсультантПлюс». Длящийся характер здесь имеет лишь хранение экстремистского книгопечатного издания, однако это деяние, во-первых, само по себе не является преступным, а во-вторых, его вряд ли можно расценивать как участие в террористической организации, поскольку хранение указанной книги для целей ее личного изучения не обеспечивает функционирование этой организации. Иной оценки заслуживают действия участника террористического объединения, который осуществляет хранение запрещенной литературы в интересах всей преступной группы (например, хранит ее в целях последующего распространения). В таком случае участие в террористическом объединении приобретает длящийся характер.

[628] Чикин Д.С. К вопросу о понятии длящегося преступления и моменте его окончания // Общество и право. 2010. № 3. С. 148–150.

[629] Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: Вопросы теории и практики: монография. Кемерово: КемГУ, 2012. С. 121.

[630] Энциклопедия уголовного права. Т. 32: Квалификация преступлений / Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. СПб.: Изд. проф. Малинина, 2020. С. 446.

Такая трактовка участия в преступной группе прослеживается в судебной практике. И хотя суды прямо не называют участие в преступном объединении криминальным состоянием, отсылка к этой концепции считывается «между строк». Характерным примером может служить решение по делу Абдыманапа и Каримова.

Обстоятельства дела в кратком изложении таковы: «Абдыманап У.А. и Каримов Х.Ш. осуждены по ч. 2 ст. 205^5 УК РФ «за участие: Абдыманап – с февраля 2014 г., Каримов – с осени 2014 г., каждый, по 28 марта 2017 г. в деятельности организации “Хизб ут-Тахрир аль-Ислами”[631], которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической». Согласно приговору преступление «выразилось в их участии в незаконных собраниях, на которых каждым из них изучалась идеологическая литература организации, проводилась их идеологическая обработка, обучение мерам конспирации и противодействия правоохранительным органам, распространялись пропагандистская литература и агитационные материалы организации, а также собирались и распределялись для ее деятельности денежные средства». В апелляционных жалобах защитник осужденного Абдыманапа просил переквалифицировать действия подзащитного на ч. 2 ст. 205^5 УК РФ в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ, ссылаясь на то, что участие Абдыманапа в деятельности террористической организации вплоть до его задержания, т.е. до 28 марта 2017 г., не подтверждается исследованными доказательствами. Материалы дела подтверждают только факт участия Абдыманапа и Каримова в деятельности террористической организации в 2014–2015 гг., в том числе в собрании, которое проходило 25 января 2015 г. А следовательно, по мнению защитников, суду необходимо было руководствоваться положениями ст. 9, 10 УК РФ и квалифицировать действия подзащитных по ч. 2 ст. 205^5 УК РФ в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ».

---

[631] Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения, указав следующее: «Вопреки утверждениям авторов жалоб, суд правильно установил период совершения преступления – участия Абдыманапа и Каримова в деятельности террористической организации, которое является длящимся. <…> Судом правильно установлено, что осужденные участвовали в деятельности террористической организации “Хизб ут-Тахрир аль-Ислами” в период: Абдыманап – с февраля 2014 г. по 28 марта 2017 г., Каримов – с осени 2014 г. по 28 марта 2017 г., т.е. до момента их задержания правоохранительными органами. <…> …Абдыманап посещал собрания террористической организации “Хизб ут-Тахрир аль-Ислами” до сентября 2016 г., а Каримов изучал литературу указанной организации до ее обнаружения в ходе проводимого у него обыска».

На этом основании Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу «об отсутствии намерений у осужденных прекратить свое участие в деятельности террористической организации после 25 января 2015 г.». При этом Судебная коллегия указала, что «с учетом длящегося характера совершенного Абдыманапом и Каримовым преступления, оно могло быть окончено только в случае добровольного сообщения ими о таком участии в соответствующие органы власти Российской Федерации, чего ими сделано не было»[632].

Обратим внимание: Судебная коллегия признает, что Абдыманап посещал собрания террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»[633] до сентября 2016 г., но при этом констатирует, что участие в террористической организации длилось до 28 марта 2017 г., т.е. еще полгода. Не прибегая к концепции длящегося преступного состояния, объяснить это полугодовое участие в террористической организации, которое не сопровождалось конкретными

---

[632] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2018 № 201-АПУ18-21 // СПС «КонсультантПлюс». См. также: апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12.04.2018 № 203-АПУ18-3 // СПС «КонсультантПлюс».

[633] Признана террористической организацией и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации решением Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2003 № ГКПИ 03-116.

действиями в интересах этой организации, невозможно. Получается, что, с точки зрения суда, участие в террористической организации в указанный период выражалось в самом состоянии членства в этой организации, в наличии статуса ее участника.

Однако эта интерпретация участия в преступной группе, основанная на концепции преступного состояния, идет вразрез с аксиоматичными положениями, согласно которым преступление может воплощаться лишь в общественно опасном деянии, но не в состоянии или каком-либо статусе[634].

По всей видимости, позиционировать участие в террористическом объединении в качестве длящегося преступления можно лишь в тех случаях, когда участие в группе выражается в совершении длящегося преступного деяния в интересах группы, например в незаконном хранении арсенала вооружения, в длящейся террористической агитации (в частности, в публичных призывах к террористической деятельности, размещенных в сети «Интернет»). Здесь участие в преступной группе становится длящимся за счет длящегося характера иного преступления, непрерывно совершаемого членом группы. В иных ситуациях участие в преступной группе, если оно не было прекращено сразу после его юридического окончания, как правило, соответствует признакам продолжаемого преступления[635].

На страницах юридической печати высказано мнение о том, что участие в преступной группе, равно как и руководство такой группой, не укладывается в рамки известных конструкций сложного единичного преступления. Отстаивая эту позицию, Д.М. Молчанов пишет: «Ни участие в такой группе, ни руко-

---

[634] Убедительная критика концепции длящегося преступного состояния представлена в работе К.В. Ображиева, который последовательно доказывает, что «трактовка длящегося преступления, распространенная, кстати, и в зарубежной науке, явно противоречит устоявшимся постулатам классического теоретического учения о преступлении и действующему уголовному законодательству» (см.: Ображиев К.В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления. С. 442–455).

[635] Понятно, что в прикладном правоприменительном отношении намного проще объявить участие в террористическом объединении длящимся преступлением. В таком случае достаточно ограничиться доказыванием осуществления конкретных действий, направленных на совершение преступлений или на обеспечение функционирования группы, не утруждаясь установлением точного времени их осуществления (чего требует вывод о продолжаемом характере участия).

водство группой не могут рассматриваться как длящееся преступление. Преступное состояние члена организованной группы или преступного сообщества определяется не самим членством в этой группе как определенным статусом, а постоянным выполнением каких-либо действий по подбору новых членов, финансированию, обеспечению оружием, поиску каналов легализации преступно полученных доходов и прочими функциями. Именно поэтому такие преступления следует рассматривать не как разновидность длящихся преступлений, а как отдельный уголовно-правовой феномен»[636]. На эту ремарку ответим: не стоит изобретать каких-то новых форм сложного единичного преступления. Как правило, участие в преступной группе полностью соответствует признакам продолжаемого преступления (если участие проявляется в дискретных юридически тождественных действиях, совершенных в интересах группы) или длящегося преступного деяния (если участник группы в ее интересах непрерывно осуществляет пролонгированные преступные действия, такие как незаконное хранение оружия или экстремистской литературы, публичные призывы к террористической деятельности в сети «Интернет»).

Пролонгированный (продолжаемый или длящийся) характер участия в террористическом объединении закономерным образом накладывает свой отпечаток на уголовно-правовую оценку рассматриваемого деяния:

– участник террористического объединения может быть привлечен к уголовной ответственности даже в том случае, если он вступил в объединение до достижения возраста уголовной ответственности (напомним, что по ч. 2 ст. 205^4, ч. 2 ст. 205^5, ч. 2 ст. 208 УК РФ ответственность наступает с 14-летнего возраста), при условии, что его участие в группе (причем участие деятельностное) продолжилось после достижения соответствующего возраста;

– лицо, вступившее в террористическую организацию до ее запрещения на основании судебного решения, несет ответственность по ч. 2 ст. 205^5

[636] Молчанов Д.М. Длящиеся преступления: уголовно-правовая оценка в соответствии с принципом справедливости // Lex russica. 2011. № 4. С. 746.

УК РФ, если его участие в террористической организации продолжилось после официальной публикации обновленного единого федерального списка организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими. Оценивая подобную ситуацию, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации указала: «…на правильность выводов суда о совершении осужденными соответствующих преступлений не влияет тот факт, что присяга на верность МТО “ИГ” была дана Барзукаевым еще в 2014 г., до признания данной организации террористической, поскольку и он, и другие осужденные участвовали в деятельности данной организации после признания ее террористической вплоть до пресечения их преступных действий 15 июня 2019 г. в результате задержания сотрудниками правоохранительных органов»[637];

– темпоральная конкуренция уголовно-правовых норм, возникающая в случае законодательных изменений ч. 2 ст. 205^4, ч. 2 ст. 205^5, ч. 2 ст. 208 УК РФ, разрешается в пользу той редакции нормы, которая действовала на момент фактического окончания участия в террористическом объединении, даже если она ухудшает положение виновного. В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» по этому поводу разъясняется, что «…с учетом положений статьи 9 УК РФ о действии уголовного закона во времени в тех случаях, когда длящееся или продолжаемое преступление было начато до вступления в силу нового уголовного закона, ухудшающего положение лица, совершившего данное преступление, но окончено после вступления этого закона в силу, в отношении такого лица подлежит применению новый уголовный закон».

[637] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2024 № 224-УД24-54-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

Глава 3.
Уголовно-правовое воздействие на материально-техническую и информационную инфраструктуру терроризма

3.1. Уголовная ответственность за вооружение лица в целях совершения преступлений террористического характера

Наличие в ст. 205[1] УК РФ специального уголовно-правового запрета на вооружение лица в целях совершения преступлений террористического характера не вызывает и, пожалуй, не может вызывать каких-либо сомнений с точки зрения своих социальных оснований. Здесь обусловленность криминализации предопределяется общим согласием относительно общественной опасности как терроризма в целом, так и незаконного оборота оружия в частности. Хотя практика терроризма возможна и без применения оружия, подобное редко встречается в реальной жизни. Использование же террористами оружия не только является распространенным, но и существенно повышает общественную опасность содеянного.

На тесную связь между терроризмом и незаконным оборотом оружия, незаконными перевозками ядерных, химических, биологических и других потенциально смертоносных материалов было обращено внимание в резолюции 1373 (2001) от 28.09.2001 Совета Безопасности ООН[638]. В резолюции 1540 (2004) от 28.04.2004 Совета Безопасности ООН отмечается, что все государства в соответствии со своими национальными процедурами должны реализовать и эффективно применять «соответствующие законы, запрещающие любому негосударственному субъекту производить, приобретать, обладать, разрабатывать, перевозить, передавать или применять ядерное, химическое

[638] URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n01/557/45/pdf/n0155745.pdf

или биологическое оружие и средства его доставки, в особенности в террористических целях, равно как и попытки участвовать в любых из вышеупомянутых действий, участвовать в них в качестве сообщника, оказывать им помощь или финансирование» (п. 2)[639].

В Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом предлагается понятие взрывного или *иного смертоносного устройства*: «взрывное или зажигательное оружие или устройство, предназначенное или способное причинить смерть, серьезное увечье или существенный материальный ущерб; или оружие или устройство, предназначенное или способное причинить смерть, серьезное увечье или существенный материальный ущерб посредством высвобождения, рассеивания или воздействия токсических химических веществ, биологических агентов или токсинов или же аналогичных веществ, либо радиации или радиоактивного материала» (п. 3 ст. 1)[640].

Сам по себе термин «вооружение» может быть истолкован и, соответственно, использован в двух значениях. Вооружение может пониматься как совокупность конкретных материальных объектов, обладающих некоторыми особыми свойствами. С другой стороны, термином «вооружение» может обозначаться специфическая деятельность человека, реализуемая в связи и по поводу этих объектов. В отличие от уголовно-правовой нормы об ответственности за контрабанду (ст. 226^1 УК РФ), в контексте ст. 205^1 УК РФ «вооружение» используется именно во втором значении, т.е. как термин, обозначающий деяние лица, содействующего террористической деятельности.

Для целей правильного и единообразного применения ст. 205^1 УК РФ важно четко (насколько это вообще возможно) определить круг предметов, предоставление которых с террористическими целями образует состав вооружения субъектов террористической деятельности. Приступая к решению этой задачи, отметим, что вооруженность как криминообразующий признак представлена в нескольких составах преступлений, предусмотренных в Особенной

---

[639] URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n04/328/45/pdf/n0432845.pdf
[640] Принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1997.

части УК РФ. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, вооруженность по смыслу ст. 208 УК РФ предполагает наличие у участников незаконного вооруженного формирования любого вида огнестрельного или иного оружия, боеприпасов и взрывных устройств, в том числе кустарного производства, а также боевой техники (п. 23 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1). Данный подход находит поддержку и в доктрине уголовного права[641].

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 29.06.1946 было сформулировано одно из первых разъяснений применительно к признаку вооруженности в составе бандитизма: «…общественная опасность бандитизма как особо опасного преступления против порядка управления заключается в том, что участники банды имеют в своем распоряжении оружие, т.е. предметы, предназначенные исключительно для поражения живой цели, не имеющие иного, хозяйственного назначения. С этой точки зрения перочинный нож, примененный при ограблении, не может рассматриваться как подобное оружие, а совершенное им насильственное изъятие имущества не может квалифицироваться как бандитизм»[642].

А.Г. Хлебушкин, обращаясь к проблеме определения «вооруженного мятежа» по ст. 279 УК РФ, указывает на то, что он состоит в применении оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также военной техники с вооружением (бронетранспортеров, танков, боевых вертолетов и самолетов и т.п.), основанной на использовании его поражающих свойств. При этом автор оговаривает, что вооруженность образуется и при использовании холодного, газового, а также пневматического оружия. Использование же мятежниками иных предметов (камни, палки, обрезки арматуры и т.п.), с точки

---

[641] Бычков В.В. Вооруженность, применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ как признак и квалифицированные составы преступлений террористического характера // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4 (18). С. 83–87.
[642] Сборник Указов РСФСР. 1946. № 38. С. 117.

зрения автора, не позволяет констатировать признак «вооруженности» мятежа[643].

Таким образом, можно заключить, что применительно к ст. 208, 209, 279 УК РФ правоприменительная и доктринальная трактовка вооруженности в целом основывается на положениях регулятивного законодательства об оружии.

Вместе с тем применительно к ст. 205^1 УК РФ Пленум Верховного Суда Российской Федерации предлагает намного более широкое толкование предмета вооружения: «Под вооружением в части 1 статьи 205^1 УК РФ понимается снабжение лиц, участвующих в террористической деятельности, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой и т.п. в целях совершения хотя бы одного из преступлений, перечисленных в этой статье» (абзац первый п. 15 постановления Пленума от 09.02.2012 № 1). Соответственно, в определении круга возможных предметов вооружения субъектов террористической деятельности Верховный Суд Российской Федерации опирается не на формальный критерий относимости того или иного объекта к оружию, его боеприпасам, основным частям и механизмам, а на объективно-функциональный, раскрывающий природу передаваемого объекта как пригодного для использования в целях поражения человека, уничтожения или повреждения имущества и т.п.

Столь широкая трактовка предметов вооружения применительно к ст. 205^1 УК РФ неизбежно порождает проблему разграничения альтернативных деяний – вооружения и финансирования терроризма. Особую сложность эта проблема приобретает в тех случаях, когда требуется квалифицировать снабжение субъектов террористической деятельности устройствами двойного назначения. Очевидно, что лицо может предоставлять не только оружие

---

[643] Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2016. С. 155–156.

и боеприпасы к нему, но и средства радиолокационной разведки и радиоэлектронной борьбы, тепловизионное оборудование, оптические прицелы и иные комплектующие для оружия, бутылки с зажигательной смесью, ножи и т.п. (при этом, как известно, изделия, сертифицированные как хозяйственно-бытовые или производственные (кухонные, перочинные, садовые или сапожные ножи), к холодному оружию не относятся)[644].

В отечественной доктрине уголовного права высказываются разные суждения относительно обозначенной проблемы.

Одни авторы исходят из того, что под вооружением понимается возмездное и безвозмездное предоставление именно оружия[645]. Более того, например, В.А. Казакова считает, что нельзя признать подпадающим под ст. 205^1 УК РФ снабжение такими видами оружия, как пневматическое, сигнальное и др., не предназначенными для поражения живой или иной цели[646].

Другие специалисты рассматривают арсенал предметов вооружения с более широких позиций. В частности, И.В. Шевченко пишет, что «вооружение будет иметь место и в том случае, когда предоставляется продукция, необходимая для боевого применения устройств и предметов, предназначенных для поражения живой или иной цели: средство доставки, система наведения, пуска, управления; система связи и управления оружием и техникой; порох, ракетное топливо для боевых ракет и специальное оборудование для боевого применения»[647].

Еще более широкую трактовку предлагает А.С. Шуйский, который указывает, что «под вооружением по смыслу ст. 205^1 УК РФ необходимо пони-

---

[644] В отечественной теории уголовного права обращается внимание на проблему противодействия «ножевому терроризму» (см.: Мусаев М.М., Гаджиева А.А. Незаконный оборот оружия как фактор преступлений террористической направленности // Евразийский юридический журнал. 2017. № 12 (115). С. 232–234).

[645] Ивлиев С.М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 157; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. и доп. / под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2021 // «КонсультантПлюс».

[646] Казакова В.А. Вооруженная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. С.70–71, 196.

[647] Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: уголовно-правовой и правоприменительный аспекты. С. 108–109.

мать предоставление любых предметов и устройств, которые могут быть использованы для насильственного воздействия на человека (группу лиц) и (или) для уничтожения либо повреждения материальных объектов (зданий, транспорта, объектов инфраструктуры), в том числе и предметов, конструктивно не предназначенных для этого»[648]. Таким образом, автор предлагает следующий критерий предмета при осуществлении содействия террористической деятельности в форме вооружения – потенциальная возможность для использования при применении насилия либо при оказании негативного воздействия на иные материальные объекты[649].

Нельзя не отметить, что столь широкая трактовка предмета вооружения порождает некоторую неопределенность в части уголовно-правовой оценки смежных проявлений содействия террористической деятельности. Как, например, следует квалифицировать предоставление участникам террористического сообщества бытовых топоров, ножей и т.п. – как вооружение или финансирование? Тот же вопрос возникает и в ситуации с предоставлением баллонов со сжиженным газом, которые одинаково могут быть использованы как для обогрева помещения и приготовления пищи, так и для совершения взрыва.

Вместе с тем несомненным достоинством широкой трактовки вооружения следует признать тезис о релятивизме в определении соответствующих предметов, который наглядно демонстрируют предметы двойного назначения: они могут быть использованы как для поражения человека, уничтожения или повреждения имущества, так и для хозяйственно-бытовых нужд. И здесь, на наш взгляд, остается сделать следующий, логически последовательный вывод: понимание вооружения как формы содействия террористической деятельно-

---

[648] Шуйский А.С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией. С. 60.

[649] Эта позиция созвучна выводам криминологов, которые предлагают различать «оружие» и «вооружение», подчеркивая при этом, что последнее является более широким понятием, объединяющим совокупность средств для ведения войны, боя, военное снаряжение (оружие, амуницию, средства связи, индивидуальной защиты и т.д.) (см.: Корецкий Д.А., Солоницкая Э.В. Оружие и его незаконный оборот: криминологическая характеристика и предупреждение. СПб., 2006. С. 13).

сти по смыслу ст. 205[1] УК РФ неразрывно связано не только с особыми свойствами предмета преступления, но и с содержанием цели предоставления соответствующих предметов.

Представляется, что снабжение лица (группы лиц) тепловизионным оборудованием, бронежилетами, касками и т.п. в целях совершения преступлений террористического характера должно расцениваться как вооружение субъекта террористической деятельности, а не как финансирование терроризма. Это вытекает из самих свойств таких предметов – обеспечение действий человека в условиях ведения боя[650]. Соответственно, предоставление боевых или разведывательных беспилотных летательных аппаратов (дронов), равно как и комплектующих к ним, также должно квалифицироваться именно как вооружение терроризма. Такого же мнения придерживается большинство опрошенных экспертов: 70,2% из них ответили, что предоставление участникам террористического сообщества оптических и тепловизионных прицелов к огнестрельному оружию, беспилотных летательных аппаратов, предназначенных для сброса боеприпасов, следует квалифицировать как вооружение лица в целях совершения преступления террористического характера. На необходимость квалификации указанных действий в качестве финансирования терроризма указали 29,8% респондентов (см. приложение).

В то же время предоставление, например, транспортного средства может быть квалифицировано как вооружение только при заведомом отношении лица к этому предмету как средству осуществления террористического акта[651]. Если автомобиль был передан лишь для транспортировки террористов, содеянное следует квалифицировать как финансирование.

---

[650] Представляется довольно спорной квалификация предоставления оптических приборов (тепловизионных прицелов, тепловизоров и монокуляров) и иного навесного оборудования для боевого стрелкового огнестрельного оружия как финансирования терроризма (см.: апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12.09.2019 № 201-АПУ19-42 // СПС «КонсультантПлюс»).

[651] Число жертв теракта в Германии выросло до четырех, пострадавших – до 205 // РБК, 21 декабря 2024 г. URL: https://www.rbc.ru/society/21/12/2024/676684309a7947ddd5cea3fe?ysclid=m569gzrcyk966703626

Раскрывая понятие «вооружение» применительно к ст. 205[1] УК РФ, Пленум Верховного Суда Российской Федерации использует термин «снабжение». В отечественной доктрине уголовного права вооружение преимущественно раскрывается именно как сбыт, поставка, передача или пересылка.

Однако подобное толкование объективной стороны вооружения представляется чрезмерно узким. Полагаем, что вооружение нельзя сводить исключительно к сбыту (передаче) таких предметов. Данное деяние, которое в самом широком смысле может быть истолковано как обеспечение возможности использования соответствующих средств в террористической деятельности, может состоять в действиях, связанных с поддержанием исправности вооружения и его доступности, т.е. охватывать изготовление, переделку, ремонт, хранение и перевозку. Такую мысль поддерживает И.Е. Елизаров, отмечая, что под вооружением следует понимать не только предоставление оружия, но и его ремонт, а равно переделку[652].

Предоставление оружия террористам может иметь завуалированный характер, скрываться за целой цепочкой посредников и мнимых сделок. В целом для квалификации содеянного по ст. 205[1] УК РФ это обстоятельство значения не имеет. В подобных случаях все субъекты в рамках такой поставки вооружения террористам совершают данное преступление. Последнее, конечное же, является верным только при условии установления необходимой осведомленности соответствующих субъектов о том, кому и для каких целей передаются конкретные предметы.

Довольно непростым является вопрос о квалификации вооружения субъектов террористической деятельности с точки зрения необходимости дополнительной квалификации содеянного по нормам об ответственности за незаконный оборот оружия (хранение, перевозку, сбыт, контрабанду).

---

[652] Елизаров И.Е. Уголовно-правовой анализ вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ст. 205[1] УК РФ). С. 105.

Большинство исследователей предлагают совокупную уголовно-правовую оценку содеянного: если действия лица по вооружению в целях совершения террористических преступлений сами по себе образуют состав преступления, предусмотренного ст. 222, 222[1] УК РФ, то они должны дополнительно квалифицироваться по соответствующим статьям[653]. Такой же подход прослеживается и в судебной практике[654].

Иного мнения придерживается В.В. Кустова, с точки зрения которой снабжение лиц, планирующих или совершающих преступления террористической направленности, оружием должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 205[1] УК РФ, без дополнительной квалификации по статьям об ответственности за незаконный оборот оружия, поскольку соответствующие действия прямо описаны в диспозиции ч. 1 ст. 205[1] УК РФ. Иное привело бы к двойному вменению и нарушению требований принципа справедливости[655].

Более обоснованной в этом теоретическом споре представляется первая научная позиция, предполагающая совокупную квалификацию вооружения лица в террористических целях по ст. 205[1] и ст. 222, 222[1] УК РФ. Такая квалификация позволяет должным образом учесть объективно существующие различия между огнестрельным оружием, взрывчатыми веществами, взрывными устройствами и предметами двойного назначения. Очевидно, что снабжение террористов предметами первой группы (оружием в узком смысле) обладает намного более высокой общественной опасностью, чем предоставление им топоров, ножей, тепловизоров и других предметов двойного назначения. Дополнительная квалификация по ст. 222, 222[1] УК РФ позволяет учесть эти различия и обеспечить адекватную дифференциацию уголовной ответственности

---

[653] См.: Елизаров И.Е. Уголовно-правовой анализ вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ст. 205[1] УК РФ). С. 154; Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 75.

[654] См.: кассационное определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 10.01.2013 № 205-012-11 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.08.2013 № 45-АПУ13-34 // СПС «КонсультантПлюс».

[655] Кустова В.В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности. С. 112.

за вооружение лица в террористических целях. Если же квалифицировать вооружение лица в целях осуществления террористической деятельности только по ст. 205^1 УК РФ, то различие между оружием и предметами двойного назначения стирается, что не соответствует канонам справедливости и задачам дифференциации ответственности.

Дополнительным аргументом в пользу совокупной квалификации вооружения лица в террористических целях (по ст. 205^1 и ст. 222 и 222^1 УК РФ) могут служить данные проведенного нами социологического опроса. Большинство экспертов (56,5%) указали, что предусмотренное в ст. 205^1 УК РФ альтернативное деяние в виде вооружения лица в целях совершения террористического преступления не охватывает преступления, предусмотренные ст. 222 и 222^1 УК РФ, которые требуют дополнительной квалификации (см. приложение).

Признавая наличие социально-правовых оснований для криминализации действий, связанных с вооружением субъектов террористической деятельности, необходимо поставить вопрос о качестве этой нормы с точки зрения теории дифференциации уголовной ответственности.

В действующей редакции ст. 205^1 УК РФ вооружение поставлено в один ряд с финансированием терроризма. Тем самым законодатель выражает мнение об одинаковой общественной опасности данных форм содействия терроризму. В то же время в отечественных исследованиях последовательно доказывается мысль о том, что вооружение как форма содействия террористической деятельности обладает повышенной степенью общественной опасности в ряду остальных возможных. Так, например, А.В. Серебряков пишет, что специальная криминализация вооружения терроризма должна быть не только сохранена, но и композиционно в ст. 205^1 УК РФ оно должно быть выделено в квалифицированный вид содействия террористической деятельности. По

данным автора, этот вывод нашел поддержку у подавляющего большинства (94,7%) опрошенных им респондентов[656].

Надо признать, что для вывода о повышенной общественной опасности вооружения субъектов террористической деятельности имеются объективные основания. Снабжение членов террористических объединений предметами вооружения для совершения актов террористической деятельности являет собой непосредственное и весьма значимое содействие терроризму. Появление у злоумышленника необходимого оружия может выступать необходимым (последним) условием для того, чтобы уже перейти к реализации задуманного, тогда как иные перечисленные в ст. 205^1 УК РФ деяния в цепи детерминации терроризма отстоят намного дальше от непосредственного исполнения террористического акта. Так, принято считать, что финансирование терроризма приводит лишь к формированию необходимой материальной базы для последующего приобретения предметов вооружения уже самими террористами.

Вместе с тем такая кажущаяся «вторичность» финансирования в сравнении с вооружением, конечно же, не является абсолютной и безусловной. Здесь во многом определяющее значение имеет масштаб такой деятельности, ее влияние на планирование, подготовку и совершение конкретных террористических преступлений. Вооружение может заключаться в передаче боеприпасов или одной единицы оружия, которые впоследствии могли быть даже и не использованы в процессе совершения террористического акта. С другой стороны, финансирование терроризма может иметь систематический и организованный характер, представлять собой тот экономический базис (инфраструктуру терроризма), на котором в целом была основана деятельность конкретного террористического сообщества либо террористической организации. Сомневаться в том, что в подобном случае финансирование по степени общественной опасности превосходит вооружение субъектов террористической деятельности, пожалуй, не приходится. Иными словами, здесь наблюдается тот

[656] Серебряков А.В. Содействие террористической деятельности … С. 60, 136.

известный релятивизм оценки конкретной формы проявления общественно опасного посягательства, при котором окончательность суждения о соотношении его общественной опасности с общественной опасностью иных смежных деяний представляет довольно сложную задачу.

Именно поэтому видится преждевременным и, во всяком случае, еще доказательно не обоснованным мнение о необходимости своего рода «каскадной законодательной модели», в которой ответственность за вооружение террористической деятельности была бы отделена от финансирования с установлением принципиально более строгого наказания.

3.2. Уголовная ответственность за финансирование и материально-техническое обеспечение терроризма

Ставя задачу комплексного осмысления уголовной ответственности за финансирование терроризма, необходимо ответить на ряд непростых вопросов. Прежде всего – и это, пожалуй, самое очевидное – важно окончательно разобраться в самой логике принятия решения о выделении специальной нормы об ответственности за финансирование терроризма в УК РФ. Думается, что здесь можно выделить три ключевых фактора.

Во-первых, специальная криминализация содействия террористической деятельности в форме финансирования терроризма во многом была предопределена требованиями международных документов. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. (документ ратифицирован Федеральным законом от 10.07.2002 № 88-ФЗ) устанавливает обязательства участников в части: 1) принятия мер для предотвращения и противодействия финансированию террористов, как прямому, так и косвенному (через посреднические, в том числе благотворительные, организации); 2) привлечения лиц, финансирующих терроризм, к уголовной, гражданской и административной ответственности; 3) введения механизмов выявления, замораживания и ареста

средств, используемых в целях финансирования террористической деятельности. В преамбуле к Конвенции особо подчеркивается, что «количество и тяжесть актов международного терроризма зависит от финансирования, к которому террористы могут получить доступ».

В паспорте проекта федерального закона № 97528-3 отмечено: «Ввиду особой общественной опасности организации преступлений, связанных с терроризмом, финансирования и иного организаторского содействия их деятельности, вербовки лиц для террористической деятельности, предлагается дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации статьей 205^1, устанавливающей ответственность за эти деяния. Это позволит привлекать к ответственности лиц, которые непосредственно не причастны к совершению конкретных террористических актов, однако доказано их участие в финансировании преступной организации (сообщества) террористической направленности. Последнее вытекает, в частности, из международных обязательств Российской Федерации и будет способствовать конструктивному сотрудничеству с компетентными органами зарубежных стран»[657].

Во-вторых, значимой предпосылкой криминализации финансирования терроризма являлось то, что строгие условия института соучастия в части необходимости установления направленности умысла виновного на оказание содействия в совершении конкретного преступления не позволяли привлекать лиц к ответственности, когда такая помощь оказывалась, что называется, «на общие террористические цели». Если лицо предоставляет средства лишь с общим осознанием, что они будут потрачены на террористическую деятельность, не вникая в детали, то признать его соучастником невозможно. Как справедливо пишет по данному вопросу А.А. Докуев, ст. 205^1 УК РФ предусматривает более широкий круг деяний, нежели нормы об ответственности за подстрекательство и пособничество, позволяя квалифицировать целый ряд

[657] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации» (в части усиления борьбы с терроризмом) // СПС «КонсультантПлюс».

проявлений содействия террористической деятельности, которые не охватываются нормами об ответственности за соучастие в преступлениях террористического характера (финансирование терроризма при отсутствии осведомленности виновного о том, какое именно из преступлений, перечисленных в диспозиции ст. 205^1 УК РФ, и при каких обстоятельствах совершит профинансированное им лицо)[658].

В-третьих, очевидной целью и в то же время положительным результатом выделения специальной нормы об ответственности за финансирование терроризма явилось повышение воспитательного и превентивного воздействия механизма уголовно-правовой охраны. Наличие прямого, не скрытого за абстрактным понятием пособничества, запрета на оказание финансовой и иной материально-технической помощи любой деятельности, связанной с терроризмом, без сомнения, является более предпочтительным решением в свете вопросов профилактики.

Таковы в целом те социально-правовые предпосылки, которые в своей совокупности послужили основой для принятия решения о криминализации любых действий по материально-техническому обеспечению террористической деятельности при отсутствии признаков соучастия. Признавая обоснованность законодательного решения о специальной криминализации финансирования терроризма, нельзя в то же время не отметить, что регламентация уголовной ответственности за это деяние вызывает множество вопросов.

Прежде всего, следует согласиться с высказанным в отечественной науке уголовного права мнением, что законодатель совершенно неоправданно вернулся в описании признаков состава преступления к термину «терроризм», установив ответственность именно за «финансирование терроризма», т.е. финансирование не только террористической практики, но и террористической идеологии[659]. Конечно же, в определенной степени смысловое противоречие

---

[658] Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 59.
[659] Травников А.В. Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий в уголовном праве России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 123.

снимается имеющимся примечанием к ст. 205^1 УК РФ, однако очевидно, что более предпочтительной была бы конструкция «финансирование террористической деятельности».

К сожалению, приходится констатировать, что современная редакция ст. 205^1 УК РФ не позволяет сделать однозначный вывод о пределах соответствующего уголовно-правового запрета.

В частности, до настоящего времени дискуссионный характер имеет определение самого средства, с которым может быть осуществлено финансирование терроризма. Законодатель предлагает исходить из наиболее широкого толкования – таковым по смыслу ст. 205^1 УК РФ является любое средство, как материальное, так и нематериальное, движимое имущество или недвижимое. В этом усматривается не совсем удачное использование терминологии, поскольку под понятие финансирования, по сути, подводится любое материально-техническое обеспечение, охватывающее в том числе и предоставление компьютерной программы для террористической деятельности. В то же время, поскольку вооружение выделено законодателем отдельно, следует сделать вывод, что предоставление оружия, его частей, а равно боеприпасов не подпадает под финансирование терроризма, хотя и квалифицируется по той же ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ.

В таком всеобъемлющем понимании средства финансирования терроризма есть свои преимущества и недостатки. Первые сводятся к универсальности нормы, а следовательно, и к возможности ее самого широкого применения на практике; вторые сигнализируют о вполне очевидной нормативной неопределенности, которая сама по себе таит угрозу произвольной квалификации. Так, например, нельзя дать однозначный ответ на вопрос: подпадает ли под действие ст. 205^1 УК РФ предоставление террористам наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ? Можно ли признавать средством финансирования терроризма аккаунты в социальных сетях, которые либо были специально созданы злоумышленником для передачи

представителям террористической организации, либо ранее принадлежали реальным пользователям, но были взломаны виновным в тех же целях? Соответствуют ли пониманию средства финансирования терроризма по ст. 205^1 УК РФ результаты интеллектуальной деятельности (аудиовизуальные произведения, логотипы, тексты и т.п.)? Последние, например, могут быть вполне успешно использованы в целях распространения призывов к осуществлению террористической деятельности, оправдания или пропаганды терроризма (ст. 205^2 УК РФ).

Как бы то ни было, даже самая широкая интерпретация понятия финансирования не может преодолеть очевидный экономический контекст такой деятельности, а соответственно, и средства ее осуществления. Следовательно, передача средств, которые не могут быть оценены с экономической точки зрения (не обладают стоимостью), не образует финансирования по смыслу ст. 205^1 УК РФ. Примером такого деяния, выходящего за рамки нормативной конструкции финансирования терроризма, может выступать передача вредоносных компьютерных программ или сетевых идентификаторов доступа (логинов и паролей) для совершения атак на объекты критической информационной инфраструктуры. Равным образом нельзя квалифицировать в качестве финансирования терроризма по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ и оказание услуг в виде предоставления вычислительных мощностей (услуг центра обработки данных), поскольку в примечании к норме говорится только о финансовых услугах, что можно расценивать в качестве значимого пробела, требующего устранения (подробнее об этом пойдет речь в следующем параграфе).

Под категорию финансирования терроризма подпадает ведение экономической деятельности с субъектами, аффилированными с террористическими организациями. Иными словами, финансированием терроризма по смыслу п. 1 примечаний к ст. 205^1 УК РФ следует признавать передачу денежных средств за товары или услуги представителям объединений, имеющих отношение к террористической деятельности. Упомянутая выше Конвенция ре-

гламентирует, что финансирование может быть реализовано любыми методами, прямо или косвенно. Использование организованных форм экономической деятельности для прикрытия финансовой помощи терроризму не исключает ответственности по ст. 205[1] УК РФ. Из этого можно сделать и еще один важный вывод – финансирование терроризма по смыслу ст. 205[1] УК РФ не обязательно должно иметь безвозмездный характер[660].

Важно отметить, что применение положений ст. 205[1] УК РФ в части ответственности за финансирование терроризма возможно и в том случае, когда деятельность соответствующих организаций-прикрытий не была признана незаконной на территории иностранного государства. Так, по одному из дел Верховный Суд Российской Федерации отметил: «…установлена причастность Цороева к перечислению денежных средств Л. и П. в пользу МТО “ИГ” под прикрытием фонда… зарегистрированного в 2015 г. на территории Королевства Швеции в качестве благотворительной исламской организации, но в действительности осуществлявшего сбор денежных средств для финансирования участников МТО “ИГ”… То обстоятельство, что Цороев лично не общался с Л. и П., на чьи реквизиты он перечислял деньги, на доказанность и квалификацию содеянного им не влияет. <…> Довод о том, что данный фонд, созданный за пределами Российской Федерации, не ликвидирован и его счета не заблокированы, не опровергает выводов суда о виновности Цороева в финансировании терроризма»[661].

Для привлечения к уголовной ответственности за финансирование терроризма не является обязательным, чтобы принадлежность к террористической организации лица, которому перечислялись деньги или предоставлялись иные материальные средства, была доказана вступившим в законную силу

---

[660] По данному вопросу см.: п. 68 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
[661] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2022 № 222-УД22-67-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

приговором суда[662]. Обращая внимание на это обстоятельство, высший судебный орган указал, что «…Ибрагимов обвинялся и осужден не за финансирование организации, которая признана террористической, а за предоставление денежных средств для обеспечения участников НВФ, совершающих террористические преступления, что полностью соответствует определению финансирования терроризма, содержащемуся в примечании 1 к ст. 205[1] УК РФ»[663].

Принадлежность денежных средств или иного имущества самому виновному не является обязательным условием для привлечения к уголовной ответственности за финансирование терроризма. Так, Х. был осужден за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма. Согласно решению суда, деяние Х. выразилось в предоставлении реквизитов своей банковской карты, а после поступления на нее денежных средств в размере 2200 рублей в перечислении их посредством принадлежащей ему банковской карты через приложение «Сбербанк Онлайн» для обеспечения деятельности международной террористической организации. Примечательно, что как финансирование терроризма были также оценены действия Х., выразившиеся в предоставлении возможности пользоваться аккаунтом (услугами связи) с номера приобретенной им сим-карты оператора сотовой связи для взаимодействия с участниками названной организации[664].

Финансирование предполагает сбор соответствующих средств или их передачу адресату. В теории уголовного права обоснован подход, согласно которому финансирование терроризма в форме передачи средств следует считать оконченным преступлением только при установлении факта получения соответствующих средств адресатом. Так, В.В. Кустова пишет: «Финансирование преступлений как самостоятельный деликт окончен в момент приема

---

[662] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2023 № 222-УД23-17-А6 // СПС «КонсультантПлюс».
[663] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2024 № 222-УД24-37-А6 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 11.
[664] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 18.04.2023 № 222-УД23-17-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

финансируемым хотя бы части предоставляемых средств или имущества»[665]. Следуя подобной логике, делается вывод, что в случае неполучения или отказа от получения со стороны субъекта террористической деятельности содеянное должно рассматриваться как покушение на такое финансирование[666]. Соглашается в целом с таким подходом, но уже применительно к финансированию экстремистской деятельности А.Г. Хлебушкин[667]. Поддерживает такое определение момента окончания финансирования как преступления и З.М. Бешукова[668].

Однако полностью согласиться с такой интерпретацией момента юридического окончания финансирования терроризма нельзя. Очевидная аналогия с известным правилом квалификации коррупционных преступлений в данном случае неприемлема. Более верным здесь является подход, реализованный применительно к определению момента окончания пересылки оружия или наркотических средств, согласно которому преступление следует считать оконченным с момента совершения лицом всех необходимых действий по отправке денежных средств либо иной материально-технической помощи независимо от получения адресатом. В пользу этого можно привести два аргумента.

Во-первых, не следует забывать, что по смыслу ст. 205^1 УК РФ финансирование терроризма является самостоятельным преступлением и не обладает признаками соучастия. Следовательно, ставить условием признания преступления оконченным оказание реального содействия предполагаемому исполнителю неправильно. К тому же, если быть последовательным в реализации такого представления о моменте окончания финансирования, то логично сделать вывод, что необходимо устанавливать не только сам факт получения

---

[665] Кустова В.В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности. С. 14.
[666] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 томах. Т. 3: Особенная часть (разд. IX–XII). С. 24.
[667] Хлебушкин А.Г. Уголовно-правовая политика Российской Федерации в сфере охраны основ конституционного строя. С. 300–301.
[668] Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности … С. 482.

средств, но и момент их фактического использования в террористических целях. И здесь возникает вполне резонный вопрос: насколько такое толкование объективной стороны ст. 205[1] УК РФ будет служить цели эффективного противодействия финансированию терроризма?

Во-вторых, в современных условиях процессуальное установление факта получения адресатом соответствующих средств во многих случаях будет принципиально невозможно, в особенности если получатель находится в другой юрисдикции. Вспомним недавние изменения в интерпретации момента окончания хищений, совершаемых в системах дистанционного банковского обслуживания, на которые по этой же самой причине вынужден был пойти Пленум Верховного Суда Российской Федерации[669].

С учетом изложенного следует поддержать позицию тех специалистов, которые исходят из того, что момент получения средств адресатом не имеет значения для признания финансирования терроризма юридически оконченным преступлением[670]. Данный подход получил поддержку и в практике высшего судебного органа: «Финансирование терроризма признается оконченным преступлением с момента предоставления (перечисления) денежных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования террористической организации, что и было установлено по настоящему уголовному делу и не оспаривается автором жалобы. Последующее использование перечисленных Акбаровым денежных средств другими лицами не на нужды террористической организации… являющейся структурным подразделением международной террористической организации… а на нужды иной террористической организации… о чем утверждает защитник, на юридическую оценку содеянного Акбаровым не влияет»[671].

---

[669] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

[670] Богомолов С.Ю. Ответственность за финансирование терроризма … С. 9; Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 105.

[671] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2023 № 222-УД23-8-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

Поддерживает такой подход и экспертное сообщество. Большинство (69,1%) опрошенных нами ученых и практиков полагают, что финансирование терроризма в форме предоставления средств признается юридически оконченным преступлением с момента передачи соответствующих средств адресату, вне зависимости от их получения (см. приложение).

Сложным является вопрос о квалификации предоставления средств близкому родственнику (отцу, брату, сыну и т.п.) лицом, осведомленным об его участии в террористической деятельности. Однозначного ответа здесь нет. Материальная помощь в удовлетворении бытовых потребностей при определенном рассмотрении может быть истолкована как деятельность, содействующая целям совершения новых преступлений террористического характера. Так, например, отправка средств для приобретения продовольствия, предметов гигиены, одежды и т.п. лицу, активно участвующему в этот момент в деятельности террористической организации, образует признаки финансирования терроризма. Вместе с тем в иных случаях, когда материальная помощь предоставляется лицу сугубо из родственных соображений, в обстановке, с очевидностью предполагающей легальное использование переданных средств (например, для погашения кредита, задолженности по коммунальным платежам), признаки финансирования терроризма отсутствуют[672].

Не могут, с нашей точки зрения, расцениваться как финансирование терроризма: оказание материальной помощи семье или иным близким лицам террориста, так как здесь нет требуемого адресата, в качестве которого может выступать сборщик средств или их конечный получатель – лицо, совершающее преступление террористического характера (оконченное или неоконченное); предоставление участнику террористической организации денежных средств

[672] Оценивая эти деяния, нельзя не учитывать задачи уголовного права, его социально-юридическое назначение. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «противодействие преступности можно сравнить с комплексом мер, которые используются для обеспечения здоровья организма: правила здорового образа жизни, санитария, терапия и хирургия. Между тем, что очень важно, меры уголовного воздействия, как и всякое хирургическое вмешательство, должны применяться только в качестве последнего средства (принцип ultima ratio) для охраны особо значимых ценностей общества. И обязательно в сочетании с другими, в значительной степени, не правовыми средствами» (см.: Мацкевич И.М. Преступность и преступление 21-го века: точки несоприкосновения // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 53).

для прохождения лечения, за исключением случаев, когда заболевание (ранение) связано с террористической деятельностью; осуществление обязательных или жизненно необходимых платежей за товары или услуги (оплата за проезд, приобретение топлива либо продуктов питания и т.п.) лицами, которые помимо воли оказались на территории, подконтрольной террористическим формированиям.

Если умысел на финансирование терроризма возник у лица под воздействием сотрудников оперативных служб или лиц, оказывающих им негласное содействие, то имеет место провокация преступления, которая запрещена в соответствии с ч. 8 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», что исключает возможность квалификации содеянного по ст. 205^1 УК РФ. Во многом данный вывод основывается на позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации взяточничества, согласно которой в действиях лица отсутствует состав получения взятки, когда это произошло «в результате склонения к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено»[673].

В судебной практике неоднозначно решается вопрос о возможности признания финансирования терроризма продолжаемым преступлением. Ситуация систематического и длительного оказания помощи представителям террористических организаций является не столь уж редкой. Каждый раз это порождает вопрос о том, имеется ли в действиях конкретного лица реальная совокупность преступлений в виде финансирования терроризма или имеет место единичное сложное преступление. В отдельных случаях суды склоняются к решению о квалификации содеянного как совокупности преступлений, ссылаясь на следующие аргументы: «…перечисление денежных средств осужденная

[673] См.: п. 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

производила разным лицам из нескольких населенных пунктов через значительные промежутки времени, использовала для этого различные платежные системы и терминалы, а также счета банковских карт и учетных записей по мере того, как ей становилось известно о них из различных источников. Изложенное свидетельствует о том, что решение о переводах денежных средств С. принималось в зависимости от конкретной ситуации с возникновением каждый раз самостоятельного умысла»[674].

Здесь, думается, необходимо все же сделать оговорку о том, что использование лицом разных электронных средств платежа и тем более мест для осуществления переводов денежных средств нельзя признать определяющим критерием для общего вывода об отсутствии признаков продолжаемого финансирования терроризма. Подобная смена инструментария осуществления транзакций может указывать лишь на общее стремление лица скрыть следы совершаемого преступления.

Изучение судебно-следственной практики показало, что в некоторых случаях продолжаемый характер финансирования терроризма ставил вопрос о правильном применении уголовного закона при наличии признаков темпоральной конкуренции уголовно-правовых норм. Ярким тому примером является дело в отношении Эжаева, действия которого в период с декабря 2012 г. по 4 мая 2014 г. были квалифицированы по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 205^1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 09.12.2010 № 352-ФЗ), а в период с 5 мая 2014 г. по 28 апреля 2021 г. – по ч. 4 ст. 205^1 УК РФ. В решении Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации было отмечено, что окружной военный суд на законном основании исходил из того, что ст. 205^1 УК РФ была дополнена ч. 4, предусматривающей самостоятельную уголовную ответственность за организацию финансирования терроризма, лишь 5 мая 2014 г. (Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ),

[674] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 09.03.2023 № 223-УД23-2-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

поэтому содеянное Эжаевым в предшествующий период не могло быть квалифицировано по указанной норме уголовного закона[675].

Вместе с тем нельзя не заметить, что такой подход порождает искусственную совокупность преступных деяний, приводит к «дроблению» продолжаемого преступления лишь на том основании, что в период его совершения произошло изменение уголовного закона. С общетеоретических позиций единичное продолжаемое преступление Эжаева в виде организации финансирования терроризма должно было быть квалифицировано исключительно по ч. 4 ст. 205^1 УК РФ. Такой подход соответствует и позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «Судам следует иметь в виду, что с учетом положений статьи 9 УК РФ о действии уголовного закона во времени в тех случаях, когда длящееся или продолжаемое преступление было начато до вступления в силу нового уголовного закона, ухудшающего положение лица, совершившего данное преступление, но окончено после вступления этого закона в силу, в отношении такого лица подлежит применению новый уголовный закон» (п. 7 постановления Пленума от 12.12.2023 № 43).

Финансированию как деянию в целом присущи количественно-качественные характеристики. Иными словами, когда речь идет об оказании финансовой помощи кому бы то ни было, вопросом номер один всегда является то, в каком объеме такая поддержка будет оказана. Не менее значимыми, но все же второстепенными выступают сроки предоставления финансирования, его формы и механизм, возможный контроль за расходованием и т.п. Следовательно, когда мы пытаемся составить мнение о финансировании чего бы то ни было, то наиболее значимым для нас параметром выступает объем предоставленной помощи.

Из этих соображений было бы логично заключить, что количественно-качественные признаки финансирования должны как-то учитываться если не при криминализации, то, во всяком случае, при дифференциации уголовной

---

[675] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 23.10.2024 № 222-УД24-50-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

ответственности. Вместе с тем, как известно, редакция ст. 205[1] УК РФ не содержит в данном отношении каких-либо положений. Фактически объем финансирования может быть любым, в том числе мизерным[676].

Учитывая строгость предусмотренного наказания, закономерно возникает вопрос об обоснованности такого решения. По данному поводу С.В. Борисов отмечает, что «в диспозиции ч. 1 ст. 282[3] УК РФ ничего не говорится о размере финансовой помощи экстремистской деятельности: нет указания на его минимальную границу, отсутствует и дифференциация уголовной ответственности по данному признаку. Кроме того, отсутствует дифференциация уголовной ответственности и с учетом количества преступлений экстремистской направленности, которые финансировались виновным. Полагаем, что это не в полной мере соответствует принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и не способствует единообразному применению ст. 282[3] УК РФ. Такая же ситуация наблюдается и в ч. 4 ст. 205[1] УК РФ относительно регламентации ответственности за организацию финансирования терроризма»[677].

Полагая, что размерные (стоимостные) характеристики финансирования терроризма напрямую влияют на степень общественной опасности деяния, отдельные специалисты предлагают учитывать это обстоятельство при дифференциации уголовной ответственности[678]. Более того, некоторые исследователи, в частности С.В. Криштопов, считают необходимым ввести «порог» в виде минимальной суммы предоставления материальной помощи. По его мнению, таким минимальным размером могла бы стать сумма в размере 1000 рублей[679]. Свою позицию С.В. Криштопов аргументирует как анализом материалов правоприменения, так и данными проведенного социологического

---

[676] По данным криминологических исследований, «предмет финансирования экстремистской и террористической деятельности в большинстве случаев характеризуется относительно небольшим размером финансовых средств (денежные средства от 5 до 20 тыс. рублей составили предмет 88% преступлений)» (см: Глущенко П.А. Криминологические основы противодействия финансированию экстремистской и террористической деятельности. С. 10).

[677] Борисов С.В. Ответственность за финансирование экстремисткой деятельности как новелла уголовного законодательства // Вестник Московского университета МВД России. –2014. № 11. С. 106.

[678] Богомолов С.Ю. Ответственность за финансирование терроризма … С. 9–10.

[679] Криштопов С.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремисткой направленности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 203–204.

исследования. Положительным следствием такого решения автор называет ограничение распространения уголовной репрессии в отношении лиц, перечисливших заведомо небольшие суммы денег (до 1000 рублей включительно).

Конечно же, сохраняющаяся правовая неопределенность в отношении применимости ст. 205^1 УК РФ к случаям ничтожно малой финансовой помощи террористической деятельности (например, в размере 1 рубля) служит благодатной почвой для подобного рода предложений. Вместе с тем мы не можем не согласиться и с тем, что отсутствует четкая система аргументов, почему финансирование терроризма в размере свыше 1000 рублей обладает необходимой общественной опасностью, а в размере 999 рублей – уже не обладает.

Если следовать логике действующей редакции ст. 205^1 УК РФ, в которой параметры оказания финансовой помощи никак не отражены и не имеют значения для квалификации, то можно заключить, что в данной норме состоялась криминализация не финансирования как такового, а *поддержки терроризма в форме финансирования*. Действительно, если в модели реализации уголовной ответственности экономические характеристики финансирования проигнорированы, то можно говорить о том, что истинный правовой смысл конкретного уголовно-правового запрета состоит в криминализации не самого оказания финансовой помощи терроризму, а поддержки терроризма путем предоставления такой помощи.

Из этого можно сделать конкретные практические выводы. В частности, при такой трактовке рассматриваемого деяния становится очевидной невозможность применения к финансированию терроризма положений о малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) на том лишь основании, что предметом финансирования стала мизерная сумма. Поскольку ответственность установлена за сам акт поддержки терроризма, то не имеет значения, с каким объемом денежных средств или иного имущества это было реализовано.

Значительную сложность представляет отграничение финансирования терроризма от иных преступлений террористической направленности. Здесь

прежде всего возникает проблема отграничения финансирования от пособничества в совершении другого террористического преступления, выразившегося в том числе в форме предоставления денежных средств или иного имущества. Так, по одному из дел суд согласился с квалификацией действий лица по совокупности преступлений, когда оно оказало содействие в организации поездки другого лица в целях его последующего участия в деятельности международной террористической организации: «…обстоятельства, установленные по делу, свидетельствуют, что Соатов, зная о преступных намерениях Тошева убыть… чтобы участвовать в деятельности международной террористической организации, добровольно согласился оказать Тошеву помощь в этом, предоставив по просьбе Тошева указанному им лицу соответствующую информацию, а затем обеспечил Тошева финансовыми средствами, необходимыми для реализации им задуманного. При таких данных Соатов обоснованно осужден за пособничество в покушении на участие в деятельности организации, признанной в соответствии с законодательством Российской Федерации террористической, и за содействие террористической деятельности, выразившееся в финансировании терроризма, в связи с чем его действиям дана правильная юридическая оценка по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 205^5 и ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ»[680].

Как было отмечено в самом начале, самостоятельная криминализация финансирования терроризма имела целью не дублирование положений Общей части УК РФ об ответственности за пособничество (что, однако, было весьма неудачно реализовано в ч. 3 ст. 205^1 УК РФ[681]), а определение признаков нового преступления, содержание которого заключается в оказании материально-технического содействия терроризму при отсутствии признаков соучастия. Следовательно, предоставление финансирования лицу для совершения

---

[680] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2022 № 222-УД22-50-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

[681] Так, С.М. Кочои пишет, что «пособничество или организация могут быть наказаны даже строже исполнения теракта. Подобные конструкции в Особенной части, помимо всего прочего, оказывают негативное воздействие в целом на единый институт соучастия в Общей части. Полагаем, что от них следует отказаться» (см.: Кочои С.М. Антитеррористическое уголовное право: монография. М., 2023. С. 59).

конкретного террористического преступления, например для участия в деятельности террористической организации, образует пособничество и не может дополнительно оцениваться в соответствии с ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ.

О.В. Скворцова полагает, что, если финансовая поддержка террористического преступления является составной частью деятельности, имеющей целью организацию такого уголовно наказуемого деяния, оно должно быть самостоятельно квалифицировано по совокупности преступных деяний[682]. Данный подход является спорным по тем же соображениям, которые были приведены относительно пособничества. Признаки соучастия в виде организации совершения конкретного террористического преступления исключают наличие ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ. Такая совокупность может иметь место лишь при условии установления предоставления средств как для организации конкретного преступления, так и для общего обеспечения достижения целей будущей террористической деятельности.

Очевидно, что финансирование может входить в объективную сторону организации или участия в деятельности террористического сообщества (ст. 205^4 УК РФ) или террористической организации (ст. 205^5 УК РФ). Соотношение санкций соответствующих преступлений позволяет говорить об отсутствии необходимости дополнительной квалификации содеянного по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ. В определенном смысле здесь вообще можно говорить о *самофинансировании*, поскольку лицо, являясь руководителем конкретного террористического образования либо его участником, оценивает материальные потребности группы как свои собственные.

В отечественной теории уголовного права данный подход был обоснован Р.В. Поличным: «В случаях, когда организатор или иной участник террористической организации распределяет внутри такой организации имеющиеся

---

[682] Скворцова О.В. Проблемы правоприменения положений УК РФ, регламентирующих ответственность за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2019. С. 118–124.

в ее распоряжении денежные средства или иное имущество, оружие, боеприпасы и другие предметы, содеянное им полностью охватывается ч. 1 или ч. 2 ст. 205^5 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по соответствующей части ст. 205^1 УК РФ»[683].

Законодатель в ст. 205^1 УК РФ отдельно устанавливает ответственность за финансирование терроризма и за организацию такой деятельности. Последнее предполагает совершение лицом действий, направленных на выстраивание системы сбора денег или иных материально-технических средств для передачи соответствующим субъектам. По мысли законодателя, организация финансирования представляет собой более опасное деяние в сравнении с простым финансированием. Как бы то ни было, организация предполагает долговременность, системность, нацеленность на рост (увеличение показателей деятельности) и даже возможное масштабирование, когда конкретная модель организации финансирования терроризма может быть воспроизведена в другом месте и другими лицами.

Как известно, с момента начала проведения специальной военной операции (СВО) деятельность некоторых компаний на территории России была прекращена или приостановлена. Вместе с тем ряд крупных бизнесов предпочли провести «косметическую» реструктуризацию, целью которой является вуалирование объективной связи между конкретными лицами, осудившими СВО, и компаниями, оставшимися на российском рынке. При этом такие физические лица, продолжая получать значительные доходы от экономической деятельности на территории России, открыто заявляли о том, что осуществляют финансирование закупок беспилотных летательных и морских аппаратов, роботизированных комплексов, средств противовоздушной обороны и бронированных машин для нужд украинской армии. Так, в игровую инфраструктуру игрового продукта World of Tanks была включена опция, позволяю-

[683] Поличной Р.В. Уголовная ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 139.

щая пользователям, в том числе российским, приобрести специальные виртуальные наборы в поддержку Украины. По разным оценкам, совокупная прибыль от реализации таких наборов составила более 1 млн долларов США, которая в полном объеме была направлена на поддержку украинских воинских формирований, осуществляющих террористическую деятельность на территории России.

Полагаем, что во всех этих случаях, когда отдельные хозяйствующие субъекты приобретают свойства, по сути, механизма целенаправленной пропаганды и финансирования терроризма и экстремизма, меры уголовно-правового воздействия должны эффективно сочетаться с судебно-претензионной деятельностью органов прокуратуры, направленной на реальное устранение источников, за счет которых формируется материальная база финансирования терроризма. В качестве положительного примера следует привести решение Таганского районного суда г. Москвы по иску Генеральной прокуратуры Российской Федерации, которым активы компании «Леста Игры» были обращены в пользу государства[684].

Завершая параграф, отметим, что реализованную в УК РФ модель уголовной ответственности за финансирование терроризма нельзя признать оптимальной. Связано это во многом с неудачным использованием ключевого термина – «финансирование», в результате чего возникло некое семантическое противоречие между его смысловым значением и навязанным содержанием. Доктрина и практика до настоящего времени гадают о том, где же пределы «финансирования», нормативно заданный смысл которого состоит в предоставлении любых средств для террористических целей. Усугубили положение неминуемо возникшие вопросы о разрешении конкуренции ст. 205^1 УК РФ со смежными составами и общими положениями закона об ответственности за соучастие.

---

[684] Суд удовлетворил иск Генпрокуратуры к издателю «Мира танков» / РБК. 03.06.2025. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/06/2025/68356d109a7947b12cf4062c?ysclid=mcrekhr5vb981738048

Любая развитая система характеризуется сложностью (структуры, функций, целей, задач, акторов и пр.). Криминализация финансирования терроризма не может быть качественно решена походя, кратким определением в общей норме об ответственности за содействие терроризму. Понимание того, какие риски создает такая норма в части возможного необоснованного уголовного преследования, каким объемным является диапазон признаков, влияющих на параметры общественной опасности деяния, убеждает в необходимости кардинального реформирования ст. 205[1] УК РФ, причем не только в части финансирования терроризма.

3.3. Уголовная ответственность за программное и аппаратное обеспечение терроризма в условиях цифровизации

Противодействие цифровой инфраструктуре терроризма требует комплексного подхода. Прежде всего это предполагает симметричное технологическое противодействие правоохранительных органов и специальных служб, когда вредоносной технологии противопоставляется технология, ее нейтрализующая. Как отмечается в криминологических изданиях, «чтобы предотвратить террористические угрозы и радикализацию в киберпространстве, правоохранительные органы должны иметь возможность быть в технологическом отношении на шаг впереди киберкриминала. Изворотливость и профессионализм современных кибертеррористов, а также их фантастически возросшие технологические возможности требуют от правоохранительных органов всего мира разработки адекватных механизмов противодействия кибертерроризму, стратегия борьбы с которым должна быть направлена на предупреждение и минимизацию угроз и рисков, порождаемых глобальной цифровизацией»[685].

[685] Антонян Е.А., Аминов И.И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 175.

В то же время не менее важной является проработка вопросов, связанных с уголовно-правовым противодействием информационной инфраструктуре терроризма. В частности, необходимо объективно оценить достаточность имеющегося уголовно-правового инструментария и его применимость к деяниям, образующим террористическую цифровую инфраструктуру.

Деяния, составляющие цифровую инфраструктуру терроризма, могут получить уголовно-правовую оценку:

– на основании ч. 5 ст. 33 УК РФ об ответственности за пособничество в совершении любого преступления террористической направленности;

– посредством применения ч. 1^1 или ч. 3 ст. 205^1 УК РФ об ответственности за финансирование терроризма и пособничество в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, ч. 3 ст. 206 и ч. 1 ст. 208 УК РФ;

– на основании ст. 205^4 и 205^5 УК РФ, когда соответствующая деятельность являлась формой участия лица в террористическом сообществе либо организации;

– путем учета отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ (по признаку совершения преступления в целях поддержки терроризма);

– посредством применения уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ).

В целом приведенный выше перечень правовых инструментов позволяет говорить о наличии определенной базы для уголовно-правового противодействия цифровой инфраструктуре терроризма. Вместе с тем этот инструментарий вряд ли можно признать оптимальным и достаточным.

Во многом это связано с тем, что в российском уголовном законодательстве до настоящего времени не решен вопрос об ответственности за саму поддержку терроризма. Предусмотренная уголовным законом ответственность за пособнические действия (в рамках Общей части) предполагает известную степень осведомленности лица о том, что соответствующие орудия или сред-

ства разрабатываются и передаются именно для совершения конкретных преступлений террористической направленности. Решение о криминализации содействия террористической деятельности в рамках ст. 205[1] УК РФ во многом продиктовано стремлением компенсировать ограниченность классического института соучастия. Как отмечает А.А. Докуев, «включение ст. 205[1] УК РФ в российское уголовное законодательство позволило существенно расширить арсенал уголовно-правовых средств противодействия террористической деятельности, создать нормативную основу для раннего уголовно-правового реагирования на факты содействия террористической деятельности даже в случаях отсутствия признаков соучастия в совершении террористического преступления»[686].

Однако надо признать, что изначальная идея определения самостоятельного основания ответственности за содействие терроризму, не связанного с ответственностью исполнителя преступления, так и не была полноценно реализована. Толкование специального террористического пособничества, предусмотренного ч. 3 ст. 205[1] УК РФ, со временем было сведено все к той же общей норме об ответственности за пособничество в рамках ч. 5 ст. 33 УК РФ: «Поскольку в деле отсутствуют данные о совершении (приготовлении, покушении) А. указанных преступлений, а Х. не содействовал ему либо другому лицу в совершении (приготовлении, покушении) какого-либо конкретного террористического акта и не оказывал помощь в создании, руководстве и финансировании незаконного вооруженного формирования, то оснований для осуждения его по ч. 3 ст. 205[1] УК РФ не имеется. Что касается осознания Х. того, что переданная им информация может быть использована для совершения преступлений террористической направленности, то данного обстоятельства недостаточно для осуждения по ч. 3 ст. 205[1] УК РФ»[687].

---

[686] Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. С. 47.

[687] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27.11.2019) (п. 67) // СПС «КонсультантПлюс».

Аналогичный подход, по сути дела, применяется на практике и в отношении финансирования терроризма. Суды исходят из того, что для применения положений ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ об ответственности за финансирование терроризма должна быть установлена прямая осведомленность лица, что передаваемые средства предназначены для обеспечения деятельности конкретной террористической организации либо совершения хотя бы одного из преступлений террористической направленности[688].

Сама поддержка терроризма в УК РФ упоминается лишь при определении цели, выступающей отягчающим обстоятельством в п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ, и аналогичной цели в конструкции диспозиции ст. 205^4 УК РФ. Получается, что иные формы поддержки (оказание услуг администрирования компьютерной системы и т.п.) могут преследоваться только через их оценку как пособнических, что не всегда возможно. Так, например, обычное предоставление услуг центра обработки данных не всегда может быть напрямую расценено как пособничество в террористической деятельности. В целом такая деятельность является вполне законной. Вместе с тем владельцы такого дата-центра могут быть вполне осведомлены, что их отдельные клиенты аффилированы с террористическими организациями. Ведение бизнеса в рамках модели предоставления цифровых услуг всем желающим, в том числе тем из них, в отношении которых лица были проинформированы государственными органами о связи с террористической деятельностью, не образует пособничества.

Любая инфраструктура предполагает наличие людей, которые на постоянной основе осуществляют ее обслуживание и занимаются развитием. Это в полной мере применимо и к цифровой инфраструктуре терроризма. Разветвленная сеть технических устройств и программных продуктов требует привлечения специалистов самого разного профиля (системные администраторы, программисты, веб-дизайнеры, контент-менеджеры и др.). Кроме того, инфраструктура требует постоянного технологического обеспечения и обновления.

---

[688] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2019 № 201-АПУ19-44 // СПС «КонсультантПлюс».

Это предполагает взаимодействие с поставщиками программного обеспечения и телекоммуникационного оборудования.

Однако оказание таких услуг и реализация соответствующих цифровых продуктов на постоянной основе субъектам, аффилированным с террористическими организациями либо сообществами, не позволяют говорить о наличии оснований для уголовной ответственности по действующему УК РФ. С учетом этого можно сделать вывод о наличии значимого пробела в уголовно-правовом противодействии деятельности, связанной с созданием и обеспечением цифровой инфраструктуры терроризма.

Надо признать, что в отечественной теории уголовного права на эту проблему уже было обращено внимание специалистов. Так, З.М. Бешукова обосновывает, что для ее решения должно быть скорректировано само определение финансирования путем указания на предоставление информационных услуг[689]. Однако предложенное расширение и без того весьма обширного содержания финансирования терроризма способно повысить неопределенность предписаний о финансировании терроризма до неприемлемого уровня, ведь понятие информационных услуг не имеет однозначной трактовки. К тому же нельзя не учитывать, что предмет финансирования терроризма, обозначенный как «средства», должен иметь экономическую ценность, тогда как в рамках информационной поддержки террористической деятельности могут предоставляться предметы и услуги, не подлежащие стоимостной оценке (например, вредоносное программное обеспечение, услуги по «взлому» систем защиты компьютерной информации и т.п.).

Представляется, что для эффективного уголовно-правового воздействия на цифровую инфраструктуру терроризма нужны новые нормативные конструкции, которые позволят проактивно реагировать на деяния, обеспечивающие вычислительные, телекоммуникационные и сетевые мощности для осу-

[689] Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности … С. 487–489.

ществления террористической деятельности. Разрабатывая уголовно-правовые инструменты противодействия информационной инфраструктуре терроризма, необходимо учитывать, что с точки зрения международного права деяния, обеспечивающие вычислительные, телекоммуникационные и сетевые мощности для осуществления террористической деятельности, представляют собой форму поддержки терроризма.

В резолюции 1373 (2001) Совет Безопасности ООН постановил, что все государства должны «воздерживаться от предоставления в любой форме поддержки – активной или пассивной – организациям или лицам, замешанным в террористических актах…» (подп. «а» п. 2). При этом Совет Безопасности ООН трактует процитированное предписание весьма широко: из него выводятся не только запрет на поддержку субъектов террористической деятельности, но и обязательство по криминализации такой поддержки в национальном законодательстве. Более того, в рекомендательных документах, подготовленных структурами ООН, предлагается проект уголовно-правовой нормы, позволяющей реализовать международные обязательства о криминализации поддержки терроризма:

«Статья 14. Предоставление поддержки и услуг

Любое лицо, которое предоставляет какого-либо рода поддержку или услугу с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы для совершения любого из преступлений, указанных в статьях 1–11 (в этих статьях регламентированы признаки насильственных и ненасильственных террористических преступлений[690]. – *Д.Б.*), подлежит наказанию в виде [меры наказания с учетом тяжести преступления]»[691].

---

[690] В проекте закона, содержащемся в процитированном руководстве, содержатся следующие уголовно-правовые запреты: ст. 1 «Незаконный захват»; ст. 2 «Преступления против безопасности гражданской авиации»; ст. 3 «Преступления против безопасности аэропортов»; ст. 4 «Преступления против безопасности судов или стационарных платформ»; ст. 5 «Захват заложников; ст. 6 «Преступления против лиц, пользующихся международной защитой»; ст. 7 «Преступления, совершаемые с использованием взрывчатых веществ или иных смертоносных устройств»; ст. 8 «Преступления, связанные с ядерным материалом»; ст. 9 «Финансирование терроризма»; ст. 10 «Вербовка»; ст. 11 «Снабжение оружием» (см.: Руководство по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом. С. 111–113. URL: https://www.unodc.org/pdf/terrorism/TATs/ru/2LIGru.pdf).

[691] Там же. С. 113.

Нетрудно заметить, что указанный проект уголовно-правовой нормы об ответственности за предоставление поддержки и услуг смоделирован по лекалам нормы об ответственности за финансирование терроризма (чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить его с положениями ст. 2 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.), с тем лишь отличием, что этот проект предполагает криминализацию не только финансовой, но и иной поддержки, предоставления любых услуг, не ограничиваясь только финансовыми услугами. По сути дела, модельная норма об ответственности за предоставление поддержки и услуг, по замыслу разработчиков, должна стать общей нормой, применяемой в тех случаях, когда содействие террористической деятельности не охватывается специальными нормами об ответственности за финансирование терроризма, вербовку, снабжение оружием.

Оценивая этот проект, предложенный Управлением ООН по наркотикам и преступности, отметим, что его реализация, безусловно, будет способствовать интересам защиты общества от террористических угроз. Вместе с тем нельзя не отметить, что проектируемая норма не соответствует строгим критериям определенности уголовно-правовых запретов, а потому механический перенос ее в российское уголовное законодательство был бы не оправдан. Спрогнозировать возможные негативные последствия несложно: под эту статью при желании можно подвести оказание любых услуг (бытовых, медицинских, образовательных, коммунальных и т.п.).

Реализовать международные обязательства России в части криминализации поддержки терроризма, не допустив при этом отступлений от требований определенности уголовного закона, можно при условии четкой конкретизации форм такой поддержки. Учитывая ярко выраженную тенденцию цифровизации террористической инфраструктуры, следует в первую очередь установить уголовную ответственность за информационную поддержку террористической деятельности, конкретизировав при этом, что к ней относятся разработка компьютерного программного обеспечения, деятельность по обра-

ботке данных, предоставление услуг по размещению информации, деятельность порталов в информационно-коммуникационной сети «Интернет», администрирование компьютерной системы. Разумеется, предписания об ответственности за информационную поддержку террористической деятельности должны включать субъективный «фильтр» – осознание того, что информационная поддержка предназначена для совершения преступлений террористического характера либо для обеспечения деятельности террористической группы. При этом информационную поддержку террористической деятельности целесообразно рассматривать в качестве альтернативной формы содействия террористической деятельности в рамках ст. 205^1 УК РФ.

Следует отметить, что реализация указанных мер исключительно на национальном уровне вряд ли сможет обеспечить желаемый результат в решении проблемы противодействия цифровой инфраструктуре терроризма. Практика уголовного преследования лиц, оказывающих IT-услуги субъектам террористической деятельности, должна приобрести статус международного стандарта. Понятно, что в современных условиях довольно сложно говорить о возможности достижения такого консенсуса на международном уровне. Хотя на уровне ООН данная проблема обсуждается весьма детально. Так, например, отмечается, что «государства-члены выражают все большую обеспокоенность по поводу злонамеренного использования террористическими группами информационно-коммуникационных технологий, в том числе Интернета, социальных сетей и связанных с ними онлайн-пространств, таких как игровые платформы, для распространения недостоверной и заведомо ложной информации и пропаганды, а также для разжигания ненависти и насилия, создания сетей, вербовки, подготовки новобранцев, финансирования деятельности и приобретения оружия»[692]. Вполне достижимым и значимым шагом

[692] Доклад Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (Семьдесят седьмая сессия, 02.02.2023, A/77/718). С. 18. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/033/33/PDF/N2303333.pdf? OpenElement

в этом отношении могло бы стать внесение дополнений в Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.

Как нетрудно заметить, общий смысл вышеизложенных инициатив сводится к тому, чтобы, объективно оценив риски цифровизации, расширить пределы уголовно наказуемого содействия терроризму, действуя на опережение, к чему настоятельно призывают ведущие криминологи[693]. В то же время нельзя не признать, что предлагаемый комплекс мер по изменению регулятивного и охранительного законодательства самым существенным образом вторгается в отношения, связанные с оборотом IT-услуг и цифровых продуктов. При этом необходимо учитывать, что на поставщиков услуг не могут быть возложены обязательства мониторинга информации, которую они передают или хранят, а также обязательства по активному выявлению фактов или обстоятельств, указывающих на незаконную деятельность. Более того, поставщики услуг хостинга не должны привлекаться к ответственности, если у них отсутствуют фактические данные о незаконной деятельности или соответствующей информации, а также если им неизвестны факты или обстоятельства, свидетельствующие о незаконном характере деятельности или информации[694]. Соответственно, реализация предлагаемой модели должна предполагать самое внимательное отношение к обеспечению основополагающих прав и свобод личности.

Завершая рассмотрение вопросов уголовно-правового противодействия цифровой инфраструктуре терроризма, нельзя не указать на значимость развития регулятивного законодательства, определяющего правовой режим идентификации при распространении и доступе к информации в сети «Интернет». Этот вопрос, который по своей значимости вполне справедливо может быть поставлен и на первое место в ряду остальных, уже получил обстоятельное

---

[693] Мацкевич И.М. Преступность и преступление 21-го века: точки несоприкосновения. С. 53.

[694] О подобном подходе см.: Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2017/541 от 15.03.2017 о противодействии терроризму, о замене Рамочного решения 2002/475/ПВД Совета ЕС и об изменении Решения 2005/671/ПВД Совета ЕС // СПС «КонсультантПлюс».

исследование в работе В.Б. Наумова[695]. Со своей стороны отметим, что формирование единого международного механизма, объединяющего комплекс правовых режимов, технологий и конкретных технических решений, идентификации пользователей в сети «Интернет», вне всяких сомнений, выступает непременным условием эффективного противодействия цифровой инфраструктуре терроризма.

[695] См.: Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2020.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма, представленная в настоящей диссертации, в силу ее прикладного характера не может ограничиться лишь теоретическими положениями и выводами. В качестве своего составного элемента и логического завершения она включает комплекс авторских инициатив, направленных на оптимизацию уголовно-правовых средств (инструментов) воздействия на инфраструктуру терроризма[696]. Эти инициативы и предложения, выдвинутые в порядке de lege ferenda, требуют, во-первых, систематизации, а во-вторых, воплощения в теоретической модели, которая может послужить основой для конкретных законопроектных решений.

Сознавая, что без этого указанная концепция не может считаться в полной мере завершенной, в обобщенном виде представим основные положения, касающиеся совершенствования уголовного законодательства, в заключительном разделе диссертации, оставляя за скобками частные вопросы, связанные с технико-юридической «шлифовкой» нормативных предписаний.

1. Проведенное исследование приводит к выводу о том, что антитеррористические уголовно-правовые нормы о соучастии особого рода имеют субсидиарный характер. Концептуальная идея, предопределяющая потребность в нормах о соучастии sui generis, состоит в том, чтобы дополнить потенциал

[696] При этом мы отдаем отчет в том, что ценность диссертации по правовой тематике заключается вовсе не в предлагаемых изменениях в законодательство, а в новом теоретическом знании, на что неоднократно обращали внимание ученые-правоведы, осуществляющие научную экспертизу юридических диссертационных исследований: «…диссертация представляет собой особый вид исследовательской работы, имеющей своей целью формулирование теоретически обоснованных выводов, в совокупности представляющих собой новое отраслевое, межотраслевое, комплексное знание о развитии правовых процессов в современном обществе» (см.: Грачева Е.Ю. Актуальные вопросы повышения качества диссертационных исследований в условиях действия новой номенклатуры научных специальностей // Юридическое образование и наука. 2025. № 8. С. 16–20; Грачева Е.Ю. Актуальные вопросы научной экспертизы диссертационных правовых исследований // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 17–19). Что же касается предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования, то они могут рассматриваться в качестве результата научного исследования не сами по себе, а лишь в связке с теоретическим обоснованием потребности в регламентации новых или уточнении существующих нормативных предписаний. По сути дела, нормотворческие инициативы представляют собой логическое следствие теоретических выводов, их преломление к законотворческой практике.

института соучастия в преступлении, создать нормативные основания для уголовно-правового реагирования на деяния, которые не охватываются общими положениями о соучастии. Однако эта идея оказалась искажена до неузнаваемости: в науке и в правоприменительной практике предписания о соучастии особого рода воспринимаются как специальные нормы, имеющие безусловный приоритет по отношению к положениям гл. 7 УК РФ. В результате нормы о соучастии sui generis получили ведущую роль, стали главным инструментом уголовно-правового реагирования на совместную террористическую деятельность, тогда как институт классического соучастия по остаточному принципу применяется лишь к тем деяниям, которые не предусмотрены нормами о соучастии особого рода.

Столь резкий крен в сторону норм о соучастии sui generis не вполне оправдан. Классический институт соучастия в преступлении, при всех его известных недостатках и пробелах, имеет неоспоримое преимущество в плане полноты, всесторонности и точности уголовно-правовой оценки. В рамках этого института ответственность организатора, подстрекателя, пособника увязывается, с одной стороны, с общественной опасностью преступления, в котором они соучаствовали, а с другой стороны, с их ролью в совершении этого преступления, что формирует целостную, панорамную картину, создает возможности для дифференцированного и индивидуализированного уголовно-правового воздействия. Нормы о соучастии особого рода (по крайней мере в существующем виде) к «тонкой настройке» уголовно-правовой репрессии не приспособлены. Они стирают различия в характеристиках террористического преступления, в котором соучаствовал виновный, уравнивают деяния, обладающие несовпадающей общественной опасностью (результативное и неудавшееся соучастие; соучастие в преступлении с основным, квалифицированным и особо квалифицированным составом; соучастие в террористических преступлениях, относящихся к разным категориям тяжести).

С учетом вышеизложенного уголовно-политическая и правоприменительная концентрация на нормах о «специальном» соучастии представляется

неоправданной. Приоритетом в правоприменении должны обладать нормы классического института соучастия в преступлении, а нормы о соучастии sui generis, функционально предназначенные для восполнения недостатков института соучастия, должны вступать в действие лишь при невозможности применения положений Общей части УК РФ о соучастии. Предложенное разграничение сфер действия исследуемых уголовно-правовых инструментов позволит обеспечить баланс общих нормативных положений о соучастии в преступлении и самостоятельных норм об ответственности за соучастные деяния, воспользоваться преимуществами классического института соучастия, компенсируя при необходимости его пробелы и недостатки за счет норм о соучастии особого рода, что создаст нормативные основания для беспробельного уголовно-правового противодействия различным формам содействия терроризму.

В технико-юридическом плане разграничить «зоны ответственности» классического института соучастия в преступлении и норм о соучастии sui generis можно посредством включения в ст. 205^1 УК РФ негативного признака состава («при отсутствии признаков соучастия в преступлении») либо путем оговорки в ст. 33 УК РФ о том, что предусмотренная статьями Особенной части УК РФ уголовная ответственность за организацию совершения преступления, подстрекательство к преступлению, пособничество в совершении преступления наступает лишь при отсутствии признаков соучастия в преступлении.

2. В действующем законодательстве наблюдается неоправданное «дробление» составов соучастия sui generis: для каждого специального соучастника предусмотрен отдельный состав, а ответственность за специальное пособничество предусмотрена посредством конструирования пяти (!) самостоятельных составов преступления. В результате выполнение различных по функционалу соучастных действий расценивается в правоприменительной практике как совокупность преступлений (например, совокупность специального подстрека-

тельства и исполнения, специального подстрекательства и специального пособничества, специальной организации и пособничества), несмотря на то что лицо фактически участвовало (пусть и в разных ролях) в совершении одного и того же преступления.

Чтобы исключить совокупную квалификацию разных проявлений содействия в совершении одного преступления, предлагается сконструировать единый состав с альтернативными деяниями, в рамках которого будут нормативно описаны все криминальные функции, характерные для соучастия особого рода.

3. Сосредоточенная в УК РФ система антитеррористических уголовно-правовых норм перекрывает далеко не все деяния, образующие инфраструктуру терроризма. Вне сферы ее действия остаются, в частности, некоторые проявления информационной поддержки террористической деятельности, такие как разработка компьютерного программного обеспечения, деятельность по обработке данных, администрирование компьютерной системы, которые зачастую не укладываются в довольно тесные рамки пособничества (по причине отсутствия требуемого единства умысла на совершение конкретного преступления) и при этом находятся за границами финансирования терроризма.

Учитывая ярко выраженную тенденцию цифровизации террористической инфраструктуры, можно констатировать наличие социально-правовых оснований для установления уголовной ответственности за информационную поддержку терроризма, что позволит, помимо прочего, реализовать международные обязательства России в части криминализации поддержки терроризма. При этом информационную поддержку террористической деятельности целесообразно рассматривать в качестве альтернативной формы содействия террористической деятельности в рамках ст. 205^{1} УК РФ.

4. Признаки террористического сообщества и террористической организации, предусмотренные ст. 205^{4} и 205^{5} УК РФ, пересекаются между собой, а также с признаками незаконного вооруженного формирования, предусмотрен-

ными ст. 208 УК РФ. При существующем законодательном регулировании пересечение и наслоение признаков террористических объединений, предусмотренных ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ, просто неизбежно, поскольку: в ч. 1 ст. 205^4 УК РФ в перечне преступлений, для совершения которых создается террористическое сообщество, указана ст. 208 УК РФ; в перечне преступлений, дающих основание для признания организации террористической (ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»), названы ст. 205^4, 205^5, 208 УК РФ.

В этих условиях совпадение признаков террористических объединений порождает совокупную квалификацию – одни и те же лица по правилам идеальной совокупности преступлений признаются виновными в создании сразу нескольких преступных групп и (или) участии в них, хотя по факту они являлись членами одной криминальной ассоциации (практика Верховного Суда Российской Федерации демонстрирует множество подобных примеров).

Подобная уголовно-правовая оценка организационно-управленческой террористической деятельности вызывает принципиальное несогласие. Если лицо фактически участвует в одном террористическом объединении с одним и тем же составом членов, если все участники группы преследуют общие цели, если в этой преступной группе не выделяются подразделения, нацеленные на совершение качественно иных посягательств, то для квалификации должна задействоваться только одна норма об ответственности за создание террористического объединения, а не весь набор статей, нацеленных на противодействие организационно-управленческой инфраструктуре терроризма.

Обозначенная проблема требует законодательного разрешения, причем нужно не разграничивать составы преступлений, предусмотренных ст. 205^4 и 205^5 УК РФ, а, наоборот, – объединить предусмотренные в них деяния в рамках одного состава с альтернативными признаками. Для этого имеются все необходимые основания, ведь первичное создание террористического сообщества и организация деятельности уже запрещенной террористической органи-

зации – это действия, которые обладают сопоставимой общественной опасностью. Сказанное полностью справедливо для участия и в новом, и в уже попавшем под запрет террористическом объединении: уловить различия в общественной опасности участия в этих сходных по своей сути, но искусственно «разведенных» по разным статьям террористических объединениях невозможно. Примечательно, что законодатель, осуществив пенализацию указанных деяний, оценил их общественную опасность практически идентично.

Состав с альтернативными деяниями, сконструированный на базе ст. 205^4 УК РФ, обеспечит единое нормативное основание уголовной ответственности за создание террористического объединения, руководство им и участие в нем. Это предполагает «техническое» исключение ст. 205^5 из УК РФ с переносом предусмотренных в ней деяний в ст. 205^4 УК РФ. Что же касается ст. 208 УК РФ, то ее целесообразно переориентировать на уголовно-правовое противодействие тем нелегальным военизированным подразделениям, которые дублируют функции армейских и правоохранительных милитаризованных структур (частные военные компании, вооруженные народные дружины, добровольческие патрули и т.п.), но не преследуют при этом криминальных целей. Для этого достаточно ввести в ст. 208 УК РФ негативный разграничительный признак: конкретизировать, что ответственность за создание незаконного вооруженного формирования, руководством им и участие в нем наступает при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 205^4, 209 УК РФ. Предложенное изменение сферы применения ст. 208 УК РФ должно сопровождаться переводом соответствующих деяний в разряд преступлений средней тяжести.

5. Специализированные уголовно-правовые нормы, предназначенные для воздействия на инфраструктуру терроризма, имеют значительный резерв для совершенствования в плане дифференциации уголовной ответственности.

Во-первых, требуют устранения явные «перекосы» в наказуемости различных по функционалу, но сходных по своей природе проявлений содействия террористической деятельности. Очень сложно, если вообще возможно, найти

разумные объяснения тому, что ответственность за различные проявления пособничества в совершении террористических преступлений оказалась «разнесена» по пяти разным нормам с несовпадающими санкциями, верхние пределы которых варьируются от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы, а нижние – от семи до пятнадцати лет.

Во-вторых, целесообразно обеспечить дифференциацию уголовной ответственности за содействие террористическим преступлениям, относящимся к различным категориям тяжести. К сожалению, при законодательной градации уровня репрессивности уголовно-правового воздействия этот фактор практически не учитывается. Так, например, ч. 1 ст. 205^1 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение лица в совершение целого ряда преступлений террористического характера, среди которых преступные деяния небольшой (ч. 1 ст. 220 УК РФ) и средней (ч. 1 ст. 205^2, ч. 2 и 3 ст. 220, ч. 1 ст. 221 УК РФ) тяжести, тяжкие (ч. 2 ст. 205^2, ч. 1 ст. 206, ч. 1 ст. 211, ч. 2 и 3 ст. 221) и особо тяжкие преступления (ч. 2 ст. 206, ст. 208, ч. 2 и 3 ст. 211, ст. 277, 278, 279, 360 УК РФ). Причем за вовлечение в совершение этих объективно несовпадающих по тяжести деяний установлена единая санкция с основным наказанием в виде лишения свободы на срок от семи до пятнадцати лет, которая выглядит явно завышенной применительно к вовлечению в преступления первых трех категорий и привилегированной в сравнении с пожизненным лишением свободы в санкциях ст. 277, ч. 3 ст. 279 УК РФ и 20-летними максимумами в санкциях ч. 1 и 3 ст. 208, ст. 278, ч. 2 ст. 360 УК РФ.

Чтобы обеспечить учет категории тяжести основных террористических преступлений при дифференциации уголовной ответственности за инфраструктурные террористические деяния, необходима кардинальная перестройка «нормативного каркаса» ст. 205^1 УК РФ. Содействие террористическим преступлениям разных категорий тяжести должно находиться на разных его «этажах»: в ч. 1 ст. 205^1 УК РФ – содействие преступлениям небольшой и средней тяжести; в ч. 2 ст. 205^1 УК РФ – содействие тяжким преступлениям; в ч. 3 ст. 205^1 УК РФ – содействие особо тяжким преступлениям. По тому же

проекту логично перестроить и ст. 205^3 УК РФ, которая в действующем виде «стирает» различия в степени общественной опасности прохождения обучения для совершения преступлений небольшой тяжести и особо тяжких преступлений.

Наконец, в-третьих, необходимо отказаться от избыточных квалифицирующих признаков, не отвечающих стандартам дифференциации уголовной ответственности. В первую очередь это относится к квалифицирующему обстоятельству, предусмотренному в ч. 2 ст. 205^2 УК РФ (использование информационно-телекоммуникационных сетей), которое по большинству параметров не соответствует требованиям, предъявляемым к квалифицирующим признакам. Использование информационно-телекоммуникационных сетей нельзя считать обстоятельством, однозначно и безусловно повышающим степень общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 205^2 УК РФ. Не проходит оно проверку и на предмет соответствия количественным параметрам, характеризующим распространенность квалифицирующего признака: это обстоятельство констатируется в 9 из 10 случаев террористической агитации. Получается, что сфера применения квалифицированного состава преступления, выделенного по признаку использования сети «Интернет», намного шире сферы применения основного состава, что явно противоречит канонам теоретического учения о дифференциации уголовной ответственности. С учетом вышеизложенного имеются все основания для отказа от дифференциации уголовной ответственности за предусмотренное ст. 205^2 УК РФ преступление в зависимости от способа (офлайн или онлайн) распространения информации, содержащей призывы к террористической деятельности, оправдание или пропаганду терроризма.

6. Осуществляя пенализацию деяний, образующих инфраструктуру терроризма, нельзя не учитывать их социальную сущность, которая заключается в содействии террористическим преступлениям или подготовке к их исполнению. Специализированные нормы об ответственности за приготовительную

деятельность и соучастие особого рода придают инфраструктурным террористическим деяниям юридически самостоятельный характер, но пределы наказуемости этих деяний, по общему правилу, не могут устанавливаться без учета санкций за основные преступления.

К сожалению, при пенализации различных проявлений соучастия особого рода эта взаимосвязь не прослеживается. Санкции ст. 205^1 УК РФ зачастую превышают размеры санкций за основные террористические преступления, что становится особенно заметным в случаях содействия террористическим преступлениям небольшой и средней тяжести: санкции за вовлечение в их совершение, финансирование этих преступлений в два-три раза выше, чем верхние пределы наказаний за основные преступления.

Для устранения подобных «перекосов» в пенализации соучастия sui generis предлагается скорректировать санкции за организаторскую, подстрекательскую, пособническую деятельность, криминализованную в статье 205^1 УК РФ, с тем чтобы они были сопоставимы с санкциями, установленными для исполнителя террористических преступлений.

7. В качестве технико-юридического приема, позволяющего обеспечить справедливую пенализацию прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности, можно предложить блоковый подход к дифференциации уголовной ответственности, учитывающий категорию тяжести террористического преступления, выступающего в качестве цели обучения, а также правило об обязательном смягчении наказания за приготовление. Этот подход предполагает: во-первых, дифференциацию санкций за прохождение обучения в целях совершения террористических преступлений разной категории тяжести; во-вторых, установление максимального предела наказания за прохождение обучения на уровне половины от верхнего предела наказания, предусмотренного за преступления соответствующей категории тяжести.

8. Создание (организация деятельности) террористических групп (террористического сообщества и террористической организации), являясь пригото-

вительным по своей природе деянием, требует особого подхода в плане дифференциации уголовной ответственности и пенализации. Террористические объединения выступают в качестве «гравитационного поля», притягивающего новых участников, материально-технические и информационные ресурсы, обеспечивающего связанность разрозненных носителей террористической идеологии. Сам факт наличия террористических объединений служит мощнейшим криминогенным фактором, причем их криминогенный эффект, как правило, имеет «веерный» характер: в большинстве случаев террористическая группа совершает не только преступления, ради которых она создана (например, террористический акт), но и преступления, обеспечивающие деятельность группы (финансирование, вооружение, вербовка, пропаганда терроризма и т.п.). Поэтому ранжировать санкции за создание террористического сообщества или террористической организации в зависимости от категории тяжести преступления, которое планирует совершить группа, нецелесообразно. Да и «наказательная арифметика», правила которой отражены в ст. 66 УК РФ, для конструирования санкций здесь тоже неприемлема, ведь создание террористической группы, имея приготовительную сущность, по степени общественной опасности лишь немногим уступает (если вообще уступает) исполнению террористических преступлений, а руководство террористической группой по этому параметру превосходит деяние исполнителей. Учитывая это обстоятельство, единственным ориентиром в части пенализации создания террористического объединения и руководства им могут служить санкции за наиболее опасные преступления, выступающие в качестве криминальной цели соответствующего объединения.

С учетом предписаний ст. 5 Конвенции против транснациональной организованной преступности 2000 г., зарубежного опыта пенализации криминального сговора, предусмотренные ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 205^5 УК РФ санкции не выглядят завышенными (по крайней мере их верхние пределы). Вместе с тем минимальные пределы санкций, установленные на уровне пятнадцати

лет лишения свободы, заслуживают корректировки. Диапазон, в рамках которого должно быть назначено наказание по ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1 ст. 205^5 УК РФ, составляет всего пять лет, что не позволяет должным образом учесть существенные различия в степени общественной опасности организационно-управленческих террористических деяний и ограничивает возможности для индивидуализации наказания. Принимая во внимание довольно широкий «люфт» в индивидуальной степени общественной опасности организационно-управленческой террористической деятельности, необходимо расширить диапазон санкций, предусмотренных за создание (организацию деятельности) террористических объединений и руководство ими.

9. Обобщение предложений по оптимизации уголовно-правового воздействия на инфраструктуру терроризма позволяет представить для теоретического обсуждения и возможной законотворческой реализации проект ряда статей Особенной части УК РФ.

Статья 205^1. Содействие террористической деятельности

1. Содействие другому лицу в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями *(перечень террористических преступлений небольшой и средней тяжести)* настоящего Кодекса, при отсутствии признаков соучастия в указанных преступлениях, совершенное посредством:

а) планирования или иной организации указанных преступлений;

б) вовлечения лица в совершение указанных преступлений;

в) финансовой или информационной поддержки, подготовки, вооружения или иного материально-технического обеспечения лица в целях совершения указанных преступлений, а равно иного способствования их совершению, –

наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

2. Содействие другому лицу в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями *(перечень тяжких террористических преступлений)* настоящего Кодекса, при отсутствии признаков соучастия в указанных преступлениях, совершенное посредством:

а) планирования или иной организации указанных преступлений;

б) вовлечения лица в совершение указанных преступлений;

в) финансовой или информационной поддержки, подготовки, вооружения или иного материально-технического обеспечения лица в целях совершения указанных преступлений, а равно иного способствования их совершению, –

наказывается лишением свободы на срок от четырех до десяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

3. Содействие другому лицу в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями *(перечень особо тяжких террористических преступлений)* настоящего Кодекса, при отсутствии признаков соучастия в указанных преступлениях, совершенное посредством:

а) планирования или иной организации указанных преступлений;

б) вовлечения лица в совершение указанных преступлений;

в) финансовой или информационной поддержки, подготовки, вооружения или иного материально-технического обеспечения лица в целях совершения указанных преступлений, а равно иного способствования их совершению, –

наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

Примечания. 1. Под финансовой поддержкой в настоящей статье понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для совершения хотя бы одного из террористических преступлений, перечисленных в настоящей статье, либо для

обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, созданной для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

2. Под информационной поддержкой в настоящей статье понимается разработка и (или) предоставление технических компьютерных средств и компьютерного программного обеспечения, деятельность по передаче и обработке данных, предоставление услуг по размещению информации, в том числе посредством создания и (или) обеспечения функционирования информационного ресурса (сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), администрирование компьютерной системы с осознанием того, что указанные услуги способствуют совершению или сокрытию хотя бы одного из террористических преступлений, перечисленных в настоящей статье, либо обеспечению деятельности организованной группы, созданной для совершения хотя бы одного из этих преступлений.

3. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, совершению которого оно содействовало.

Статья 205[3]. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности

1. Прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого другим лицом в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями *(перечень террористических преступлений небольшой и средней тяжести)* настоящего Кодекса, при отсутствии признаков приготовления к указанным преступлениям, –

наказывается лишением свободы на срок до трех лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

2. Прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого другим лицом в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями *(перечень тяжких террористических преступлений)* настоящего Кодекса, при отсутствии признаков приготовления к указанным преступлениям, –

наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет.

3. Прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого другим лицом в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями *(перечень особо тяжких террористических преступлений)* настоящего Кодекса, при отсутствии признаков приготовления к указанным преступлениям, –

наказывается лишением свободы на срок от четырех до десяти лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

Статья 205[4]. Организация террористического сообщества или террористической организации и участие в них

1. Создание террористической организованной группы в целях совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями *(перечень статей об ответственности за террористические преступления)* настоящего Кодекса, руководство террористической организованной группой, ее частью или входящими в нее структурными подразделениями, а равно организация деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, –

наказываются лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет либо пожизненным лишением свободы.

2. Участие в террористической организованной группе или в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, –

наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

Примечание. Лицо, добровольно прекратившее участие в террористической организованной группе или в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, и сообщившее о существовании террористической организованной группы либо о деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, освобождается от уголовной ответственности. Не может признаваться добровольным прекращение участия в террористической организованной группе или в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, в момент или после задержания лица либо в момент или после начала производства в отношении его и заведомо для него следственных либо иных процессуальных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212^{1} Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205^{2} Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПолюс».

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.12.2024 № 3534-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баронина Павла Андреевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10 и частью второй статьи 205^{2} Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 401^{2} Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 12 и 15 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также рядом положений Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2024 № 575-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сельковой Елены Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.07.2022 № 2058-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чеботаря Валерия Ивановича на нарушение его конституционных прав

положениями статьи 30, части пятой статьи 69, части четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, части восьмой статьи 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и пункта 13 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.07.2006 № 1014-р «Об официальном периодическом издании, осуществляющем публикацию единого федерального списка организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Указание Генеральной прокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о длящихся и продолжаемых преступлениях» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс».

Международные правовые акты

22. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (заключена в г. Токио 14.09.1963) // СПС «КонсультантПлюс».

23. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (заключена в г. Гааге 16.12.1970) // СПС «КонсультантПлюс».

24. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (заключена в г. Монреале 23.09.1971) // СПС «КонсультантПлюс».

25. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (заключена в г. Нью-Йорке 14.12.1973) // СПС «КонсультантПлюс».

26. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (заключена в г. Нью-Йорке 17.12.1979) // СПС «КонсультантПлюс».

27. Конвенция о физической защите ядерного материала (заключена в г. Вене 26.10.1979) // СПС «КонсультантПлюс».

28. Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (заключен в г. Монреале 24.02.1988) // СПС «КонсультантПлюс».

29. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства (заключена в г. Риме 10.03.1988) // СПС «КонсультантПлюс».

30. Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (заключен в г. Риме 10.03.1988) // СПС «КонсультантПлюс».

31. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 15.12.1997) // СПС «КонсультантПлюс».

32. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) // СПС «КонсультантПлюс».

33. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

34. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // СПС «КонсультантПлюс».

35. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15.06.2001) // СПС «КонсультантПлюс».

36. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Екатеринбург, 16.06.2009) // СПС «КонсультантПлюс».

37. Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма ETS № 217 (заключен в г. Риге 22.10.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

38. Резолюция 1373 (2001), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 4385-м заседании 28.09.2001. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n01/557/45/pdf/n0155745.pdf

39. Резолюция 1624 (2005), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 5261-м заседании 14.09.2005. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n05/510/54/pdf/n0551054.pdf

40. Резолюция 2178 (2014), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 7272-м заседании 24.09.2014. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/548/01/pdf/n1454801.pdf

41. Резолюция 2253 (2015), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 7587-м заседании 17.12.2015. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/437/48/pdf/n1543748.pdf

42. Резолюция 2462 (2019), принятая Советом Безопасности Организации Объединенных Наций на его 8496-м заседании 28.03.2019. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/090/19/pdf/n1909019.pdf

43. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций (резолюция 60/288 Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2006, A/RES/60/288). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n05/504/90/pdf/n0550490.pdf?token=OPSC1P7Bko0BfFnUAi&fe=true)

44. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (одобрена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1994) // СПС «КонсультантПлюс».

Зарубежные нормативные акты

45. Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2017/541 от 15.03.2017 о противодействии терроризму, о замене Рамочного решения 2002/475/ПВД Совета Европейского союза и об изменении Решения 2005/671/ПВД Совета Европейского союза // СПС «Гарант».

46. Рамочное решение Совета Европейского союза 2002/475/ПВД от 13.06.2002 о противодействии терроризму (утратило силу) // СПС «Гарант».

47. Закон об уголовном праве Великобритании 1977 г. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/45/contents

48. Уголовный кодекс Испании. URL: https://globcci.org/wp-content/uploads/2021/06/MOJ-Spain-Criminal-Code-Book-2016.pdf

49. Уголовный кодекс Италии. URL: https://legislationline.org/sites/default/files/2023-09/criminal%20code%20of%20Italy.pdf

50. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china

51. Уголовный кодекс Нидерландов. URL: https://legislationline.org/sites/default/files/documents/f3/Netherlands_CC_am2012_en.pdf

52. Уголовный кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275

53. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&sub_id=240000&pos=792;-18#pos=792;-18

54. Уголовный кодекс Франции. URL: http://www.legifrance.gouv.fr/html/codes_traduits/code_penal_textan.htm

Материалы законопроектной деятельности

55. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации» (в части усиления борьбы с терроризмом) // СПС «КонсультантПлюс».

56. Пояснительная записка к законопроекту № 230595-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7

57. Проект федерального закона № 518503-8 «О внесении изменения в статью 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 22.12.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Иные официальные документы

58. Доклад Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (Шестьдесят восьмая сессия, 14.04.2014, A/68/841). URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/299/31/PDF/N1429931.pdf?OpenElement

59. Доклад Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (Семидесятая сессия, 12.04.2016, A/70/826). URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/102/52/PDF/N1610252.pdf?OpenElement

60. Доклад Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (Семьдесят вторая

сессия, 20.04.2018, A/72/840). URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/118/38/PDF/N1811838.pdf?OpenElement)

61. Доклад Генерального секретаря ООН «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций» (Семьдесят седьмая сессия, 02.02.2023, A/77/718). URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/033/33/PDF/N2303333.pdf? OpenElement

62. Доклад о возникающих террористических угрозах в Европе от 07.09.2022 (CM(2022)149-add), подготовленный Комитетом Совета Европы по борьбе с терроризмом. URL: https://rm.coe.int/-1445-10-2b-cdct-cm-2022-149-adde/1680a9ad62

63. Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Мартина Шейнина «Десять элементов наилучшей практики в области борьбы с терроризмом» (A/HRC/16/51, 22.12.2010). URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/4e0c2af72.pdf

64. Использование Интернета в террористических целях. – Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2013. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Use_of_Internet_for_Terrorist_Purposes/Use_of_the_internet_for_terrorist_purposes_Russian.pdf

65. Предотвращение террористических актов: стратегия в области уголовного правосудия, интегрирующая нормы верховенства закона в осуществление положений документов Организации Объединенных Наций по борьбе с терроризмом. Рабочий документ по технической помощи. – Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2006.

66. Предупреждение преступности и уголовное правосудие. Модуль 2: Предупреждение преступности. – Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2020. URL:

https://www.unodc.org/documents/e4j/CPCJ/CPCJ_Module_2_Russian_FINAL.pdf

67. Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму: подход, основанный на взаимодействии полиции с населением. – Вена : Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, 2014. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/116413.pdf

68. Привлечение террористов к судебной ответственности: проблемы, связанные с судебным преследованием иностранных боевиков-террористов : приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 18.02.2015 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2015/123). URL: https://docs.un.org/ru/S/2015/123

69. Руководство по включению в законодательство и применению универсальных документов о борьбе с терроризмом. – Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2006. URL: https://www.unodc.org/pdf/terrorism/TATs/ru/2LIGru.pdf

70. Руководство по основным направлениям предупреждения преступлений, принятое на восьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 07.09.1990. URL: https://business-pravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_39091.html

71. Руководство для законодательных органов по универсальному правовому режиму против терроризма. – Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2008. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Legislative_Guide_Universal_Legal_Regime/Russian.pdf

72. Руководящие принципы УНП ООН для Центральноазиатской сети по вопросам противодействия и профилактики насильственного экстремизма: Разработка и управление программами по предупреждению и противодействию насильственному экстремизму. – Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2019. URL:

https://www.unodc.org/pdf/terrorism/UNODC_Guidelines_for_the_Central_Asian_PVE_Network_Russian.pdf

73. Серия учебных модулей Управления по наркотикам и преступности ООН: Борьба с терроризмом. Модуль 4: Меры системы уголовного правосудия по борьбе с терроризмом. URL: https://www.unodc.org/e4j/ru/terrorism/module-4/key-issues/intro.html

74. Справочник по уголовно-правовым мерам противодействия терроризму. – Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2009. URL: https://www.refworld.org.ru/pdfid/54b528564.pdf

75. Техническое руководство по осуществлению резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности и других соответствующих резолюций : приложение к письму Председателя Комитета Совета Безопасности ООН от 27.12.2019 на имя Председателя Совета Безопасности ООН (S/2019/998). URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf

76. Часто задаваемые вопросы о международно-правовых аспектах борьбы с терроризмом. – Вена : Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, 2009. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/FAQ/Russian.pdf

77. Постановление Европейского суда по правам человека от 02.10.2008 по делу «Леруа (Leroy) против Франции» (жалоба № 36109/03) // СПС «КонсультантПлюс».

78. Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов, утвержденных Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

79. Национальная оценка рисков финансирования терроризма: публичный отчет 2022 г. URL: https://www.fedsfm.ru/fm/nor

Диссертации и авторефераты диссертаций

80. Абисова, К. С. Детерминация и предупреждение террористической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / К. С. Абисова. – Краснодар, 2023.

81. Агапов, П. В. Основы противодействия организованной преступной деятельности : дис. … д-ра юрид. наук / П. В. Агапов. – Москва, 2013.

82. Азин, И. Н. Социальная инфраструктура общества в условиях рыночной экономики : автореф. дис. ... канд. эконом. наук / И. Н. Азин. – Казань, 2011.

83. Андрианова, А. О. Уголовно-правовое противодействие финансированию терроризма в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / А. О. Андрианова. – Москва, 2023.

84. Андриенко, Ю. В. Экономика преступления: теоретическое и эмпирическое исследование определяющих факторов преступности : дис. … канд. экон. наук / Ю. В. Андриенко. – Москва, 2003.

85. Антипенко, В. Ф. Механизм международно-правового регулирования борьбы с терроризмом : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. Ф. Антипенко. – Москва, 2004.

86. Арутюнов, А. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. А. Арутюнов. – Москва, 2006.

87. Байрак, Г. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Г. Ф. Байрак. – Ростов-на-Дону, 2003.

88. Балашов, А. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к совершению противоправных действий : дис. … канд. юрид. наук / А. А. Балашов. – Москва, 2017.

89. Бешукова, З. М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации : дис. … д-ра юрид. наук / З. М. Бешукова. – Краснодар, 2020.

90. Богомолов, С. Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. … канд. юрид. наук / С. Ю. Богомолов. – Н. Новгород, 2017.

91. Васильев, А. А. Уголовно-правовая характеристика прикосновенности к преступлению : дис. … канд. юрид. наук / А. А. Васильев. – Екатеринбург, 2009.

92. Волотова, Е. О. Прикосновенность к преступлению: понятие, виды, ответственность : дис. … канд. юрид. наук / Е. О. Волотова. – Москва, 2011.

93. Глущенко, П. А. Криминологические основы противодействия финансированию экстремистской и террористической деятельности : дис. … канд. юрид. наук / П. А. Глущенко. – Краснодар, 2025.

94. Горемычкин, И. Е. Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия : дис. … канд. юрид. наук / И. Е. Горемычкин. – Москва, 2020.

95. Горенко, М. А. Институт специальных видов организации, подстрекательства и пособничества преступной деятельности (теоретико-прикладное и правовое исследование) : автореф. дис. … канд. юрид. наук / М. А. Горенко. – Краснодар, 2023.

96. Гринь, М. В. Неоконченное преступление : дис. … канд. юрид. наук / М. В. Гринь. – Краснодар, 2003.

97. Гуринская, А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : дис. … д-ра юрид. наук / А. Л. Гуринская. – Санкт-Петербург, 2018.

98. Гюлбанкян, А. А. Эксцесс исполнителя и других соучастников преступления: проблемы уголовно-правовой теории и правоприменительной практики : дис. … канд. юрид. наук / А. А. Гюлбанкян. – Краснодар, 2024.

99. Дейнега, Н. В. Уголовно-правовая характеристика бандитизма и отграничение его от смежных составов преступлений : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н. В. Дейнега. – Тамбов, 2007.

100. Дикаев, С. У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук / С. У. Дикаев. – Санкт-Петербург, 2004.

101. Димитровска, А. Деятельность международных террористических организаций в странах Западных Балкан : дис. ... канд. полит. наук / А. Димитровска. – Москва, 2019.

102. Дядькин, Д. С. Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. С. Дядькин. – Москва, 2002.

103. Елизаров, Е. И. Уголовно-правовой анализ вовлечения в совершение преступлений террористического характера (ст. 205^1 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. И. Елизаров. – Москва, 2003.

104. Есаков, Г. А. Учение о преступлении в странах семьи общего права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г. А. Есаков. – Москва, 2007.

105. Ивлиев, С. М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму : дис. … канд. юрид. наук / С. М. Ивлиев. – Москва, 2008.

106. Илиджев, А. А. Отражение положений Общей части УК РФ о преступлении в его Особенной части: проблемы теории и законодательного регулирования : дис. … д-ра юрид. наук / А. А. Илиджиев. – Ростов-на-Дону, 2023.

107. Казакова, В. А. Вооруженная преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы : дис. … д-ра юрид. наук / В. А. Казакова. – Москва, 2003.

108. Катрич, Л. В. Плюрализация форм терроризма в современном мире: социологические подходы : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Л. В. Катрич. – Москва, 2009.

109. Качалова, О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. д-ра юрид. наук / О. В. Качалова. – Москва, 2016.

110. Килимбаев, Р. В. Основание и пределы ответственности за неоконченное преступление : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Р. В. Килимбаев. – Рязань, 2021.

111. Кокунов, А. И. Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия : дис. … канд. юрид. наук / А. И. Кокунов. – Н. Новгород, 2023.

112. Костылева, О. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук / О. В. Костылева. – Москва, 2024.

113. Кочои, Р. С. Противодействие транснациональной преступности террористических организаций : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Р. С. Кочои. – Москва, 2024.

114. Криштопов, С. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремисткой направленности : дис. … канд. юрид. наук / С. В. Криштопов. – Москва, 2022.

115. Кунов, И. М. Уголовно-правовое противодействие распространению криминогенной информации : дис. … канд. юрид. наук / И. М. Кунов. – Краснодар, 2017.

116. Кустова, В. В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности : дис. … канд. юрид. наук / В. В. Кустова. – Москва, 2016.

117. Любарский, Е. С. Терроризм в условиях глобализирующегося мира: методологический аспект : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е. С. Любарский. – Москва, 2010.

118. Максина, С. В. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Максина. – Санкт-Петербург, 2003.

119. Мальсагов, М. Г. Социальные основы терроризма в России : автореф. дис. ... канд. соц. наук / М. Г. Масальгов. – Новочеркасск, 2007.

120. Мищенко, И. Г. Оценка развития и устойчивости функционирования региональной инновационной инфраструктуры : автореф. дис. ... канд. эконом. наук / И. Г. Мищенко. – Белгород, 2023.

121. Молодчая, Е. Н. Политика противодействия кибертерроризму в современной России: политологический аспект : дис. … канд. полит. наук / Е. Н. Молодчая. – Москва, 2011.

122. Наумов, В. Б. Институт идентификации в информационном праве : дис. … д-ра юрид. наук / В. Б. Наумов. – Москва, 2020.

123. Некоз, А. С. Уголовная ответственность за подстрекательство к преступлению : дис. … канд. юрид. наук / А. С. Некоз. – Москва, 2019.

124. Некрасов, В. Н. Нормы о неоконченном преступлении: проблемы законодательной техники и дифференциации ответственности : автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. Н. Некрасов. – Ярославль, 2013.

125. Никишин, В. Д. Теоретические и организационно-правовые аспекты судебной экспертизы материалов религиозного характера экстремистской и террористической направленности : дис. … канд. юрид. наук / В. Д. Никишин. – Москва, 2019.

126. Очередько, В. А. Уголовно-правовое значение прикосновенности к преступлению : дис. … канд. юрид. наук / В. А. Очередько. – Краснодар, 2019.

127. Палий, В. В. Вовлечение в совершение преступления и склонение к совершению преступления или антиобщественных действий : автореф. дис. … канд. юрид. наук / В. В. Палий. – Москва, 2006.

128. Папаскуа, Г. Т. Правовое регулирование применения финансовых технологий в условиях цифровизации российской экономики : дис. … канд. юрид. наук / Г. Т. Папаскуа. – Москва, 2021.

129. Петренко, В. В. Длящиеся преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. … канд. юрид. наук / В. В. Петренко. – Москва, 2025.

130. Пихов, А. Х.-А. Теоретические основы противодействия транснациональной преступности : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / А. Х.-А. Пихов. – Краснодар, 2018.

131. Плаксина, Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления : автореф. дис… д-ра юрид. наук / Т. А. Плаксина. – Томск, 2006.

132. Поличной, Р. В. Уголовная ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации : дис. … канд. юрид. наук / Р. В. Поличной. – Москва, 2020.

133. Прохоров, В. С. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. С. Прохоров. – Ленинград, 1962.

134. Русскевич, Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : дис. … д-ра юрид. наук / Е. А. Русскевич. – Москва, 2020.

135. Сальников, Н. В. Преступления с альтернативными признаками состава: уголовно-правовая характеристика, проблемы правовой оценки и законодательной регламентации : дис. … канд. юрид. наук / Н. В. Сальников. – Москва, 2023.

136. Серебряков, А. В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. В. Серебряков. – Краснодар, 2012.

137. Сипки, М. В. Уголовная ответственность за организацию террористического сообщества или деятельности террористической организации и участие в них : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Сипки. – Москва, 2019.

138. Ситникова, А. И. Неоконченное преступление и его виды : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. И. Ситникова. – Москва, 2002.

139. Смирнов, А. А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук / А. А. Смирнов. – Москва, 2022.

140. Субачев, А. К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / А. К. Субачев. – Владивосток, 2018.

141. Травников, А. В. Вовлечение в совершение противоправных или антиобщественных действий в уголовном праве России : дис. … канд. юрид. наук / А. В. Травников. – Москва, 2022.

142. Трузян, Э. В. Организованная группа по российскому уголовному законодательству: понятие, виды, ответственность : дис. … канд. юрид. наук / Э. В. Трузян. – Краснодар, 2018.

143. Ульянова, В. В. Противодействие финансированию терроризма : дис. … канд. юрид. наук / В. В. Ульянова. – Екатеринбург, 2010.

144. Факов, А. М. Финансирование террористической деятельности: криминологическая характеристика и меры противодействия : дис. … канд. юрид. наук / А. М. Факов. – Краснодар, 2025.

145. Хлебушкин, А. Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. Г. Хлебушкин. – Саратов, 2007.

146. Чернокозинская, С. В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание : дис. … канд. юрид. наук / С. В. Чернокозинская. – Саратов, 2005.

147. Чернявский, Д. О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / Д. О. Чернявский. – Москва, 2017.

148. Чернядьева, Н. А. Современное состояние и тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. А. Чернядьева. – Москва, 2018.

149. Чуклина, Э. Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией : дис. … канд. юрид. наук / Э. Ю. Чуклина. – Москва, 2024.

150. Шевченко, Е. Н. Соучастие в преступлениях, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков: проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Шевченко. – Москва, 2021.

151. Шевченко, И. В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: уголовно-правовой и правоприменительный аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук / И. В. Шевченко. – Тамбов, 2010.

152. Шибзухов, З. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма : дис. … канд. юрид. наук / З. А. Шибзухов. – Москва, 2012.

153. Шуйский, А. С. Противодействие террористическим актам посредством уголовно-правовых норм с двойной превенцией : дис. … канд. юрид. наук / А. С. Шуйский. – Москва, 2012.

154. Щебланова, В. В. Современный терроризм в глобализации социальных рисков: структуралистко-конструктивистский контекст : автореф. дис. ... д-ра соц. наук / В. В. Щебланова. – Саратов, 2010.

Научные труды

155. Агаев, Х. Ф. Терроризм как идеологическая система насилия / Х. Ф. Агаев // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 3.

156. Агапов, П. В. Организация террористического сообщества и участие в нем: проблемы криминализации и правоприменения / П. В. Агапов // Российская юстиция. – 2015. – № 7.

157. Агапов, П. В. Организованная преступность в современной России: состояние, тенденции и меры прокурорского реагирования / П. В. Агапов, В. В. Меркурьев // Вестник Юридического института МИИТ. – 2019. – № 3 (27).

158. Агапов, П. В. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: политико-правовой, криминологический и уголовно-

правовой анализ / П. В. Агапов, А. Г. Хлебушкин. – Москва : Юридические программы, 2005.

159. Агапов, П. В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики : монография / П. В. Агапов, К. В. Михайлов. – Саратов : Саратовский юридический институт МВД России, 2007.

160. Алехин, В. П. Подстрекатель в террористической деятельности / В. П. Алехин // Общество и право. – 2008. – № 1.

161. Анатомия нападения: как устроен даркнет-рынок заказов на поджоги и избиения. URL: https://iz.ru/1777454/maksim-solopov-svatoslav-petrov/anatomia-napadenia-kak-ustroen-darknet-rynok-zakazov-na-podzogi-i-izbienia.

162. Анохин, П. К. Избранные труды: философские аспекты теории систем / П. К. Анохин. – Москва : Наука, 1978.

163. Антонян, Е. А. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму / Е. А. Антонян, И. И. Аминов // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6.

164. Антонян, Ю. М. Криминология : учебник для бакалавров / Ю. М. Антонян. – Москва : Юрайт, 2012.

165. Арутюнов, А. А. Соучастие в преступлении / А. А. Арутюнов. – Москва : Статут, 2013.

166. Ашраф, А. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов / А. Ашраф, И. Асланова. – Бишкек, 2021. URL: https://prevention.kg/wp-content/uploads/2021/06/RCRS_Report_V1-5_Hedayah_RU.pdf

167. Бабаев, М. М. Очерки криминальной рискологии : монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2021.

168. Бабаев, М. М. Российская уголовная политика XXI века : монография / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2020.

169. Бабаев, М. М. Толкование уголовного закона: некоторые проблемы теории / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Вопросы правовой теории и практики : сборник научных трудов. – Выпуск 15. – Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021.

170. Бастрыкин, А. И. Современные способы противодействия терроризму и экстремизму / А. И. Бастрыкин // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 6.

171. Батищев, Г. С. Введение в диалектику творчества / Г. С. Батищев. – Санкт-Петербург : Издательство РХГИ, 1997.

172. Бегишев, И. Р. Уголовно-правовое регулирование робототехники / И. Р. Бегишев. – Москва, 2022.

173. Бегишев, И. Р. Искусственный интеллект и уголовный закон / И. Р. Бегишев, З. И. Хисамова. – Москва, 2024.

174. Безбородов, Д. А. Тенденции уголовного законодательства при конструировании норм о необходимом соучастии / Д. А. Безбородов // Криминалистъ. – 2017. – № 1 (20).

175. Бейбулатов, Б. Ш. Причины и условия возникновения незаконных вооруженных формирований / Б. Ш. Бейбулатов // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 5.

176. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / составитель и автор предисловия В. С. Овчинский / Ч. Беккариа. – Москва: ИНФРА-М, 2004.

177. Белецкий И. А. Распространение, одобрение или отрицание информации в сети «Интернет»: единичное простое или сложное преступление? / И. А. Белецкий, Н. В. Вишнякова // Уголовное право. – 2023. – № 7.

178. Бельский, А. И. Кибертерроризм как один из наиболее опасных видов международного терроризма / А. И. Бельский, В. И. Якимова // Российский следователь. – 2020. – № 5.

179. Бибик, О. Н. Рынок преступлений и наказаний / О. Н. Бибик. – Санкт-Петербург, 2017.

180. Большая советская энциклопедия. – Москва, 1954. – Т. 30. – С. 406.

181. Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000.

182. Борисов, С. В. Ответственность за финансирование экстремисткой деятельности как новелла уголовного законодательства / С. В. Борисов // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 11.

183. Борисов, С. В. Роль Верховного Суда Российской Федерации в формировании практики противодействия распространению идеологии терроризма / С. В. Борисов // Уголовная ответственность и наказание : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права Рязанской высшей школы МВД СССР В. А. Елеонского и Н. А. Огурцова (Рязань,17 февраля 2017 г.) / под редакцией В. Ф. Лапшина. – Рязань, 2017.

184. Борисов, С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма / С. В. Борисов // Российский следователь. – 2007. – № 19.

185. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы / А. С. Васнецова, Г. О. Вилинский, Е. П. Горшечникова [и др.]. – Москва : Проспект, 2024.

186. Бочкарева, Е. В. Феномен самодетерминации преступности для непосвященных : монография / Е. В. Бочкарева. – Москва : Проспект, 2024.

187. Бриллиантов, А. В. Вопросы соучастия при квалификации содействия террористической деятельности / А. В. Бриллиантов // Уголовное право. – 2008. – № 3.

188. Бриллиантов, А. В. Уголовная ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению / А. В. Бриллиантов // Российский следователь. – 2006. – № 6.

189. Бушмин, С. И. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности : монография / С. И. Бушмин, Г. Л. Москалев. – Красноярск, 2018.

190. Бычков, В. В. Вооруженность, применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ как признак и квалифицированные составы

преступлений террористического характера / В. В. Бычков // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2018. – № 4 (18).

191. Вайсов, Ф. Б. Проблема радикализации и вербовки террористов в тюрьмах / Ф. Б. Вайсов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 45.

192. Векленко, П. В. Логика : конспект лекций / П. В. Векленко. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021.

193. Глухов, Е. А. Публичное оправдание терроризма: направленность умысла, целей и самооценка со стороны преступника / Е. А. Глухов // Уголовное право. – 2024. – № 9 (169).

194. Головненков, П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) : научно-практический комментарий и перевод текста закона / П. В. Головненков. – 4-е издание. – Потсдам, 2021.

195. Горбунов, Ю. С. О некоторых проблемах совершенствования правового регулирования противодействия терроризму / Ю. С. Горбунов // Журнал российского права. – 2008. – № 7.

196. Горохов, А. В. Основы системного анализа : учебное пособие для вузов / А. В. Горохов. – Москва : Юрайт, 2019.

197. Грачева, Е. Ю. Актуальные вопросы повышения качества диссертационных исследований в условиях действия новой номенклатуры научных специальностей / Е. Ю. Грачева // Юридическое образование и наука. – 2025. – № 8.

198. Грачева, Е. Ю. Актуальные вопросы научной экспертизы диссертационных правовых исследований / Е. Ю. Грачева // Юридическое образование и наука. – 2023. – № 8.

199. Грачева, Ю. В. Незаконное вооруженное формирование: состояние и перспективы уголовно-правового регулирования / Ю. В. Грачева // Lex russica. – 2018. – № 7.

200. Грачева, Ю. В. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами / Ю. В. Грачева, С. В. Маликов, А. И. Чучаев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1.

201. Грузинская, Е. И. Уголовное законодательство отдельных зарубежных стран о неоконченном преступлении / Е. И. Грузинская // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 1.

202. Гуринская, А. Л. Обеспечение безопасности как приоритет англо-американской уголовной политики: «превентивный поворот» в контроле над преступностью / А. Л. Гуринская // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : материалы XI Российского конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова, Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г. – Москва: Юрлитинформ, 2018.

203. Гуринская, А. Л. Превентивные подходы в современной уголовной политике (на примере стратегии Prevent, Великобритания) / А. Л. Гуринская // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. – 2017. – № 2.

204. Дементьев, С. И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы / С. И. Дементьев. – Ростов-на-Дону, 1986.

205. Джаббари, Н. Х. Антитеррористический подход Ирана на современном этапе: «жесткие» и «мягкие» элементы / Н. Х. Джаббари, Б. Х. Бахриев // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия : Международные отношения. – 2018. – Т. 18, № 4.

206. Днепровская, М. А. Пропаганда терроризма (ст. 205^2 УК РФ): некоторые особенности объективной стороны / М. А. Днепровская, С. А. Абрамитов // Уголовное право. – 2025. – № 10.

207. Докуев, А. А. Соотношение уголовно-правовой нормы об ответственности за содействие террористической деятельности (ст. 205^1 УК РФ) и норм о соучастии в преступлениях террористического характера /

А. А. Докуев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 4 (48).

208. Докуев, А. А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности : монография / А. А. Докуев. – Москва : Юрлитинформ, 2016.

209. Дурманов, Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н. Д. Дурманов. – Москва, 1955.

210. Ежов, А. Н. Уголовное законодательство стран Европейского союза : учебное пособие / А. Н. Ежов, Н. А. Селяков. – Москва, Архангельск : Издательство «Юпитер», 2005.

211. Есаков, Г. А. Сговор как разновидность неоконченного преступления по уголовному праву Англии / Г. А. Есаков // Право и практика. Научные труды Кировского института Московской государственной юридической академии / редколлегия: С. М. Кочои (главный редактор) [и др.] ; Московская государственная юридическая академия, Институт (филиал) в г. Кирове. – 2006. – № 2.

212. Ефремова, М. А. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / М. А. Ефремова. – Москва, 2015.

213. Жалинский, А. Э. Профилактическое воздействие уголовного закона / А. Э. Жалинский // Труды ВНИИ МВД СССР. – Выпуск 46. – Москва, 1978.

214. Жалинский А. Э. Избранные труды. Т. 1 : Криминология / А. Э. Жалинский. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

215. Жалинский, А. Э. Современное немецкое уголовное право / А. Э. Жалинский. – Москва : ТК «Велби», Проспект, 2006.

216. Жданов: В теневом сегменте интернета сформировался рынок заказных убийств. URL: https://rg.ru/2021/12/22/iurij-zhdanov-tradicionno-zhertvami-zakaznyh-ubijstv-stanoviatsia-biznesmeny.html

217. Жилкин, М. Г. Судебная практика установления судебных признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма / М. Г. Жилкин // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 1.

218. Зайко, Т. М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты : монография / Т. М. Зайко ; Министерство образования и науки Российской Федерации, УрГЮУ. – Тамбов : ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017.

219. Зорькин, В. Экономика и право: новый контекст / В. Зорькин // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2014. – 21 мая.

220. Иванцов, С. В. Пособничество в террористическом акте как форма содействия террористической деятельности / С. В. Иванцов // Безопасность бизнеса. – 2017. – № 2.

221. Игнатов, А. Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений / А. Н. Игнатов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11-2.

222. Игнатов, А. Н. Религиозная радикализация мест принудительного содержания как фактор экстремизма и терроризма / А. Н. Игнатов, К. С. Абисова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5, № 3.

223. Игнатов, А. Н. Информационно-когнитивные технологии в механизме цифровой виктимизации / А. Н. Игнатов, В. С. Соловьев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14, № 1 (51).

224. Игнатов, А. Н. Понятие террористической деятельности и его уголовно-правовое закрепление / А. Н. Игнатов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (43).

225. Илиджев, А. А. Актуальные проблемы оценки отражения преступлений иных соучастников в Особенной части УК РФ / А. А. Илиджев // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 1 (96).

226. Иногамова-Хегай, Л. В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм : монография / Л. В. Иногамова-Хегай. – Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2015.

227. Информационные ресурсы ИГИЛ // Новое восточное обозрение. URL: https://journal-neo.su/ru/2015/06/08/informatsionny-e-resursy-igil

228. Инфраструктура военная. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/search.htm

229. Инфраструктура: основные понятия и термины. URL: https://www.finam.ru/publications/item/infrastruktura-20230628-2033/?ysclid=lr0l1tx8uw301096078

230. История и методология юридической науки : коллективная монография / под редакцией доктора юридических наук, профессора В. В. Сорокина. – Москва : Юрлитинформ, 2016.

231. Казакова, В. А. Вовлечение в совершение преступлений террористического характера / В. А. Казакова // Право в Вооруженных Силах. – 2004. – № 4.

232. Калинина, С. Психологические методы вербовки молодежи в террористические организации / С. Калинина // Наука. Общество. Оборона. – 2018. – № 2 (15).

233. Каменнова, В. В. Уголовно-правовые пределы выражения своего мнения / В. В. Каменнова // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 1 (100).

234. Капитонова, Е. А. Современный терроризм / Е. А. Капитонова. – Москва, 2015.

235. Карапетов, А. Г. Экономический анализ права / А. Г. Карапетов. – Москва : Статут, 2016.

236. Карпец, И. И. Наказание. Содержание, правовые и криминологические проблемы / И. И. Карпец. – Москва, 1973.

237. Квалификация преступлений : учебное пособие / под редакцией К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. – Москва : Юритинформ, 2016.

238. Квалификация преступлений : учебное пособие / под редакцией доктора юридических наук, профессора К. В. Ображиева и доктора юридических наук, профессора Н. И. Пикурова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрлитинформ, 2019.

239. Кемеров, В. Е. Предметная деятельность – принцип развития общественных отношений / В. Е. Кемеров // Сборник научных материалов: Философия. Люди. Жизнь. – Екатеринбург, 1997.

240. Кибальник, А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма / А. Кибальник, И. Соломоненко // Законность. – 2007. – № 2.

241. Кибальник, А. Г. Уголовная ответственность за публичное распространение фейков об использовании Вооруженных Сил РФ. Как применять новую статью УК / А. Г. Кибальник // Уголовный процесс. – 2022. – № 5.

242. Кибальник, А. Г. Акт международного терроризма – новое преступление против мира и безопасности человечества / А. Г. Кибальник, В. А. Суворов // Уголовное право. – 2016. – № 6.

243. Кленова, Т. В. К вопросу о конкретизации составов преступлений / Т. В. Кленова // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. Материалы III Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, 29–30 мая 2003 г. – Москва, 2004.

244. Коваленко, Н. А. О системном подходе к терроризму / Н. А. Коваленко // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2007. – № 3 (55).

245. Ковлагина Д. А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205^2 УК РФ / Д. А. Ковлагина // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 5.

246. Ковлагина, Д. А. Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия / Д. А. Ковлагина. – Москва, 2017.

247. Козаченко, И. Я. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непреступного / И. Я. Козаченко, Д. Н. Сергеев. – Екатеринбург : SAPIENTIA, 2020.

248. Козлов, А. П. Механизм построения уголовно-правовых санкций / А. П. Козлов. – Красноярск, 1998.

249. Козлов, А. П. Учение о стадиях преступления / А. П. Козлов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002.

250. Кокурин, Д. И. Формирование и реализация инфраструктурного потенциала экономики России / Д. И. Кокурин, К. Н. Назин. – Москва : Транслит, 2011.

251. Колоколов, Г. Е. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и подстрекательстве в частности) / Г. Е. Колоколов. – Москва, 1881.

252. Комиссаров, В. С. Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности / В. С. Комиссаров, П. В. Агапов // Уголовное право. – 2016. – № 5.

253. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Н. И. Бирюков, О. Н. Ведерникова, С. А. Ворожцов и др. ; под общей редакцией В. М. Лебедева. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : НОРМА, 2014 // СПС «КонсультантПлюс».

254. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под редакцией А. И. Чучаева. – Москва : Контракт, 2012.

255. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 томах. Т. 3 : Особенная часть. Раздел IX / под редакцией В. М. Лебедева. – Москва : Юрайт, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

256. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 томах. Т. 1 : Общая часть / под научной редакцией К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. – Москва : Проспект, 2023.

257. Корецкий, Д. А. Оружие и его незаконный оборот: криминологическая характеристика и предупреждение / Д. А. Корецкий, Э. В. Солоницкая. – Санкт-Петербург, 2006.

258. Корнеева, А. В. Теория квалификации преступлений : учебное пособие для магистрантов / А. В. Корнеева. – Москва : Проспект, 2014.

259. Коробеев, А. И. Тенденции уголовно-правовой политики современной России в сфере законотворчества: эмпирико-аналитическое исследование / А. И. Коробеев, А. И. Чучаев // Государство и право. – 2024. – № 5. – С. 97–107.

260. Коробеев, А. И. Уголовный кодекс Российской Федерации: de lege lata и de lege ferenda / А. И. Коробеев, А. И. Чучаев // Государство и право. – 2026. – № 2. – С. 157–170.

261. Коростелева, Л. В. Проблема определения признаков вербовки в судебной лингвистической экспертизе / Л. В. Коростелева // Политическая лингвистика. – 2018. – № 6 (72).

262. Костылева, О. В. Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX–XXI вв. / О.В. Костылева // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. – 2024. – Т. 65, № 1.

263. Котенев, Т. Х. Взаимосвязь норм о специальных соучастниках и соучастии особого рода (sui generis) в Особенной части УК РФ с институтом соучастия / Т. Х. Котенев // Законность. – 2025. – № 4 (1086).

264. Кочои, С. М. Антитеррористическое уголовное право : монография / С.М. Кочои. – Москва, 2023.

265. Кочои, С. М. Общеевропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ / С. М. Кочои // Lex russica. – 2014. – № 9.

266. Кочои, С. М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика / С. М. Кочои. – Москва : ТК «Велби» ; Проспект, 2005.

267. Красинский, В. В. Кибертерроризм: криминологическая характеристика и квалификация / В. В. Красинский, В. В. Машко // Государство и право. – 2023. – № 1.

268. Красинский, В. В. Терроризм 2.0 : монография / В. В. Красинский. – Москва : Юрлитинформ, 2023.

269. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – Санкт-Петербург, 2002.

270. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – Санкт-Петербург, 2005.

271. Ксендзов Ю. Ю. Кибертерроризм как угроза информационной безопасности Российской Федерации / Ю. Ю. Ксендзов, А. А. Шадерков // Государство и право в цифровую эпоху : материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 апреля 2022 г.). – Санкт-Петербург, 2022.

272. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2001.

273. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – Москва, 1960.

274. Кузнецова, Н. Квалификация сложных составов преступлений / Н. Кузнецова // Уголовное право. – 2000. – № 1.

275. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н. Ф. Кузнецова ; под научной редакцией В. Н. Кудрявцева. – Москва : Городец, 2007.

276. Кулишов, В. Г. Об основных результатах деятельности Национального антитеррористического комитета / В. Г. Кулишов // Вестник НАК. – 2010. – № (01) 1.

277. Кунашев, А. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации / А. А. Кунашев // Уголовное право. – 2018. – № 6.

278. Кунов, И. М. Уголовно-правовые ограничения свободы слова в аспекте норм международного права / И. М. Кунов // Российский криминологический взгляд. – 2015. – № 2.

279. Куринов, Б. А. Научные основы квалификации преступлений / Б. А. Куринов. – Москва : Издательство Московского университета, 1984.

280. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / под редакцией Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва, 2002.

281. Лапунин, М. М. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности: оценка законодательной новеллы / М. М. Лапунин // Право. Законодательство. Личность. – 2015. – № 2.

282. Лапшин, В. Ф. Юридическая обоснованность криминализации приготовительных действий / В. Ф. Лапшин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 4.

283. Латов, Ю. В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей / Ю. В. Латов // Истоки. – Выпуск 4. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000.

284. Левицкий, Г. А. Квалификация преступлений (общие вопросы) / Г. А. Левицкий // Правоведение. – 1962. – № 1.

285. Лем, С. Сумма технологий / С. Лем. – Москва, 2021.

286. Логика: учебник для юридических вузов / под редакцией В. И. Кириллова, А. А. Старченко. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : ТК «Велби», Проспект, 2008.

287. Лунев, В. В. Терроризм и организованная преступность: национальные и транснациональные аспекты / В. В. Лунев // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. – Москва : Юрист, 2003. – Выпуск 2.

288. Лушников, А. М. «Экономический анализ права» и «экономический империализм»: Г. С. Беккер и Р. А. Познер : монография / А. М. Лушников. – Москва : Проспект, 2025.

289. Макаров, В. В. Закономерности влияния криминогенных и антикриминогенных факторов на самовоспроизводство преступности / В. В. Макаров // Научный портал МВД России. – 2014. – № 2 (26).

290. Макаров, В. В. Самодетерминация преступности : монография / В. В. Макаров ; под редакцией доктора юридических наук, профессора Г. Ю. Лесникова. – Москва, 2015.

291. Макаров, С. Правила и алгоритмы квалификации преступлений в теории и практике / С. Макаров // Уголовное право. – 2013. – № 4.

292. Малешина, А. В. Преступления против жизни в странах общего права / А. В. Малешина. – Москва : Статут, 2017.

293. Малиновский, В. В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) / В. В. Малиновский ; ответственный редактор А. И. Чучаев. – Москва, 2009.

294. Манько, В. Л. Инфраструктура военная / В. Л. Манько // Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2016358

295. Маторин М. А. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма / М. А. Маторин, Ю. Н. Маторина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 3 (52).

296. Мацкевич, И. М. Дивергенция теории и практика профилактики правонарушений / И. М. Мацкевич // Пенитенциарная наука. – 2021. – Т. 15, № 3 (55).

297. Мацкевич, И. М. Информатизация в современном мире: уголовно-правовые и криминологические аспекты, профилактическая роль прокуратур / И.М. Мацкевич // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 3 (42).

298. Мацкевич, И. М. Преступность и преступление 21-го века: точки несоприкосновения / И. М. Мацкевич // Юридическая техника. – 2017. – № 11.

299. Мацкевич, И. М. Проблемы борьбы с организованной преступностью : учебное пособие / И. М. Мацкевич, М. В. Королева. – Москва : Проспект, 2025.

300. Меркурьев, В. В. Преодоление идеологического вторжения в контексте реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации / В. В. Меркурьев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 3 (59).

301. Меркурьев, В. В. Проблемные вопросы квалификации участия в деятельности террористической организации, основные структуры которой находятся на территории другого государства (статья 205^5 Уголовного кодекса Российской Федерации) / В. В. Меркурьев, П. В. Агапов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 4 (24).

302. Меркурьев, В. В. Уголовная политика в сфере противодействия преступлениям, связанным с участием российских граждан в незаконных вооруженных формированиях на территориях иностранных государств / В. В. Меркурьев, П. В. Агапов // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. – 2016. – № 4 (36).

303. Меркурьев, В. В. Обеспечение национальной безопасности от новых вызовов и угроз: меры противодействия и профилактики / В. В. Меркурьев, С. В. Борисов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2020. – № 5 (274).

304. Меркурьев, В. В. Стратегия противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: состояние, проблемы и перспективы / В. В. Меркурьев, М. В. Ульянов // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – № 2 (65).

305. Меркурьев, В. В. Уровень террористической угрозы в контексте моделирования влияния макроэкономических показателей / В. В. Меркурьев,

М. В. Ульянов, Е. П. Горшечникова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 5.

306. Меркурьев, В. В. Противодействие использованию технологий геймификации в террористических и экстремистских целях / В. В. Меркурьев, О. В. Хлопкова, А. С. Клементьев // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 1.

307. Мишин, Ю. Д. Актуальность использования сочетания системного и диалектического подходов в понимании терроризма / Ю. Д. Мишин, Е. А. Кочнев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10-3 (60).

308. Молчанов Д. Содействие террористической деятельности / Д. Молчанов // Уголовное право. – 2011. – № 4.

309. Молчанов Д. М. Длящиеся преступления: уголовно-правовая оценка в соответствии с принципом справедливости / Д. М. Молчанов // Lex russica. – 2011. – № 4.

310. Молчанов, Д. М. Множественность лиц в преступлении как новый институт уголовного права России / Д. М. Молчанов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 10 (98).

311. Молчанов, Д. М. Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части / Д. М. Молчанов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 12.

312. Мондохонов, А. Н. Цель организации незаконного вооруженного формирования / А. Н. Мондохонов // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 4.

313. Мондохонов, А. Н. Криминализация деятельности запрещенных организаций / А. Н. Мондохонов // Российская юстиция. – 2020. – № 3.

314. Мондохонов, А. Н. Преступные объединения в уголовном праве: закон, теория, практика / А. Н. Мондохонов. – Москва : Проспект, 2023.

315. Москалев, Г. Л. Пропаганда терроризма (ст. 205^2 УК РФ) / Г. Л. Москалев // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2018. – № 6.

316. Москалев, Г. Л. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ) / Г. Л. Москалев // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2020. – № 3.

317. Московкин, Л. В. Термин «обучение» в современных педагогических словарях и учебниках педагогики / Л. В. Московкин, Ю. Ёнтэ // Профессорский журнал. Серия : Русский язык и литература. – 2021. – № 1.

318. Мурадян, С. В. Уголовно-правовое и административно-правовое регулирование борьбы с финансированием терроризма / С. В. Мурадян // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 6.

319. Мусаев, М. М. Незаконный оборот оружия как фактор преступлений террористической направленности / М. М. Мусаев, А. А. Гаджиева // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 12 (115).

320. Наумов, А. В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. / А. В. Наумов // Государство и право. – 1998. – № 6.

321. Некоз, С. С. К вопросу о целесообразности обособления пособничества от иных видов соучастия в преступлении / С. С. Некоз // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 5 (79).

322. Ображиев, К. В. Влияние результатов уголовно-правовой оценки действий (бездействия) исполнителя на квалификацию деяний иных соучастников преступления / К. В. Ображиев // Законность. – 2016. – № 8 (982).

323. Ображиев, К. В. Институт соучастия в преступлении: современные тенденции развития / К. В. Ображиев // Российский следователь. – 2024. – № 1.

324. Ображиев, К. В. Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки / К. В. Ображиев // Уголовное право. – 2019. – № 3.

325. Ображиев, К. В. Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений / К. В. Ображиев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 4 (60).

326. Ображиев, К. В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы / К. В. Ображиев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 1. – Т. 2 : Философия.

327. Ображиев, К. В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией / К. В. Ображиев // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2010. – № 3.

328. Ображиев, К. В. Юридическая природа и признаки длящегося преступления / К. В. Ображиев // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 4.

329. Ображиев, К. В. Сложные единичные преступления : монография / К. В. Ображиев, Д. С. Чикин. – Москва : Юрлитинформ, 2016.

330. Ображиев, К. В. Нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды / К. В. Ображиев, А. С. Шуйский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 12.

331. Овчинский, В. С. Криминология цифрового мира / В. С. Овчинский. – Москва, 2018.

332. Огарь Т. А. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы толкования / Т. А. Огарь // Социально-экономические и политические корни идеологии экстремизма и терроризма: проблемы интерпретации и противодействия : материалы ежегодной Международной научно-практической конференции (17 июня 2016 г.). – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2016.

333. Очередько, В. А. Квалификационная зависимость прикосновенности к преступлению от предикатного деяния / В. А. Очередько // Российский следователь. – 2020. – № 3.

334. Очередько, В. А. Уголовная ответственность за оправдание преступления / В. А. Очередько // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6.

335. Павлинов, А. В. Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом и другими проявлениями экстремистской деятельности: исчерпаны ли ресурсы? / А. В. Павлинов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2014. – № 3.

336. Павлинов, А. В. Предупреждение преступлений как цель уголовной политики и уголовного наказания / А. В. Павлинов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 1 (75).

337. Павлинов, А. В. Уголовная политика в сфере антитеррора на постсоветском пространстве (в странах ЕАЭС и ОДКБ) / А. В. Павлинов // Новые вызовы терроризма и экстремизма: формы и методы противодействия : материалы II международной научно-практической конференции, Владимир, 16 марта 2017 г. – Владимир : Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2017.

338. Павлинов, А. В. Квалификация террористической деятельности: проблемы и решения / А. В. Павлинов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 5 (55).

339. Палий, В. В. Соучастие особого рода (sui generis): понятие, сущность и основные черты / В. В. Палий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 10.

340. Палий, В. В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления / В. В. Палий // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 12.

341. Пан, Дунмэй. Сравнительно-правовой анализ института соучастия в преступлении в Китае и России / Дунмэй Пан // Lex russica. – 2020. – № 2.

342. Паненков, А. Организованные преступные формирования, участники которых совершают террористические преступления / А. Паненков // Законность. – 2009. – № 1.

343. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – Москва, 2002.

344. Педагогическая энциклопедия. – Москва, 1966. – Т. 3.

345. Петровский, А. В. Ситуационное предупреждение преступлений: вопросы законодательного закрепления / А. В. Петровский // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2017. – № 4 (23).

346. Пикуров, Н. И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава : монография / Н. И. Пикуров. – Москва : Российская академия правосудия, 2009.

347. Пихов, А. Х.-А. Проблемы и тенденции изменений уголовного законодательства в сфере противодействия террористической деятельности / А. Х.-А. Пихов // Закон и право. – 2015. – № 5.

348. Плахтий, Е. В. Практика борьбы зарубежных государств с международным терроризмом / Е. В. Плахтий // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2015. – № 2.

349. Плешаков, В. А. Введение в криминологическую теорию ситуаций, или ситуационную криминологию / В. А. Плешаков // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 1 (76).

350. Побегайло, Э. Ф. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких насильственных преступлений: (проблемы использования норм «с двойной превенцией») / Э. Ф. Побегайло, Н. А. Гордуз // Правовые проблемы профилактики правонарушений. Труды Академии МВД СССР. – Москва, 1985.

351. Побегайло, Э. Ф. Уголовно-правовые средства предупреждения тяжких преступлений против личности : учебное пособие / Э. Ф. Побегайло, В. П. Ревин. – Москва : Академия МВД СССР, 1989.

352. Подласый, И. П. Педагогика: Новый курс : учебник для студентов высших учебных заведений : в 2 книгах / И. П. Подласый. – Москва : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2002.

353. Подростка задержали при попытке поджечь машины полиции на Ириновском проспекте. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8178720

354. Помнина, С. Н. Особенности определения признаков объективной стороны публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма / С. Н. Помнина, Е. Б. Вахонина // Социально-политические науки. – 2018. – № 3.

355. Понамарева А. М. Испания в противодействии терроризму после 11-М: что было дальше? / А. М. Понамарева // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 4 (112).

356. Преступления террористической направленности : научно-практический комментарий к нормам УК РФ (постатейный) / П. В. Агапов, А. С. Васнецова, М. Н. Косарев и др. ; под редакцией П. В. Агапова. – Москва : Проспект, 2019.

357. Природа этнорелигиозного терроризма / под редакцией Ю. М. Антоняна. – Москва : Аспект-Пресс, 2008.

358. Проблемы квалификации преступлений : монография / под редакцией К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. – Москва : Проспект, 2018.

359. Проблемы ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних / под редакцией Г. М. Миньковского. – Москва : Всесоюзный институт изучения причин и разработки мер предупреждения преступности, 1978.

360. Прозументов, Л. М. Общественная опасность групповой преступности / Л. М. Прозументов, А. В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 311.

361. Прохоренко, Е. С. Противодействие вербовочной деятельности: уголовно-правовые и криминологические вопросы / Е. С. Прохоренко // Российский следователь. – 2025. – № 9.

362. Прохоренко, Е. С. Уголовное законодательство России и Республики Казахстан об ответственности за вербовку в террористические и экстремистские организации: сравнительно-правовой аспект / Е. С. Прохоренко // Сибирский юридический вестник. – 2024. – № 4 (107).

363. Прохорова, М. Л. Отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации отдельных положений его Общей части как нарушение системной когерентности: диалог-дискуссия / М. Л. Прохорова, М. Г. Горенко // Российский следователь. – 2024. – № 11.

364. Пудовочкин, Ю. Е. Концепт «риск» и проблемы уголовно-правовой науки / Ю. Е. Пудовочкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – № 4 (79).

365. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о составе преступления : лекции / Ю. Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2009.

366. Пудовочкин, Ю. Е. Структурные закономерности и правила построения санкций уголовно-правовых норм / Ю. Е. Пудовочкин, В. К. Андрианов // Российский юридический журнал. – 2018. – № 5.

367. Пудовочкин, Ю. Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления / Ю. Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2018. – № 8 (260).

368. Пудовочкнн, Ю. Е. Учение о преступлении и о составе преступления : учебное пособие / Ю. Е. Пудовочкин, Д. А. Дорогин. – Москва : РГУП, 2017.

369. Пучков, Д. В. Кибернетические технологии в социально-биологической сфере: уголовно-правовые аспекты / Д. В. Пучков. – Москва, 2020.

370. Пушкин, А. В. Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников преступления / А. В. Пушкин // Законность. – 2001. – № 3.

371. Рарог, А. И. Сближение уголовно-правовых систем в эпоху глобализации / А. И. Рарог // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 3.

372. Рарог, А. И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя / А. И. Рарог // Lex russica. – 2016. – № 11.

373. Рарог, А. И. Уголовный кодекс России против терроризма / А. И. Рарог // Lex russica. – 2017. – № 4.

374. Рассказова, М. В. Сговор на совершение преступления: итоги комплексной уголовно-правовой оценки / М. В. Рассказова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 1 (116).

375. Решняк, М. Г. Актуальные проблемы установления и реализации уголовной ответственности за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности / М. Г. Решняк // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 5.

376. Решняк, М. Г. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: проблемные особенности и пути совершенствования уголовного законодательства / М.Г. Решняк // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 1.

377. Романовский, Г. Б. Правовые основы противодействия терроризму в странах Скандинавии / Г. Б. Романовский // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 2.

378. Ростокинский, А. В. Очередные «антитеррористические» новеллы или введение в «уникальную» часть Уголовного кодекса? / А. В. Ростокинский, К. А. Толпекин // Российский следователь. – 2014. – № 18.

379. Сабитов, Р. А. Алгоритмы квалификации преступлений / Р. А. Сабитов // Актуальные проблемы учения о преступлении : тезисы докладов и сообщений международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Марцева, Омск, 28 февраля 2020 г. – Омск : Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020.

380. Савельева, В. С. Усиление ответственности за преступления террористической направленности: проблемы комплексного подхода / В. С. Савельева // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6.

381. Садовский, В. Н. Основания общей теории систем / В. Н. Садовский. – Москва : Наука, 1974.

382. Сальников, А. В. Сравнительно-правовой анализ законодательной регламентации уголовной ответственности за бандитизм в континентальной и англосаксонской правовых семьях / А. В. Сальников // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 1.

383. Сальникова, Н. И. Незаконное вооруженное формирование не является разновидностью преступного сообщества / Н. И. Сальникова // Российский следователь. – 2005. – № 3.

384. Санников, В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. – Москва : Языки славянских культур, 2008.

385. Саркисова, Э. А. Предупредительная роль уголовного закона / Э. А. Саркисова. – Минск : Наука и техника, 1975.

386. Сердюк, Л. В. Основы ранней профилактики преступности : учебное пособие / Л. В. Сердюк, Р. Ф. Гарифуллина, П. Л. Сердюк. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2021.

387. Серебряков, А. В. К вопросу об обмане как способе вовлечения в совершение преступлений террористического характера / А. В. Серебряков // Общество и право. – 2010. – № 5.

388. Симонова, С. С. Теория и практика профилактики преступлений : учебное пособие / С. С. Симонова ; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы». – Волгоград : Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2022.

389. Сипки, М. В. О практике применения статей 205^4 и 205^5 УК РФ / М. В. Сипки // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 1.

390. Сипки, М. В. Уголовная ответственность за создание террористического сообщества и участие в нем: недостатки и перспективы / М. В. Сипки // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 2.

391. Ситдикова, Г. З. Аналитическая логистика и алгоритм квалификации преступления / Г. З. Ситдикова // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (65).

392. Ситникова, А. А. Редуцированные преступления / А. А. Ситникова // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. – 2024. – № 1 (65).

393. Скворцова, О. В. Проблемы правоприменения положений УК РФ, регламентирующих ответственность за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма / О. В. Скворцова // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности : сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. – Симферополь, 2019.

394. Скобелева, О. О. О некоторых вопросах радикализации осужденных в исправительных учреждениях (зарубежный опыт) / О. О. Скобелева // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 8 (183).

395. Славова, Н. А. Юридическая наука: понятие, возникновение, развитие, функции и содержание / Н. А. Славова // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2019. – Т.1, № 2.

396. Соловьев, В. С. Особенности квалификации преступлений, совершенных в составе террористического сообщества / В. С. Соловьев // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 4.

397. Сорокин А. В. Управление персоналом : учебное пособие для студентов всех форм обучения направления подготовки «Менеджмент» / А. В. Сорокин, А. В. Прокопьев ; Рубцовский индустриальный институт. – 2-е изд., доп. и исправл. – Рубцовск, 2021.

398. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания : монография / под редакцией Ю. Е. Пудовочкина. – Москва : РГУП, 2019.

399. Степанова, Е. А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология / Е. А. Степанова // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 7.

400. Стешин, А. Ю. Совершенствование уголовно-правового регулирования борьбы с финансированием террористической деятельности / А. Ю. Стешин // Право в Вооруженных Силах. – 2004. – № 12.

401. Стивенсон, Д. Стратегия «сдерживания и профилактики» терроризма / Д. Стивенсон // Международные процессы. – 2005. – Т. 3, № 1 (7).

402. Стиглер, Дж. Оптимальное принуждение к соблюдению закона / Дж. Стиглер // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. – Москва : ГУ ВШЭ, 2004.

403. Суд удовлетворил иск Генпрокуратуры к издателю «Мира Танков» / РБК. 03.06.2025. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/03/06/2025/68356d109a7947b12cf4062c?ysclid=mcrekhr5vb981738048

404. Сундиев, И. Ю. Медиаресурсы в экстремистской и террористической деятельности: функциональный анализ / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов // Свободная мысль. – 2014. – № 4.

405. Сундиев, И. Ю. Технологии геймификации в экстремистской и террористической деятельности: опыт экспозиции / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов // Научный портал МВД России. – 2021. – № 3.

406. Сундиев, И. Ю. Бесструктурные и бесконтактные способы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов, Н. Г. Андрюхин // Научный портал МВД России. – 2018. – № 2.

407. Сундиев, И. Ю. Использование информационных сетей в экстремистской и террористической деятельности / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов // Научный портал МВД России. – 2014. – № 1.

408. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 томах. Т. 1 / Н. С. Таганцев. – Москва, 1994.

409. Тарбагаев, А. Н. Проблемы уголовно-правовой квалификации терроризма / А. Н. Тарбагаев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 1.

410. Тарбагаев, А. Н. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации / А. Н. Тарбагаев, Г. Л. Москалев // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2016. – № 2.

411. Тельнов, П. В. Ответственность за соучастие в преступлении / П. В. Тельнов. – Москва : Юридическая литература, 1974.

412. Террористическая атака на индийский город Мумбаи в ноябре 2008 года. URL: https://ria.ru/20131126/979475607.html

413. Тимофеева, Е. А. Радикализация заключенных в пенитенциарных учреждениях Французской Республики: движущие факторы, проблемы, пути противодействия / Е. А. Тимофеева // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2020. – № 1.

414. Тисен, О. Н. Особенности привлечения к уголовной ответственности за финансирование терроризма: по материалам судебной практики / О. Н. Тисен // Уголовное право. – 2021. – № 1 (125). – С. 50–55.

415. Тисен, О. Н. Квалификация неоконченных преступлений, направленных на вступление в международные террористические организации и незаконные вооруженные формирования на территории иностранных государств / О. Н. Тисен // Уголовное право. – 2019. – № 5.

416. Тисен, О. Н. Новые риски финансирования терроризма с использованием криптовалют в странах ЕАГ и СНГ / О. Н. Тисен // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2024. – № 1. – С. 2–6.

417. Тисен, О. Н. Особенности доказывания преступлений, предусмотренных ст. 205^2 УК РФ: по результатам анализа решений Верховного Суда РФ / О. Н. Тисен // Уголовное право. – 2026. – № 2 (186). – С. 70–79.

418. Тисен, О. Н. Противодействие современным приемам и способам вербовки в международные террористические организации / О. Н. Тисен // Российская юстиция. – 2018. – № 9.

419. Тисен, О. Н. Квалификация неоконченных преступлений, направленных на вступление в международные террористические организации и незаконные вооруженные формирования на территории иностранных государств / О. Н. Тисен // Уголовное право. – 2019. – № 5.

420. Травников, А. В. Вовлечение в совершение преступлений против общественной безопасности / А. В. Травников // Российский следователь. – 2021. – № 10.

421. Убийц собирают в даркнете. СКР нашел площадку, где заказывали тяжкие преступления. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4977700

422. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под редакцией и с предисловием И. Д. Козочкина. – Москва : ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2001.

423. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учебное пособие / под редакцией И. Д. Козочкина. – Москва, 2003.

424. Уголовное право зарубежных стран Европы и государств – участников СНГ : монография / под редакцией Е. Н. Карабановой, А. В. Наумова. – Москва : Проспект, 2024.

425. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части : учебник для магистров / под редакцией Н. Е. Крыловой. – 4-е изд. – Москва, 2013.

426. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под редакцией А. В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

427. Уголовное право России. Часть Особенная : учебник для вузов / ответственный редактор профессор Л. Л. Кругликов. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2004.

428. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов : в 3 томах. Т. 2. Книга 1: Уголовный закон. Законодательная техника. Ответственность в уголовном праве. Состав преступления.

Стадии совершения преступления. Соучастие в преступлении. Множественность преступлений / под общей редакцией А. Н. Савенкова ; научный редактор и руководитель авторского коллектива А. И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2025.

429. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / В. В. Векленко [и др.] ; под общей редакцией В. В. Векленко. – 2-е изд. – Москва : Юрайт, 2020.

430. Украинчик, А. В. Основания акцессорности в российской конструкции соучастия / А. В. Украинчик // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4 (88).

431. Ульянова, В. В. Террористическое сообщество и террористическая организация: проблемы квалификации / В. В. Ульянова // Уголовное право. – 2015. – № 1.

432. Управление персоналом организации: современные технологии : учебник / С. И. Сотникова и др. ; под научной редакцией С. И. Сотниковой. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2018.

433. Устинов, В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика / В. В. Устинов. – Москва, 2002.

434. Фристер, Г. Уголовное право Германии. Общая часть / Г. Фристер. – 5-е изд. – Москва : Инфотропик Медиа, 2013.

435. Хасан, Х. А. Х. Уголовный кодекс Республики Ирак: характеристика общей части / Х. А. Х. Хасан // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6.

436. Хилюта, В. В. Уголовное право в социальном измерении (контуры перемен и новой стратегии развития) : монография / В. В. Хилюта. – Москва : Юрлитинформ, 2023.

437. Хлебушкин, А. Г. Квалификация публичных призывов к осуществлению террористической деятельности и публичного оправдания терроризма (ст. 205^2 УК РФ) / А. Г. Хлебушкин // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной всероссийской научно-практической

конференции, Санкт-Петербург, 6–7 июня 2019 г. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2019.

438. Хлебушкин, А. Г. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205^5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация / А. Г. Хлебушкин // Уголовное право. – 2014. – № 2.

439. Черненко, Т. Г. Квалификация преступлений: Вопросы теории и практики : монография / Т. Г. Черненко. – Кемерово : КемГУ, 2012.

440. Чикин, Д. С. К вопросу о понятии длящегося преступления и моменте его окончания / Д. С. Чикин // Общество и право. – 2010. – № 3.

441. Число жертв теракта в Германии выросло до четырех, пострадавших – до 205 // РБК, 21 декабря 2024 г. URL: https://www.rbc.ru/society/21/12/2024/676684309a7947ddd5cea3fe?ysclid=m569gzrcyk966703626

442. Чуклина, Э. Ю. Оценка превентивного воздействия антитеррористических норм, предусмотренных статьями 205^1, 205^2, 205^3 и 205^6 УК РФ / Э. Ю. Чуклина // Труды южного научного центра Российской академии наук. – 2021.

443. Чучаев, А. И. Трансформация научных парадигм в социальную практику / А. И. Чучаев // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 16–29.

444. Шваб, К. Четвертая промышленная революция : перевод с английского / К. Шваб. – Москва, 2018.

445. Шевцова, К. А. О некоторых проблемах квалификации вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений / К. А. Шевцова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Право. – 2022. – № 4 (51).

446. Шевченко, И. В. Уголовно-правовая характеристика публичного призыва к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма / И. В. Шевченко // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2009. – № 1.

447. Шибзухов, З. А. Криминализация публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма и обеспечение свободы слова / З. А. Шибзухов // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы IX Международной научно-практической конференции (26–27 января 2012 г.). – Москва : Проспект, 2012.

448. Шимшилова, Э. С. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления террористической направленности / Э.С. Шимшилова // Деструктивное влияние террора на политическую систему и правовую среду Российского государства : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 11 ноября 2016 г.) / под редакцией О. И. Чердакова. – Москва : Международный юридический институт, 2017.

449. Шумихин, В. Г. Конструктивные признаки длящегося преступления / В. Г. Шумихин // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2.

450. Энциклопедия уголовного права. Т. 32: Квалификация преступлений / Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. – Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина, 2020.

451. Энциклопедия уголовного права. Т. 6: Соучастие в преступлении. – Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина, 2007.

452. Энциклопедический словарь. – Москва, 1964. – Т. 2.

453. Юсупова, Г. И. Использование системного подхода в изучении проблем безопасности и терроризма / Г. И. Юсупова, Ф. М. Мустафаев // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2011. – № 41.

454. Яворский, М. А. Причины радикализации заключенных в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран / М. А. Яворский // Право и образование. – 2016. – № 5.

455. Янковский, Д. А. Акцессорная природа соучастия и ее влияние на наказуемость соучастников / Д. А. Янковский // Российский следователь. – 2021. – № 6.

456. Andrews, S. The ‘First Person Shooter’ Perspective: A Different View on First Person Shooters, Gamification, and First Person Terrorist Propaganda / S. Andrews // Games and Culture. – 2024. – Vol. 19 (1). – P. 55–74.

457. Becker, G. Crime and Punishment: An Economic Approach / G. Becker // Journal of Political Economy. – 1968. – Vol. 76. – No. 2.

458. Binder, D. F. Terrorism and the internet: How dangerous is online radicalization? / D. F. Binder, J. Kenyon. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9606324/#ref27

459. Canadian Broadcasting Corporation “Terror from afar: how ISIS inspires and directs attacks remotely”) (24.03.2017). URL: https://www.cbc.ca/radio/day6/episode-330-london-attackstrump-and-russia-autism-on-sesame-street-kids-climate-change-lawsuit-and-more-1.4035186/terror-from-afar-how-isis-inspires-and-directsattacks-remotely-1.4035188

460. Cassese, A. International Criminal Law / A. Cassese. – 2nd edition. – Oxford : Oxford University Press, 2008.

461. Catherine, Phillips. Situational Crime Prevention and Crime Displacement: Myths and Miracles? URL: https://docs.wix-static.com/ugd/b93dd4_d84b686ba20d4058941fc90e4b2439cd.pdf

462. Clarke, R. Situational crime prevention: Its theoretical basis and practical scope / R. Clarke // Tonry M., Morris N. (eds) Crime and Justice: An Annual review of research. – Vol. 4. – Chicago : Chicago University Press, 1983.

463. Clarke, R. Situational Crime Prevention / R. Clarke // Wortley R., Mazerolle L. (eds) Environmental Criminology and Crime Analysis. Devon : Willan Publishing, 2008.

464. Clarke, R. V. Modeling offenders decisions: A framework for research and policy / R. V. Clarke, D. B. Cornish // Crime and Justice: An Annual Review of Research. 1985. – No. 6.

465. Clarke, R. V. (ed.) Situational crime prevention: successful case studies / R. V. Clarke – 2nd ed. – New York : Harrow and Heston, Publishers, 1997.

466. Clarke, R. V., Felson M. (eds) Routine activity and rational choic. – New Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 1993.

467. Cornford, A. Preventive criminalization / A. Cornford // New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal. – 2015. – Vol. 18. – No. 1. – P. 1–34.

468. Cram, I. Terror and the War on Dissent: Freedom of Expression in the Age of Al-Qaeda / I. Cram. – Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009.

469. Explanatory Report to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism, para. 97. URL: https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800d3811

470. Formanowicz, M. Mobilize Is a Verb: The Use of Verbs and Concrete Language Is Associated With Authors' and Readers' Perceptions of a Text's Action Orientation and Persuasiveness / M. Formanowicz, M. Beneda, M. Witkowska, J. Nikadon, C. Suitner // Pers Soc Psychol Bull. – 2025. – No. 51 (11). – P. 2341–2356. DOI: 10.1177/01461672241238418. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/01461672241238418

471. Fox, W. P. Ranking terrorist targets using a hybrid AHP – TOPSIS methodology / W. P. Fox, B. Ormond, A. Williams // The Journal of Defense Modeling and Simulation. – 2016. – No. 13 (1). – P. 77–93.

472. Hafez, M. The Radicalization Puzzle: A Theoretical Synthesis of Empirical Approaches to Homegrown Extremism / M. Hafez, C. Mullins // Studies in Conflict & Terrorism. – 2015. – Vol. 38. – Iss. 11.

473. Hamid N. Offline Versus Online Radicalisation: Which is the Bigger Threat? Tracing Outcomes of 439 Jihadist Terrorists Between 2014–2021 in 8 Western Countries / N. Hamid, C. Ariza. – London, 2022. URL: https://gnet-research.org/wp-content/uploads/2022/02/GNET-Report-Offline-Versus-Online-Radicalization.pdf

474. Jochimsen, R. (ed.) Theory of infrastructure: Fundamentals of market economy development / R. Jochimsen. – Tubingen : Mohr (Siebeck), 1966. – Vol. VII.

475. Jones, C. R. Are prisons really schools for terrorism? Challenging the rhetoric on prison radicalization / C. R. Jones // Punishment & Society. – 2014. – No. 16 (1). – P. 74–103.

476. Laqueur, W. Terrorism: a Brief History / W. Laqueur // eJournal USA. – 2007. – No. 5.

477. Lock, I. Organizational propaganda on the Internet: A systematic review / I. Lock, R. Ludolph // Public Relations Inquiry. – 2020. – No. 9 (1).

478. Omand, D. Countering international terrorism: The use of strategy / D. Omand // Survival, the IISS quart. – London, 2005/2006. – Vol. 47, No. 4.

479. Pradel, J. Droit penal / J. Pradel. – Paris, 1997. – T. 1.

480. Prud'homme, R. Infrastructure and development / R. Prud'homme. – Washington D.C. : The Worldbank. 2004.

481. Reinares, F. Differential Association Explaining Jihadi Radicalization in Spain: A Quantitative Study / F. Reinares, C. García-Calvo, Á. Vicente // CTC Sentinel. – 2017. – June. URL: https://www.researchgate.net/publication/319493051_Differential_Association_Explaining_Jihadi_Radicalization_in_Spain_A_Quantitative_Study

482. Saul, B. Terrorism / B. Saul. – Oxford : Hart Publishing, 2012.

483. Schmid, A. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature / A. Schmid, A. Jongman, M. Stohl. – 2nd ed. – Amsterdam, N.Y., Oxford, 1988.

484. Schoon, E. W. Repertoires of Terror: News Media Classification of Militant Groups, 1970 to 2013 / E. W. Schoon, C. J. Beck // Socius: Sociological Research for a Dynamic World. – 2021. – Vol. 7. – P. 1–13.

485. Schuurman, B. Lone Actor Terrorist Attack Planning and Preparation: A Data-Driven Analysis / B. Schuurman, E. Bakker, P. Gill, N. Bouhana // Journal of Forensic Sciences. – 2018. – July. – Vol. 63, No. 4.

486. Situational Crime Prevention: Successful Case Studies / R.V. Clarke (ed.). – 2nd edition. – Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1997.

487. Spiller, K. The Politic of Everyday Counter-Terrorism: Online Performances and Responsibilities of the Prevent Duty in UK Higher Education Institutions / K. Spiller, A. Whiting, I. Awan, B. Campbell // Sociology. – 2023. – Vol. 57. – No. 5. – P. 1118–1136.

488. Sunstein, C. R. Islamic State's Challenge to Free Speech. Does ‘clear and present danger’ fit the age of terror and social media? / C. R. Sunstein. – 2015. URL: https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2015-11-23/islamic-state-s-challenge-to-free-speech

489. Symposium: Diagnosing Al Qaeda. 18 August 2003. URL: http://www.rand.org/news/fp.h.tml.

490. The power of verbs and expressions as intuitive motivators in texts. URL: https://phys.org/news/2024-09-power-verbs-intuitive-texts.html.

491. Tonry, M. Strategic approaches to crime prevention / M. Tonry, D. P. Farrington // Crime and Justice. – 1995. – Vol. 19.

492. Weiss, U. The Regressive Effect of Legal Uncertainty / U. Weiss // Journal of Dispute Resolution. – 2019.

493. Wilkinson, P. International terrorism: the changing threat and the EU’s response / P. Wilkinson. – Paris : EU Institute for Security Studies, 2005. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/cp084.pdf

494. World development report 1994: infrastructure for development. – Washington D.C. : The Worldbank, 1994.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты анкетирования экспертов

Методика и инструментарий: анкетирование осуществлялось на основе разработанной диссертантом анкеты, оформленной с использованием сервиса «YandexForms», что позволило автоматизировать обработку его результатов.

Респонденты:

а) прокуроры и помощники прокурора, проходившие обучение на факультете профессиональной переподготовки и повышения квалификации Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва), факультетах профессиональной переподготовки и повышения квалификации институтов (филиалов) Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Симферополь);

б) судьи судов общей юрисдикции, проходившие обучение на факультете повышения квалификации и переподготовки судей, государственных гражданских служащих судов общей юрисдикции и судебного департамента Российского государственного университета правосудия (РГУП) имени В.М. Лебедева;

в) научные и педагогические сотрудники Университета прокуратуры Российской Федерации;

г) ученые и практики, являющиеся участниками группы в Telegram (https://t.me/LopashenkoN), созданной профессором Н.А. Лопашенко для профессионального обсуждения проблем уголовного права, криминологии, уголовной политики, юридического образования.

Избранный подход к организации анкетирования и выбору респондентов позволил обеспечить максимально широкую географию исследования.

Период проведения: в течение 2025–2026 гг.

Вопросы анкеты с распределением ответов

1. Укажите, пожалуйста, Вашу должность по основному месту работы.

А) научный или педагогический сотрудник – 56 (29,3%)

Б) прокурор, помощник прокурора – 45 (23,6%)

В) судья, помощник судьи – 78 (40,8%)

Г) адвокат – 0

Д) следователь – 1 (0,5%)

Е) иное – 9 (4,7%)

2. Укажите, пожалуйста, Ваше образование.

А) высшее юридическое, без ученой степени – 135 (70,7%)

Б) ученая степень кандидата юридических наук – 37 (19,4%)

В) ученая степень доктора юридических наук – 19 (9,9%)

3. Какие из указанных деяний, по Вашему мнению, следует обозначать понятием «терроризм»?

А) этот термин должен использоваться для обозначения насильственных террористических преступлений (террористических нападений), таких как террористический акт, захват заложника и т.п. – 34 (17,8%)

Б) этот термин должен охватывать не только насильственные террористические преступления, но и ненасильственные деяния, которые создают условия для совершения террористических актов (финансирование терроризма, публичные призывы к террористической деятельности, вербовка и обучение в террористических целях) – 157 (82,2%)

4. Считаете ли Вы целесообразной разработку терминологического аппарата, позволяющего разграничить насильственные террористические преступления (террористический акт, захват заложника и т.п.) и ненасильственные преступления, которые выполняют обеспечительные (инфраструктурные) функции (террористическая агитация, вербовка, обучение, вооружение, финансирование и т.п.)?

А) да – 154 (80,6%)

Б) нет – 37 (19,4%)

5. Какие из перечисленных ниже деяний, по Вашему мнению, чаще всего предшествуют совершению террористических актов и иных насильственных террористических преступлений? (можно указать несколько вариантов)

(получено 699 ответов)

А) создание террористической группы – 98 (51,3%)

Б) вербовка лица в целях совершения террористического нападения и (или) его вхождения в состав террористической группы – 152 (79,6%)

В) финансирование террористического преступления или участников террористической группы – 137 (71,7%)

Г) вооружение лица в целях совершения террористического преступления – 103 (53,9%)

Д) обучение лица в целях совершения террористического преступления – 112 (58,6%)

Е) террористическая агитация (публичные призывы к терроризму, его публичное оправдание, пропаганда терроризма) – 97 (50,8%)

6. Возможно ли совершение террористических актов и иных насильственных террористических преступлений без предварительного совершения вышеперечисленных деяний?

А) скорее нет – 137 (71,7%)

Б) скорее да – 54 (28,3%)

7. Начиная с 90-х годов прошлого столетия в международном праве и в национальных правовых системах (включая отечественную) происходит криминализация ненасильственных деяний, нацеленных на создание условий для совершения террористических нападений (финансирование терроризма, вербовка, обучение террористов, публичные призывы к терроризму и т.п.). Как Вы оцениваете эту уголовно-правовую стратегию?

А) положительно – 177 (92,7%)

Б) отрицательно – 14 (7,3%)

8. Отметьте, пожалуйста, те утверждения, с которыми Вы согласны (возможно несколько вариантов).

(получено 570 ответов)

А) усилия по уголовно-правовому предупреждению террористических актов должны быть направлены в первую очередь на их потенциальных исполнителей – 48 (8,4%)

Б) усилия по уголовно-правовому предупреждению террористических актов должны быть направлены в первую очередь на лиц, которые вербуют исполнителей, осуществляют их обучение, вооружение, финансирование, занимаются террористической агитацией – 104 (18,2%)

В) уголовно-правовую репрессию следует применять на ранних этапах террористической деятельности, когда создаются условия для совершения террористических преступлений – 92 (16,1%)

Г) уголовно-правовое предупреждение терроризма должно осуществляться не только напрямую – посредством криминализации террористических актов и иных террористических нападений, но и опосредованно – путем установления уголовной ответственности за деяния, выступающие в качестве криминогенных факторов – 99 (17,4%)

Д) за ненасильственные деяния, нацеленные на создание условий для совершения террористических нападений (финансирование терроризма, вербовка, обучение террористов, публичные призывы к терроризму и т.п.), должны быть установлены менее строгие санкции, чем за террористические нападения – 50 (8,8%)

Е) ненасильственные деяния, нацеленные на создание условий для совершения террористических нападений (финансирование терроризма, вербовка, обучение террористов, публичные призывы к терроризму и т.п.), обладают такой же общественной опасностью, что и насильственные террористские преступления (террористический акт, захват заложников, посягательство на жизнь государственного деятеля и т.п.) – 106 (18,6%)

Ж) за ненасильственные деяния, нацеленные на создание условий для совершения террористических нападений (финансирование терроризма, вербовка, обучение террористов, публичные призывы к терроризму и т.п.), должны быть установлены такие же санкции, что и за террористические нападения – 71 (12,5%)

9. Содержащиеся в Особенной части УК РФ самостоятельные нормы, предусматривающие ответственность за организаторские, подстрекательские, пособнические террористические действия (склонение к совершению террористических преступлений, финансирование терроризма, вооружение или обучение лица в террористических целях и т.п.), являются:

А) избыточными – 13 (6,8%)

Б) необходимыми – 128 (67%)

В) некоторые из этих норм избыточны, другие являются необходимыми – 50 (26,2%)

10. Как следует квалифицировать действия лица, которое организовало совершение террористического акта, предоставило исполнителю оружие и финансирование?

А) только по ч. 4 ст. 205^1 УК РФ, предусматривающей ответственность за организацию террористического акта – 72 (37,7%)

Б) как совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1^1 ст. 205^1 (в части вооружения лица и финансирования терроризма) и ч. 4 ст. 205^1 УК РФ (в части организации террористического акта) – 119 (62,3%)

11. Содержащиеся в Особенной части УК РФ самостоятельные нормы, предусматривающие ответственность за приготовительную террористическую деятельность (создание террористического сообщества, террористической организации, НВФ, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности), являются:

А) избыточными – 12 (6,3%)

Б) необходимыми – 140 (73,3%)

В) некоторые из этих норм избыточны, другие являются необходимыми – 39 (20,4%)

12. Прохождение лицом обучения с целью совершения террористического акта на заранее определенном объекте, при условии, что деятельность виновного была пресечена спецслужбами, следует квалифицировать:

А) только по ст. 205^3 УК РФ (прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности) – 62 (32,5%)

Б) как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 205^3 УК РФ (прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности) и ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ (приготовление к террористическому акту) – 129 (67,5%)

13. Как необходимо квалифицировать организационные действия лица, которое создало вооруженное подразделение (ячейку) запрещенной

в России международной террористической организации с целью совершения террористических актов?

А) по ч. 1 ст. 205^4 УК РФ (создание террористического сообщества) – 46 (24,1%)

Б) по ч. 1 ст. 205^5 УК РФ (организация деятельности террористической организации) – 50 (26,2%)

В) по ч. 1 ст. 208 УК РФ (создание НВФ) – 5 (2,6%)

Г) по ч. 1 ст. 205^4, ч. 1 ст. 205^5, ч. 1 ст. 208 УК РФ, поскольку указанная группа одновременно соответствует признакам террористического сообщества, террористической организации и НВФ – 90 (47,1%)

14. Уголовную ответственность за создание террористического сообщества (ч. 1 ст. 205^4 УК РФ) и создание незаконного вооруженного формирования (ч. 1 ст. 208 УК РФ) должны нести:

А) лицо, которое осуществило организационные действия, направленные на формирование преступной группы – 81 (42,4%)

Б) лицо, которое осуществило организационные действия, направленные на формирование преступной группы, а также все первоначальные участники группы, поскольку без них создать группу невозможно – 110 (57,6%)

15. Руководство преступной группой (например, террористическим сообществом) – это:

А) длящееся преступление – 107 (56%)

Б) продолжаемое преступление – 46 (24,1%)

В) особый вид сложного единичного преступления – 31 (16,2%)

Г) простое преступление – 7 (3,7%)

16. Действия создателя и (или) руководителя террористического сообщества, направленные на организацию материально-технического обеспечения сообщества:

А) являются составной частью создания сообщества и (или) руководства им, в связи с чем полностью охватываются ч. 1 ст. 205^4 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ – 113 (59,2%)

Б) требуют совокупной квалификации по ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ, предусматривающей ответственность за финансирование терроризма – 78 (40,8%)

17. Действия создателя и (или) руководителя террористического сообщества, направленные на финансирование конкретного преступления:

А) полностью охватываются ч. 1 ст. 205^4 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ, предусматривающей ответственность за финансирование терроризма – 92 (48,2%)

Б) требуют совокупной квалификации по ч. 1 ст. 205^4 и ч. 1^1 ст. 205^1 УК РФ, предусматривающей ответственность за финансирование терроризма – 99 (51,8%)

18. Принятие присяги на верность руководителю террористической организации, при условии, что иные действия, направленные на совершение преступлений в интересах террористической организации или на обеспечение функционирования этой организации, не совершены в связи с задержанием лица:

А) образует юридически оконченное участие в террористической организации (ч. 2 ст. 205^5 УК РФ) – 94 (49,2%)

Б) образует покушение на участие в террористической организации (ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 205^5 УК РФ) – 35 (18,3%)

В) образует приготовление к участию в террористической организации (ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205^5 УК РФ) – 62 (32,5%)

19. На основании каких критериев следует, по Вашему мнению, разграничивать склонение к совершению террористического преступления (ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ) и публичные призывы к террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ)? (возможно несколько вариантов ответа)

(получено 317 ответов)

А) по критерию публичности: для публичных призывов к террористической деятельности (ст. 205^2 УК РФ) это обязательный признак, а для склонения к совершению террористического преступления (ч. 1, 1^1 ст. 205^1 УК РФ) – не обязательный – 106 (55,5%)

Б) по содержательному критерию: склонение нацелено на формирование умысла на совершение конкретного преступления, тогда как публичные призывы предполагают обращения общего, абстрактного характера к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности, без указания на конкретные преступления – 109 (57,1%)

В) по адресному критерию: склонение к преступлению террористического характера нацелено на конкретное лицо либо группу индивидуально определенных лиц, тогда как публичные призывы к террористической деятельности обращены к персонально не определенному кругу лиц – 71 (37,2%)

Г) по месту совершения: публичные призывы всегда совершаются в общественном месте, а для склонения к совершению террористического преступления этот признак не является обязательным – 31 (16,2%)

20. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений террористического характера необходимо квалифицировать:

А) только по ч. 2 ст. 205^1 УК РФ – 42 (22%)

Б) только по ст. 150 УК РФ – 9 (4,7%)

В) по ч. 2 ст. 205^1 и ст. 150 УК РФ – 140 (73,3%)

21. Можно ли квалифицировать по ст. 205^3 УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности» самостоятельную подготовку к совершению террористического акта без непосредственного или дистанционного взаимодействия с инструктором или иным лицом, осуществляющим обучение в террористических целях?

А) да – 105 (55%)

Б) нет – 86 (45%)

22. В статье 205^2 УК РФ установлена ответственность за публичные призывы к террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганду терроризма (без указания на публичность третьего альтернативного деяния). Означает ли это, что пропаганда терроризма может быть непубличной, обращенной к одному лицу?

А) да – 98 (51,3%)

Б) нет – 93 (48,7%)

23. Можно ли считать длящимся преступлением публичные призывы к террористической деятельности, размещенные в общедоступном сегменте сети «Интернет», которые были удалены по прошествии года?

А) да – 141 (73,8%)

Б) нет – 50 (26,2%)

24. Предусмотренное в ст. 205^1 УК РФ альтернативное деяние в виде вооружения лица в целях совершения террористического преступления:

А) полностью охватывает преступления, предусмотренные ст. 222 и 222^1 УК РФ – 83 (43,5%)

Б) не охватывает преступления, предусмотренные ст. 222 и 222^1 УК РФ, которые требуют дополнительной квалификации – 108 (56,5%)

25. Предоставление участникам террористического сообщества оптических и тепловизионных прицелов к огнестрельному оружию, беспилотных летательных аппаратов, предназначенных для сброса боеприпасов, следует квалифицировать:

А) как вооружение лица в целях совершения преступления террористического характера – 134 (70,2%)

Б) как финансирование терроризма – 57 (29,8%)

26. Финансирование терроризма в форме предоставления средств признается юридически оконченным преступлением:

А) с момента передачи соответствующих средств адресату, вне зависимости от их получения – 132 (69,1%)

Б) с момента получения адресатом хотя бы части предоставляемых средств – 59 (30,9%)

27. Оцените, пожалуйста, уровень технико-юридической проработки ст. 205^1–205^5, 208 УК РФ по пятибалльной шкале, где «5» – «отлично проработан текст», а «1» – «крайне слабо проработан текст»

А) «5» – 25 (13,1%)

Б) «4» – 82 (42,9%)

В) «3» – 67 (35,1%)

Г) «2» – 11 (5,8%)

Д) «1» – 6 (3,1%)

28. Какие содержательные и технико-юридические дефекты Вы усматриваете в статьях 205^1–205^5, 208 УК РФ? (возможно несколько вариантов ответов)

(всего 338 ответов)

А) неопределенность признаков составов преступлений – 78 (40,8%)

Б) «пробельность» указанных статей – 43 (22,5%)

В) их несогласованность с предписаниями Общей части УК РФ – 47 (24,6%)

Г) избыточность отдельных статей и (или) входящих в их состав нормативных предписаний – 40 (20,9%)

Д) дублирование признаков составов преступлений, предусмотренных различными статьями – 78 (40,8%)

Е) завышенные санкции – 12 (6,3%)

Ж) несоответствие международным договорам России – 0

З) иные дефекты – 40 (20,9%)

29. При конструировании санкций за приготовительную деятельность, криминализованную в статьях Особенной части УК РФ, например за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205^3 УК РФ), законодатель:

А) может предусматривать такие же наказания, что и за оконченные террористические преступления – 75 (39,3%)

Б) законодатель должен руководствоваться предписаниями ч. 2 ст. 66 УК РФ, в силу которых наказание за приготовление не превышает половины максимального срока наказания, предусмотренного за оконченное преступление – 45 (23,6%)

В) законодатель не связан предписаниями ч. 2 ст. 66 УК РФ, но при этом санкции за приготовительную террористическую деятельность должны быть ниже санкций за оконченные террористические преступления – 71 (37,2%)

30. Санкции за организаторскую, подстрекательскую, пособническую деятельность, криминализованную в статье 205^1 УК РФ:

А) должны быть сопоставимы с санкциями, установленными для исполнителя террористических преступлений – 118 (61,8%)

Б) должны быть ниже санкций, установленных для исполнителя террористических преступлений – 23 (12%)

В) должны быть выше санкций, установленных для исполнителя террористических преступлений – 50 (26,2%)